

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ
БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ:
МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ**

Материалы VI Международной
научно-практической конференции

15-16 мая 2014 года

Гродно

Республика Беларусь

Гродно
ГрГУ им. Я.Купалы
2014

УДК 321(476)
ББК 66.0
С56

Редакционная коллегия:

В. Н. Ватыль, доктор политических наук, профессор (гл. редактор);
Н. Н. Гончаров, кандидат исторических наук, доцент;
О. В. Лапа, кандидат политических наук, доцент;
Л. И. Цыганкова, кандидат философских наук, доцент;
А. С. Габрусевич, старший преподаватель;
К. В. Гиль, лаборант кафедры, технический секретарь.

С56 **Современные** интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве : материалы VI междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 15 – 16 мая 2014 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: В. Н. Ватыль (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2014. – 327 с.
ISBN 978-985-515-749-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-515-748-0

Представлены основные направления развития отечественной политологии в ее органическом сочетании с мировой. Значительное место уделено анализу перспектив политического знания и политологии в Республике Беларусь. Сборник будет полезен и интересен студентам, аспирантам, преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, представителям практической политики.

УДК 321(476)
ББК 66.0

ISBN 978-985-515-749-7 (ч. 1)
ISBN 978-985-515-748-0

© Учреждение образования
«Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы», 2014

Е. В. Алексеева

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
katrin1314@yandex.ru)*

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В последнее время США стали вносить заметные изменения в свою военно-политическую стратегию путем усиления присутствия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Американские власти подчеркивают, что США являются тихоокеанской державой, и АТР становится приоритетом в их политике по обеспечению национальной безопасности. Доминантой, определяющей характер развития ситуации в АТР, является ориентированность США на ширококомасштабные экономические и военно-политические реформы, а также наличие реальных предпосылок для их осуществления. Современная ситуация в исследуемом регионе характеризуется чрезвычайно высокой динамикой политических и экономических процессов, формирующих устойчивую тенденцию к преобразованию АТР в важнейший центр мировой политики и экономики, сопоставимый с евроатлантическим.

В настоящее время на долю стран АТР приходится 60 процентов мирового ВВП, 50 процентов прямых зарубежных инвестиций и 40 процентов населения. При этом наряду с относительной стабильностью регион характеризуется наличием ряда очагов напряженности, способных перерасти в потенциальные конфликты. Военно-политическую обстановку в регионе нельзя назвать стабильной, скорее подходит термин стратегической неопределенности с высокой степенью конфликтности. К дестабилизирующим факторам следует отнести проблемы Корейского полуострова, Тайваньский вопрос, неурегулированность ситуации вокруг спорных территорий в акваториях Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, неконтролируемый рост гонки вооружений.

Характерной особенностью развития ситуации в АТР является наблюдаемая в последнее время активизация деятельности ведущих мировых государств (США, КНР, Россия), направленная на повышение своего политического и экономического влияния в Азии и в бассейне Тихого океана.

Сложность установления контроля над этим регионом обусловлена рядом причин: во-первых, наличием таких динамично развивающихся государств, как Япония, Китай, Южная Корея, стремлением каждого из них к региональному лидерству и, как следствие, отсутствием единого отлаженного регионального механизма выработки коллективных решений, во-вторых, существованием у каждого из этих государств серьезных внутренних противоречий. Эти причины определяют особую важность обеспечения безопасности в АТР и формирования стабильной междуна-

родной обстановки, обеспечивающей соблюдение национальных интересов каждого из государств в регионе.

Стратегия глобального доминирования США – широкая программа действий, охватывающая наиболее важные области интересов Вашингтона: политическую, экономическую, военную и идеологическую. Стратегия отличается всеохватностью не только в геополитическом плане, но и в отношении направлений деятельности. Для достижения максимальной эффективности Вашингтон использует т. н. «перекрестный метод», подразумевающий достижение целей, поставленных в определенной области, посредством применения всех имеющихся в распоряжении средств, в том числе привлекаемых из других областей. Одним из наиболее ярких примеров применения на практике «перекрестного метода» является использование силы в качестве основного инструмента политики не только для обеспечения национальной безопасности и суверенитета государства, но и для продвижения экономических интересов США за рубежом. Реализация стратегии глобального доминирования подразумевает выполнение комплекса задач, закрепленных в ряде концептуальных документов, которыми руководствуется администрация США при проведении своего внешнеполитического курса.

Основопологающим документом в области оборонной политики любого государства, устанавливающим направления военного строительства, определяющим вызовы и угрозы национальной безопасности, а также регламентирующим действия вооруженных сил в случае возникновения вооруженного конфликта, является военная доктрина. В США данный документ именуется «Стратегия национальной безопасности» (далее – стратегия). В эволюции американской военной доктрины прослеживается очевидная динамика, что свидетельствует о своевременной адаптации внешнеполитического курса США к тенденциям и реалиям конкретного периода времени. Важно отметить тот факт, что неизменным для каждой из стратегий остается присущее американской военно-политической традиции устойчивое стремление к навязыванию другим странам выгодного для администрации США направления развития внешней политики государства.

5 января 2012 года президент США Б. Обама совместно с министром обороны Л. Панеттой и председателем Объединенного комитета начальников штабов ВС генералом М. Демпси представил в Пентагоне документ под названием «Поддержание глобального лидерства США: приоритеты в сфере обороны XXI века», который, фактически, является новой военной стратегией США. Б. Обама отметил, что эпоха затяжных войн, охватившая США в последнее десятилетие подошла к концу: завершена операция в Ираке, ослаблена международная террористическая организация «Аль-Каида», а также «достигнуты значительные успехи» в деятельности по нормализации обстановки в Афганистане. В связи с этим, США, по словам Б. Обамы, вступает в переходный период своего развития, что способствует существенному сокращению круга задач, стоящих перед вооруженными силами.

В преамбуле новой стратегии отмечено, что «документ, подготовленный при участии представителей структур национальной безопасности и высшего военного командования США, является первой попыткой определить военные задачи и географические регионы, являющиеся в настоящее время наиболее важными для реализации интересов США...». По указанию Б. Обамы в течение восьми месяцев была проведена оценка военно-политической и стратегической обстановки, по результатам которой министерство обороны определило ключевые регионы жизненных интересов Соединенных Штатов и сформулировало новые стратегические приоритеты в военной области на ближайшие десять лет. К ним, в первую очередь, отнесены Азиатско-Тихоокеанский регион, «приобретающий все более важное значение для будущего американской экономики и национальной безопасности США», кибербезопасность и борьба с терроризмом.

Важно отметить, что идейной предтечей к новой американской стратегии можно считать статью тогдашнего государственного секретаря США под звучным названием «Тихоокеанский век Америки» в одном из ноябрьских номеров 2011 года журнала «Foreign Policy». В ней Х.Клинтон подчеркнула, что одной из важных миссий США в последующие десятилетия будет значительное увеличение инвестиций в дипломатию, экономику и стратегию развития Азиатско-Тихоокеанского региона, в который переместится стратегический центр тяжести Соединенных Штатов. Параллельный дипломатический сигнал был направлен американской стороной и на высшем уровне во время визита Б. Обамы в Австралию в ноябре 2011 года, где он заявил о намерении США наращивать свое присутствие в Азиатско-Тихоокеанский регион, который, по словам американского лидера, во многом будет определять в 21-м веке будущее всего мира.

Таким образом, актуальность выбранной мной темы объясняется необходимостью мониторинга ситуации в АТР с целью своевременного реагирования на возникновение новых очагов напряженности, искусственно поддерживаемых США для реализации собственных геостратегических интересов.

М. И. Артюхин

(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь, art47@mail.ru)

Г. Р. Малинин

(ИООО «РН-Запад», г. Минск, Беларусь, GMalinin@rn-west.by)

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Международная миграция населения – это реальность современного глобализирующегося мира. Практически не осталось стран, которые в

той или иной степени не были бы вовлечены в сферу миграции. Миграционные потоки интенсифицируются и становятся более многообразными по видам и форме, миграционное взаимодействие стран приобретает качественно новый характер. В результате растет влияние миграционных процессов на устойчивое экономическое развитие и обеспечение национальной безопасности государств. Это вызвано тем, что в условиях глобализации внешняя миграция населения все в большей мере становится одним из основных источников накопления человеческого капитала, обеспечивающего экономический рост в принимающих странах, и усиливает их конкурентность преимущества. Сегодня все очевиднее начинает проявляться напряженность между странами-поставщиками и потребителями человеческих ресурсов. В этой связи многие государства разрабатывают и реализуют свою стратегию миграционной безопасности и национальные программы, регулирующие миграционные процессы и определяющие основные принципы международных отношений в области миграции населения.

В настоящее время в нашей стране реализуется Национальная программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. и Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Данная Концепция призвана обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, в том числе и в области миграционной безопасности. Следует признать, что миграционные процессы прямо или косвенно являются составной частью почти всех сфер безопасности, определенных в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Это: политическая безопасность (национальный и конфессиональный состав населения, менталитет народа); экономическая безопасность (состояние человеческого потенциала национальной экономики, оптимальное или неоптимальное территориальное распределение трудовых ресурсов и их качественный состав); научно-технологическая безопасность (ухудшение качественного состава кадрового потенциала научной и образовательной сферы в результате масштабной эмиграции высококвалифицированных ученых и специалистов за рубеж).

Особенно зависит от миграции состояние демографической безопасности страны. Становление Беларуси как независимого, демократического государства сопровождалось либерализацией процедур въезда и выезда граждан Республики Беларусь. Это способствовало активному включению страны в мировые миграционные процессы, в том числе и в мировой рынок труда. Соответственно выросла угроза миграционной утраты населения, усиления процессов депопуляции и ослабления уровня оборонного потенциала страны.

Активизация государственной миграционной политики позволила стабилизировать миграционную ситуацию в Республике Беларусь. За пос-

ледние двадцать лет эмиграционный поток из Республики Беларусь сократился в 7,2 раза. Если в 1994 году из республики выехало 56,5 тыс. человек, то в 2013 году – 7,8 тыс. человек. За период 2002–2013 гг. наблюдается положительное сальдо внешней миграции населения: общая численность иммигрантов составила 202 496 человек, а выехало из страны 115 824 человека. Всего за период 2002–2013 гг. суммарное положительное сальдо миграции населения Республики Беларусь составило 86,7 тыс. человек.

Положительное сальдо внешней миграции населения Беларуси, которое наблюдается в последние два десятилетия, способствует стабилизации численности населения страны путем компенсации его естественной убыли. В 2013 году впервые с 1994 года миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения и способствовал увеличению численности населения Республики Беларусь на 4,2 тыс. человек. По данным государственной статистики, степень компенсации естественной убыли населения за счет положительного сальдо внешней миграции до 2006 года была весьма мала (в 2005 году всего 3,7 %), но в последующие годы наблюдается ощутимый рост этого показателя, который в 2013 г составил 157,2 %. Именно эта положительная тенденция является гарантом стабилизации численности населения нашей страны, так как способствует замедлению темпов убыли населения. Например, численность населения республики сократилась за последние семь лет на 163,2 тыс. чел. против 326,3 тыс. за 2001–2005 гг. Последнее в полной мере соответствует стратегической цели демографического развития Беларуси, определенной Национальной программой демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг., а также Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь.

Говоря о роли внешней миграции населения в воспроизводстве населения Беларуси и преодолении процессов депопуляции, которая наблюдается в нашей стране с 1994 года, следует обратить внимание на неблагоприятную миграционную ситуацию, сложившуюся в регионах республики. Как было отмечено выше, в целом по стране в 2013 году миграционный прирост полностью компенсировал естественную убыль населения. Однако в разрезе регионов положительное сальдо миграции населения в 2013 году имели только г. Минск (15 332 чел.) и Минская обл. (3 138 чел.). Что же касается других регионов, то они в 2013 году имели отрицательный миграционный прирост и соответственно убыль населения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что положительная динамика суммарного прироста населения в Беларуси, достигнутая в 2013 году, может быть сохранена только в том случае, если все регионы республики будут иметь положительное сальдо миграции населения.

В настоящее время Беларуси только приступила к формированию всесторонней, научно обоснованной системы регулирования миграционных процессов. Однако в стране отсутствует стратегия государственной

миграционной политики и ее концептуальная основа. Миграционная политика «спрятана» в Национальной программе демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы, имеющей подпрограмму «Внешняя миграция в интересах развития Республики Беларусь» (заказчик – МВД). По своей структуре эта подпрограмма охватывает только некоторые вопросы миграционных процессов и не может служить основой национальной стратегии государственной миграционной политики, отвечающей долгосрочным тенденциям и целям социально-экономического и демографического развития Беларуси. В этой связи представляется целесообразным вернуться к практике формирования и реализации полноценной государственной миграционной программы, заказчиком которой должны стать не только МВД, но и Министерство труда и социальной защиты, Национальная академия наук Беларуси и другие заинтересованные министерства.

Кроме того, не следует забывать, что современная миграционная практика требует всестороннего законодательного, институционального, финансового, информационного, научного и кадрового обеспечения. С учетом опыта России, где в 2012 году принята Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, которая представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности Российской Федерации в сфере миграции, представляется целесообразным и в Беларуси разработать аналогичный документ. Разработка данной Концепции должна быть осуществлена с учетом отечественного и международного опыта в сфере управления миграционными процессами и обусловлена необходимостью обозначения стратегических ориентиров миграционной политики во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития Беларуси, ее внешней политики и интеграционными процессами на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств, Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также с общемировыми тенденциями глобализации.

В. Е. Астаповский

*(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
poe_1776@mail.ru)*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Происшедшие изменения в общественно-политической жизни в СССР, начавшиеся во второй половине 80-х гг. сказались на отношениях между центром и союзными республиками.

Верховный Совет БССР XII созыва 27 июля 1990 г. принимает Декларацию о государственном суверенитете Белорусской ССР. Декларация провозгласила полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во всех отношениях [1].

Верховным Советом БССР 27 февраля 1991 года принимается Закон «Об основных принципах народовластия в Беларуси». По существу, впервые законодательно был решен вопрос о приоритете республиканских актов над актами союзных органов. Согласно этому Закону формируется в трех структурах – законодательной, исполнительной и судебной. Закон объявлял собственностью Беларуси все то, что находится на ее территории.

19 сентября 1991 г. внеочередная сессия Верховного Совета БССР приняла решение изменить название республики и именовать «Республика Беларусь» или «Беларусь». Были приняты законы «О государственном флаге Республики Беларусь» и «О государственном гербе Республики Беларусь».

После провозглашения независимости республики Беларусь она начала реорганизовывать и реформировать систему власти и управления в условиях поэтапной суверенизации страны. Союзно-республиканские министерства и комитеты преобразовывались в государственные органы Республики Беларусь. Комитет госбезопасности при Совете Министров был переподчинен Верховному Совету. Был ликвидирован Белорусский военный округ и перешел в подчинение Министерства обороны Республики Беларусь, граждане Республики Беларусь с осеннего призыва 1991 г. стали проходить военную службу только на территории своей республики.

Статус суверенного государства потребовал разработки новой внешнеполитической концепции, основой которой стала интеграционная политика.

2 апреля 1996 г. президенты России и Беларуси Б. Н. Ельцин и А. Г. Лукашенко подписали Договор об образовании Сообщества Беларуси и России, основанного на принципах суверенитета и равенства сторон.

Высшим органом Сообщества по договору являлся Верховный Совет, в который входили главы государств и правительств, руководители парламентов, а также Председатель Исполкома. Верховный Совет избирал председателя на ротационной основе сроком на 2 года. Стороны учреждали Парламентское собрание из равного числа парламентариев от каждой из сторон. Практической работой по выполнению договора занимался Исполнительный Комитет, который был постоянно действующим органом.

В апреле была создана Межпарламентская комиссия Федерального Собрания Российской Федерации и Верховного Совета Республики Беларусь в целях совместной подготовки законодательных актов, необходимых для функционирования Парламентского собрания.

В Договоре были обозначены как перспективные, так и ближние задачи. Отмечалось, что Сообщество основано на принципах суверенитета и равенства сторон, декларировались равные права граждан на получение образования, трудоустройство, оплату труда, предоставление других социальных гарантий, равное право на приобретение имущества в собственность, владение, пользование и распоряжение им.

2 апреля 1997 г. президенты Республики Беларусь и Российской Федерации А. Г. Лукашенко и Б. Н. Ельцин подписали Договор о Союзе Беларуси и России и Меморандум о взаимопонимании между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросу о доработке и принятии Устава Союза Беларуси и России [2]. Целью документов являлось дальнейшее развитие и усиление интеграционных процессов между Беларусью и Россией, восстановление нарушенных связей, укрепление сотрудничества между двумя народами.

В соответствии с Уставом Союза Беларуси и России в 1997 году были образованы Высший совет и Исполнительный комитет Союза Беларуси и России. Парламентское Собрание Сообщества было преобразовано в Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

В соответствии с Договором о создании Союзного государства сформированы и функционируют Высший Государственный Совет, Совет Министров и Постоянный Комитет Союзного государства. Функции Парламента Союзного государства выполняет Парламентское Собрание Союза Беларуси и России.

В рамках Союзного государства образованы и работают Пограничный и Таможенный комитеты, Комиссия Союзного государства по гидрометеорологии и мониторингу загрязнения природной среды, Комиссия по тарифному и нетарифному регулированию при Совете Министров Союзного государства, Телерадиовещательная организация Союзного государства.

Высшим органом Союзного государства является Высший Государственный Совет. В его состав входят главы государств, главы правительств, руководители палат парламентов государств-участников.

В заседаниях Высшего Государственного Совета участвуют Председатель Совета Министров, Председатели Палат Парламента, Председатель Суда Союзного государства.

Знаменательной вехой в развитии Союзного государства стало проведение юбилейного заседания Высшего Госсовета 10 декабря 2009 г. в г. Москве. Руководители двух государств приняли серьезные решения, касающиеся экономического и военно-технического сотрудничества. Практически решены вопросы и по обеспечению равных прав наших народов в обоих странах в хозяйственной деятельности, получении образования, медицинской помощи, приобретении недвижимости, трудоустройстве, свободе передвижения, выборе места жительства.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил, что мы своим примером подтолкнули весь ход интеграции на постсоветском пространстве, и не будь опыта союзного строительства – не было бы и Таможенного союза [3].

На заседании межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного Союза) 9 декабря 2010 г. президенты Беларуси, Казахстана и России отметили, что уже сформировано договорно-правовая база Единого экономического пространства в рамках Единого экономического сообщества. С 1 января 2012 г. вступили в действие подписанные соглашения и Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана и России начало функционировать.

Очередной этап интеграции – это создание Евразийского экономического союза.

Список литературы

1. О государственном суверенитете Республики Беларусь: Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 2.
2. Договор о создании Союзного государства // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2000. – № 3.
3. Лукашенко, А. О судьбах нашей интеграции / А. Лукашенко // Известия. – 2011. – 19 окт. – С. 1, 5.

А. І. Бабко

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск, Беларусь, arkadzbabko@gmail.com)

ГЛАБАЛІЗАЦЫЯ І НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ: СПРОБА ТЭАРЭТЫЧНАГА АНАЛІЗУ ПРАБЛЕМЫ

Пытанні, звязаныя з феноменам нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці, набываюць ва ўмовах глабалізаванага свету асаблівую вастрыню, бо глабалізацыйным працэсам уласцівыя моцныя і трывалыя тэндэнцыі да ўніфікацыі і стандартызацыі грамадскага жыцця. Падставай і апраўданнем згаданых тэндэнцый з'яўляецца іх засведчаная гістарычнай практыкай эфектыўнасць. У сувязі з гэтым можа паўстаць ілюзія, нібыта татальная ўніфікацыя і стандартызацыя (што ахапіла б усе без вынятку сацыяльныя сферы ў сусветных маштабах) паспрыяла б узнікненню ў найвышэйшай ступені прадуктыўнага тыпу грамадства. У яго ўмовах, ва ўмовах адсутнасці звязаных з нацыянальна-культурнай разнастайнасцю перашкодаў інфармацыя магла б перадавацца і перапрацоўвацца значна хут-

чэй, чым цяпер. Таму хутчэй прымаліся б пэўныя рашэнні і, значыцца, больш дынамічным зрабілася б усё грамадскае жыццё. У выніку яго ўсебаковай дынамізацыі і інтэнсіфікацыі кожны індывід атрымліваў бы ўсё большую колькасць жыццёвых даброт і шчадрот, а з імі і ўсё большыя магчымасці для самаразвіцця і самарэалізацыі.

У рэчышчы разгортвання згаданай ілюзіі, такім чынам, заканамерна ўзнікае пытанне пра апраўданасць і легітымнасць памкненняў і высілкаў, скіраваных на захаванне нацыянальна-культурнай адметнасці (а разам з ёй і культурнай разнастайнасці). Сапраўды, ці не варта было б ахвяраваць нацыянальна-культурную спадчыну і культурнае шматгалоссе чалавецтва дзеля стварэння высокаэфектыўнага грамадскага механізма, здольнага вырашаць найскладанейшыя праблемы, распрацаваць і задзейнічаць фантастычныя тэхналогіі і неймаверна пашырыць наш навуковы далягляд? Патрэба ў самаідэнтыфікацыі, якую адчувае кожны індывід, зусім не засталася б у такіх умовах ненатоленай: ужо ў антычную эпоху філасофія знайшла дзейсны сродак для яе задавальнення – прыныцып касмапалітызму (хіба не прыемна адчуваць і ўсведамляць сваю ўлучанасць у непадзельную, глабальную людскую супольнасць?).

Неабходна адзначыць, што прымальны і слушны адказ на пастаўленае вышэй пытанне пра магчымасць адцурацца ад нацыянальна-культурнай спадчыны дзеля эфектыўнай арганізацыі грамадства можа быць толькі адмоўным, бо гаворка ў дадзеным выпадку вядзецца пра (небяспечную) ілюзію і не болей, чым ілюзію. Наяўнасць нацыянальна-культурнай разнастайнасці ні ў якім разе не перашкаджае інтэнсіўнаму самаразвіццю чалавецтва на ўсіх яго кірунках. Наадварот, яна належыць да найважнейшых спрыяльных фактараў дадзенага працэсу. Праз нацыянальна-культурную адметнасць у ім здзяйсняецца неабходны для яго момант адмысловасці, які павінен мець трывалы, моцны грунт, каб садзейнічаць яго разгортванню. Сацыяльныя стасункі павінны ўключаць у сябе (і ўключаюць) сегменты, якія адрозніваюцца паміж сабой прызначэннем, ступенню блізкасці іх суб'ектаў, якаснымі характарыстыкамі. Таму кожная асоба мусіць уваходзіць у розныя супольнасці. Уваходжанне ў пэўную нацыянальна-культурную супольнасць далучае яе да пэўнай мовы (а з ёю і да моўнай карціны свету), да гістарычнага досведу, назапашанага дадзенай супольнасцю, і да яе гістарычнай памяці, яно спрыяе засваенню пэўнай ментальнасці, што здзяйсняецца на дадзеным (нацыянальна-культурным) узроўні. Усе гэтыя моманты маюць каласальны духоўны, творчы патэнцыял. Адмова ад іх, звязаная са знікненнем нацыянальных культур, азначала б, такім чынам, і для паасобнага індывіда, і для ўсяго чалавецтва істотнае зьбядненне іх духоўнага жыцця і аслабленне яго творчага складніка. Абсалютна відавочна, што нават у працэсе прыняцця апэратыўных эканамічных ці палітычных рашэнняў важная не толькі яго хуткасць, але і якасць, што грунтуецца на творчых здольнасцях адпаведнага функцыя-

нера, якія ў сваю чаргу ў значнай ступені абумоўліваюцца яго далучанасцю да назапашаных яго народамі культурных скарбаў.

Разам з тым, хоць мы трывожна канстатуем наяўнасць уніфікацыйных тэндэнцый, што пагражаюць нацыянальна-культурнай самабытнасці [1, с. 6, 8], іх перамога, іх татальнае панаванне ў сацыякультурнай рэчаіснасці немагчымыя ў сучасных умовах і наўрад ці зробіцца магчымымі калі-небудзь у прышласці. У пэўнай ступені пра гэта сведчыць і гістарычны досвед чалавечтва: у імперскіх палітычных утварэннях заўжды распачынаўся нацыянальна-вызваленчы рух, які садзейнічаў іх аслабленню і разбурэнню.

Неабходна адзначыць, што феномен нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці істотным чынам праблематызуецца і на пэўных кірунках сучаснага філасофскага пошуку. Дадзеная праблематызацыя грунтуецца найперш на тым, што ў другой палове XX стагоддзя не самы зайздросны лёс напаткаў катэгорыю ідэнтычнасці ўвогуле. Філасафы, якіх мы ўпарта называем постмадэрністамі, нягледзячы на іх уласны скепсіс у дачыненні да такой іх характарыстыкі, імкнуліся выштурхнуць яе з авансэны філасофскага дыскурсу, фаварызуючы пры гэтым супрацьлеглую ёй катэгорыю рознасці [2]. У рэчышчы такога падыходу ставіцца пад пытанне і паняцце нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці. Гэта мае месца ў рамках канцэпцыі транскультурнасці, распрацаванай сучасным нямецкім філосафам В. Вельшам [3]. В. Вельш востра крытыкуе традыцыйнае разуменне культуры як гамагеннага, скарэляванага з творчай дзейнасцю пэўнай этнічнай супольнасці ўтварэння, якое імкнецца вытрымаць ціск знешніх уплываў і захаваць сябе насуперак ім. Філасоф падкрэслівае, што ў сучасных умовах (а ў нейкай ступені не толькі ў сучасных) няма і не можа быць такіх утварэнняў: кожнае з іх характарызуецца татальнай унутранай дыферэнцыяцыяй і наймавернай разнастайнасцю знешніх дачыненняў, улучаючы ў сябе пры гэтым элементы, аспекты, уласцівасці, што паходзяць з розных культур. У сувязі з гэтым трывалая нацыянальна-культурная ідэнтычнасць ператвараецца ў фантом (і, як лічыць В. Вельш, фантом досыць небяспечны: менавіта на яго грунце паўстаюць міжкультурныя канфлікты, культурны фундаменталізм і да т. п.).

Што перашкаджае, аднак, разглядаць нацыянальна-культурную тоеснасць як гнуткую, рухомую і адначасова як грунтоўную, трывалую (момант стабільнасці, пераемнасці здзяйснення ў той ці іншай ступені ва ўсіх працэсах)? І хіба не можа яе руплівец быць адкрытым для дыялога з прадстаўнікамі іншых культур, з носьбітамі іншай нацыянальнай ідэнтычнасці? Чаму праз міжкультурны дыялог, праз узаемадзеянне розных нацыянальна-культурных традыцый павінны паўставаць эклектычныя, няпэўныя ўтварэнні? Чаму, нарэшце, згаданыя традыцыі нельга інтэрпрэтаваць як адметныя ўвасабленні агульначалавечага пачатку, што робіць іх блізкімі і цікавымі адна адной? Неабходна аддаць належнае В. Вельшу

за яго памкненне абгрунтаваць прыныцып талерантнасці ў міжкультурных стасунках, аднак прызнанне грунтоўнай значнасці нацыянальна-культурнай адметнасці і скіраваных на яе захаванне стратэгіі зусім не абавязкова вядзе да культурнага фундаменталізму, шавінізму ці імперыялізму.

У філасофскім плане найбольш адэкватнай падставай для згаданых стратэгіі падаецца класічная дыялектыка, згодна з якой ідэнтычнасць на самай справе тоесная рознасці, бо яна змяшчае гэтую апошнюю як свой неад'емны момант; абедзве разглядаюцца, такім чынам, у абсягу дыялектычнай традыцыі як глыбока ўзаемазвязаныя і ўзаемаабумоўленыя. У адпаведнасці з гэтым нацыянальна-культурная тоеснасць павінна мець багаты на вызначэнні, змястоўны, канкрэтны характар; аплодненая рознасцю, яна не збаіцца ўступіць у дыялог са сваім іншым, бо толькі праз такі дыялог яна можа па-сапраўднаму зразумець сябе і здзейсніцца ў найбольш адэкватнай форме.

Такім чынам, нацыянальна-культурная тоеснасць і адметнасць ва ўмовах глабалізацыі зусім не ператварылася ў анахранізм. Яна мае грунтоўнае духоўнае значэнне, высокі каштоўнасны статус. Таму павінны быць прыкладзены ўсе магчымыя намаганні дзеля захавання нацыянальна-культурных традыцый, нацыянальна-культурнай разнастайнасці, паліфаніі ў духоўным жыцці чалавецтва.

Спіс літаратуры

1. Конан, У. Беларуская альтэрнатыва: глабалізацыя і нацыянальнае адраджэнне / У. Конан // Нацыянальныя пытанні: матэрыялы III Міжнар. кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый». – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 5–12.
2. Aylesworth, G. Postmodernism / G. Aylesworth // The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/archivsum2013/entries/postmodernism>.
3. Welsch, W. Transculturality – the Puzzling Form of Cultures Today / W. Welsch // Spaces of Culture: City, Nation, World / ed. by M. Featherstone, S. Lash. – London: Sage, 1999. – P. 194–213.

А. М. Байчоров

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
albaichorov@mail.ru)*

ЕВРАЗИЙСКАЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Чувствуя свою неспособность контролировать мировые процессы, порожденные глобализацией, национальные государства пытаются найти способы как-то приспособиться к ним. Одной из основных форм приспособления стало создание межгосударственных интеграционных объе-

динений, таких как Европейский Союз, МЕРКОСУР, НАФТА, ЕврАзЭС, а теперь и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Таким образом, глобализация стала фундаментом для процесса межгосударственной экономической интеграции.

Сегодня Беларусь строит свое будущее в рамках Единого экономического пространства с Россией и Казахстаном, которое с января 2015 года должно превратиться в ЕАЭС. Одновременно Минск пытается выстраивать нормальные отношения с Европейским союзом, который является непосредственным соседом, важнейшим экспортным рынком и источником новых технологий, необходимых для модернизации национальной экономики.

Поэтому еще до подписания соглашений о создании Таможенного союза (ТС) Республика Беларусь стремилась сделать его открытым к сотрудничеству и интеграции с другими интеграционными объединениями. Для экспортоориентированной Беларуси (по данным Всемирного банка, средний показатель экспорта по отношению к ВВП в мире составлял 30 процентов, а в Беларуси он составлял 68 процентов) контрпродуктивна политика самоизоляции. Именно поэтому в августе 2010 года МИД Беларуси внес российской стороне предложения по алгоритму совместной работы в направлении формирования общего экономического пространства между ТС и ЕС. Внося данные предложения, белорусская сторона исходила из того, что Таможенный союз и Европейский союз – естественные и выгодные друг для друга стратегические партнеры на евразийском континенте. И никакая политическая конъюнктура не может изменить эту очевидную истину.

Как известно, накануне Вильнюсского саммита Восточного партнерства 29 ноября 2013 года Москва энергично возражала против подписания Украиной Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, хотя периодически делались политкорректные замечания, что Россия будет уважать выбор украинского народа. Такая позиция Москвы идет вразрез с российскими нормативными документами и ранее заявленной позицией российских лидеров.

В. В. Путин в своих программных статьях и выступлениях неоднократно высказывался за создание общего экономического пространства с ЕС [1]. «Вновь предлагаю, – писал он в статье «Россия и меняющийся мир», – поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока. А в будущем выйти и на формирование зоны свободной торговли и даже более продвинутых механизмов экономической интеграции. Тогда мы получим общий континентальный рынок стоимостью в триллионы евро. Есть ли сомневающиеся в том, что это было бы здорово, отвечало бы интересам россиян и европейцев?»

В феврале 2013 года Президент В. Путин подписывает новую Концепцию внешней политики Российской Федерации. В ее IV разделе,

озаглавленном «Региональные приоритеты», взаимоотношения с ЕС описываются сразу после СНГ и впереди всех других региональных организаций. Этим взаимоотношениям посвящено семь положений раздела. В 56-м положении Концепции провозглашается, что «основной задачей в отношениях с Европейским союзом для России как неотъемлемой, органичной части европейской цивилизации является продвижение к созданию единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана» [2].

В настоящее время Россия активно и последовательно выстраивает свои партнерские отношения с ЕС, включая идею формирования единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. За последние десять лет объем российского экспорта в страны ЕС увеличился в пять раз и достиг в 2012 году уровня в 280 млрд долл., а объем импорта из ЕС за тот же период возрос в четыре раза и составил 130 млрд долл.

В то же время Москва весьма ревниво относится к попыткам других стран СНГ развивать партнерские отношения с Евросоюзом. И ее реакция на возможное подписание Украиной Соглашения об ассоциации с ЕС – наглядное тому подтверждение.

Вызовы, которые бросают национальным государствам набирающие силу процессы глобализации, объективно требуют объединения усилий нескольких стран, создания интеграционных формирований. Практика показала, что образование региональных интеграционных формирований не только дает возможность более эффективно проводить экономическую стратегию в эпоху глобализации, но порождает массу новых проблем и противоречий в отношениях между входящими в эти формирования национальными государствами.

ЕС потребовалось более 50 лет, чтобы достичь современного уровня интеграции, и все равно мы являемся свидетелями того, в каких ожесточенных дебатах и с каким трудом дается европейским политикам каждый новый шаг на этом пути. Опыт ЕС наглядно подтверждает тот факт, что при формировании интеграционных объединений приоритетное внимание должно уделяться вопросам институционального строительства. Создание наднациональных структур должно осуществляться при выверенном и сбалансированном учете интересов всех участников объединения. Передача этим структурам новых дополнительных полномочий требует кропотливой работы (иногда многолетней) по согласованию национальных позиций и приоритетов.

Евразийская интеграция (реально заявившая о себе только с образованием ТС) начала свое становление намного позднее европейской. Этот объективный факт имеет свои плюсы и минусы. Плюсы состоят в том, что формирующийся ЕАЭС может опираться на опыт интеграционного строительства ЕС и избежать многих ошибок роста. Минусы заключаются в том, что ЕАЭС создается на фоне соседнего успешного интеграцион-

ного проекта, частью которого стремятся стать почти все европейские государства. ЕАЭС придется еще не раз доказывать, что он не хуже ЕС.

Если позиция Президента Российской Федерации в отношении евразийского проекта определена, то внутри российского политического класса существуют разные подходы и мнения по поводу условий формирования, да и самого характера создаваемого ЕАЭС. Часть политического класса убеждена, что за последние годы Россия и так слишком много дала своим партнерам по СНГ и что пора прекратить политику предоставления дружественных преференций и льгот. Если партнеры по ЕАЭС хотят равенства, то пусть и несут бремя поддержания интеграционных структур на равной основе. Некоторые российские политики считают, что не стоит слишком церемониться со «слабаками», и не мытьем так катаньем прямо продвигать российские интересы при создании ЕАЭС.

Французским родоначальникам европейской интеграции, именами которых сегодня названы площади в Брюсселе, повезло: им пришлось иметь дело с Берлином, проигравшим две мировые войны и изрядно поистерявшим свои имперские амбиции. Москва проиграла только одну войну – «холодную», поэтому названные амбиции достаточно сильны у определенной части российского политического класса. Берлин согласился нести на своих плечах основное финансовое бремя европейской интеграции частично из-за осознания своей вины, частично в надежде на то, что «слабаки» ЕС, со временем разбогатеют, станут основными потребителями немецкой продукции. И в случае с Испанией, Португалией и рядом других стран этим надеждам суждено было сбыться.

Если сегодня Москва по многим причинам заинтересована в осуществлении проекта евразийской интеграции, то ей надо быть готовой к тому, чтобы взять на себя основное бремя (в том числе и финансовое) по созданию ЕАЭС. Возможно со временем «слабаки» ЕАЭС также смогут расплачиваться за российские энергоресурсы не заемными, а собственными средствами.

В Кремле рассчитывают, что, став во главе ЕАЭС, Россия сможет по многим позициям улучшить свои переговорные позиции с ЕС, а там, чем черт не шутит, вырасти в глобального игрока, с которым будут считаться даже в Вашингтоне и Пекине.

Таким образом, как представляется, евразийскую интеграцию ждет успех при условии, что она учтет ошибки европейской интеграции и воспримет ее достижения, а также при готовности Москвы «спонсировать» ее (особенно на первоначальных стадиях).

Список литературы

1. Путин, В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня / В. Путин // Известия. – 2011. – 3 окт.; В. Путин. – Россия и меняющийся мир / В. Путин // Московские новости. – 2012. – 27 февр. [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://globalconflict.ru/analytics/39031-evrazijskij-soyuz-putina-ot-lissabona-do-vladivostoka>.

2. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февр. 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F.

А. В. Баранов

*(Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
baranovandrew@mail.ru)*

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Динамичная эволюция Европейского Союза ставит перед политической наукой проблемы концептуального осмысления территориальных процессов. Сравним в развитии основные теории политической интеграции, сложившиеся в мировой науке: теории федерализма; функционализм; теорию коммуникации; неофункционализм и межправительственный подход; неоинституционализм; теории политических сетей.

Определим понимание политической интеграции в теориях федерализма. По мнению их авторов, государства-нации нерационально устроены, разжигают этническую ненависть и не соответствуют растущей экономической интеграции. Поэтому они должны добровольно объединиться, распределив компетенции между наднациональным, государственным и региональным уровнями. В 1940–50-х гг. предлагались разные процедуры интеграции: всенародный референдум о политическом объединении (А. Спинелли и Э. Росси) и экономическое соглашение правительств (Р. Шуман, Ж. Монне). Теории федерализма качественно усовершенствованы. Дж. Пайндер разработал модель «неофедерализма» [1, р. 34]. Он отстаивает индивидуализированный подход к политической системе, отказываясь от устаревших классификаций форм государственного устройства. Цель интеграции – более прочная демократия реализуется в гибких формах.

Основатель функционализма Д. Митрани полагал, что политические объединения следует строить на основе функций, а не институтов, т. к. национальные государства несут с собой диктатуры и войны, а демократия воплотится в глобальных организациях. Функционалисты предвидели ослабление государств-наций, их замену на сеть специализированных трансграничных организаций, гибко видоизменяющихся по запросам общества [2, с. 322–323].

Теория коммуникации (К. Дойч, Д. Истон) трактует интеграцию как создание «чувства сообщества» [3, с. 630–642]. Различают два вида ин-

тегрированных сообществ: соединённые и плюралистические [4, с. 29–31]. Соединённые формируются путем государственного слияния стран в федерацию. Плюралистические проводят интеграцию без государственного объединения и создания верховной власти. Дойч и Истон видели критерий успеха интеграции в закреплении «чувства сообщества» (идентичности), а не в правовых актах.

Важное отличие неофункционализма (Э. Хаас, Л. Линдберг) – признание политического фактора интеграции [5, с. 316–333]. Спонтанное политическое взаимодействие элит и других акторов обеспечивает интеграцию. Для неофункционалистов интеграция – новое явление, не повторяющее конфедерации и федерации. Интеграция создаёт механизм прямого взаимодействия общества, его групп интересов и транснациональных институтов «поверх» государств. Ж. Монне и Л. Линдберг называли это эффектом «переплёскивания» [2, с. 330–331]. Первый шаг к интеграции должен создать ситуацию, которая сделает неизбежной последовательную цепь шагов. Интеграция идёт не только «вширь», но и вглубь. Важна трактовка Э. Хаасом воздействия политической интеграции на экономическую. Политика даёт мотивацию, создает новые центры принятия решений [4, с. 31–34].

Межправительственный подход (С. Хоффман, В. Уоллес, Э. Моравчик) признавал плюралистическую сущность факторов интеграции. Но выше экономического прогресса национальная безопасность, которую государство никому не может делегировать. Хоффман резонно критиковал ущемление суверенитета государств наднациональными органами, рост противоречий между уровнями управления и странами [4, с. 34–36].

Современные неофункционалисты изменили взгляды. Отметим признание роли внутригосударственных территорий в интеграции. Межправительственный подход стал более эклектичной моделью. В. Уоллес предложил различать неформальную и формальную интеграцию. Первая идёт без политического санкционирования, усилиями экономических игроков и социальных групп. Вторая – целенаправленное создание политических институтов, и она важнее. Э. Моравчик осмысливает политические взаимодействия как торг между «игроками» [2, с. 330–331]. Интеграция – вид игры на двух уровнях: внутринациональном и межправительственном. Когда игроки на уровне страны согласуют свои интересы, они формулируют цели и предпочтения («спрос на интеграцию»). Государство как интегратор спроса выходит на уровень межправительственного «торга», где складывается «предложение интеграционных решений». Государства и субнациональные институты дополняют друг друга [6, р. 25].

Теория многоуровневого управления (Г. Маркс, М. Китинг, Дж. Питерсон) взяла за основу взаимодействие политических акторов и институтов, пересечение полномочий [7, р. 233–243]. Власть «распылена» между уровнями управления и неофициальными акторами; государства – один

из участников сетей [8, р. 69–91]. Выделяются уровни: стратегических решений, реализации и формирования политики [9, р. 11–29].

Применимы концепции политических сетей (М. Кастельс). Сети состоят из равноправных игроков, которые добровольно обмениваются ресурсами при компромиссных стратегиях взаимодействия [10]. Преимущества, возникающие у участников сети, делают их заинтересованными в интеграции.

Неоинституциональный подход включает в себя школы: нормативную, историческую и социологическую [11, с. 17]. Первая интерпретирует институты как формальные нормы, которые используются акторами в осознанных целях. Исторический институционализм понимает институты шире: как формальные и неформальные договорённости, нормы и символы, процедуры принятия решений (К. Армстронг, С. Балмер) [12, с. 5–19]. Исторический подход акцентирует самостоятельность и активную политическую роль институтов. Цели укрепления интеграционных структур изменчивы. Следует учитывать «перемены смыслов» интеграции. Социологическая школа ставит в центр внимания политических акторов и их позиции. Идентичность и интересы участников «торга» вырабатываются под влиянием исходных институтов (М. Ле Гэльс, Р. Зариски, М. Руссо) [13, р. 239–267; 14, р. 1–42].

В итоге сравнения концепций мы определяем политическую интеграцию как процесс и результат всё более тесного взаимодействия политических акторов и институтов, вследствие чего повышается качество наднациональных отношений власти. Акторы интеграции: транснациональные институты, институты государств – участников объединения, партии, группы интересов и т. д. Политическая интеграция проявляется в проведении согласованного политического курса; в создании институциональных структур; в новой диспозиции акторов политики (перераспределении властных ресурсов и компетенций); в формировании политической идентичности («чувства сообщества»). Интеграция не означает унификации. Участники объединения сохраняют политические системы и весомые полномочия в пределах разграничения компетенций. Наиболее перспективными представляются исторический неоинституционализм и сетевой подход.

Список литературы

1. Pinder, J. European Communities: The Building of a Union / J. Pinder. – Oxford, 1991.
2. Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М., 2003.
3. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли. – М., 1997. – Т. II. – С. 630–642.
4. Стрежнева, М. В. Теории европейской интеграции / М. В. Стрежнева // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25, Междунар. отнош. и мир. политика. – 2009. – № 1. – С. 28–45.

5. Теория международных отношений: хрестоматия / науч. ред. П. А. Цыганков. – М., 2002. – С. 316–333.
6. Milward, A. The European Rescue of the Nation-State / A. Milward. – L., 2000.
7. Marks, G. Unrevealing the Central State, but How? / G. Marks, L. Hooghe // American Political Science Review. Washington. – 2003. – Vol. 97. – № 2. – P. 233–243.
8. Marks, G. Territorial Identities in the European Union / G. Marks, L. Hooghe // Regional Integration and Democracy: Expanding on the European Experience. – Lanham; Boulder; N.Y.; Oxford, 1999. – P. 69–91.
9. Keating, M. Is there a Regional Level of Government in Europe? / M. Keating // Regions in Europe. – L.; N.Y., 1998. – P. 11–29.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
11. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М., 1997.
12. Патрушев, С. В. Институциональная политология / С. В. Патрушев // Политическая наука. – М., 2009. – № 3. – С. 5–19.
13. Gales, P. Conclusion – Government and Governance of Region / P. Gales // Regionalism and Regional Devolution in Comparative Perspective. – N.Y., 1987. – P. 239–267.
14. Zariski, R. National Power and Local Governance: Problems and Perspectives / R. Zariski, M. Rousseau // Op. cit. – P. 1–42.

Л. В. Беринчик

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, MilaBerinchik@yandex.ru)*

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО МИРА

Конец XX века вошел в историю как время крупнейшей гецивилизационной катастрофы – распад СССР, что послужило нарушению полюсного баланса мирового сообщества. Вслед за распадом союза и по сей день постсоветское пространство стремится к созданию новых объединяющих проектов – политических интеграционных форм различных масштабов (СНГ, Союзное государство Беларуси и России, Евразийский союз), способных придать постсоветским государствам статус весомых политических субъектов, обеспечить достойный уровень жизни, политические, экономические и иные гарантии.

Ликвидация СССР как субъекта геополитической реальности требовала сохранения ряда договоров между странами участницами, учитывая историческую общность, тесное сотрудничество, стремление к поддержанию добрососедского суверенного существования и взаимодействия. Таким образом, в 1991 году было подписано соглашение об образовании СНГ: «Содружество Независимых Государств создавалось как некая «но-

вая» государственность, освобожденная от диктата союзного центра. Участники СНГ брали на себя обязательства сохранить единое экономическое, военно-стратегическое, информационное и социально-культурное пространство, общую рублевую зону, координировать внешнеэкономическую деятельность и проводить согласованную внешнюю политику, а главное, крепить духовное единство народов» [1, с. 60]. При этом, СНГ оказалось во многом искусственной формой государственного устройства, за неимением конкретных оформленных целей, с непродуманным механизмом взаимодействия в рамках образовавшегося союза. «Почти все (а их более 500) подписанные договоры и соглашения носят декларативный характер, в лучшем случае рекомендательный характер, демонстрируя бесплодность формальных решений, отсутствие реального правового и экономического базиса для их выполнения» [1, с. 61]. В последние годы неоднократно поднимался вопрос о необходимости реформирования СНГ, при этом единое мнение о возможных направлениях этого процесса отсутствует.

Самостоятельным вектором на постсоветском пространстве является процесс белорусско-российской интеграции, ставящий своей целью создание Союзного государства, подразумевающего политический проект союза Российской Федерации и Республики Беларусь с поэтапно организуемым единым политическим, экономическим, военным, таможенным, валютным, юридическим, гуманитарным, культурным пространством. Процесс усиления двухсторонних связей России и Беларуси был обозначен с 1992 года, что привело к подписанию Договора о Союзе Беларуси и России в 1997 году и Договора о создании Союзного государства Беларуси и России в 1999 году. Интеграционные процессы в рамках Союзного государства носят несистемный, скорее ситуативно-частный характер, что обусловлено рядом политических и экономических противоречий, возникающих между нашими государствами. Заметен волновой характер течения процесса, так в 2007 году наметилась активизация интеграционных мероприятий. Следующие несколько лет интеграционная активность практически полностью остановилась, однако в 2011 году отмечено возвращение к идее Союзного государства. К настоящему моменту регионализационное объединение под названием «Союзное государство» имеет достаточно весомый список нереализованных проектов (единая валюта, единая ценовая и финансово-кредитная политика, единый парламент и др.), что препятствует созданию действительного регионального центра, способного получить признание на мировой политической арене.

Следующим серьезным шагом к созданию интеграционного пространства явился проект Евразийского союза. Евразийский союз (ЕАС) – проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию на базе союза Казахстана, Рос-

сии и Беларуси и соответствующих отраслевых тесных интеграционных структур СНГ – ЕврАзЭС, ЕЭП, ОДКБ, Таможенного союза. Заявлено, что союз строится по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком и одним из геополитических «полюсов» современного мира. Владимир Путин заявил в интервью, еще в октябре 2011 года, что «где-то на рубеже 2015 года мы можем подойти, если будем действовать так же энергично, как до сих пор работали, к реализации идеи создания Евразийского союза» [2]. Проект Евразийского союза вызвал бурную реакцию западных политиков и политологов, не желающих мириться с перспективой формирования альтернативного мирового полюса. Так, экс-госсекретарь США, Хиллари Клинтон, в одном из выступлений 2012 года заявила о намерении США помешать созданию новой версии Советского Союза под видом экономической интеграции: «Новый СССР может быть создан под новыми названиями – Таможенный союз или Евразийский союз. Мы знаем, что является целью, и мы попытаемся найти эффективный способ для замедления или предотвращения этого процесса» [3].

Российский политолог О. Неменский, анализируя такие интеграционные проекты, как Союзное государство и Евразийский союз, указывает на принципиальное различие их идеологических оснований: «Для Евразийского союза актуальна старая идеология «дружбы народов», а для Союза России и Белоруссии – идеология восточнославянской (общерусской) взаимности. Евразийский союз является межцивилизационным объединением: он интегрирует народы с христианской и мусульманской в своей основе культурами. Главные его проблемы – это примирение цивилизационно чуждых народов в одном пространстве, славяно-тюркский политический синтез, а также межрелигиозный диалог в поликонфессиональном пространстве» [4].

Следует отдельно отметить интеграционную перспективу восточнославянского региона, как самодостаточного центра развития и силы. Интеграция восточнославянских народов подразумевает восстановление единого политического, экономического, культурного, правового поля, учитывающего взаимные интересы сторон, в рамках цивилизационного пространства православно-славянской цивилизации. Несмотря на двадцатилетнюю государственную и политическую автономию восточнославянских народов после распада СССР, научное сообщество продолжает рассматривать их целостно, в рамках одной цивилизации. Достаточными основаниями для интеграции восточных славян являются общее культурно-историческое наследие, принадлежность к христианско-православному миру, языковая и антропологическая идентичность. Весомым фактором, затрудняющим практическую реализацию интеграционных процессов, является неоднородность политических и идейных притязаний и предпочтений политических элит государств, стремящихся к объединению. В

качестве внешнего препятствия интеграционным процессам необходимо отметить экономическое и финансовое давление, массированное информационное освещение негативных последствий объединения для стран участниц, поощрение националистически ориентированных кругов, пропагандирующих активно сепаратистские настроения (ярким примером является Украина). Отметим, что население восточнославянских стран, согласно ряду социологических исследований, в большинстве своем, поддерживает идею интеграции, что обусловлено сохранившимся определением себя, как «русского человека», восприятием внешних границ, как границ восточнославянского мира, общностью культурно-ментальных основ, наличием родственных связей в трех странах, миграционными потоками рабочей силы, а также желанием к сохранению прямых хозяйственных связей.

Таким образом, выше обозначенные интеграционные тенденции в постсоветском пространстве достаточно противоречивы и неоднозначны. Некоторые из них, несомненно, обладают значительным потенциалом, для реализации которого требуются эффективные, реально работающие политико-правовые механизмы, единый, четко обозначенный идейный вектор, определяющий пути достижения поставленных целей.

Список литературы

1. Калашников, В. Л. Славянская цивилизация / В. Л. Калашников. – М.: Б. и., 2000. – 336 с.
2. Путин, В. В. Евразийский союз можно создать к 2015 году, если действовать так же энергично / В. В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/10/19/n_2059590.shtml.
3. Клинтон: «США не допустят воссоздания СССР» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://world.lb.ua/news/2012/12/07/181641_klintonssha_dopustyat.html.
4. Неменский, О. Союзное государство России и Белоруссии как не-евразийский интеграционный проект / О. Неменский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/article28400.htm>.

Т. В. Билецкая

*(Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко,
г. Каменец-Подольский, Украина, bitavi_21@mail.ru)*

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В КОНЦЕПЦИЯХ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Современный мир в своем развитии стал более взаимозависимым, динамичным, инновационным. Все это обусловлено глобализационными преобразованиями, что в свою очередь спровоцировало открытость и

интернационализацию мирового сообщества, формирование постиндустриального технотронного миропорядка. Глобализационные процессы спровоцировали также изменения традиционных норм, ценностей, морали, в определенной степени дезориентировали человека в окружающей среде, что безусловно обозначилось на характере современных конфликтов и внесло новые аспекты в их исследование.

Концепции нового миропорядка, предложенные западными, в первую очередь, американскими экспертами и политиками, отражают действительные тенденции мирового политического развития и обнаруживают место и роль конфликтных взаимоотношений на региональном и глобальном уровнях, даже если собственно конфликт не является объектом концептуализации.

Так, анализируя изменения, произошедшие в мире в начале XXI ст. Ф. Фукуяма отмечает, что на исходе XX ст. состояние либеральной демократии и капитализма продемонстрировало свое преимущество перед прочими социально-экономическими системами, заключающимися в способности удовлетворять основные потребности людей. Последние, считает Ф. Фукуяма, связаны с двумя ключевыми мотивами: стремлением к материальному благополучию и общественному признанию. Капиталистическая рыночная экономика наилучшим образом удовлетворяет потребности в материальном благополучии. Либеральный демократический режим, в свою очередь, создает условия, при которых люди имеют возможность реализации своих потребностей в общественном признании. Отсюда автор делает вывод, что капитализм способен не только преодолеть собственные внутренние противоречия, но и обеспечить общее материальное процветание, выработать и распространить общие ценности и тем самым подорвать основу для соперничества между государствами [1, с. 166–167].

О серьезных коррекциях в развитии общества XXI ст. пишет и Э. Тоффлер. Он фиксирует, что результатом быстрого развития, является изменение стиля жизни, привычек людей и эти изменения не всегда происходят параллельно с процессами экономического роста. Наоборот, у основной части населения наблюдаются приступы консервативной реакции и нежелание изменений. Последнее удачно используется с целью манипуляций политиками, СМИ. Основным источником современных конфликтов Э. Тоффлер считает власть, при этом подчеркивает, что опасным для общества является как чрезмерная так и недостаточная концентрация власти [2, с. 307–315].

Э. Тоффлер и Ф. Фукуяма указывают на одну из особенностей современных конфликтов – их индивидуализацию, считая что в основе большинства из них – борьба за власть.

Проблему отчужденности и массовой депрессивности рассматривает и Р. Дарендорф. Мир XXI ст. он называет «миром без опор», в котором происходит распад права и порядка. Двуровневый процесс, происходя-

ций вокруг нас и возможно в нас самих, имеет название глокализации, то есть одновременного соединения глобализации (как фактора извне) и локализации – как желания человека к собственному небольшому частному пространству и уединению [3, с. 27–28]. Особенности же современных конфликтов Р. Дарендорф видит в социальном неравенстве [3, с. 32–39].

Спецификой социальных конфликтов в новом обществе по мнению А. Турена, является в первую очередь их проникновение во все сферы постиндустриального общества, даже в те, которые ранее были закрытыми для них: семья, воспитание, сексуальные отношения. При этом конфликты не связаны с определенной сферой функционирования социума – они повсеместны, грани между конфликтными взаимодействиями и маргинальными или девиантными формами поведения исчезают, что усложняет их диагностику, а соответственно и возможности управления [4, с. 147–152]. Не наблюдается также наиболее значимая функция конфликтного противостояния – классовые конфликты, последние не выступают больше инструментом исторических изменений, а источником общественной конфликтности в современном мире является воспроизводство потребностей.

Подобное мнение встречаем и у З. Бжезинского. Он считает, что в обществе XXI ст. на смену экономического неравенства формируется неравенство в естественных условиях жизни людей, что спровоцирует в будущем еще большую поляризацию мира с точки зрения доходов. При этом, исследователь акцентирует внимание на необходимости формирования базового консенсуса в контексте демократии и прав человека, базирующегося на свободном рынке и частном предпринимательстве. Отсутствие такового спровоцирует большее отчуждение от политики либо доминирование силовых методов борьбы [5, с. 8].

Схожие позиции отстаивает Н. Чомски. В работе «Мировой порядок и его правила» автор приходит к выводу, что нарушение прав человека «слишком обычная вещь» в современном мире и если бы их защита могла бы стать законным поводом для использования силы, стала бы возможной «война любого государства против любого государства». Поэтому отказ от использования силового варианта разрешения конфликтов – единственный способ удержать человечество от силового диктата [6]. Особо опасным в этом плане являются односторонние действия сверхдержав в «конфликтно опасных» регионах мира, что провоцирует непредсказуемые последствия для мирового сообщества в целом.

Как видим, конфликтная проблематика в различной степени представлена в приведенных концепциях, которые подчиняются уже сложившемуся в конфликтологии правилу доминирования либо конфликтного, либо «консенсусного» принципа. Так в моделях миропорядка, предложенных Ф. Фукоямой, Р. Дарендорфом очевидна «консенсусная доминанта». У З. Бжезинского, А. Турена конфликт занимает свою «традиционную» роль регулятора общественных отношений и политики. В концепции Н. Чомски,

Э. Тоффлера он выступает как смысл и способ взаимодействия на уровне мировых политических и социально-экономических процессов.

Стремительно обновляющаяся глобальная политическая реальность довольно быстро дала понять, что конфликты XXI ст. в очередной раз ставят перед человечеством задачу по изучению их неизвестных закономерностей и характеристик, спровоцируют поиск новых путей урегулирования и предотвращения разрушительных столкновений.

Несмотря на то, что период трансформации системы, международных отношений все еще продолжается и будущее миропорядка угадывается лишь в общих чертах, уже можно отметить и оценить особенности и новые проявления конфликтов, происходящих в разных уголках нашего мира.

Список литературы

1. Барышников, Д. Н. Конфликты и мировая политика: учеб. пособие / Д. Н. Барышников. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток-Запад, 2008. – 384 с.
2. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер; пер. с англ. В. В. Белокосов [и др.]. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 669 с.
3. Дарендорф, Р. У поисках нового устрою: Лекції на тему політики свободи у XXI ст. / пер. з нім. А. Орган. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – 109 с.
4. Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен; пер. с фр. Е. А. Самарской. – М.: Научный мир, 1998. – 205 с.
5. Бжезинский, З. Соединенные Штаты превыше всего (международные последствия 1989 года) / З. Бжезинский // Независимая газета. – 1999. – 24 ноября. – С. 8.
6. Noam Chomsky – Official Website [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.chomsky.info>.

**Л. И. Бобровник, И. А. Корлюкова,
А. А. Шнипко, Н. М. Кранцевич**

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, l.bobrovnik@grsu.by)*

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ИХ РОЛЬ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАВНОГО ДОСТУПА К РЕСУРСАМ ОБРАЗОВАНИЯ

Быстрое развитие современных информационных технологий и, как следствие, снижение стоимости дистанционных образовательных услуг делают их не только доступной, но и весьма привлекательной формой получения дополнительного образования в системе довузовской подготовки для все большей части абитуриентов и обучающихся (позволяет им получать не только информационно-коммуникационные компетенции в

профессиональном становлении, но и необходимый уровень знаний и навыков для достижения поставленной цели в поступлении).

Дистанционное образование открывает широкие возможности с точки зрения получения дополнительного образования в системе довузовской подготовки перед обучающимися и абитуриентами, в том числе для проживающих в удаленных от вуза районах, а также перед теми, кто не имеет возможности прервать свою профессиональную и образовательную деятельность.

Для каждой определенной группы обучающихся и каждой из форм образовательных услуг в системе довузовской подготовки могут быть спроектированы разные модели построения образовательных процессов профессиональной ориентации молодежи и оказания потенциальным абитуриентам методической помощи в подготовке к вступительным испытаниям с целью успешного участия в конкурсе на зачисление в число студентов вуза. Такой подход обусловлен различными свойствами моделей, прежде всего, в особенностях информационно-коммуникационной среды, что, в свою очередь, порождает различия в целях организации, обеспечения и сопровождения образовательных услуг в системе довузовской подготовки для разной целевой аудитории потребителей (обучающиеся, абитуриенты, родительская и педагогическая общественность, руководители учреждений образования и органов управления образованием). Различия в целях для конкретной целевой аудитории потребителей ведет к изменениям во всех компонентах научно-методических основ системы дистанционного обучения. Модель дистанционного обучения может быть порождением информационно-технологической образовательной среды и в режиме обратного процесса, когда заявленные характеристики модели дистанционного обучения влекут за собой формирование информационно-коммуникационного пространства, удовлетворяющего выделенным желательным характеристикам.

С целью обобщения и выявления среди рассматриваемых моделей возможных и подходящих, выделим определенные характеристики для их типизации, которые, на наш взгляд, являются существенными при создании научно-методических основ системы дистанционного обучения по профессиональному просвещению и оказанию теоретической и методической помощи в подготовке к вступительным испытаниям в системе довузовской подготовки:

1. Вид и форма образовательной услуги по определенной модели получения образования в системе довузовской подготовки.
2. Синхронность взаимодействий обучающего и обучающегося (поскольку обучающиеся могут обучаться, консультироваться, контролировать и оценивать результаты образовательных процессов в удобное для них время на основе временных рамок индивидуальной образовательной программы, рассматривая модель с асинхронным взаимодействием).

3. Информационно-коммуникационная среда.

4. Средства коммуникаций с обучающимися в системе довузовской подготовки на основе и с помощью инновационных информационно-коммуникационных технологий.

Мы рассматриваем существующие модели дистанционного обучения по определенным принципам и формам использования:

1. По степени использования дистанционной составляющей в процессе обучения. Мы рассматриваем образовательные взаимодействия между обучающимися, педагогами и образовательными информационными объектами на основе веб-материалов.

2. По способу организации дистанционного обучения.

3. По использованию возможностей сети Интернет не только в качестве средства передачи методических и дидактических материалов образовательной программы по предметам вступительных испытаний и программы профессионального становления молодежи, но и как образовательной среды гиперпедагога.

4. По средствам доставки методических, учебных и дидактических материалов обучающимся.

При создании нами сетевых вариантов средств дистанционного обучения мы отмечаем целесообразность следующих этапов: 1 – этап разработки; 2 – этап подготовки программно-методической документации; 3 – этап испытания и корректировки; 4 – этап опытной эксплуатации; 5 – этап сопровождения. В научно-методическом плане, как мы считаем, представляет интерес первый этап, процесс реализации которого представляет know-how всего процесса создания сетевых вариантов средств дистанционного обучения, поскольку содержит элементы творчества и носит отпечаток личностного подхода педагога к переносу традиционных методик профессиональной ориентации молодежи и их качественной подготовки к успешному участию в конкурсе на зачисление в число студентов. Этап разработки системы дистанционного обучения состоял из процедур формализации имеющихся образовательных услуг и программ, разработки концепции, сценария и этапов их реализации, удовлетворяющих современным требованиям и созданных с участием коллектива исполнителей: педагога-психолога, методиста (специалиста) по конструированию, педагога-предметника, специалиста по дизайну и эргономике и других специалистов.

Методы дистанционного обучения, по нашему мнению, должны «сглаживать» возможные и возникающие проблемные зоны обучения на расстоянии «отстраненного обучения», поэтому чтобы процессы коммуникационно-технологического блока были эффективными для конкретного потребителя образовательной услуги в системе довузовской подготовки, мы рассматривали и применяли следующие методы, которые должны отвечать ряду характеристик: быть более личностно-ориентирован-

ными на обучающегося и его состояние здоровья и возможностей, которые позволят более тщательно и детально планировать деятельность обучающегося, ее организацию, постановку цели и задач образовательных услуг, доставку необходимых учебных материалов; выделять в качестве ключевого понятия дистанционного обучения – интерактивность, обеспечивать максимально возможную интерактивность между сетевым педагогом и обучающимся, в том числе предоставляя возможность группового профессионального просвещения и консультирования; осуществлять как оперативную, так и отсроченную обратную связь в виде внешней оценки; формировать и поддерживать мотивацию; обеспечивать выбор содержательного модуля программы, что позволяет обучающемуся иметь возможность осознавать свое продвижение от модуля к модулю, дает возможность выбора любого модуля по своим интересам, своему усмотрению или усмотрению педагога-психолога, или усмотрению педагога в зависимости от избранной образовательной услуги в системе довузовской подготовки.

Таким образом, предлагаемые нами методы дистанционного обучения базируются на основе деятельностного обучения, используя индивидуальный, дифференцированный и личностно-ориентированный подходы. Одним из главных целевых ориентиров, по нашему мнению, при таких подходах обеспечения образовательной программы является перестройка процесса обучения на приоритет самостоятельной познавательной деятельности обучающегося на основе функциональной, семантической, процедурной и операционной модели обучаемого. Мы рассматривали методики с гораздо большим потенциалом, которые дают разным обучающимся разные соответствующие рекомендации в зависимости от индивидуальности их интересов, предпочтений и возможностей. Индивидуальные рекомендации направлены на жизненный опыт конкретного потребителя образовательных услуг в системе довузовской подготовки, его потребности и интересы, учитывают конкретные трудности, которые возникли или возникнут у него на пути, поэтому они и вызывают у него ответную реакцию. Обучающийся воспринимает эти сообщения лично к себе и поэтому относится к ним с большим вниманием, лучше их запоминает и более ревностно им следует, и благодаря этому значительно усиливаются процессы обучения, памяти и внимания.

Следует отметить, что использование информационно-коммуникационных технологий обеспечивает: повышение эффективности и качества образовательных процессов; активизацию познавательной деятельности на основе побудительных мотивов (стимула); углубление межпредметных связей за счет использования современных средств обработки достоверной информации, полученной в одинаковых условиях, с применением одинаковых принципов и критериев.

**Л. И. Бобровник, Н. Л. Мысливец,
И. А. Корлюкова, А. А. Шнипко**
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, l.bobrovnik@grsu.by)

ГЛАВНАЯ ОСОБЕННОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ РЕСУРСОВ В СИСТЕМЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Современная социальная среда делает запрос на личность, способную вступить во взаимодействие с ней. Профессиональное самоопределение молодежи сегодня происходит в условиях динамично меняющихся требований современного общества к уровню подготовки специалистов. Качество подготовки специалистов с высшим образованием в значительной степени зависит от качества образования абитуриентов, уровень которого определяется, на наш взгляд, следующими факторами: степенью осознанного и мотивированного профессионального выбора; уровнем и качеством учебных достижений; пониманием современного состояния избранной сферы деятельности и перспектив ее развития; степенью сформированности навыков познавательной деятельности и самостоятельной работы.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях формирования информационного общества задача освоения новых инновационных форм и технологий профориентационной деятельности университета оказалась в числе наиболее актуальных проблем развития системы высшего образования.

Очевидно, что корпоративная культура университета сегодня выступает одним из основных звеньев системы высшего образования страны, определяющих общий уровень интеллектуального развития общества, направленность целевых установок специалистов, особенности формирования информационной инфраструктуры всех отраслей человеческой деятельности, одной из важнейших составляющих культурной миссии университета выступают средства и способы эффективной профориентационной деятельности. Ступени профессиональной деятельности (профессиональное самоопределение обучающихся и динамика характера их профессионального выбора с учётом качества учебных достижений обучающихся) в системе довузовской подготовки и регулирование информационных потоков для целевой аудитории сопровождают все направления в партнерской сети «школа – ссуз – вуз – предприятие» и на каждой ступени характеризуется специфическими формами, содержанием и глубиной на основе принципов индивидуализации и информатизации.

Главная особенность содержания информационно-коммуникационных ресурсов в системе довузовской подготовки заключается в том, что акцент переносится на формирование у обучающихся и абитуриентов, педагогической и родительской общественности целостного представле-

ния о корпоративных ценностях университета, социально-экономических условиях получения образования, возможностях построения будущей профессиональной деятельности и карьерного роста, перспективах получения дополнительного образования, активизации самостоятельной и познавательной деятельности, последовательности взаимосвязанных диагностических действий педагога и обучающихся, обеспечивающих обратную связь в обучении и профессиональном самоопределении. Чтобы иметь возможность наблюдать, как обучающиеся самоопределяются в профессиональной сфере деятельности, мы решили проанализировать и выявить эффективные механизмы жизненного самоопределения. Мы рассматриваем пять видов самоопределения: жизненное, профессиональное, личностное, социальное и семейное. Вместе с тем, профессиональное самоопределение – это часть единого процесса жизненного самоопределения, сопровождение которого осуществляется посредством оказания помощи в профессиональном выборе, формированием конкретных личностных качеств, построением жизненной стратегии, в основе которой лежит стремление к саморазвитию и активная жизненная позиция.

На данной ступени профориентационной деятельности важное значение принадлежит информационной компетентности, с нашей точки зрения, новой грамотности, в состав которой входят умения активной самостоятельной обработки информации обучающимися и абитуриентами, принятия ими принципиально новых решений в ситуациях профессионального выбора. В таком понимании необходимым условием формирования информационного потенциала в инновационной системе довузовской подготовки является поиск адекватных и эффективных форм и технологий предоставления информации, что, соответственно, повышает требования к структуре и содержанию профессионального самоопределения.

Профессиональный выбор стратегии поведения абитуриентов сопряжен со стремлением к новому, неизвестному и сопровождается, как правило, снижением рефлексии по поводу возможных последствий от соприкосновения с неопределенностью. Можно отметить, что в среде молодежи распространен немотивированный риск, следовательно, велика опасность ошибки неправильного и непродуманного решения в профессиональном выборе.

Таким образом, изучение информационных потребностей абитуриентов будет способствовать не только принятию обоснованных управленческих и организационных решений в системе довузовской подготовки, но и позволит на основе совершенно новых подходов определить формы, методы и средства профессиональной ориентации молодежи, направленной на профессиональное самоопределение личности, в которой особую роль играют: потребность в труде, в профессиональной деятельности; потребность в престиже, которой часто руководствуется молодежь при выборе профессии; потребность в достижении, которая выражается в способности

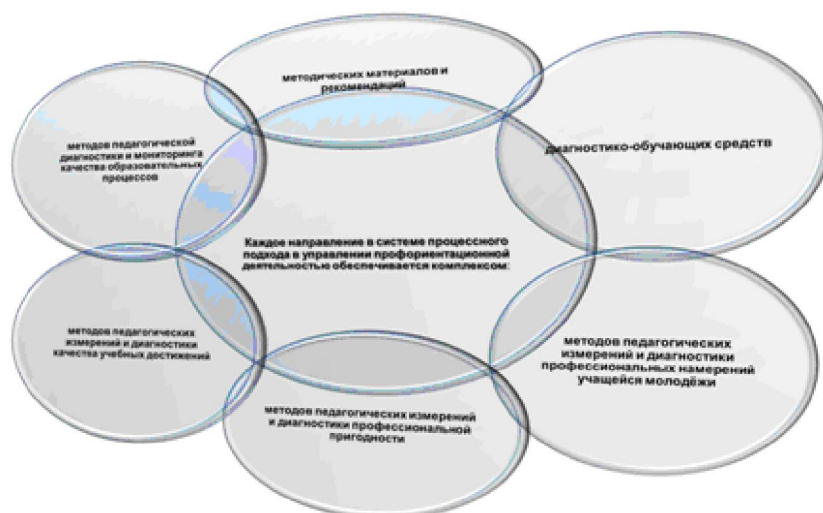
добиваться поставленной цели с помощью грамотного планирования образовательной траектории на основе принципов индивидуализации, информатизации самостоятельной познавательной деятельности; потребность в самоактуализации, которая проявляется в стремлении реализовать себя, свои интересы, склонности и способности. С этой целью нами был разработан диагностирующий инструментарий на основе методик, которые определены в группы: 1 – диагностика профессионально важных качеств; 2 – диагностика межличностного взаимодействия; 3 – диагностика самосознания личности; 4 – диагностика интеллектуальных способностей; 5 – диагностика мотивационно-потребностной сферы личности.

Оптимизированные и апробированные нами методики обеспечивают изучение личностных характеристик и индивидуальных особенностей обучающихся (абитуриентов), а также изучение психологической готовности к профессиональному выбору и самооценки личных возможностей для достижения цели в поступлении.

Данные методики предназначены для: выявления профессиональной направленности (намерений) обучающихся (абитуриентов) через изучение интересов, склонностей, эмоционального отношения к избираемой профессиональной деятельности; определения степени активности, самостоятельности, индивидуальности обучающихся в образовательном процессе, степени усвоения основных понятий образовательной программы (уровня и качества учебных достижений). Используемый комплекс методик носит развивающий характер, обеспечивает возможность получения каждым обучающимся (абитуриентом) информации о своих индивидуальных психологических качествах и степени их соответствия требованиям предпочитаемого профессионального намерения. Основное назначение диагностических процедур состоит в обеспечении личностного роста обучающихся (абитуриентов) за счет расширения границ их самовосприятия, развития навыков самооценивания, самоанализирования, побуждения потребности саморазвития и мотивации в обучении. Применение обозначенных нами диагностических методик позволяет активизировать внутренние психологические ресурсы обучающихся (абитуриентов), включая механизмы рефлексии, превращая процесс профессионального самоопределения в целенаправленную, осознанную личностно значимую деятельность. Результаты диагностик фиксируются и рассматриваются обучающимся (абитуриентом) совместно с педагогом-психологом, а также с возможным участием классного руководителя и родителей (для обучающихся). Результаты метода рассматриваются в комплексе, а их сочетание дает достоверную информацию и картину профессиональных интересов и склонностей обучающихся (абитуриентов), позволяющую определить уровень информированности и компетенций обучающихся (абитуриентов) в сферах образовательной и профессиональной деятельности, определить профессиональные намерения по отношению к буду-

щим образовательным планам и готовности к осознанному профессиональному выбору.

Выделенные и обоснованные нами диагностические методики направлены на осуществление эффективного процессного подхода в психолого-педагогическом сопровождении мероприятий профориентационной деятельности в информационно-коммуникационной среде на основе интегрированной партнерской сети «школа – ссуз – вуз – предприятие». Каждое направление в системе процессного подхода обеспечивается комплексом: методических материалов и рекомендаций в процессе профориентационных мероприятий, обучающих семинаров и круглых столов; методов педагогических измерений и диагностики профессионального самоопределения молодёжи; методов педагогических измерений и диагностики качества учебных достижений; методов педагогических измерений и диагностики профессиональной пригодности; диагностико-обучающих средств; методов педагогической диагностики и мониторинга качества образовательных процессов.

Рисунок 1 – Научно-методический комплекс обеспечения направлений системы процессного подхода в управлении профориентационной деятельностью

Таким образом, предложенный нами процессный подход позволяет диагностировать основные количественные и качественные характеристики компонентов профессионального самоопределения обучающихся (абитуриентов): информационного (информированность об избранной в будущем профессиональной деятельности; учет своих способностей, личност-

ных качеств при профессиональном выборе; наличие и реалистичность профессиональных планов); мотивационного (интерес к будущей профессиональной деятельности; стремление к саморазвитию, самореализации; частные мотивы в профессиональной деятельности); личностного – качеств, важных для профессионального самоопределения (интернальность, автономность, навыки самореализации деятельности, активность, мобильность).

Особенности разработки диагностирующего инструментария качественной и количественной оценки результатов интересов, склонностей и способностей (результатов профессиональных предпочтений и выбора абитуриентов, а также уровня их учебных достижений) обусловили необходимость создания и апробации инновационных форм и методов расширения и глобализации образовательной среды в системе довузовской подготовки.

В связи с вступлением в силу Кодекса Республики Беларусь об образовании необходимо подчеркнуть, что в условиях формирования информационного общества задача освоения инновационных форм и технологий профессионального просвещения и формирования информационной компетентности оказалась в числе наиболее актуальных задач, стоящих перед целостной системой профориентационной деятельности в довузовском образовании. Организация процессов профориентационной деятельности основывается на взаимодействии инновационного законодательства, рынка интеллектуальной собственности, соответствующих человеческих ресурсов. Рассматриваемое нами взаимодействие обеспечивает профессиональное становление и выбор молодежи, способной к проведению передовых научных исследований и опытно-конструкторских разработок и готовой к инновационной деятельности и соответствию требованиям подготовки специалистов новой генерации. Обоснованные и апробированные нами процессы профессиональной ориентации молодежи обеспечиваются в соответствии с требованиями инновационного и стратегического менеджмента на основе научно-методических и информационно-коммуникационных ресурсов образовательной среды и процессов профессиональной ориентации молодежи в системе довузовской подготовки.

Л. И. Бобровник, А. А. Шнипко, Н. М. Кранцевич
(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, l.bobrovnik@grsu.by)

РОЛЬ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЫ В УПРАВЛЕНИИ КАЧЕСТВОМ ДОВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В соответствии с Программой деятельности Правительства Республики Беларусь, на 2011–2015 гг. поставлена цель формирования в рес-

публике информационного общества на основе внедрения передовых информационно-коммуникационных технологий и вхождения Беларуси в число стран мира с самым высоким уровнем индекса развития информационно-коммуникационных технологий по системам Международных оценок. Как отметил А. И. Жук, «стратегической задачей информатизации образования является построение единого образовательного пространства в рамках не только отдельно взятого учреждения образования, а прежде всего в масштабах района, региона и всей страны в целом». Информатизацией должны быть охвачены все ступени и структуры образовательной системы Республики Беларусь.

В нашей деятельности мы рассматриваем инновационные технологии и механизмы информатизации образовательных процессов довузовской подготовки в целостной системе профориентационной деятельности на основе регионального партнерства в интегрированном взаимодействии «школа – ссуз – вуз – предприятие». Основной причиной торможения информатизации и основанных на ней инновационных информационно-коммуникационных технологий является недостаточная теоретическая, практическая и экономико-правовая разработанность целей, задач и содержания этапов информатизации в региональном партнерстве. Развитие данного направления сдерживает также ведомственная разобщенность: отдельными подсистемами и направлениями целостной системы профориентационной деятельности в системе довузовской подготовки занимаются разные структурные подразделения учреждений высшего образования и люди, имеющие свои интересы и мотивы, часто нацеленные на получение только промежуточных результатов с отсутствием принципов системности, валидности и достоверности.

Предпосылки и теоретические основания развития информационно-коммуникационной среды в партнерской сети «школа – ссуз – вуз – предприятие» базируются на динамично развивающейся фрактальной, нелинейной кибернетически-синергетической системе, представляющей собой соединение, пересечение двух базовых пространств: информационного и образовательного. Информационное пространство, в котором создается, анализируется, трансформируется и предоставляется участнику образовательного процесса информация. Информационное пространство представляет собой совокупность баз и банков данных, сетей, телекоммуникационных сетей, средств информационного взаимодействия институтов образовательной системы и потребителей, включающих программно-технические средства, организационно-нормативные документы, формы системно-прикладного и научно-методического обеспечения образовательных процессов.

Мы считаем, современные информационные ресурсы не могут быть рассмотрены вне методологии информационных наук, развивающейся в двух направлениях: техническом и социальном (социально-информационном, социально-коммуникационном).

Анализируя в данном русле проблемы социального функционирования целостной системы довузовской подготовки в процессе качественного формирования контингента студентов как инновационной основы системы образовательных информационных ресурсов, мы говорим как о технологической обоснованности модернизированных решений, так и о социальной обусловленности технологического развития процессов профессиональной ориентации молодежи и в целом профориентационной деятельности университета с учётом элементов инновационно-стратегического подхода (рис. 1).

Рисунок 1 – Элементы инновационно-стратегического подхода в системе профориентационной деятельности университета

Нам представляется необходимым изучать перспективность коэволюционного подхода, предполагающего согласованное развитие системы довузовской подготовки и процесса ее информатизации, их коэволюцию как механизм, взаимообслуживающий изменения элементов, составляющий развивающуюся целостную систему довузовской подготовки. Однако такой аспект теоретического осмысления функционирования системы единой информационно-образовательной среды в системе довузовской подготовки в условиях информатизации еще недостаточно изучен. Так же как недостаточно изучена коэволюция современного развития учреждений и структур довузовского образования как социального института и других институтов информатизации общества.

Именно эти теоретико-методологические подходы, по нашему мнению, и необходимы для успешной реализации ряда стратегических инициатив и их успешной трансформации в тактические инструменты социального управления. В данном случае речь идет о некоем круговороте, когда социальная потребность стимулирует техническое творчество, разработку идеологии и базовые технологические решения для ее удовлетво-

рения, затем новое информационно-технологическое решение стимулирует изменение потребности от макроуровня до микроуровня. В русле информатизации трансформируются отдельные аспекты социальной активности обучающихся, а в нашей деятельности – всех участников образовательного процесса (обучающиеся, педагоги, педагоги-психологи и родители), в которые инвестируется необходимый для авангардного течения ресурс, а также формируется специфический габитус, который экстраполируется на остальные социальные практики, в частности, на образовательно-информационное взаимодействие. Вместе с тем, мы рассматриваем концентрацию технологических разработок на конкретных функциях, механизмах и процессах функционирования образовательной системы довузовской подготовки и специализированного поиска информационно-технологических решений в русле прикладной информатики как одной из наиболее практикоориентированных дисциплин. В свою очередь, в системе нашей деятельности интеграция новых для образовательной системы приложений катализирует изменения традиционных практик, формирование новых форматов и принципов образовательной коммуникации, создание композитивных информационно-образовательных систем с целью трансформации образовательного процесса инновационного характера.

Мы рассматриваем модернизацию образовательной деятельности по принципу: усиление роли педагогического творчества на основе инновационных информационно-коммуникационных технологий; отказа от обязательного единообразия научно-методических и образовательных материалов, имеющих достаточную вариативность с учетом индивидуальных особенностей различных групп обучающихся, различных уровней освоения образовательной программы; формирования принципов творческого поиска самого обучающегося на основе принципов самоконтроля, самооценки и самостоятельной деятельности.

Таким образом, считаем целесообразным создание комплекса, сфокусированного на решении задач индивидуального развития личности в его профессиональном самоопределении посредством метакорпоративной электронной ресурсной информационной базы единой стратегической направленности, с академическими свободами, которая создается и поддерживается сетевым взаимодействием в режиме дистанционного обучения и кейс-технологий (использование печатных, звуковых, видео, CD-дисков, которые рассылаются обучающимся заранее).

Проанализировав разные аспекты научных подходов информатизации образовательной деятельности в системе довузовской подготовки на основе индивидуализированного подхода в обучении и сетевого взаимодействия, мы делаем вывод о том, что без решения проблемы мотивации обучающихся любые инновационные формы обучения и воспитания, методические средства и приемы, используемые сетевым педагогом, обре-

чены на неудачу. Резервы повышения мотивации мы предлагаем формировать на основе реальных интересов обучающихся.

С позиций организатора образовательного процесса под инновационной образовательной технологией использования информационно-образовательных ресурсов понимается способ применения современных информационно-технических средств создания, сбора, передачи, хранения, актуализации и обработки информации, а также человеческих ресурсов для оказания образовательных услуг в системе довузовской подготовки. При организации образовательных процессов в системе довузовской подготовки важно учитывать дидактические, гносеологические, психологические, социологические и другие закономерности педагогических процессов, а также принципы педагогических, управленческих и информационно-технологических подходов.

Важно отметить, что анализ опыта внедрения образовательных инноваций показывает, что информатизацию системы довузовской подготовки необходимо рассматривать как новую область педагогической науки, включающую в себя подсистемы: обучение, воспитание, просвещение – обеспечивающие процессы довузовской подготовки методологией процессов профорientационной деятельности, теорией и практикой разработки оптимального использования средств информационных и коммуникационных технологий при формировании контингента студентов вуза. В реальности же мы часто наблюдаем подмену процесса информатизации системы довузовской подготовки процессом компьютеризации, насыщением компьютерной техникой без должного осмысления ее назначения и рационального использования в образовательной деятельности.

Мы рассматриваем несколько моделей смешанной информационно-образовательной среды:

- онлайн-общение, индивидуальные и групповые онлайн-консультации, аудио и видео лекции (семинары) в образовательных процессах довузовской подготовки;
- предлагается на основе уже полученных информационных компетенций, определенного объема навыков и знаний личной профессиональной пригодности и профессиональных намерений стать автором или редактором сценария приобретения других информационных компетенций;
- электронное занятие или семинар с одновременным контролем в форме тестирования усвоения каждого дидактически законченного фрагмента профионограмм.

В сущности концептуальных идей информатизации образовательной среды системы довузовской подготовки, направленных на мотивированное и своевременное профессиональное самоопределение молодежи, на качественную подготовку к централизованному тестированию и внутривузовским испытаниям, на успешное участие потенциальных абитуриентов в конкурсе для зачисления в число студентов и, естественно, обес-

печивающих качественное формирование контингента студентов вуза мы учитываем современное состояние и перспективы развития процесса информатизации образования. В этой связи мы выделяем два основных направления: инструментально-технологическое, связанное с использованием новых возможностей средств информатики и информационных технологий для повышения эффективности системы довузовской подготовки; содержательной, связанное с формированием нового содержания самого образовательного процесса.

Сегодня уже нет никаких сомнений, что XXI в. будет веком информации, научных знаний и профессиональных компетенций, а значит и система образования должна будет решать принципиально новую глобальную проблему, связанную с подготовкой миллионов людей к жизни и профессиональной деятельности в совершенно новых для них условиях информационного мира. Принципиально новых подходов потребует и проблема информатизации процессов довузовской подготовки самого образования не только как стратегически важное направление развития собственно самой образовательной системы, но и как фундаментальная научная проблема расширения и глобализации информационно-коммуникационной образовательной среды системы довузовской подготовки.

**Л. И. Бобровник, А. А. Шнипко,
Н. М. Кранцевич, И. А. Корлюкова**

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, l.bobrovnik@grsu.by)*

ДОВУЗОВСКАЯ ПОДГОТОВКА КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ ОСНОВА ПЕРСПЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Значимая роль образования в экономическом и социальном развитии современного общества, обеспечении международной конкурентоспособности национальных экономик предопределяет во всем развитом мире постоянный интерес политических, научных, деловых и общественных кругов к проблемам государственной образовательной политики. Новые реальности окружающего мира и глобальные изменения, происходящие в социально-экономических отношениях Республики Беларусь, поставили перед высшей школой целый ряд проблем, требующих своего решения. В сфере внимания остается традиционная установка образования на подготовку квалифицированных специалистов, способных давать ответы на вызовы современности и на поступательное развитие и укрепление национального научно-информационного пространства. Образование является источником, ресурсом и средством развития страны. А ин-

новации в образовании, в свою очередь, являются способом долгосрочно-стратегического развития образования. Вместе с тем, образовательная система служит ресурсом развития образования страны лишь при условии, когда уровень и направления развития образовательной системы отвечают потребностям общества на данном этапе развития, а значит адекватно и своевременно встраиваются в социальную реальность. В этой связи проблемой зачастую является механический перенос инновационных технологий, которые выработаны в иных социальных условиях на инородную почву, в то время как необходим детальный предварительный анализ совместимости предлагаемых нововведений с национальными условиями, особенностями развития страны. Однозначно, это позволяет выработать механизмы успешного усвоения и продуктивной реализации инноваций в новых социальных условиях. Однако отсутствие такого предварительного анализа приводит к негативным социальным последствиям, в результате которых происходит рассогласование процессов в социальных институтах, что влечет за собой снижение стабильности образовательной системы в целом.

Одним из важнейших достижений человечества является высшее образование. Высшее образование – это процесс и результат обладания человеком знаний, умений и навыков, совершенствования миропонимания, развития идейно-политических взглядов и ценностей, а также творческих задатков и способностей, необходимых для его полноценного включения в социальную и культурную жизнь современного общества и выполнения определенных профессиональных функций. Полноценная система высшего образования уже давно стала одним из первостепенных факторов экономического, социального и культурного развития, важным инструментом политики любого государства. Содержание и перспективы высшего образования определяются потребностью в знаниях общества в целом и определенного индивида в частности.

Высшее образование интегрирует вокруг себя другие общественные системы (экономику, науку, культуру, экологию), предопределяя тем самым не только перспективы развития современного общества, но и деятельность каждой отдельной личности. Доступность всех ступеней высшего образования, ориентация на массовость, ответственность за качество высшего образования стали базовыми принципами развития национальных систем образования большинства государств.

Задача современного национального образования – не только подготовить квалифицированного специалиста для той или иной отрасли производства, но и привить будущему специалисту готовность стать активным участником инновационных преобразований в обществе. В настоящее время о необходимости инновационного развития системы высшего образования идет речь практически во всех развитых странах. Повсюду происходят кардинальные изменения, которые затрагивают разви-

тие высшей школы, ее структуру и содержание, систему управления качеством подготовки специалистов. Конечно, в каждой стране свои подходы, методы и технологии, а процесс совершенствования имеет соответствующую специфику и принципы, опирающиеся на национальные традиции, социально-экономические условия, демографическую ситуацию.

Высшее образование как система – уникальная социальная структура, призванная развивать и приумножать человеческий капитал, формировать основные идеи, ценности и идеалы, мировоззренческие позиции, которые конструируют как будущее общество, так и судьбы отдельных людей.

В этой связи очевидна необходимость реформирования традиционных моделей высшего образования, направленных на усвоение и передачу информации, в сторону их большей гибкости, восприимчивости к инновациям. Сегодня существует необходимость в подготовке специалистов, способных не только решать типичные задачи, но и ориентироваться в нестандартных условиях, характеризующихся высокой степенью неопределенности. Чтобы быть источником эффективного развития социума, образование должно четко соответствовать требованиям реального сектора экономики. Очевидно, что поиск инновационных технологий в сфере образования сегодня ведется в направлении определения принципиально новой модели развития национального образования, построенной на других по сравнению с традиционной моделью целевых и деятельностных принципах процессов приема в вуз, предоставления опережающего образования – такого образования, которое готовит специалистов для решения не только текущих проблем, но и проблем, возникновение которых возможно в будущем.

Мы считаем, что качественные и количественные характеристики набора для получения высшего образования, становятся ключевым в оценке качества вуза. В новых условиях развития образования с учетом конкуренции особое значение приобретает, с одной стороны, модернизация форм профессионального информирования, консультирования, просвещения и профессионального становления в выборе специальности и формы получения образования, с другой – системное использование инновационных технологий стратегического планирования, менеджмента, маркетинга в создании глобального информационного пространства, обеспечивающего: эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Определены основные, на наш взгляд, направления модернизации процессов системы довузовской подготовки на основе следующих требований к развитию высшего образования: учет процессов социально-экономической глобализации, регионализации и его интернационализации; обеспечение доступности, эффективности; определение системы непре-

рывного интегрированного взаимодействия в партнерской сети «школа – ссуз – вуз – предприятие»; постоянное повышение качества профориентационной и маркетинговой деятельности на основе принципов информатизации, индивидуализации и практико-ориентированной деятельности; обеспечение профессиональной мобильности и конкурентоспособности выпускников на основе личностно-ориентированного характера образовательных процессов, поисково-исследовательской деятельности в целостной системе профессиональной ориентации молодежи и ее осознанного профессионального выбора в соответствии с заявленными приоритетами для поступления в вузы и ссузы с учетом качества их учебных достижений и компетенций.

Кардинальное изменение взглядов на образование связано с объективными социальными процессами, протекающими в современном белорусском обществе. В настоящее время мы наблюдаем радикальные изменения форм и темпов жизни, сокращение периодов устойчивости действующих моделей производства, быструю смену технологий, высочайший рост информатизации, усложнение форм и оснащенности труда и других видов социальной деятельности. Эти процессы несоизмеримы с временными рамками имеющихся образовательных циклов и программ, их информационным пространством и информационными ресурсами, особенно в системе довузовского образования по направлениям профориентационной и маркетинговой деятельности. Образовательные процессы должны соответствовать постоянно изменяющемуся характеру общественных запросов, а темпы их развития необходимо согласовывать с темпами развития социума. В результате постоянно, на наш взгляд, будет изменяться содержательное наполнение образовательных процессов, его формы и способы организации. Особенно пристально мы рассматриваем применение в образовательных процессах системы довузовской подготовки новых технологий в обучении (дистанционное обучение, проведение Интернет-конференций, форумов, консультаций для целевой аудитории: руководители учреждений общего среднего, среднего специального и профессионально-технического образования; педагогическая и родительская общественность; обучающиеся и выпускники). Вместе с тем нами учитывается расширение технологической базы образовательного процесса, активное использование электронных средств обучения, внедрение эффективных форм компьютерных (автоматизированных) систем промежуточной оценки учебных достижений обучающихся и диагностики их профессиональных намерений и предпочтений, применение виртуальных способов общения педагогов и обучающихся посредством электронных рассылок, электронной почты и системы on-line. Проведенный анализ опыта использования и результатов практического внедрения дистанционного обучения свидетельствует о его однозначной перспективе стать средством образовательной навигации в системе довузовской подготовки. Однако образовательные технологии по-пре-

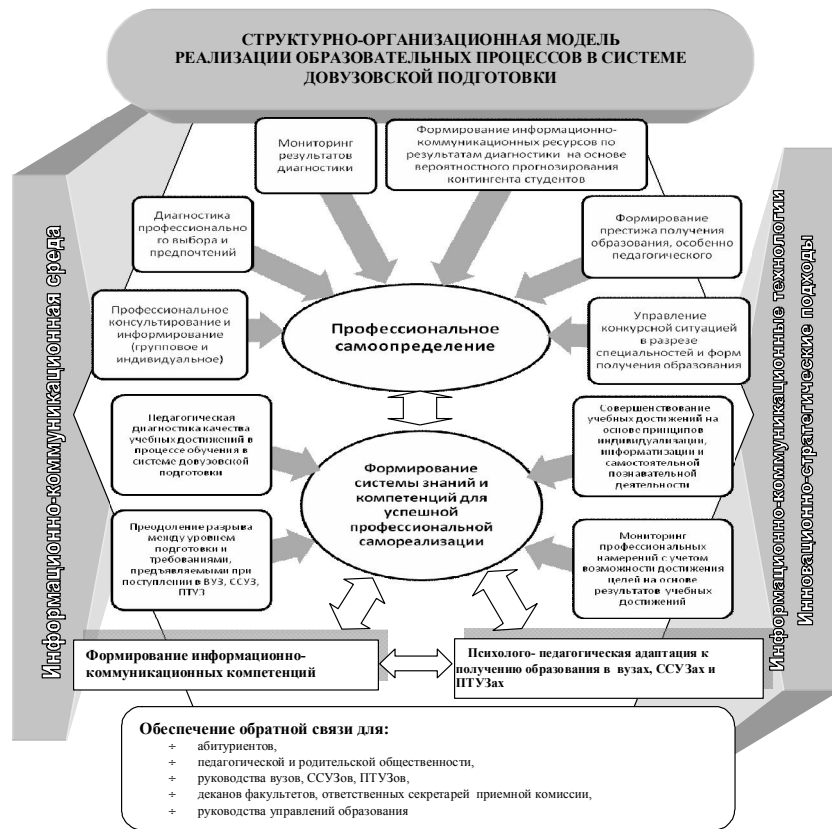
жнему оказываются консервативно ориентированными, то есть направленными преимущественно на накопление знаний, а не на практическую их реализацию. В этой связи необходима переориентация образовательного процесса в системе довузовского образования с простого воспроизводства знаний и навыков на формирование у обучающихся мотивированного профессионального выбора.

Реализация стратегических планов в системе довузовской подготовки невозможна без перемен в обществе. Укрепление политической системы, социальных и правовых институтов, современного образования – это составляющие успеха всего государства. В связи с этим усилилось внимание со стороны государства и общества в целом к системе довузовской подготовки, мы рассматриваем уникальную систему дополнительного образования, способную не только раскрыть личностный потенциал любого обучающегося, но и подготовить его к условиям жизни в высококонкурентной среде, выявить и развить умение бороться за себя и реализовать свои идеи. Уникальность системы довузовской подготовки Учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» обеспечивается постановкой приоритетных задач, а именно это: повышение инвестиционной привлекательности системы, ее открытости и доступности для молодежи, их родителей и общественности; гарантирование прозрачности финансовых потоков обеспечения и сопровождения образовательной деятельности; расширение спектра и повышение качества образовательных услуг; активное внедрение информационно-коммуникационных технологий на основе принципов информатизации и индивидуализации, направленных на освоение компетентностей в сфере самостоятельной познавательной и проектно-исследовательской деятельности. Решение обозначенных задач возможно только при активном использовании научных подходов к моделированию обозначенных процессов, что обусловило на практике необходимость разработки и внедрения структурно-организационной модели реализации процессов целостной системы довузовской подготовки.

Цель разработанной модели заключалась в организации такой образовательной деятельности, которая обеспечит формирование высококомпетентной личности через раскрытие индивидуальности, восхождение её к творчеству, освоение культуры, воспитание духовности, гражданственности, способной к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире.

Достижению поставленной цели, мы полагаем, будет способствовать решение следующих стратегических задач: оптимизация педагогического управления на основе маркетинговых технологий; информатизация образовательного и управленческого процессов; разработка и обновление содержания образовательных услуг, их программного, научно-методического обеспечения; повышение профессиональных компетентностей педагогических и руководящих работников; развитие социального партнерства с

учреждениями образования на уровне Гродненской области и Республики Беларусь; совершенствование механизмов выявления и поддержки талантливых обучающихся и молодежи, в том числе обучающихся с ограниченными возможностями жизнедеятельности, находящихся в трудной жизненной ситуации, развитие их адаптационных возможностей.

Рисунок 1 – Структурно-организационная модель реализации образовательных процессов в системе довузовской подготовки

Эффективность реализации процессов структурно-организационной модели целостной системы довузовской подготовки обеспечивается рядом мероприятий нормативно-правового, кадрового, научного и программно-методического, материального и информационно-технического, орга-

низационно-массового характера, учитывая ряд причин социально-экономического характера (соотношение между людьми, занимающимися умственным и физическим трудом; развитие системы профессионального образования и расширения сферы образовательных услуг; превращение знаний и информации в наиболее легко транспортируемые ресурсы; применение во всех сферах жизнедеятельности информационных и телекоммуникационных технологий). Нами определены и сформированы организационно-педагогические основы маркетинговой стратегии профилирования и мотивации будущих абитуриентов на ранних этапах их обучения на основе инновационных приемов, заимствованных из различных областей знаний: социологии, психологии, философии, истории, экологии, математического моделирования и анализа. Такой подход обеспечил формирование баз данных потенциальных абитуриентов с учетом приоритетов выбора ими специальностей, вузов, форм получения образования и баз данных уровня их учебных достижений; отслеживания результатов их продвижения в образовательной траектории и других достижений в общественной, творческой, спортивной и научной деятельности; организации дифференцированной деятельности и эмоциональной вовлеченности потенциальных абитуриентов на основе правил и принципов событийного маркетинга в информационном обществе.

Мировое сообщество вступило в новую историческую фазу своего развития – информационное общество. Сложилась теоретическая и практическая модели его восприятия и реализации. Отличительными чертами информационного общества являются:

- увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества;
- возрастание количества людей, занятых инновационными технологиями, коммуникациями и производством информационных продуктов и услуг, рост их доли в валовом внутреннем продукте;
- нарастающая информатизация с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, а также традиционных и электронных СМИ;
- создание глобального информационного пространства, которое обеспечит эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах;
- развитие информационной экономики, электронного государства, электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных сетей;
- электронное право, правовое регулирование отношений разработчиков и пользователей ресурсов.

Информационные технологии и инновационные формы интенсивно проникают в сферу довузовского образования по принципу личностно-деятельностного и самостоятельного познавательного характера обучения. Успешно развиваются национальные информационно-коммуникаци-

онные технологии в образовании, а в рамках нашей деятельности рассматривается достаточно эффективная информационная индустрия в системе довузовской подготовки. Следует отметить, что в системе довузовской подготовки Гродненского государственного университета имени Янки Купалы широко внедряются различные автоматизированные системы сбора и обработки информации.

Информационно-коммуникационная среда нами рассматривается как важнейший аспект оптимизации управления системой довузовской подготовки, дающий возможность каждому полноценно участвовать в этом процессе. Вопросы внедрения дистанционных форм обучения во все аспекты деятельности системы довузовской подготовки обозначены нами как приоритет.

Очевидно, что содержание анализа и мониторинг оценки результатов профориентационной и маркетинговой деятельности университета включает целый набор процедур, к которым можно отнести: выбор проблемы и цели изучения педагогических явлений; определение средств и способов педагогической действительности; формирование обобщённых характеристик эмпирических данных, которые раскрывают суть образовательных процессов и интерпретацию результатов изучения. Практический уровень предполагает установление и накопление информационно-коммуникационных ресурсов (количественная и качественная обработка данных) и на этой основе формирование эмпирических закономерностей; теоретический – объяснение этих факторов и вероятностное прогнозирование (предсказание, предвидение) качества контингента студентов; методологический – построение теорий и положений изучения и оценки процессов профессионального просвещения и мотивированного и осознанного самоопределения молодёжи в реальных профессиональных образовательных, воспитательных и социально-экономических условиях.

Предлагаемые нами организационно-педагогические основы управления качеством формирования контингента студентов вуза как одного из перспективных факторов развития высшего образования позволяют: приблизить образовательный и научно-исследовательский процессы к запросам темпа развития промышленного сектора экономики; формировать кадровое обеспечение всех сфер реального сектора экономики специалистами, владеющими теорией и практикой стратегического и инновационного менеджмента, в том числе умеющими эффективно моделировать процессы управления качеством профессиональной деятельности; обеспечить развитие высоких технологий и форм инновационной деятельности на основе интеграции производства, науки, образования.

Вместе с тем следует отметить, что реформа национальной системы образования затрагивает не только саму сферу образования, но и оказывает влияние на сферу производства и экономики в целом, а также на науку, политику. Развитие национального образования способствует повы-

шению конкурентоспособности страны в мировом экономическом пространстве. Задача сегодня – выработать такую модель развития национального образования, которая будет способствовать повышению благосостояния белорусского общества. Решение такой масштабной задачи невозможно без развитой системы теоретических знаний о функционировании образования как социального института, находящегося в тесной взаимосвязи с другими социальными единствами. Необходимо понимание социальной природы образования, оценка его не просто как сферы передачи и получения определенной суммы знаний и навыков, но, прежде всего, как элемента социального целого, развитие которого находится в тесной связи с развитием социальной системы в целом. Это влечёт необходимость согласования процессов, протекающих в информационно-образовательной среде, с общими тенденциями развития социума на данном этапе его бытия, усиление тенденции рассматривать образование человека как последовательное формирование и развитие социально и профессионально компетентного, самостоятельного и активного участника жизни, способного квалифицированно решать возникающие проблемы, устанавливать связь между знаниями, компетенциями и ситуациями.

С. И. Бойко

(Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, bsi1952@yandex.ru)

НЕОКОРПОРАТИВИЗМ КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Политический корпоративизм по абсолютно понятным и не подлежащим никаким сомнениям причинам скомпрометирован в западноевропейской истории и как форма организации политического режима, и как идеология. Тем не менее, если речь идет не о политической практике XX века, а о политологии, анализе современных политических процессов и перспектив государственного управления, имеет смысл отойти от устаревших идеологизированных оценочных стандартов: «В фашистской Италии корпорациями называются принудительные организации, состоящие из представителей союзов предпринимателей, фашистских профсоюзов, фашистской партии и государственных чиновников... Корпорации созданы якобы для согласования интересов труда и капитала; действительная же задача этих корпораций состоит в том, чтобы обмануть рабочих, связать им руки и отвлечь их от революционной борьбы против капиталистического строя» [1, с. 370]. Однако существует факт успешного корпоративизма в Швеции, когда социал-демократическую партию и правитель-

ство с 1932 г. по 1946 г. (до своей кончины) возглавлял П. А. Ханссон. Он создал теорию «Народного дома», где сотрудничество осуществлялось как в корпоративной экономике, а государственные институты брали на себя функции, невозможные при либерализме, но основанные на принципах социал-демократии, на концепции межпартийных и социальных коалиций, на мобилизации всех национальных социально-экономических и политических ресурсов в сложных условиях середины XX века [2]. В результате Швеция одной из первых построила социальное государство.

Противоборство между реальными социалистическими и капиталистическими режимами как идеологическими противниками кануло в лету. Актуальны вопросы борьбы за социально-экономическую конкурентоспособность и эффективность государств, за качество жизни. Так, Швейцария провела референдум об ограничении и регулировании миграции, что противоречит действующим правилам ЕС, но гарантирует коренным швейцарцам, которых уже только 75 % населения, контроль над структурами государства без отрицательной динамики социальной стабильности в обозримой перспективе. Референдум – это прямая демократия, прямое волеизъявление, обязательное для исполнения, и не имеет значения, что перевес голосов был минимальным (голосовали «за» 50,3 % участников референдума) [3]. Как показал дипломат и политолог С. Романо в монографии с красноречивым названием «Умереть от демократии: между авторитаризмом и популизмом», Швейцария остается примером для Италии: «Не все демократии в евроатлантической зоне одинаково больны. Кажется, лучше обстоят дела со здоровьем демократии в Скандинавских странах, хотя некоторые симптомы и вызывают тревогу. И, конечно, в наилучшем состоянии находится швейцарская демократия» [4, р. 89]. Нестабильность парламентской республики как формы демократического управления еще раз доказала очередная отставка в феврале 2014 г. итальянского правительства, возглавляемого одним из руководителей демократической партии Э. Летта [5]. Это не способствует устойчивости интеграции в Европейском Союзе, но пример ЕС некоторые политики продолжают упорно пытаться сделать доминантной моделью на постсоветском пространстве.

Взвешенная и достаточно всесторонняя аналитическая оценка неокорпоративизма и его перспектив сделана проф. Ю. В. Ирхиным. Между конкурентной экономикой и государством неокорпоративизм располагает широкую сеть коллективных институтов, представляющих различные социальные страты. Члены корпораций ориентируются на коллективистские ценности, на высокую производительность труда, получают значительный уровень социальной защиты. Участие корпоративных структур в консультациях, в принятии политических и государственных решений, в контроле исполнения позволяет учесть интересы подавляющей части общества [6, с. 368]. Сеть ассоциаций интересов проявляет себя на раз-

ных уровнях государственного управления, как на мезо-, так и на макроуровне в силу расширения транснациональной мобильности капитала [6, с. 369]. Известны недавние события с «Уралкалием», когда транснациональная компания попыталась оказать давление на суверенное государство. У неокорпоративизма значительный мотивационный и мобилизационный ресурс, который может быть задействован в интеграционных и модернизационных процессах.

Создание Общероссийского народного фронта в 2011 г. преследовало цель не только сохранить большинство в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва для партии «Единая Россия», но, главное – обеспечить надпартийную, максимально широкую поддержку В. В. Путину на президентских выборах в марте 2012 г. ОНФ «За Россию» в настоящее время зарегистрирован как общественное движение, целями которого являются «содействие единению и взаимному доверию, сотрудничеству и гражданской солидарности во имя исторического успеха России, ... развитию общества свободных и успешных людей, построенного на ценностях любви и уважения к своей стране, справедливости, взаимоуважения», а также «поддержка и обеспечение прямого и постоянного диалога между гражданами и Президентом страны, общественного мониторинга и гражданского контроля исполнения законов, президентских инициатив и иных приоритетных государственных решений и программ» [7]. Несомненно – это фактор неокорпоративизма в политическом режиме.

В политической системе Беларуси политические партии по объективным причинам не играют значимой роли, как в западноевропейской или российской модели государственного управления, что отмечают и белорусские политологи [8, с. 178–179], например, проф. И. В. Котляров [9, с. 298].

Вероятно, что в Союзном государстве идет ренессанс неокорпоративизма, о котором говорил Ф. Шмиттер [10, с. 14–22].

Союзное государство становится постепенно структурой, интегрирующей возможности поступательного демократического развития с сохранением суверенитета и равноправного экономического взаимодействия в конкурентных процессах глобализации.

Политическая нестабильность на Украине, «Евромайдан», двойные стандарты, поощрение агрессивного явного меньшинства – пример противодействия интеграционным процессам на постсоветском пространстве и навязывания подчиненной модели государственного устройства. Однако на территории Союзного государства Беларуси и России политическое давление не срабатывает. Посол США М. Макфол, политтехнолог «революций», досрочно покидает Россию [11].

Кто решил, что англосаксонская или западноевропейская политическая система – это эталон, идеальная модель политического режима и государственного управления? Вопрос риторический.

Неокорпоративная демократия – эффективный инструмент и фактор интеграционных процессов в Союзном государстве для блага наших народов. Не для строительства «универсальных» парадигм наднациональной демократии. Экономический корпоративизм не противоречит общенациональным и союзным интересам, если и когда он подчинен политическому, государственному неокорпоративизму.

Список литературы

1. Политический словарь / под ред. Н. Рубинштейна, В. Потемкина. – М.: Госполитиздат, 1938.
2. Шведская модель: дом на обочине // Коммерсант. ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/680326>. – Дата доступа: 27.10.2013.
3. Райбман, Н. Швейцарцы одобрили введение квот для мигрантов / Н. Райбман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/career/news/22527491>. – Дата доступа: 10.02.2014.
4. S. Romano. Morire di democrazie: tra autoritarie e populismo / S. Romano – Milano: Gruppo editoriale Mauri Spagnol, 2013.
5. Правительственный кризис в Италии: премьер Летта ушел в отставку [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140214/994925256.html>. – Дата доступа: 14.02.2014.
6. Ирхин, Ю. В. Политология: учебник / Ю. В. Ирхин. – 2-е изд. доп. – М.: Изд-во «Экзамен», 2007.
7. Устав Общероссийского общественного движения «Народный фронт “За Россию”» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onf.ru>. – Дата доступа: 17.02.2014.
8. Палятычныя партыі Беларусі: гісторыя і сучаснасць / У. К. Коршук [і інш.]. – Мінск: Тэсей, 2011.
9. Котляров, И. В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск: ФУАинформ, 2009.
10. Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер // Полис. – 1997. – № 2.
11. Что сделал Майкл Макфол на посту посла США в России? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/dontknows/file/1098582>. – Дата доступа: 16.02.2014.

Л. С. Большедворова

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
centis@bsu.by)

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И БЕЛАРУСИ

Мировые интеграционные процессы в конце XX – начале XXI в. обрели устойчивую динамику развития. Наиболее эффективными они оказались в Европе; они постоянно развиваются, расширяя сферы компе-

тенции ЕС. Основные достижения отмечены в экономической сфере, которые обеспечивают продвижение интеграции в новых сферах. В экономике наиболее высока доля полномочий, передаваемых Европейскому союзу странами-участницами. Однако содержание и формы политической интеграции заметно отстают, в то время как развитие интеграционных процессов зависит именно от уровня интеграции политической.

Основанием европейской интеграционной системы служит сочетание межправительственного подхода с наднациональными органами управления.

Политическое объединение Европы наталкивается, в том числе, на существование наций как средоточия политической власти. На развитие интеграционных процессов влияют национальные правительства. Ключевая роль в европейской интеграции остается за ведущими наиболее мощными интеграторами – Германией и Францией, от которых исходит большинство инициатив, и поддержка этих стран необходима для эффективного функционирования всего Европейского союза. Внутри ЕС сложились также группировки «догоняющих» стран: Бельгия, Нидерланды, Люксембург; страны Балтии; северные страны (Дания, Швеция, Финляндия) и Вышеградская четверка. В их рамках общепринятой распространенной практикой стали консультации, принятие совместных планов действий, выработка общих позиций в рамках Евросоюза [Тонко, А. В. Европейская интеграция : системный подход / А. В. Тонко // Журнал.org [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jurnal.org/articles/2008/polit45.htm>. – Дата доступа : 19.02.2014].

Европейский союз представляет собой многоуровневую систему, общая структура которой выстраивается в соответствии с реализуемыми интеграционными стратегиями. Постепенно идет смещение от экономической к политической интеграционной основе. Гуманитарное направление представляет отдельное направление интеграционных стратегий и выступает в качестве предпосылки для развития полноценного интеграционного объединения.

Благодаря членству в ЕС его страны-члены имеют сопоставимый уровень экономического развития. Схожая экономика, геополитические факторы и культурное взаимодействие подразумевают растущую близость интересов в сфере экономического развития.

Различия в позициях стран-членов имеют социально-экономическую основу. Среди стран Евросоюза можно выделить несколько групп государств, отличающихся уровнем экономического развития, структурой экономики, а также социальными параметрами.

Существенные различия в развитии стран – членов ЕС привели к появлению гибкой интеграции. Развитие в ЕС механизмов гибкости – процесс неоднозначный. Гибкая интеграция – единственное средство сохранить динамизм развития ЕС. Гибкая интеграция представляет неотъемле-

мую часть интеграционного процесса, которая характеризуется неодинаковым участием государств-членов в интеграционных проектах и обусловлена уровнем развития стран. Основная идея гибкой интеграции – регулировать и сглаживать различия между государствами – членами ЕС. Гибкая интеграция позволяет сочетать углубление и расширение интеграции, давая возможность управлять Евросоюзом более эффективно.

Опыт ЕС показал, что даже самая успешная интеграция может сопровождаться кризисами, экономической стагнацией, безработицей, свертыванием социальных программ и т. п. Для преодоления подобных явлений необходима политическая воля стран – участниц интеграционного объединения. Более того, дальнейший успех интеграции предопределен именно углублением и расширением интеграционных процессов на пространстве Европейского союза.

В отношениях Беларусь – Запад особое значение имеет взаимодействие Беларуси с ЕС. Это связано с общими интересами и проблемами, сформировавшимися вследствие непосредственного соседства, – экономические вопросы, восстановление и развитие политического диалога, проблемы безопасности, противодействие современным угрозам и вызовам, гуманитарные вопросы, требующие системной работы обеих сторон. Поэтому всестороннее развитие отношений с Европейским союзом соответствует национально-государственным интересам Беларуси. В последние годы эти отношения складывались достаточно сложно и противоречно, отставая от динамики глобальных мировых процессов.

Во внешней политике Евросоюза Беларусь среди стран СНГ не была приоритетом. Значительно больше внимания ЕС традиционно уделяет России как экономическому и политическому партнеру, Украине, другим государствам – членам СНГ. В отношении Беларуси ЕС проводит в целом политику, направленную на подключение к европейским ценностям. В рамках политики Евросоюза в отношении Беларуси политический диалог ограничен, отказано в поддержке в ряде международных организаций, пересмотрены программы технической помощи и т. п.

Экономически Европейский союз и Республика Беларусь – взаимно важные партнеры. По экспорту ЕС для Беларуси – партнер номер один, по товарообороту – номер два (после Российской Федерации). Экономические отношения между ЕС и Беларусью в значительной степени формируют уровень экономической безопасности Беларуси: по информации Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, в 2011 г. товарооборот со странами ЕС по сравнению с 2010 г. увеличился на 62,2 % и составил 24,5 млрд долл. (28,2 % общего товарооборота Республики Беларусь), причем экспорт увеличился в 2,1 раза и составил 15,8 млрд долл., импорт увеличился на 14,8 % и составил 8,8 млрд долл. Положительное сальдо составило 7,0 млрд долл. Основными торговыми партнерами Республики Беларусь среди стран Евросоюза являются Нидерланды

ды, Германия, Латвия, Польша. Большое значение для Беларуси имеют инвестиции из стран ЕС и современные технологии.

Отдельный вопрос в отношениях между Беларусью и ЕС – визовая проблема, решение которой наметилось в последнее время; готовятся соглашения об упрощении визового режима и реадмиссии между Евро-союзом и Беларусью [Соглашение с ЕС об упрощении визового режима с Беларусью может быть готово к концу года // News.tut.by [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/politics/386319.html>. – Дата доступа: 19.02.2014.]

В Обзоре итогов внешней политики Беларуси и деятельности МИД в 2013 году отмечается, что по итогам 2013 г. наметились позитивные сдвиги в развитии отношений с ЕС. Существенно активизированы контакты с евроструктурами и внешнеполитическими ведомствами стран – членов ЕС. Успешно реализовывались проекты технического сотрудничества. МИД Беларуси указывает на «подвижки в диалоге Беларуси с Евросоюзом», которые «свидетельствуют о возможности его перевода в конструктивное русло» [Обзор итогов внешней политики Беларуси и деятельности МИД в 2013 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.by/upload/review_MFA_2013.pdf. – Дата доступа: 24.02.2014]. Важной составляющей взаимодействия Беларуси и ЕС в 2014 г. в МИД считают также переговоры по заключению соглашений об упрощении визового режима и реадмиссии.

Ю. П. Бондарь

*(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, buk@buk.by)*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Постсоветская модернизация, несмотря на некоторое сходство с западным, африканским, азиатским и латиноамериканским опытом реконструкции общественной и государственной жизни, не имеет исторических аналогов. По этой причине малопродуктивен ее анализ на гносеологическом базисе парадигмы, именуемой «транзитологией».

Ученые выявили пробелы и проблемы в эпистемологии науки, осознали необходимость новых подходов к изучению характера политических изменений, условий, специфики, тенденций и закономерностей эволюции переходных обществ. В дискуссионном ключе, противоречиво формируются концепты, методы, гипотезы и прогнозы, отличающиеся от устоявшихся представлений. Разногласия не преодолены – методология

познания неизведанного пространства, изменившего облик Восточно-Центральной Европы, Евразии и мира, представляет собой совокупность плюралистических, фрагментарных идей и подходов. Свое видение этих проблем предлагают такие ученые как А. Данилов, В. Ватыль, Л. Сморгун, С. Шавель, В. Федотова и многие другие.

Внимание обществоведов России и Беларуси фокусируется на разработке методологического инструментария, приемлемого для *комплексного познания и концептуального объяснения* демократического транзита в национальном и глобальном контексте. В творческих поисках они исходят из того, что постсоветская модернизация учитывает опыт других стран, но не может быть «догоняющей», копирующей известные модели социальной реконструкции.

Характерная особенность научной рефлексии – использование аналитиками *эмпирических данных и выводов междисциплинарных исследований*. Это расширяет «диапазон» аргументации в объяснении причинно-следственных и функциональных связей политики с идеологией, экономикой, наукой, образованием, культурой, насущными социальными проблемами. Усиливается эмпирическая доказательность результативности реформ, качественных изменений в политическом устройстве и правовом базисе государственности.

Следствием взаимодействия политологов, социологов, экономистов, философов, историков, культурологов становятся согласованные и верифицированные практикой гносеологические условия, критерии, стандарты, параметры и показатели комплексного обоснования *закономерностей и национальной специфики* транзитных процессов, внутренних и внешних факторов успешной модернизации переходных обществ.

Методы познания постсоветской модернизации обосновываются достоверными эмпирическими данными. В центре изысканий и дискуссий – выявление и *концептуализация* национальных условий политических изменений. Институтам власти предлагаются демократические технологии преобразований, преодоления негативных явлений в экономике, государственном управлении, социально-политической и духовной сферах.

Исследование демократического транзита затрудняет неоднозначное понимание и толкование учеными категории *«политический анализ»*.

По-нашему мнению, структура политического анализа преобразований в постсоветском обществе должна включать взаимозависимые компоненты:

- комплексное исследование (диагностику, описание, объяснение, прогнозирование) демократического транзита;
- теоретическое обобщение опыта социальной практики, активную методологическую рефлексию по отношению к политологическим идеям, концепциям, моделям, парадигмам и методам познания действительности;

- концептуализацию политики, наблюдаемых явлений и процессов;
- обоснование критериев и переменных эмпирического и нормативного анализа социально-политических изменений;
- выявление тенденций, закономерностей и национальных особенностей динамики политической сферы и политологии;
- ревизию, обновление и обоснование концепций, парадигм, понятий, отражающих существенные свойства реформируемой политической сферы и эволюции политической науки;
- постановку актуальных для транзитных обществ научных проблем и предложение технологий их решения.

В разработке учеными Беларуси и России методологических инструментов анализа демократического транзита доминирует позитивная тенденция. Концентрированный творческий результат – концептуальные идеи, имеющие *критически-ориентационное значение* для эпистемологии общественнознания:

1. Мировая наука пока не располагает завершенной теорией преобразований в обществах, которые принято называть переходными или транзитными. Имеющиеся в ее фонде концепты и аналитические подходы, объясняющие тренды и особенности, функциональные модели изменений в социуме, представляют научный интерес. Однако верифицируемая достоверность многих из них вызывает сомнения, поскольку не согласуется с постсоветской действительностью. Это обстоятельство детерминирует потребность в активизации методологической рефлексии политологов.

2. Инструментарий мировой политической науки неадекватен специфическим задачам изучения переходных процессов, мало пригоден для диагностики, прогнозирования, теоретического объяснения и описания перемен в Беларуси, России и других постсоветских обществах. Поэтому «подражание» популярным, но слабо верифицированным социальным опытом, концепциям, ошибочно и не отвечает национально-государственным интересам.

3. Отечественные политологи разделяют общепризнанный гносеологический принцип модернизации – демократизацию институтов государства и гражданского общества. Демократические перемены трактуются как *объективная закономерность* переходной эпохи и современного мира, фундаментальный ценностный ориентир политических систем Содружества Независимых Государств. Вместе с тем в научной среде господствует мнение о предпочтительности *постепенных*, нефорсированных демократических перемен, невозможности обоснования и практической реализации *универсально-образцовой модели* преобразований на постсоветском пространстве.

4. Аналитические возможности политологов России и Беларуси позволяют реализовать проекты, направленные на планомерное и комплексное исследование демократического транзита, обогащение предметного

поля методологического поиска актуальными темами. Выявленная *устойчивая тенденция* в обосновании методов познания транзитных процессов – *определяющий показатель* (индикатор) роста профессиональной культуры политологов.

5. Демократический транзит стимулирует методологическую рефлексию ученых, побуждает их к гибкому реагированию на вызовы времени, внутренней и внешней среды. В профессиональном сообществе закрепились логическая аксиома: предлагаемые методы анализа действительности полезны, если они *удовлетворяют запросы практики*, измеряемы эмпирически, подлежат объективной экспертной проверке.

Наш общий вывод заключается в том, что методологический базис познания политики в постсоветских обществах находится в *начальной стадии формирования*. Противоречиво преодолевается дефицит эксплицитных идей, концептуальных версий, предположений и подходов. Исследователям недостает определенности в трактовках, аргументации и описании гносеологических правил, методов и процедур познания механизмов и особенностей переходных процессов. Достигнут консенсус в отношении необходимости качественного инструментария, но результаты в его разработке пока что скромны, еще не адекватны потребностям науки и практики.

Ю. П. Бондарь

(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, buk@buk.by)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ КАК УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Усвоение знаний о политике – неременное условие устойчивых ценностных ориентаций, сознательного и активного участия выпускника вуза в жизни государства. Уровень его политической культуры является следствием социализации – интегрированным итогом воздействия общественной среды, целенаправленных усилий коллектива, научно-методических структур конкретного учебного заведения. Результаты политико-образовательного процесса материализуются в гражданских качествах, социально-профессиональной компетентности специалиста, соответствующих вызовам информационной эпохи и целям демократического транзита.

В 1990-е гг. научно-педагогическая общественность была озабочена сущностными проблемами: неопределенным статусом политологии; разработкой и апробацией технологий политического образования; подготовкой содержательной учебной литературы; внедрением стандартов и критериев приобщения личности специалиста к демократической культуре.

Новая система преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузах зарождалась в острых дискуссиях, атмосфере пассивно-пессимистического отношения интеллектуалов к культурно-идеологическим факторам политической модернизации.

Становление политологии в вузах Беларуси и России было сопряжено с разрешением дилеммы ее статусного положения. В некоторых университетах (академиях) создавались автономные кафедры политологии, а в большинстве вузов – интегрированные. Неоднородностью отличался состав преподавателей политологии, ядро которого составляли советские обществоведы. Уточнялись роль и функции новой дисциплины в системе гуманитарных знаний. Отсутствовала определенная система непрерывной коммуникации политологов. Предстояло создать национальный методический и информационно-аналитический фонд науки. Не было ясности в стандартах и процессуальных нормах исследовательской деятельности, экспертно-технологическом содействии государственной власти

Проблемы и противоречия высшей школы побудили государственную власть к мерам, способствующим повышению роли общественных наук как средства постсоветской модернизации.

Состояние общественнознания в Беларуси обсуждалось 20 ноября 1998 г. на республиканском совещании ведущих ученых и преподавателей с участием Президента Республики Беларусь.

Совещание ускорило разработку государственных стандартов по гуманитарным дисциплинам.

Политическое образование «лимитировалось» верифицированными индикаторами стандарта – дидактическими единицами: ключевыми разделами, темами, понятиями, теоретическими и прикладными проблемами науки. Политология была включена в перечень гуманитарных дисциплин, обязательных для изучения студентами всех вузов страны. Устанавливалось ее преподавание в объеме 70 аудиторных часов

На основе концептуально-методических критериев стандарта Министерство образования Республики Беларусь утвердило базовую учебную программу по политологии для вузов.

Свой вклад в удовлетворение спроса студентов на учебную литературу по политологии внесли преподаватели Беларуси. В 1995 г. был издан курс лекций, подготовленный коллективом обществоведов Белорусского государственного экономического университета. Его авторы предприняли первую попытку изложения некоторых разделов, тем и проблем политологии.

В 1996 г. опубликован учебник профессора *В. А. Мельника*, удостоенный государственного грифа. Он выдержал несколько изданий и побудил преподавателей политологии к подготовке учебной литературы «новой волны».

В 1990-е гг. в вузах Беларуси издано (минимальными тиражами) более 120 индивидуальных и коллективных учебно-методических посо-

бий для студентов (подсчет автора). В условиях неудовлетворенного спроса на политическую литературу они явились подспорьем в приобщении студенческой молодежи к демократической культуре, хотя и несли на себе печать неуверенного профессионального становления. Структура и содержание этих разработок отражает переходное состояние преподавания дисциплины преподавания дисциплины в высшей школе страны.

Примерно с 2000 г. студенты России и Беларуси получили литературу, отличающуюся более глубоким проникновением в структуру и содержание, фундаментальные и прикладные аспекты науки о политике.

Анализ учебной литературы свидетельствует о том, что политологическое сообщество все еще не самоопределилось в структуре и содержании программ, вопросах «чему учить» и «как обучать».

Из предисловий большинства учебных изданий неясно, в каком объеме и где преподается курс политологии, какой программой руководствуются авторы и насколько она отвечает концептуально-дидактическим единицам государственного стандарта, какая методология применяется на занятиях и как контролируется самостоятельное политическое образование студентов.

К литературе «второй волны» в Беларуси следует отнести литературу с государственным грифом. Коллективный учебник под редакцией профессора *С. В. Решетникова*, индивидуальные издания профессора *В. А. Мельника*, а также профессора *П. И. Бондаря* и доцента *Ю. П. Бондаря*.

Концептуально-методическое значение для политической социализации студентов имеет учебная литература по *сравнительной политологии*, политическому менеджменту, геополитике, политической психологии и другим курсам, изучаемым на политологических факультетах российских вузов.

Контент-анализ более 150 учебников и пособий, поступивших в Национальную библиотеку Беларуси в 1991–2012 гг. выявил некоторые недостатки:

- традиционализм методов изложения материала; неубедительность трактовок достоинств и недостатков методологии науки; отсутствие методического инструментария для организации самостоятельной познавательной деятельности студентов; дефицит информации и теоретических обобщений о тенденциях, динамике и эффективности политических изменений в Беларуси, России и других постсоветских государствах.

- слабое методологическое звено – категории науки. Их предметное поле, как правило, размыто или не «вписывается» в контекст изучаемых разделов, тем и проблем. Не принято сопровождать лекции *краткими вставками* о генезисе категорий политической истории, сведениями об известных зарубежных и отечественных политологах, их вкладе в развитие теоретических и прикладных знаний о политике. Не используются преимущества наглядно-графического структурирования сегментов курса.

Очевидны *противоречия*:

- между объективной потребностью транзитных обществ в демократической культуре и обозначившейся недооценкой роли политологии как учебной дисциплины некоторыми институтами;

- научно-педагогическое сообщество заинтересовано в повышении статуса учебной дисциплины, однако нынешний уровень *инновационно-го* концептуально-методического обеспечения политической социализации личности специалиста неадекватен запросам студентов;

- высшей школе необходимы качественные учебники и электронные пособия, но в их производстве ощущается дефицит.

Политология в постсоветском социуме снискала имидж незаменимого аналитико-технологического средства формирования демократической культуры специалиста с высшим образованием. Успешно преодолены неурядицы и проблемы начального этапа ее легитимации. Поэтому разрешение выявленных противоречий является неотложной задачей институтов государства и гражданского общества.

И. Л. Борковская

(Гимназия № 2, г. Гродно, Беларусь, kazarez1989@mail.ru)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СНГ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ ПО ПРОБЛЕМЕ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Одним из направлений политического сотрудничества стран СНГ является участие в решении глобальных проблем, стоящих перед мировым сообществом. Особое внимание уделяется укреплению региональной и глобальной безопасности, выработке международных решений об укреплении режима ядерного нераспространения, обеспечение поэтапного разоруженческого процесса.

Раздел III Устава СНГ посвящен вопросам, коллективной безопасности и военно-политическому сотрудничеству. В нем установлено, что государства – члены СНГ проводят согласованную политику в области международной безопасности, разоружения и контроля над вооружениями, строительства вооруженных сил и поддерживают безопасность в Содружестве, в том числе и с помощью групп военных наблюдателей и коллективных сил по поддержанию мира [6].

За первый год функционирования в СНГ был принят ряд документов, посвященных данной проблематике: Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия, Соглашение о принципах и порядке выполнения договора об обычных вооруженных силах в Европе, Договор о нераспространении ядерного оружия и др.

В 1991г. государства – участники СНГ Республика Беларусь, Республика Казахстан и Украина присоединились к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года. В рамках этого договора, а также договоров между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года; а также положения Рамочной договоренности, подписанной 17 июня 1992 года, 31 июля 1991 года утвержден Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Каждая из сторон обязуется «сократить и ограничить свои межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и пусковые установки МБР, ... таким образом, чтобы через семь лет после вступления в силу Договора о СНВ и в дальнейшем суммарное количество для каждой из Сторон не превышало количество между 3800 и 4250 единицами или такое меньшее количество, которое определит для себя каждая из Сторон, но в любом случае не превышающее 4250 единиц» [1].

5 декабря 1994 года в Будапеште на саммите ОБСЕ руководителями трех стран – Б. Клинтон, Дж. Мэйджором и Б. Ельциным был подписан Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Беларуси к Договору о нераспространении ядерного оружия. Главы государства взяли на себя обязательства гарантировать территориальную целостность и суверенитет Беларуси.

На данный момент это единственный документ, который подтверждает гарантии безопасности Беларуси как неядерного государства. В статье II «Российская Федерация, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии и Соединенные Штаты Америки подтверждают свое обязательство воздерживаться от угрозы силой или ее применения против территориальной целостности или политической независимости Республики Беларусь и что никакие их вооружения никогда не будут применены против Республики Беларусь, кроме как в целях самообороны или каким-либо иным образом в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» [3].

Приоритетным направлением деятельности Содружества в рамках проблемы нераспространения ядерного оружия является содействие скорейшему вступлению в силу и ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, принятого 10 сентября 1996 года и открытого для подписания 24 сентября 1996 года. К настоящему времени ратифицировали Договор 157 государств, в том числе 36 государств из 44, необходимых для его вступления в силу – помимо не подписавших ядерных держав его не ратифицировали другие ядерные державы: США, КНР, Израиль, Иран и Египет.

Значение Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) трудно оценить без рассмотрения предусмотренного до-

говором международного режима контроля за его соблюдением, то есть верификационного механизма ДВЗЯИ. Однако, договоренность о создании такого верификационного механизма стала возможной только в условиях кардинального изменения ситуации в мире, связанной с окончанием эры холодной войны, проявления значительной доли политической воли со стороны всех стран, участвовавших в разработке ДВЗЯИ.

В итоге сложных переговоров был согласован верификационный механизм, основными элементами которого являются международная система мониторинга (МСМ), объединяющая 321 станцию сейсмического, радионуклидного, инфразвукового и гидроакустического контроля.

Страны СНГ на регулярной основе предоставляют Комитету Совета Безопасности ООН информацию о предпринятых ими усилиях по совершенствованию национальной системы мониторинга за оборотом оружия массового уничтожения, обеспечивают соблюдение наивысших стандартов в ядерной сфере. За период деятельности ООН по проблеме терроризма принято более 10 конвенций. Среди них Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага; 16 декабря 1970 г.), Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (Монреаль; 23 сентября 1971 г.), Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 17 декабря 1979 года и др.

Все государства Содружества являются участниками Глобальной инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма. Цель которой является создать глобальную сеть сотрудничества между государствами для противодействия угрозе ядерного терроризма. В настоящий момент основная работа направлена на развитие инфраструктуры стран-партнеров в области учета и физической защиты ядерных и радиоактивных материалов; обнаружения и расследования фактов их контрабанды; защиты ядерных объектов.

Важное значение имеет инициатива Казахстана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана, заключивших Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии от 5 января 2009 года [2]. Договор стал первым многосторонним соглашением в области безопасности, которое охватывает все пять стран Центральной Азии. Страны-участницы обязались запретить производство, приобретение и размещение на их территории ядерного оружия и его компонентов. Договор при этом не запрещает развитие мирной ядерной энергетики.

Российской Федерацией разработан и вынесен на рассмотрение проект нового Договора о европейской безопасности. 26 марта 2010 года совет министров иностранных дел СНГ одобрил инициативу по дальнейшему обсуждению и последовательному продвижению Договора. Статья первая Договора определяет цели сотрудничества: «Участники сотрудничают на основе принципов неделимой и равной безопасности, ненанесе-

ния ущерба безопасности друг друга. Любые меры в области безопасности осуществляются с учетом интересов безопасности всех других Участников» [4].

Следует отметить заинтересованность всех государств СНГ в наращивании совместного противодействия вызовам и угрозам современного мира. В этом направлении создана комплексная организационно-правовая система, которая позволяет координировать сотрудничество и сообща противостоять организационной преступности, терроризму, поддерживать безопасность, устойчивое развитие на международной арене.

Список литературы

1. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.armscontrol.ru/START/rus/docs/dogovor.htm>. – Дата доступа: 28.02.2013.
2. Договор о зоне, свободной от ядерного оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uzembassy.ru/2612.htm>. – Дата доступа: 10.03.2013.
3. Договор о нераспространении ядерного оружия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml. – Дата доступа: 10.03.2013.
4. Договора о европейской безопасности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/information/2009/11/29/353794.html>. – Дата доступа: 10.03.2013.
5. Лебедев, С. Н. Политическое сотрудничество – важный ресурс развития Содружества Независимых Государств / С. Н. Лебедев // Проблемы управления. – 2012. – № 2. – С. 9–12.
6. Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikisource.org/wiki/Устав_Содружества_Независимых_Государств. – Дата доступа: 22.02.2013.

А. О. Буева

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, gantiady1979@mail.ru)

ПУТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: БЕЛАРУСЬ И УКРАИНА

Современное восприятие научным сообществом этнических, национальных, этнополитических и этнокультурных процессов и явлений являет собой поразительную и крайне пёструю мозаику теоретических и методологических принципов, взглядов, убеждений. В поисках наиболее адекватных моделей понимания и интерпретации этих процессов и явлений проводят свои исследования как российские и белорусские (В. А. Тишков,

В. В. Коротева, Д. Ю. Цветков, О. Г. Буховец и т. д.), так и зарубежные социологи, политологи, историки и этнологи (У. Альтерматт, Э. Геллнер, Э. Смит, Э. Хобсбаум и т. д.). В этой ситуации следует помнить, что в конечном итоге соответствующие практики познания должны быть нацелены на обнаружение «типологически общего во всем многообразии форм национального» как в региональном, так и в мировом контексте [1, с. 155].

Сфера этнонациональных отношений достаточно консервативна (особенно с учетом общего прошлого), и вместе с тем крайне восприимчива к любым изменениям в жизни общества, она сильно реагирует на изменения трансформационного характера.

Распад СССР и послужил тем определенным импульсом к пробуждению самосознания и самоопределения, которые в скором времени приобрели искаженные формы национализма, а в некоторых странах, например, в Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии, Украине, даже элементы нацизма.

Проблема интеграции национальных меньшинств до сих пор остается болезненной темой для многих государств, как, впрочем, и языковая политика местных властей, приводящая к расколу и конфликтам в обществе.

Одним из основных теоретико-методологических и методических вопросов изучения этнополитической трансформации является поиск количественных индикаторов хода и результатов данного процесса. В качестве таких показателей мы рассмотрим изменение в территориальном расселении представителей нетитульных национальностей, распространенность государственного языка и языка национальных меньшинств.

На наш взгляд, процессы локализации этнических меньшинств можно количественно оценить с помощью коэффициента вариации удельного веса представителей отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения:

$$V = \frac{\sigma}{\bar{d}} \cdot 100,$$

где σ – среднее квадратическое отклонение;

$\bar{d}$ – удельный вес лиц отдельной национальности в общей численности населения;

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum (d_i - \bar{d})^2}{n}},$$

где d_i – удельный вес лиц отдельной национальности в численности населения i -й области; n – количество регионов (областей).

В таблицах 1 и 2 представлены результаты расчета коэффициента вариации для Беларуси и Украины. К сожалению, по Украине сводные статистические данные по национальности в разрезе областей слабо разработаны: по всем областям имеются сведения лишь по русским и белорусам. Поэтому для обеспечения межстрановой сопоставимости в рас-

чет берутся русские и белорусы – по Украине, и русские и украинцы – по Беларуси.

Таблица 1 – Коэффициенты вариации удельного веса лиц отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения Беларуси

	1989	1999
Национальность нетитульная, в том числе:	36,1	42,2
русские	25,7	20,8
украинцы	33,7	35,5

Источник: собственная разработка на основании [2, с. 16–37], [3].

Таблица 2 – Коэффициенты вариации удельного веса лиц отдельных нетитульных национальностей в общей численности населения Украины

	1989	2001
Национальность нетитульная, в том числе:	65,5	77,8
русские	74,6	85,4
белорусы	56,6	57,0

Источник: собственная разработка на основании [4, с. 78–86], [5].

Сравнивая значения коэффициентов вариации Беларуси и Украины, мы обнаруживаем следующие тенденции:

1) небелорусы расселены в Беларуси более равномерно, чем украинцы в Украине. В 1989 г. областной удельный вес небелорусов отличается от общереспубликанского удельного веса в Беларуси в среднем на 36,1 %, а в Украине областной удельный вес украинцев – на 65,5 %. Данное отличие сохранилось и на рубеже веков: в 1999 г. в Беларуси – 42,2 %, а в Украине – 77,8 % в 2001 г.;

2) локализация русских в 1989 г. в Украине в 3 раза (!) больше, чем в Беларуси (74,6 % против 25,7 %), а по данным переписей 1999 г. и 2001 г. – в 4 раза (!) больше (85,4 % против 20,8 %);

3) положительная динамика коэффициентов, рассчитанных по всему нетитульному населению, наблюдается в обеих странах, следовательно, процессы локализации представителей нетитульных национальностей в межпереписной постсоветский период характерны и для Беларуси и для Украины. Однако интенсивность этих процессов существенно различает-

ся: в Беларуси коэффициент увеличился на 6,1 процентных пунктов, а в Украине – на 12,3 процентных пунктов, т. е. в 2 раза (!) больше. Исключения составляют русские в Беларуси – для них характерна обратная тенденция – децентрализации (почти на 5 процентных пунктов);

4) локализация русских в Украине увеличилась на 10,8 процентных пунктов, белорусов – на 0,4 процентных пунктов;

5) локализация украинцев в Беларуси увеличилась на 1,8 процентных пунктов.

Таким образом, динамика одного из показателей, измеряющего степень интеграции нетитульного населения в обществе, убедительно свидетельствует, что постсоветской Беларуси свойственен более мягкий вариант этнополитической трансформации нежели тот, который переживает Украина.

Список литературы

1. Буховец, О. Г. Клио на пороге XXI века: искушение национализмом... / О. Г. Буховец // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 147–158.
2. Национальный состав населения Республики Беларусь и распространенность языков: Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск: Информстат Минстата Республики Беларусь, 2001. – 452 с.
3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/publications/national_structure_rb.rar. – Дата доступа: 16.10.2013.
4. Национальный состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1991. – 159 с.
5. Державний комітет статистики України [Электронный ресурс] / Державний комітет статистики України. – 2002. – Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality>. – Дата доступа: 16.10.2013.

О. Г. Буховец

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь)

О ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ КРИЗИСА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Развернувшиеся в 1980-е годы – начале 1990-х г. процессы дезинтеграции и распада Советского Союза и «соцлагеря» многими в мире воспринимались как исторический нонсенс. Ведь именно в то время быстро набирала силу глобальная тенденция создания либо дальнейшего развития уже существующих в различных регионах мира стратегических интеграционных объединений. Самое видное место среди них по масшта-

бам, амбициозности планов, беспрецедентности достижений занимало, несомненно «Европейское экономическое сообщество», переименованное в 1993 г. в «Европейский союз» (ЕС).

Если говорить образно, то «корзина ожиданий» России и других независимых государств постсоветского евразийского пространства от Евросоюза и вообще от Запада в первое постсоветское десятилетие была очень большой. Там были и надежды на содействие западного сообщества в деле перевода разваливавшейся плановой экономики на рыночные рельсы, и ожидание помощи от ЕС в преодолении острейших социальных последствий перехода к рынку в начале 1990-х годов, и упования на то, что Запад будет вести себя лояльно по отношению к России и СНГ в военно-политической сфере, т. е. не будет, в частности, «продвигать» НАТО к их границам, и многое другое.

Понимание, поначалу смутное, а затем всё более ясное, того, что надежды руководящих элит России и других стран СНГ на взаимопонимание и солидарность Запада с постсоветскими государствами в большинстве своём неосновательны – пришло, безусловно, не сразу. Однако, начиная со 2-й половины 1990-х годов оно уже, мало-помалу, проявляется и становится, год от года, всё более отчётливым. Особенно большое воздействие на углубление и укрепление такого понимания оказали потрясший Россию и ее соседей августовский 1998 г. дефолт, развязанная западным альянсом война против Югославии, а затем и вторжение его войск в Ирак, поощрение Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве и в других регионах мира.

В итоге, как отмечает российский аналитик А. Михайленко, к началу XXI века правящие элиты СНГ вполне уже определённо распрощались с первоначальными иллюзиями относительно того, что Запад решит проблемы их стран [1]. Соответственно, чрезвычайно «облегчилась», особенно в России, и «корзина ожиданий» от Запада: к этому времени она уже поразительно мало походила на ту, которая была всего какие-то десять лет назад!

Вместе с тем, кое-какие важные компоненты остаются в «корзине» евразийских ожиданий от ЕС и в начале XXI века. Самый, пожалуй, существенный среди них – упования на Евросоюз как эталонный интеграционный проект современности, стратегия и практика осуществления которого мыслились своего рода «дорожной картой» для создания и успешного развития всех других стратегических экономических союзов в различных регионах мира. Такое представление о роли ЕС, как и вытекавшие из него надежды на те или иные формы участия в строительстве «Объединённой Европы» – безусловно доминировали в то время и в правящей элите, и в аналитических социумах, и в общественном мнении России и других близких к ней государств экс-СССР.

А иначе, по всей очевидности, тогда и быть не могло: в самом деле, совсем незадолго до того, в 1980-е – начале 1990-е гг. в европейском «соц-

лагере» стремительно нарастал процесс дезинтеграции, завершившийся роспуском Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи и развалом всех трех социалистических федераций – СССР, Чехословакии, Югославии.

Но закат «мира социализма» оборачивается «золотой порой» для строительства «Объединенной Европы». Ведь ЕС в это время завершает (к концу 1992 г.) создание единого внутреннего рынка и продолжает успешное выполнение 12-летней программы подготовки к введению единой коллективной валюты, а также создание наднациональных органов власти.

Благодаря всему этому, как отмечает известный российский специалист по евроинтеграции Ю. Борко, «Европейский союз... вступил в XXI век как триумфатор» [2, с. 46]. Ну а 1 января 2002 г. произошло ещё одно событие, воспринятое в мире как, без преувеличения, эпохальное: в 12-и из 15-и стран – тогдашних членов ЕС началось хождение евро – единой коллективной валюты, которая в 1999–2001 гг. употреблялась в безналичном виде как валюта рынка капиталов, межбанковских операций и деноминации госдолгов.

Понятно, что Евросоюз, постоянно демонстрировавший в эти годы замечательную динамику и добивавшийся одного впечатляющегося успеха за другим как бы отбрасывал тень «вторичности» на все другие интеграционные проекты, *особенно постсоветские*.

Не способствовала адекватному восприятию этих интеграционных проектов также крайняя фрустрированность общественного сознания трансформирующегося постсоветского пространства. Трудно найти другую сферу общественных и государственных интересов, в которой было бы так много категоричности, политической ангажированности, и так мало дальновидности, геополитического, геополитического и геоэкономического реализма, системности в подходе и взвешенности в суждениях, как в этой. И взятые вместе, и каждое по отдельности, постсоветские объединения, чем дальше, тем больше превращались в мишень для насмешек не только в масс-медиа, но и со стороны немалого числа экспертов, называющих эти интеграционные союзы и «формальными», и «несостоявшимися», и «квазиинтеграционными», и даже «пустоцветами» [3].

А тем временем сам Евросоюз, вступивший в XXI век как выше отмечалось, триумфатором, свой 50-летний юбилей встретил уже в совсем другом качестве. В считанные несколько лет из мирового эталона успешной интеграции он последовательно превращается в символ завышенной самооценки своих возможностей, близорукости в прогнозировании последствий принимаемых его институтами решений, неадекватности действий в условиях переживаемых им кризисов. Среди таковых острейшими, на сегодняшний день, выступают, во-первых, институциональный, который, начавшись в 2005 году провалом «Конституции для Европы» на референдумах во Франции и Нидерландах, продолжает и ныне расшатыв-

вать единство ЕС. Во-вторых, распространившийся в 2008 году на страны ЕС мировой финансово-экономический кризис, конца которому пока не видно. В-третьих, чрезвычайно обострившийся с 2011 года в результате «каскада» арабских революций иммиграционный кризис, имеющий выраженную тенденцию к дальнейшему обострению. И это далеко не все: по убеждению специалистов, есть все основания для вывода о том, что и «предстоящее десятилетие будет для ЕС трудным испытанием» [4, с. 23].

Но, как это ни парадоксально, наиболее глубокий и самый продолжительный за всю историю ЕС кризис имеет и положительные последствия. Первое. Под его влиянием произошли большие сдвиги в восприятии евроинтеграции как рядовыми гражданами стран ЕС, так и представителями их правящих элит. В частности, чем дальше, тем в большей мере стало уходить еще недавно господствующее в странах ЕС представление о безупречности и каноничности евросоюзной идеологии и практики для осуществления интеграционных процессов в других частях мира.

Подобно тому, как в последние годы поражения и неудачи США в Латинской Америке и Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе свидетельствовали о военно-политической слабости американско-наговского «боссизма», так и нынешний кризис, выявивший пороки современной западной финансовой системы, дает мощный импульс к дальнейшей *плюрализации путей экономического развития в глобализирующемся мире*. И в данном отношении требование Бразилии перестать относиться к экономике как к мировому казино или призывы Китая, России, Беларуси, Казахстана и других стран отказаться от эксклюзивной роли доллара в мировых финансах – лишь начало. Предложения о серьезной реформе глобальной экономической и финансовой системы в ближайшие годы будут множиться и крепнуть.

Думается, дополнительной энергии им придаст и конституирование группы БРИК (Бразилия, Россия, Индия, КНР), произошедшее в разгар мирового кризиса на первом ее саммите в Екатеринбурге в 2009 г. В конце марта 2012 г. в Нью-Дели состоялся уже 4-й саммит этой, без сомнения, весьма многообещающей международной организации. В 2011 году она расширилась за счет включения в ее состав ЮАР и носит сейчас название БРИКС.

Итак, получается, что своим кризисом Евросоюз, сам того не желая, и даже не вполне это осознавая, *уже дал* нечто ценное России и другим странам постсоветского евразийского пространства, а именно более сбалансированное, без «придыхания», представление о плюсах и минусах уникального евросоюзного проекта.

Это, в свою очередь, позволило проявиться *еще одному положительному последствию кризиса Евросоюза*. Благодаря нынешнему кризису, другие интеграционные объединения, особенно на постсоветском пространстве, смогли, наконец, выйти из тени, которую отбрасывал на них

евросоюзный «эталон интеграции». Они теперь, можно сказать, прямо на глазах обретают ту степень самодостаточности, которая стимулирует движение к полицентричному миру.

Список литературы

1. Михайленко, А. Перспективы развития Содружества Независимых Государств / А. Михайленко // Вестник аналитики. – 2004. – № 2 (16). – С. 68, 73, 74.
2. Борко, Ю. А. От Евросоюза – I к Евросоюзу – II (ЕС в конце первого десятилетия XXI века) / Ю. А. Борко // Белорусский экономический журнал. – 2010. – № 2. – С. 46.
3. Тренин, Д. Россия и конец Евразии / Д. Тренин // Pro et Contra. – 2005. – № 1; Кортунов, С. Россия: не сердиться, а сосредоточиться / С. Кортунов // Россия в глобальной политике. – Т. 3, № 5. – Сент.–окт. 2005; Косикова, Л. Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удаётся объединить страны СНГ / Л. Косикова // Мир перемен. – 2004. – № 1; Фурман, Д. Россия, СНГ, ЕС / Д. Фурман // Мир перемен. – 2004. – № 3.

М. В. Васілючак

(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Беларусь)

ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНАЕ ЖЫЦЦЁ НА ЗЭЛЬВЕНШЧЫНЕ Ў ПЕРАДВАЕННЫ ПЕРЫЯД (ВЕРАСЕНЬ 1939 – ЧЭРВЕНЬ 1941 гг.)

Дагавор ад 23 жніўня 1939 года паміж Савецкім Саюзам і фашыскай Германіяй аб узаемным ненападзе з’явіўся адной з прычын нападения фашыстаў на Польшчу і пачаткам другой Сусветнай вайны. У гэтым дагаворы быў дадатковы сакрэтны пратакол аб сферах уплыву, які прадугледжваў ліквідацыю польскай дзяржавы і падзел яе тэрыторыі [1]. І 1 верасня 1939 года фашысцкая Германія напала на Польшчу, нямецкія войскі, негледзячы на гераізм польскай арміі, хутка зламалі супраціўленне польскай арміі і пачалі паспяхова рухацца да зямель Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны. Па распараджэнні Савецкага ўрада 17 верасня 1939 года Чырвоная Армія пачала свой вызваленчы паход. Насельніцтва Заходняй Беларусі сустракала савецкіх воінаў, як правіла, з кветкамі, хлебам-соллю. Аказаць сур’ёзнае супраціўленне часцям Чырвонай Арміі палякі не змаглі, так як Беларускі фронт налічваў 200 802 салдатаў і афіцэраў, а згодна польскіх аўтараў, прыкладна палова не была ўзброена і не зведзена ў канкрэтныя воінскія часці [2]. У першы дзень вызваленчага паходу Чырвонай Арміі былі заняты такія гарады, як Маладзечна, Валожын, Карэлічы, а 18 верасня «войскі Чырвонай Арміі прадаўжалі адкідваць часць польскай арміі, да вечара занялі: на поўна-

чы – у Заходняй Беларусі горад Свянцянны, Слонім, Ваўкавыск і чыгуначную станцыю Ягнєвічы (на чыгунцы Мінск – Брэст-Літоўск)» [3]. 18 верасня 1939 года была вызвалена і Зэльвеншчына. Пераможцаў – Чырвоную Армію – на Зэльвеншчыне сустракалі не толькі хлебам-соллю, але аказалі па ўстанаўленні новай, рэвалюцыйнай улады дапамогу са зброяй ў руках. Так, яшчэ да прыходу Чырвонай Арміі ствараліся ваенна-рэвалюцыйныя камітэты, якія арганізавалі ўзброеныя атрады з рабочых і сялян, разброівалі паліцэйскіх і асаднікаў, бралі пад ахову чыгуначныя масты і другія ваенныя аб'екты. Ствараліся таксама і партызанскія атрады. Напрыклад, у раёне Дзярэчына і Зэльвы дзейнічаў партызанскі атрад пад кіраўніцтвам камуніста А. С. Мазаніка. Атрад быў створаны 17 верасня і налічваў каля 100 чалавек. Вёў узброенную барацьбу з польскімі войскамі і пазней злучыўся з перадавымі чапсцямі Чырвонай Арміі [4]. У гэты перыяд тэрыторыя Зэльвеншчыны таксама была вызвалена Чырвонай Арміяй. З прыходам Чырвонай Арміі грамадска-палітычнае жыццё як на Зэльвеншчыне, так і на ўсёй тэрыторыі Заходняй Беларусі, карэнным чынам змянілася. Усе мерапрыемствы, якія праводзіліся на тэрыторыі Зэльвеншчыны і Заходняй Беларусі, мелі мэту ажыццявіць, як у палітычным жыцці, так і ў эканамічным на савецкі лад. Самыя значныя перамены адбыліся на сяле, але пачынаць калектывізацыю партыйныя і савецкія органы не спяшаліся – вырашаліся больш важныя, тэрміновыя праблемы: умацаване савецкай улады, стварэнне партыйных арганізацый з прыехаўшых камуністаў усходу; правесці выбары ў Народны (нацыянальны) сход Заходня Беларусі, правесці падзел тэрыторыі Заходня Беларусі на вобласці (былыя ваяводства), правесці ўтварэнне новых раёнаў, правесці рэформу школы, і, вядома, барацьба з ворагамі народа. У першую чаргу ў Зэльве была створана часовая ўправа, якая складалася з прысланых з усходу партыйных, савецкіх, камсамольскіх работнікаў, прадстаўнікоў Чырвонай Арміі (галоўным чынам партыйных работнікаў), а таксама мясцовага актыву, які вызначыўся ў вераснёўскіх 1939 года падзеях. Перад імі стаялі даволі складаныя задачы палітычных і сацыяльна-эканамічных пераўтварэнняў. У першую чаргу неабходна зламаць старую дзяржаўную машыну кіравання і выбраць новую савецкую мадэль грамадскага і дзяржаўнага кіраўніцтва. З гэтай мэтай ў Зэльве была створана часовая управа, якая стала цэнтрам палітычнага, гаспадарчага і культурнага жыцця Зэльвеншчыны. У Зэльве была створана народная міліцыя. Начальнікам яе быў М. К. Цімафеяў, палітруком – Пятухоў. У састаў міліцыі ўваходзілі ўдзельнікі падполья КПЗБ і КСМЗБ. У функцыі міліцыі ўваходзіла: вясці ахову дзяржаўных пабудов і ўстаноў, а таксама вылучаць шваўшыхся і замаскіраваных польскіх афіцэраў і чыноўнікаў, канфіскацыю зброі і бояпрыпасаў. Пад кіраўніцтвам народнай міліцыі быў арганізаваны рабочы кантроль на дзеючых прадпрыемствах Зэльвеншчыны [5].

У вёсках і былых гмінах часовымі органамі ўлады былі сялянскія камітэты, якія ствараліся, галоўным чынам, з сялян-бяднякоў і атрады дабравольнай сялянскай міліцыі, якія дзейнічалі пад кіраўніцтвам павятовых часовых упраўленняў. Яны ахоўвалі ад крадзежу маёмасць, інвентар памешчыцкіх іменняў і хлеб, які знаходзіўся ў амбарах, збеглых памешчыкаў і асаднікаў. Напрыклад, старшынёй сялянскага камітэта ў Плянчыцах быў Н. Малочка, а ўпаўнаважаным па галынкаўскай воласці быў – П. М. Жарнасёнак – камуніст, палітрабогнік, уражэнец Віцебскай вобласці. Аналагічныя сялянскія камітэты былі створаны ў большасці вёсак Зэльвеншчыны [6].

Часовыя ўправы і сялянскія камітэты не маглі вырашыць пытанні аб дзяржаўным ладзе Заходняй Беларусі, аб яе ўз'яднанні з БССР і СССР. З гэтай мэтай 22 кастрычніка 1939 года адбыліся выбары ў Народны (нацыянальны) сход Заходняй Беларусі. Выбарчая камісія зарэгістравала 927 дэпутатаў, якія былі выбраны, у двух акругах дэпутаты не былі выбраны [7]. 28 кастрычніка 1939 года ў Беластоку адкрыўся народны Сход Заходняй Беларусі. У прыватнасці па дакладу С. В. Прытыцкага аб форме дзяржаўнай улады ў Заходняй Беларусі была прынята дэкларацыя, дзе было сказана, што «Народны Сход на тэрыторыі Заходняй Беларусі абвешчае ўстанаўленне Савецкай улады» [8]. А нечарговая V сесія Вярхоўнага Савета БССР 14 лістапада 1939 года прыняла закон, у якім гаварылася «Прыняць Заходнюю Беларусь у склад Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі і ўз'яднаць тым самым вялікі беларускі народ у адзінай Беларускай дзяржаве» [9].

Указам Прэзідыума Вярхоўнага Савета БССР ад 15 студзеня 1940 года ў заходніх абласцях Беларусі замест старых паветаў быў утвораны 101 раён, у тым ліку і Зэльвенскі. Была створана партыйная раённая арганізацыя з ліку камуністаў, якія прыехалі з усходу. Першым сакратаром райкама партыі быў абраны К. Я. Баброў, а пазней А. Я. Зяньковіч.

На першай сесіі Зэльвенскага раённага Савета старшынёй райвыканкама быў зацверджаны Д. В. Шайтараў. Былі ўтвораны і аддзелы: фінансавы, зямельны, сацыяльнага забеспячання, аховы здароў'я, народнай адукацыі і другія [10].

У перадваенны перыяд значныя змены адбыліся на сяле. Была праведзена канфіскацыя памешчыцкай зямлі і нацыяналізацыя ўсёй зямлі. Па ініцыятыве працоўнага сялянства пачалі стварацца калгасы. Ужо ў лютым 1940 года ў Зэльвенскім раёне з'явіліся першыя 5 калгасаў: імя 17 верасня ў вёсцы Дзешкавічы, імя Молатава ў вёсцы Плецянiчы, у вёсцы Івашкавічы – калгас «Сталіна», у вёсцы Конна – імя Леніна і ў вёсцы Каралін – імя Варашылава. Усяго ў калгасах было 315 сялянскіх гаспадарак з агульнай зямельнай плошчай 2167 га. Вясной 1940 года ў раёне была створана і першая машына – трактарная станцыя, меўшая 8 трактароў, з іх 5 ХТЗ (канфіскаваных у памешчыкаў) [10, л. 12].

28 лютага 1940 адбылося аб'яднанне Зэльвенскага бюро РККП(Б)Б і прэзідыума Раённага выканаўчага камітэта, дзе была прынята пастанова «Аб арганізацыі сельскіх саветаў і зацвярджанне склада работнікаў сельскіх саветаў». Было створана 2 гарадскіх пасялковых Савета і 14 – сельскіх Саветаў. Састаў сельскіх Саветаў у колькасці 5–7 чалавек, а ў гарадах раённага значэння і гарадскіх пасёлках – пасялковыя Саветы ў колькасці 7–9 чалавек. Старшынёй Зэльвенскага сельсавета быў абраны В. Скіба, Дзерычынскага – С. Татарын, Астроўскага – М. Ламека і Пляцніцкага – П. Жэрнасек [10, л. 5].

Грамадска-палітычнае жыццё працягвала развівацца ў Заходняй Беларусі, у тым ліку і на Зэльвеншчыне па Савецкаму ўзору. 24 сакавіка 1940 года адбыліся першыя выбары у Вярхоўны Савет БССР і СССР. У Вярхоўны Савет СССР была выбрана 22 дэпутата і ў Вярхоўны Савет Беларускай ССР 202 дэпутата. У Савет Саюза быў выбраны П. К. Панамарэнка, у Савет Нацыянальнасцей М. М. Чэрнік. У Вярхоўны Савет БССР была абрана сяжанка з вёскі Савічы М. Я. Капытава [11]. А 15 снежня 1940 года адбыліся выбары ў мясцовыя Саветы дэпутатаў працоўных, якія завяршылі працэс стварэння мясцовых органаў на месцах. У абласны Савет было абрана 3 дэпутаты, у райсавет – 47 і ў сельскія Саветы – 401 [12]. Неабходна заўважыць, што ў час апошніх выбараў як на Зэльвеншчыне, так і ў цэлым на тэрыторыі заходніх абласцей БССР не было такога палітычнага руху, у вёсках ужо не было упрыгожаных кветкамі брам, той эйфарыі ў цудоўнае жыццё ў калгасах, у тое, што працоўны люд з'яўляецца гаспадаром свайго краю і гаспадаром свайго лёсу. На жаль, на гэта былі важныя прычыны. У першыя месяцы прыхода Чырвонай Арміі на тэрыторыю Заходняй Беларусі пачаліся рэпрэсіі, арэшты неўгодных асоб новай уладзе. Так, народны камісар унутраных спраў БССР старшы маёр дзяржаўны бяспекі Л. Цанава ў лісце на імя сакратара ЦККП (б) Беларусі П. К. Панамарэнка ад 17 кастрычніка 1939 г. паведамляў: «Усяго арыштаваных на 15 кастрычніка 1939 года значыцца 3535 чалавек» [13]. Неразумным было для працоўных Заходняй Беларусі, што была адна партыя камуністаў, што Савецкая ўлада негатыўна ставілася да духавенства, дэпартацыя тысяч жыхароў Заходняй Беларусі ў Сібір, што амаль ўсе пасады як савецкія, так партыйныя знаходзіліся ў руках прыехаўшых з Усходу. Гэта была спрыяльная глеба да антысавецкіх выступленняў. Асабліва гэта праявілася сярод моладзі, галоўным чынам польскай, служыць у Савецкай Арміі. Так, з вёскі Ялуцэвічы Зэльвенскага раёна юнак Ф. 1919 года, заявіў, што ў Рабоча-Сялянскай Арміі служыць буду, але атрымаю зброю, скарыстаю супраць Савецкай улады ў абарону былой Польскай дзяржавы. І калі вярнуўся з прызыўной камісіі, то пеў контррэвалюцыйныя песні: «Еще водка скиснет, кеды мы пием, еще Польша не сгинела, кеды мы живем» [14]. Аналагічныя выпадкі былі і ў другіх раёнах Заходняй Беларусі ў перадаенны перыяд.

Нягледзячы на шэраг адмоўных маamentaў, уз'яднанне Заходняй Беларусі з БССР мела станоўчае значэнне. І самае галоўнае – амаль усё насельніцтва беларускага этнасу атрымала магчымасць разам жыць, працаваць, адстаіваць свае інтарэсы і будаваць сваё жыццё адзінай, дружнай сям'ёй.

Спіс літаратуры

1. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. – Мінск, 1995. – Ч. 2. – С. 253.
2. Праблемы ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 17–18 верасня 1999 г. – Мінск, 2000. – С. 122.
3. Советская Белоруссия. – 1939. – 19 сент.
4. В единой семье советских народов: материалы Респ. межвуз. науч. конф., посвященной 30-летию воссоединения белорусского народа в единое Советское социалистическое государство. – Минск: Выш. шк., 1970. – С. 29.
5. Молочко, И. П. О прожитом и пережитом / И. П. Молочко. – Минск, Беларусь, 1989. – С. 62–65.
6. Броска, Т. П. Гады вялікіх надзей / Т. П. Броска // Праца. – 1997. – С. 45.
7. Васілючак, М. В. У сям'і адзінай / М. В. Васілючак. – Мінск, 1977. – С. 45.
8. Народное (национальное) собрание Западной Белоруссии. 28–30 октября 1939 г. Стенографический отчет. – Минск, 1946. – С. 45.
9. Нечарговая трэцяя сесія Вярхоўнага Савета БССР, 12–14 лістапада 1939 г. – Мінск, 1940. – С. 91.
10. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гродзенскай вобласці. – Фонд 16. – Воп. 43. – Спр. 1. – Л. 11.
11. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гродзенскай вобласці. – Фонд 16. – Воп. 54. – Спр. 1. – Л. 7.
12. Славуты Зэльвенскі край: матэрыялы навук. гісторыка-краязнаўчай канф. «Старонкі гісторыі Зэльвеншчыны» (Зэльва, 12 снежня 1998 г.) – Ліда, 2004. – С. 162.
13. Заходні рэгіён Беларусі вачыма гісторыкаў і краязнаўцаў: зб. навук. артыкулаў. – Гродна, 2006. – С. 204.
14. «Ты з заходняй, я з усходняй нашай Беларусі...» Верасень 1956 г. Дакументы і матэрыялы. Кніга 1. Верасень 1939 г. – 1941 г. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – С. 116.

В. И. Ватыль

(Гимназия № 7, г. Гродно, Беларусь, sh29_okttoo@mail.grodno.by)

ГОРОД ГРОДНО В ЕВРАЗИЙСКОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Одной из важнейших страниц современной истории являются интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Благодаря свое-

му географическому положению наша республика и наш город заслуживает пристального внимания в сфере развития внешнеэкономических, торговых, культурных связей, особенно со своими соседями. В настоящее время в связи с условиями, создавшимися на территории постсоветского пространства Беларусь, Россия и Казахстан выдвинули идею нового интеграционного процесса. «Наш союз призван стать ключевым региональным игроком, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами» – подчеркнул Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в ответ на опубликованную в газете «Известия» статью В. В. Путина об интеграции на постсоветском пространстве [4].

Одним из субъектов интеграционного процесса являются региональные города, в которых сосредоточена экономическая, политическая, культурная жизнь, которые являются связующим звеном в многообразии процессов, проходящих на постсоветском пространстве, это структурная единица интеграции.

Гродно – крупный административный центр и центр национального и международного значения. Он обладает высокоразвитой промышленностью, значительным научно-социальным потенциалом и уникальным историко-культурным наследием.

Гродно располагает развитым промышленно-производственным потенциалом многоотраслевой специализации. Здесь занято более 30 % экономически активного населения, выпускается около 40 % всей промышленной и 60 % экспортной продукции области. Гродно осуществляет внешнеторговые операции более чем со 100 странами мира.

Наиболее активно Гродно осуществляет внешнеторговую деятельность с Россией. Одним из механизмов увеличения экспортных поставок продукции в настоящее время является развитие побратимских отношений между Гродно и регионами Российской Федерации.

Наличие соглашений о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве с администрациями регионов России в значительной степени активизирует работу по организации деловых встреч, переговоров, проведению выставочно-ярмарочных мероприятий с участием организаций области и компаний Российской Федерации.

Особое место во внешней торговле играет СЭЗ «Гродноинвест», в рамках которого созданы совместные предприятия с Казахстаном и Россией. Одним из интереснейших проектов СЭЗ «Гродноинвест» является создание туристско-рекреационного парка «Августовский канал» и предлагаются инвестиционные проекты: строительство летнего кафе с лодочно-прокатной станцией, создание горнолыжного курорта круглогодичного действия в посёлке Сопочкин, строительство рекреационно-развлекательного комплекса [11]. Его реализация значительно расширит туристический потенциал нашего края, привлечет инвесторов.

Высокие показатели во внешней торговле на евразийском пространстве демонстрируют акционерные общества БелКард и Гродненский мясокомбинат, Концерн «Гродно Азот», завод Торгмаш, что является существенным вкладом нашего города в интеграционный процесс.

Гродно является культурным центром. Здесь проходят различные фестивали, причем не только областного и республиканского уровня, но и международного. Например, с 2004 года в Гродно проходит международный фестиваль «Гродно–Москва–Транзит». Один раз в два года в нашем городе проводится Международный фестиваль национальных культур.

Гродно является региональным образовательным центром. В городе работают учреждения образования, которые непосредственно сотрудничают с другими странами, главным образом с Россией.

Гродненский государственный медицинский университет является международно признанным медицинским исследовательским центром в Беларуси. Ученые университета преуспели в диагностике и лечении широкого круга заболеваний. Университет сотрудничает с образовательными и исследовательскими центрами Украины, России и других стран. Ежегодно проходят научно-практические конференции по различным медицинским аспектам. Выпускники данного учебного заведения уже успели подтвердить высокий уровень медицинских знаний, полученных в УО «ГрГМУ».

Гродненский государственный университет так же занимает активную позицию в области реализации международной деятельности с целью дальнейшего укрепления имиджа университета как высокопрофессионального учебного и научного центра, оказывающего значительное влияние на экономическое и социальное развитие региона. ГрГУ является полноправным членом Евразийской Ассоциации университетов (ЕАУ).

Большую роль в формировании Евразийского союза играют обратимые связи.

Исходя из сказанного можно увидеть поступательный интеграционный процесс на Евразийском пространстве и место нашего города в этом процессе, его огромный потенциал и привлекательность.

Мы стремились показать на ряде примеров роль города в интеграционном евразийском процессе и как было сказано в ежегодном послании Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко парламенту и народу – «региональный ресурс является компонентом общегосударственного».

Список литературы

1. Барков, А. В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе / А. В. Барков // Журнал российского права. – 2003. – № 8.
2. Истомин, С. И. Таможенный союз стран ЕврАзЭС (комментарий в документах) / С. И. Истомин, Я. И. Моравек // Экономика. – М., 2001.

3. Летова, А. В Гродно прошёл Международный фестиваль «Гродно – Москва – Транзит» / А. В. Летова // Гродзенская праўда. – 2011. – 19 июля.
4. Лукашенко, А. Г. О судьбах нашей интеграции / А. Г. Лукашенко // Известия. – 2011. – 17 нояб.
5. Назарбаев, Н. А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего / Н. А. Назарбаев // Известия. – 2011. – 25 окт.
6. Назарбаев, Н. А. Россия, к сожалению не стала стержнем СНГ / Н. А. Назарбаев // Вестник Содружества. РИА «Новости» и Межгосударственный экономический комитет Экономического союза СНГ. – 1998.
7. Путин, В. В. Новый интеграционный проект: будущее, которое рождается сегодня / В. В. Путин // Известия. – 2011. – 3 нояб.
8. Шишков, Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ / Ю. В. Шишков. – М., 2001.
9. Внешняя торговля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grodno.gov.by/ru/main.aspx?guid=1891>. – Дата доступа: 11.01.2012.
10. Союзное государство России и Белоруссии. История создания и цели [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gia.ru/spravka/20101003/281848650.html>. – Дата доступа: 11.01.2012.
11. Инвестиционная привлекательность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://grodno.gov.by/ru/print.aspx?guid=2231>. – Дата доступа: 15.01.2012.
12. Администрация СЭЗ «Гродноинвест» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belarus.by/ru/about-belarus/geography/grodno-region>. – Дата доступа: 17.01.2012.
13. Экономика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://econop.grodno-region.by/ru/ved>. – Дата доступа: 17.01.2012.
14. Внешнеэкономическая деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=506530>. – Дата доступа: 16.01.2012.

В. Н. Ватыль

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, v.vatyul@grsu.by)*

ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКИ: СМЫСЛОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ КОНЦЕПТА

Сперва об исходном термине «символ». Символ – 1) синоним понятия «знак» (например, в лингвистике, информатике, логике, математике); 2) знак, предметное значение обнаруживается только бесконечной интерпретацией самого знака. Символ – знак, который связан с обозначаемой им предметностью так, что а) предмет не может быть дан иначе, чем посредством данного знака-символа, б) знак-символ не может выражать другую предметность, оставаясь при этом самотождественным, в) знак-символ является не только средством для указания на предмет, но также и источником смысла (в предельном случае – единственным), интерпретация знака-символа не допускает конечных процедур и однозначной «рас-

шифровки», но в то же время предполагает существование конкретного смысла и исключает произвольность толкования.

В отличие от образа символ не самодостаточен и «служит» своему денотату (предмету), требуя не только переживания, но также проникновения и толкования. В отличие от понятия, для которого однозначность является преимуществом (по сравнению, например, со словом естественного языка), сила символа в его многозначности и динамике перехода от смысла к смыслу. Находясь между понятием и образом, символ одновременно передает многозначность денотата, используя образные средства, и однозначность образа, используя понятийные средства. В отличие от аллегории и эмблемы символ не является иносказанием, которое снимается подстановкой вместо него прямого смысла: смысл символа не имеет простого наличного существования, к которому можно было бы отослать интерпретирующее сознание. В отличие от притчи и мифа символ не предполагает развернутого повествования (нарративной формы) и может иметь сколько угодно сжатую форму экспрессии. В отличие от метафоры символ может переносить свойства предметов и устанавливать те или иные их соответствия не для взаимоописания этих предметов, а для отсылки к «неописуемому». В отличие от знаменья символ не является знаком временного или пространственного явления (приближения) сверхприродной реальности, поскольку допускает наличие бесконечно большой дистанции между собой и своим интенциональным предметом.

Специфическими отличиями символа от всех упомянутых знаковых тропов являются следующие его функции, значащие не меньше, чем общая для всех тропов проблема выражения заданного содержания: 1) способность символа к бесконечному раскрытию своего содержания в процессе соотнесения со своей предметностью при сохранении и «неотменности» данной символической формы. В этом отношении оправдано понимание такого процесса не только как интерпретации заданного смысла, но и как одновременного порождения этого смысла; 2) способность символа, связанная с опытом его толкования, устанавливать коммуникацию, которая в свою очередь создает (актуально или потенциально) сообщество «посвященных», т. е. субъектов, находящихся в поле действия и относительной понятности символа (напр., церковь, направление в искусстве, эзотерический кружок, культурный ритуал); при этом эзотеричность символа уравнивается его «демократичностью», поскольку каждый может найти свой доступный ему уровень понимания символа, не впадая в профанацию; 3) устойчивое тяготение символа к восхождению от данных «частей» к действительному и предполагаемому «целому» символу. В этом случае он является местом встречи того, что само по себе несоединимо [1].

Производство смыслов является существенным условием современной политики, ибо в соответствии с принципами легитимации власти при-

нятие политических решений предполагает постоянную коммуникацию по поводу их объяснения и оправдания. Такой формат политического обусловлен развитием институтов, разделения властей, парламента и прессы, которые стимулировали выработку «публичных идей», увязывающих политический курс с тем или иным пониманием общественных и/или групповых интересов. При этом публичная сфера как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются общественно значимые проблемы, формируются во всех модернизирующихся обществах – не только там, где складываются устойчивые демократические институты. Другими словами, не только там, где у правящих есть институциональные стимулы для артикуляции идей в контексте объяснения принимаемых решений управляемым, перед которым они ответственны. Исходя из этого, нами предпринята попытка рассмотрения конфигурации пространства политических идей во взаимосвязи с институциональными условиями, определяющими правилами игры и стратегии акторов, которые эти идеи производят, а также с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращение последних.

В качестве аналитического понятия, используется термин «идейно-символическое пространство», что обусловлено двумя соображениями. Во-первых, хотя основой политических коммуникаций несомненно являются вербально оформленные «идеи», представленные в виде понятий, принципов, концепций, доктрин, программ и т. п., существенную роль в них играют и невербальные способы означивания. Причем по мере развития современных технических средств коммуникации, основанных на аудиовизуальных формах представления информации, рациональные способы репрезентации все активнее дополняются чувственно-эмоциональными. По мнению некоторых исследователей, это обстоятельство является причиной очередного «конца идеологий» как упорядоченных «систем верований»: «идеология» вытесняется «имиджеологией» и, что немало важно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер «потребления» последних [2]. Таким образом, сфера применения понятия идеологии в его традиционной интерпретации – в качестве набора более или менее целостных и упорядоченных систем идей и осознанных убеждений, которые служат для определения и оправдания социальных действий, – сужается. Правда, в конце XX в. данный концепт был подвергнут реинтерпретации, результатом которой стало понимание идеологии как способа функционирования символических форм (не только идей, но и образов, действий и даже вещей – всего, что может быть наделено смыслом) в контексте отношений власти, господства, неравенства и т. п. [3]. Однако учитывая, что новые интерпретации пока не стали общепринятыми, мы предпочитаем говорить об идейно-символическом пространстве как совокупности идей, образов, символов, нарративов, мифов и проч. Способов репрезентации

смыслов, способных образовывать более или менее устойчивые комбинации и служить ориентирами для политических акторов. В качестве инструментов анализа этих комбинаций мы будем использовать понятия «идеи», «идеологии», «дискурсы», «идеологические предпочтения» и др. При этом основное внимание все-таки уделяется вербально оформленным смыслам, поскольку их роль в политических коммуникациях остается определяющей.

Во-вторых, для характеристики связей и отношений между символическими формами, определяющими политические процессы, используется метафора «пространства», а не «спектра». Не отрицая значение «право-левой» шкалы для анализа политических различий, следует признать, что структура идеологических размежеваний гораздо сложнее и многообразнее. Она определяется наличием множества не совпадающих друг с другом водоразделов, заданных различиями ценностно детерминированных подходов к решению социально-экономических и политических проблем, цивилизационной самоидентификации, оценке роли государства, коллективного прошлого, принципов нациестроительства и проч. Поэтому мы видим свою задачу не столько в «картографировании» идеологического спектра и описании изменений, происходивших на протяжении последних двадцати лет на европейском и евразийском пространстве, сколько в анализе тенденций, связанных с формированием и развитием альтернативных способов интерпретации социально-политической реальности и соотносенных с ним дискурсивных практик.

Такой подход побуждает уделять особое внимание «производителям» политически значимых смыслов, и в первую очередь представителям политического класса. Данная категория шире, нежели политическая элита, ибо она охватывает не только тех, кто принимает политические решения, но также широкий круг лиц, профессионально занимающихся теми или иными аспектами политики и оказывающих косвенное влияние на политический процесс. В производстве, распространении и конкуренции политически значимых идей и смыслов помимо лиц, принимающих решения, активно заняты журналисты, аналитики, политические консультанты, спичрайтеры, а также, изучающие политику. Последние, безусловно, составляют особую группу, поскольку производимые ими смыслы облечены в форму, восприятие которой требует специальной подготовки, и циркулируют преимущественно (хотя и не исключительно) в рамках собственной профессиональной среды. Впрочем, каждый из сегментов политического класса специфичен, ибо по-разному локализован по отношению к публике и власти. Если для политиков функция производства смыслов является производной от решения других задач – борьбы за власть, мобилизации поддержки, легитимации политического курса и проч., то для других представителей политических профессий именно она является основной. Наконец, политически значимые смыслы порождаются не

только в контексте собственно политических дискуссий – они существуют в более широком культурном поле, приобретая соответствующую окраску в зависимости от контекста. Исходя из этого объектами нашего внимания стали не только политики (прежде всего вовлеченные в программно-идеологическую деятельность партий), но и журналисты, а также «публичные интеллектуалы».

По-видимому, то, каким образом в трансформирующем обществе производятся, распространяются и конкурируют идеи, определяется не только свойствами участвующих в этих процессах акторов (их когнитивными и ценностными установками, мотивацией, профессиональными навыками и т. п.), но и складывающимися правилами, нормами, коллективно формируемыми стратегиями, т. е. институтами. Поэтому есть намерение проследить основные векторы трансформации институтов публичной сферы на евразийском пространстве, определяющие изменения условий «идеологического производства». Публичная сфера рассматривается как социальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются политические идеи и вопросы общей значимости, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная форма локализована в различных институтах и сочетает разные формы общения: как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. Объем публичной сферы зависит как от меры дозволенного государством, так и от циклических колебаний интереса к общественным проблемам. В качестве критериев для оценки состояния и изменения публичной сферы могут выступать: степень автономии публичной сферы от официальной и частной сфер, ее открытость для разных сегментов общества, ее фрагментированность, структура каналов коммуникации (сочетание «живого» обсуждения и общения посредством печатных и электронных текстов, особенности циркуляции последних) и др.

Список литературы и примечания

1. Доброхотов, А. Л. Символ / А. Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. III. – С. 532.
2. См.: Bauman, Z. In search of Politics / Z. Bauman. – Stanford: Stanford University Press, 1999. – P. 1–7; Freedon, M. Political Ideology at Cenutry's End / M. Freedon. – P. 9–14; Simons, J. Ideology, Imagology, and Critical Thought: The Improverishment of Politics / J. Simons // Journal of political ideologies. – 2000. – Vol. 5, № 1. – P. 81–103; Соловьев, А. И. Политическая идеология: логика исторической эволюции / А. И. Соловьев // Полис. – 2001. – № 2. – С. 5–23; Соловьев, А. И. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии» / А. И. Соловьев // Полис. – 2004. – № 4. – С. 28–36 и др.

3. Согласно формулировке британского социолога Дж. Б. Томсона, «анализ идеологии должен ориентироваться не столько на светские системы убеждений, формулируемые и выражаемые организованными политическими группами, сколько на то, как различные символические феномены функционируют в социальном мире, пересекаясь с отношениями власти» (Thomson, J. B. *Ideology and Modern Culture. Critical Social Theory in the Era of Mass Communication* / J. B. Thomson. – Oxford, 1990. – 265 p.). Подробнее о реинтерпритации концепта идеологии и возможности его использования для изучения символического пространства современной политики см.: Малинова, О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях / О. Ю. Малинова // *Политическая наука*. – 2003. – № 4. – С. 8–31; Малинова, О. Ю. Доклад на семинаре «Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии» / О. Ю. Малинова // *Полис*. – 2004. – № 4. – С. 37–42. Вместе с тем есть и попытки реинтерпретировать понятие идеологии за счет сужения его содержания. Так, С. Хансон в своей недавней работе определяет идеологию как «ясное и последовательное определение критериев членства в желаемом политическом порядке», способное задавать ориентиры для политической самоидентификации и служить основой коллективного действия (Hanson, S. *Post-Imperial Democracies. Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia* / S. Hanson. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – P. 46–47). По мнению Хансона, такой подход дает возможность для операционализации понятия, позволяющей проследить причинные эффекты идеологии.

В. Н. Ватыль

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, v.vaty1@grsu.by)*

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ КАК ИДЕЙНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Европейская интеграция сегодня имеет множество дискурсов, начиная от социально-экономического и завершая этнокультурным [1]. Последний представлен мультикультурализмом, который в концентрированном виде характеризует реальную культурную политику Евросоюза, а также выражает интеллектуальные предпочтения европейцев в вопросе взаимоотношений различных культур [2]. В самом общем виде мультикультурализм мы определяем как особую форму интегративной либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные национальные общества реализуют стратегию социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни [3]. Нас в данном случае интересует мультикультурализм как дискурс идейно-символического пространства в системе европейской интеграции. Новейшие исследования показывают, что идейно-символическое пространство политики представляет

собой многомерное, реально-политическое и ценностно-смысловое измерение [4]. Соглашаясь с подобными оценками, мы также в анализе дискурса идейно-символического пространства политики в системе европейской интеграции будем учитывать не только изменения среды, в которой эти идеи и смыслы производятся, распространяются и соперничают друг с другом, но и конфигурации политических идей и символов, во взаимосвязи с институциональными и дискурсивными условиями, определяющими правила игры и стратегии акторов, которые эти идеи и смыслы производят, и с политическими коммуникациями, обеспечивающими обращения последних. Предметом нашего дискурсивного рассмотрения станет монография профессора политической теории Лондонской школы экономики Чандрана Кукатаса «Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы».

«Либеральный архипелаг» Кукатаса, наряду с «Теорией справедливости» Дж. Ролза, претендует на роль светской «библии» современного мультикультурализма. Английский политолог в развернутой форме предлагает в ней ответ на один из центральных вопросов европейской интеграционной политики: как политическая система должна реагировать на наличие в одном обществе множества культур; как должно быть организовано их сосуществование, чтобы не допускать конфликтов? Полемизируя со своим знаменитым предшественником – Дж. Ролзом – Кукатас в своем подходе объединяет принципы классического либерализма с парадигмальными константами культур-философской антропологии.

Ключевое понятие теории Кукатаса – толерантность: наилучший способ обращения с различными культурными и другими группами, как составляющими большинство, так и с меньшинствами, это требовать от них, чтобы они оставляли друг друга в покое. Вместо того, чтобы пытаться рассудить по справедливости, в качестве главного регулятивного принципа следует избрать свободу объединения в сочетании со свободой выхода из объединения. Именно последнее является «единственным фундаментальным правом индивидуума, поскольку все остальные права либо вытекают из него, либо даруются индивидууму сообществом» [5, с. 172].

Исходный тезис Кукатаса стал следствием анализа реального социально-политического и этнокультурного положения мигрантов в европейских странах на рубеже XX–XXI веков. К этому времени в них развернулась настоящая борьба за право на отличие, за право быть другим и не испытывать при этом давления (дискриминации) со стороны общества. Для мигрантов противоречивость ситуации состояла в том, что, с одной стороны, инструментально, для процветания в стране им требовалось влиться как можно полнее и быстрее в новую культуру. С другой стороны, деконструкция старой идентичности мигрантов, помимо социальных факторов, ограничивалась и тем, что для достижения определенного психо-

логического комфорта им необходимо сохранять что-то из своей родной культуры. Своеобразным компромиссом между требованием единых идентичности и системы ценностей (как основ для сохранения государства) и требованием права на отличие и стал мультикультурализм как одна из форм демократического противодействия опасной тенденции роста нетерпимости к мигрантам.

Поиск новых форм взаимодействия начали страны, которые называются «иммигрантскими», но в которых теория «плавильного котла» не сработала ни в отношении мигрантов, ни в отношении аборигенного, этнически или расово отличающегося населения. Необходимость интеграции именно этой части населения, представители которой, в силу существующих в либерализме идей о справедливости, должны бы ощущать себя равноправными гражданами страны, потребовала перехода к политике «признания различий» или мультикультурализма. В отличие от ставки на ассимиляцию, мультикультурализм исходит из возможности, и даже полезности, параллельного существования этнических общин, представляющих различные культуры. Задача общественных институтов состоит в том, чтобы максимально облегчить возможность такого существования, создав для этого благоприятные материальные и правовые условия.

Однако, как справедливо отмечает Кукатас, ассимиляцию трудно навязать силой, но ее непросто и избежать. «В любом обществе, где существует достаточная степень свободы, люди будут общаться и подражать друг другу, тенденцию к единообразию искоренить также трудно, как и стремление некоторых людей идти по жизни своим, особым путем. По соображениям целесообразности или здравого смысла новоприбывшие и меньшинства в любом обществе будут стараться следовать преобладающим нормам, поскольку это облегчает жизнь, делает ее приятнее и сокращает издержки» [5, с. 224]. В качестве вариантов реакции на проблему культурного многообразия в противовес изоляционизму, ассимиляторству и апартеиду Кукатас выделяет две модели мультикультурализма: «жесткий» и «мягкий». «Мягкая» модель отличается тем, что степень ассимиляции определяется желанием и способностью каждого отдельного индивида разделять или не разделять образ жизни большинства, при этом принимающая сторона спокойно относится к тому, что меньшинства остаются неинтегрированными. «Одна из характеристик мягкой мультикультуралистской политики заключается в том, что в ее рамках возможна ассимиляция людей не столько потому, что они сами этого хотят, сколько потому, что у них нет особого выбора. В результате представители культурных меньшинств в обществе либо неспособны поддерживать свою особую идентичность потому, что это связано с чрезмерными издержками, либо не могут полностью участвовать в жизни общества из-за своих культурных представлений и традиций [5, с. 313].

«Жесткий» мультикультуралистский подход заключается в том, что общество должно принимать активные меры для обеспечения таким людям не только полноценного участия в жизни общества, но и максимальных возможностей для сохранения особой идентичности и традиций. К разнообразию следует не просто относиться толерантно – его нужно укреплять, поощрять и поддерживать, как финансовыми средствами (при необходимости), так и путем предоставления культурным меньшинствам особых прав [5, с. 315].

Кукатас считает, что обе модели уходят корнями в либеральную политическую теорию: жесткий мультикультурализм отражает идеи современного либерализма, а мягкий – классического. Являясь сторонником мягкой модели мультикультурализма, Кукатас выделяет его основной принцип: толерантное отношение к укладу и особенностям жизни меньшинств, даже если этот образ жизни не одобряется большей частью общества. «Присутствие иных культур и традиций воспринимается толерантно, даже если эти традиции не согласуются с либерализмом и либеральными ценностями. Мультикультурное общество, построенное по принципам классического либерализма, может содержать и ряд нелиберальных составляющих. Тем не менее, оно не будет пытаться ни изгнать, ни ассимилировать эти элементы – оно просто будет относиться к ним терпимо» [5, с. 316]. В соответствии с этой либеральной доктриной, при наличии разногласий и противоречий возможен один путь – к мирному сосуществованию. Признавая классический либеральный мультикультурализм последовательной теорией, автор, тем не менее признает, что эта концепция представляет собой стандарт, которому не может соответствовать ни один реально существующий режим.

Список литературы

1. Позняков, В. В. Мультикультура в странах Евросоюза: опыт и уроки для Беларуси / В. В. Позняков // Республика Беларусь – Европейский союз: проблемы и перспективы партнерства / А. А. Коваленя [и др.]; под ред. Л. Ф. Евменова; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2013. – С. 414–457.
2. Водопьянова, Е. В. Европейская культура: XXI век / под ред. Е. В. Водопьяновой. – М., СПб.: Нестор–История, 2013. – С. 429–441.
3. Ватыль, В. Н. Мультикультурализм как интегративная форма либеральной идеологии / В. Н. Ватыль // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. – 2013. – № 2. – С. 45.
4. Малинова, О. Ю. Символическая политика: сб. научн. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / отв. ред.: О. Ю. Малинова. – М.: РАН ИНИОН, 2013. – С. 15–17; Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 5–21.
5. Кукатас, Ч. Либеральный архипелаг: Теория разнообразия и свободы / Ч. Кукатас. – М.: Мысль, 2011.

Н. В. Ватыль

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, vatel-n@yandex.ru)*

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА «ИНТЕГРАЦИЯ» В ПОЛИТОЛОГИИ

Современные интеграционные процессы оказывают значительное влияние на формирование новой модели политического мироустройства, как на региональном, так и на мировом уровне. В широком смысле термин «интеграция» (от лат. integer – полный, целый) обозначает объединение в целое, в единство каких-либо элементов, восстановление какого-либо единства [1, с. 177]. Политическая интеграция сегодня трактуется как объединение, слияние политических сил в рамках государственных или межгосударственных структур, политических институтов с целью достижения определенной политической общности, стабильности развития государств и обществ [2].

Сам термин «интеграция» вводится в оборот в Новое время, период, когда на волне интенсивно развивающейся науки и промышленности возникает потребность в многомерном, междисциплинарном подходе к исследованию окружающей действительности в различных, в том числе и политических ее формах. В государствоведческих исследованиях феномен интеграции начинает изучаться в период становления в Европе государств-наций [3, с. 214]. Положительным примером реализации интеграционной идеи на практике стали в XIX веке Соединенные штаты Америки. В Европе внимание политических мыслителей вновь обращается к идее межгосударственной интеграции в начале XX века на фоне объединительного движения государств после Первой мировой войны. С окончанием Второй мировой войны зарождается первая, в современном смысле слова, международная интеграционная система – Организация объединенных наций. С этого момента стало возможным говорить о новом политическом феномене – международной политической интеграции.

Основные теоретико-методологические подходы в изучении данного феномена начинают оформляться преимущественно со второй половины XX века. Хронологическое первенство принадлежит концепциям федерализма и функционализма. Первый ставил своей целью теоретическую систематизацию и упорядочивание межгосударственных отношений в Европе на основе рецепции положительного опыта федерального строительства США. Главным принцип федерализма – перераспределение власти между центральным и местным уровнями. Согласно данному принципу, входящие в состав федерального союза политические субъекты должны, при сохранении определенной степени автономии, передать цент-

ральным органам управления часть властных полномочий. Одновременная централизация и децентрализация власти при федеральном устройстве, по мнению исследователей, должна была способствовать поддержанию стабильности в рамках союза, а также минимизировать затраты при решении общих задач. Однако практика показала, что данный проект, при всей своей теоретической привлекательности, не учитывал, во-первых, дифференциацию реального уровня экономического, политического и социального развития европейских государств, во-вторых – неготовность политической элит разных государств утратить часть властных полномочий, особенно в военной сфере. Поэтому начинаются поиски альтернатив теории федерализма, которые воплощаются в разработках научной школы функционализма.

Основоположник функционализма Д. Митрани акцентировал внимание на снижении эффективности формально привязанных к определенной территории государственных структур, альтернативой которым могли выступить транснациональные институты. Последние, считал ученый, смогут обеспечивать нужды и требования населения независимо от их гражданской принадлежности более эффективно, чем национальные государства. Особенно в рамках межгосударственных отношений. Реализация данного принципа в плоскость реальной политики началась в 50-е годы XX века в виде отдельных экономических проектов, имеющих одновременно интеграционный политический потенциал. Наглядным примером может служить Парижский договор, учредивший в 1951 году Европейское объединение угля и стали, ставшее первым этапом в создании панъевропейского интеграционного пространства – Европейского союза.

Неофункционалисты делали акцент, в первую очередь, на политических аспектах интеграции, указывая на значимость роли государства в интеграционных процессах. В отличие от функционалистов, которые выстраивали интеграционные модели в глобальном масштабе, неофункционалисты сосредоточились на концептуальном обосновании интеграционных процессов на региональном уровне. Неофункционалистская теория рассматривает государство как «вектор деятельности различных групп интересов, образующих общество, а политика является своего рода «рынком», где группы интересов конкурируют между собой за право внести свой вклад в безликий механизм принятия решений, и тем самым повлиять на исход этого процесса. Предметом научного анализа согласно этой концепции, является лишь соотношение интересов в государственной политике ...» [4, с. 326]. Группы интересов не могут полноценно реализовать свой транснациональный потенциал в рамках национального государства. Поэтому они фокусируются на процессе формирования наднациональных политических институтов, открывающих новые политические и экономические перспективы. В процессе политической интеграции, подчеркивали неофункционалисты, параллельно с возникновением над-

национальных политических институтов, формируются новые механизмы их взаимодействия. Тем самым, национальные государства теряют монопольное право на межгосударственные отношения. Следовательно, появившиеся в ходе интеграционных процессов наднациональные институты имеют существенные отличия от международных организаций, взаимодействие в рамках которых происходило исключительно на межгосударственной основе. Неофункциональная теория обосновала принцип наднациональности, постулирующий относительную независимость интеграционных процессов от интересов отдельных государств. Согласно данному принципу, наднациональные институты обладают возможностью саморазвития, поэтому не могут быть ликвидированы в обычном порядке по воле отдельного государства.

Среди современных подходов к изучению феномена интеграции наибольший вес имеет институционализм. Его основные теоретики – К. Армстронг, Р. Кеохейн, С. Балмер, М. Фридман – признают институты, в большей или меньшей степени, системообразующим фактором межгосударственных отношений. В данной концепции институты определяются как «формально-юридические конструкции и наборы правил принятия решений, которые накладывают определенные обязательства на политических акторов, руководствующихся своими интересами» [4, с. 337]. Институционализм основывается на бихевиоральной теории рационального поведения политических акторов. Государство выступает как первоначальный институт, основанный на рациональном выборе индивидов в сторону стабилизации и упорядочивания человеческих взаимоотношений. Аналогично с усложнением международных отношений формируются первые наднациональные институты как результат рационального выбора государств в пользу стабильного и упорядоченного миропорядка. Следовательно, в системе международных институтов вырабатываются общие правила «игры» и коррелируются интересы основных политических акторов. В рамках институциональной теории процесс межрегиональной интеграции анализируется как постепенное делегирование части административных и законодательских полномочий от национальных государств наднациональным структурам.

Список литературы

1. Кондаков, Н. И. Логический словарь / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
2. Политическая интеграция // Политология. Словарь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/67/Интеграция>. – Дата доступа: 16.02.2014.
3. Кант, И. Метафизика нравов: в 2 ч. / И. Кант. – М.: Мир книги, 2007. – 400 с.
4. Шемятенков, В. Г. Европейская интеграция / В. Г. Шемятенков. – М., 2003. – 400 с.

Н. В. Ватыль

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, vatel-n@yandex.ru)*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИДЕАЛА И. А. ИЛЬИНА

Идеал, по Ильину, – умозрительный образ, имеющий нормативный характер и определяющий способ и характер поведения, деятельности человека или социальной группы. Логическое построение государственного идеала как одной из модельных характеристик для Ильина осуществлялось путем мысленного доведения определенных элементов социально реальности до их «полного выражения» при помощи интегрирования дискретно существующих явлений в «едином мысленном образе». Современник русского политического мыслителя, немецкий социолог М. Вебер причислял к идеалу такие идеальные в логическом смысле теоретические конструкции, позволяющие абстрагироваться от конкретных явлений и пригодные для создания абстрактной модели взаимосвязанных элементов и функций сложных политических объектов [1, с. 389–402].

В формальном определении модель – это искусственно созданный объект, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение осуществляется как в предметной, так и в символически-знаковой формах.

В последнем случае возможны два способа конструирования модели. Если первый проистекает от эмпирически выявленных свойств и зависимостей объекта к его модели, то второй уже в исходной точке предполагает доопытное воссоздание объекта в модели, и поскольку модель известна, то считается познанным и объект [2, с. 596].

Формально-логическое построение государственного идеала в научных изысканиях Ильина оказалось основой для содержательной интерпретации идеальной модели – модели сильного и эффективного государства. Искомая модель для него представляла идеальную реальность в конечном числе постоянных и переменных констант [3, с. 486, 491–492]. Для нас подобное заключение русского политического мыслителя важно, ибо выступает переходной «площадкой» от интерпретации общетеоретических оснований государственного идеала к выявлению его содержания – модели сильного и эффективного государства. Добавим, того содержания, контуры которого очерчены исходными ильинскими идеями о государственности.

Для Ильина определяющей характеристикой концепта «сильное и эффективное государство» являлась «эффективность». Обратим внимание, эффективность государственности. Ученый разводил в своем анализе понятия «эффективность государственности» и «сильное государство».

Изначально следует провести терминологическую дифференциацию понятий «государство» и «государственность» ввиду их кажущейся синонимичными. Термином «государство» обозначается в широком смысле «система политических институтов, занимающихся организацией общественной жизни на определенной территории». Государственность, в свою очередь, помимо дублирования признаков, присущих государству, может также обозначать и процессуальную динамику – движение от более низкой ступени к более высокой. Государственность, тем самым, может быть шире какого-либо конкретного вида государства. Можно подвести итог, что дефиниция «государственность» отражает динамику процессов государственного строительства и функционирования. Представляя собой совокупность качественных характеристик различных элементов государственного устройства, она оказывает значительное влияние на взаимодействие государственных институтов, порядок их формирования и функционирования.

Для Ильина категорией государственности обозначалось конкретно-историческое явление, демонстрирующее накопленные данным народом духовные и иные социальные ценности, способность к успешной трансформации и изменениям, отображающее качественное состояние государственно организованного социума, воплощающее национально-духовную природу и специфику, национально-культурную ориентированность [4, с. 238]. В качестве социальной реалии и категории государственность являла системное явление, в котором государству принадлежало центральное место. Государство выступало как единственный носитель суверенной организованной политической власти для определенных социальных сил, правящий социумом посредством нормативно-правовых актов, при помощи аппарата управления и механизмов принуждения, а также прямого администрирования. Государство обеспечивает возможность для граждан участвовать в формировании и реализации властных действий, направленных преимущественно на осуществление как общесоциальных, так и конкретно групповых, национальных, классовых и прочих интересов в границах определенной территории [5, с. 276].

Единовременно Ильин указывал и на взаимную связь эффективности государственности и сильного государства. Достижение желаемого качества государственно организованного общества связывалось русским политическим мыслителем, прежде всего, с функциональным положением государства в обществе, выражаемом в степени эффективности выполнения им своих функций. Функциональная характеристика государственности, в первую очередь, находится в основе сильного государства.

Эффективность государственности понималась Ильиным как определенная качественная характеристика процесса политико-правового опосредования социальных взаимоотношений, состоящая из трех основных компонентов: 1) результативность (уровень достижения политических целей, отображающих нормативное понимание государственного идеала

как должного); 2) степень социальной значимости достигнутых результатов; 3) уровень духовно-нравственного соответствия используемых в процессе функционирования государственности средств и методов [4, с. 234–244]. Отметим, что данные компоненты рассматривались Ильиным как те критерии оценки, посредством которых артикулировалось его исходное представление о государственности.

Русский политический мыслитель указывал, что для обеспечения желаемой степени эффективности государственности, гарантирующей высокую эффективность, требуются соответствующие условия, способствующие, с одной стороны, реализации максимальной степени ценности государственности, позволяющей наиболее полно удовлетворять запросы граждан, с другой стороны – являющиеся сопутствующими факторами для функционирования компонентов государственности, способствующими достижению этой ценности, ее успешному использованию. В качестве важнейших условий наращивания эффективности государственности, по Ильину, могут быть выделены: а) высокий духовный потенциал государственных основ; б) наличие сильной государственной власти; в) функционирование демократического политического режима; г) высокий уровень правосознания и правовой государственности.

Список литературы

1. Вебер, М. Объективность социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 345–415.
2. Гутнер, Г. Б. Моделирование / Г. Б. Гутнер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 2. – С. 596–597.
3. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 1998. – Т. 7. – 608 с.
4. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 1. – 400 с.
5. Ильин, И. А. Собрание сочинений: в 10 т. / И. А. Ильин. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.

С. В. Венидиктов

*(Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь,
г. Могилев, Беларусь, venidiktov4444@gmail.com)*

ТРИ «ЕВРАЗИИ» СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Перспективы евразийской интеграции в современном политическом и научном дискурсе воспринимаются неоднозначно, что связано, на наш

взгляд, с различными методологическими подходами к проблеме и отсутствием единства в понимании того, какие формы межгосударственного взаимодействия считать интеграционными, а какие – измерять сугубо категориями экономическими. Из поля зрения исследователей зачастую выпадают процессы субнационального (регионального) взаимодействия евразийских государств как наиболее оперативного, перспективного и взаимовыгодного пути. Не менее проблемный вопрос (не составляющий, тем не менее, предмет обширной дискуссии) касается установления границ евразийской интеграции, т. е. определения пространства, в рамках которого целесообразны интеграционные проекты. В соответствии с тремя наиболее распространенными моделями евразийства – постсоветской, идеологической и прагматичной – целесообразно, на наш взгляд, говорить о трех различных «вариантах Евразии».

Постсоветская Евразия как интеграционный проект своим появлением парадоксальным образом обязана дезинтеграции – распаду СССР. Возникновение на территории бывшего Союза надгосударственных политических и экономических формирований, а также (в перспективе) их последовательная трансформация (СНГ – ЕврАзЭС – Таможенный союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз (создание планируется после 2015 г.) – Евразийский союз) позволяет сделать вывод о стремлении государств сохранять традиционные связи. Однако этот проект интеграции не в полной мере отражает политические реалии XXI века: государства бывшего СССР слишком разнородны в политическом отношении (от Туркменского авторитаризма до Молдавской демократии), их экономические системы уже не способны выступать деталями одного механизма, законодательные акты не отличаются согласованностью. И, что самое существенное, видение собственных приоритетов во внешней политике характеризуется разновекторностью: Россия колеблется между европейским будущим, тихоокеанской перспективой и азиатским базисом своих обширных территорий; Украина пытается найти баланс между привлекательностью восточных энергоносителей и выгодами демократизации по европейскому образцу; Беларусь заявляет о многовекторности своей внешней политики; Казахстан призывает государства-партнеры воплощать в жизнь евразийские идеалы. Все это позволяет говорить о неустойчивости «постсоветского» варианта Евразии, где интеграционные процессы рискуют смениться дезинтеграционными ввиду несовпадения границ экономически детерминированных сфер интересов и границ политических. К слабым местам «постсоветского» подхода стоит отнести также обусловленность форм сотрудничества централизованными политическими решениями и недостаточную самостоятельность взаимодействия большинства республик на микроуровне экономических проектов и гражданских инициатив. Во всяком случае, невысокая эффективность Содружества Независимых Государств является следстви-

ем не только организационного несовершенства, но и объективных противоречий его членов.

Второй подход к пространству евразийской интеграции, названный нами идеологическим, во главу угла ставит не географические или политические границы, а совокупность идеологических принципов, составляющих т. н. «евразийство». Последнее претендует отнюдь не на выполнение объединяющей функции, а на утверждение особого пути развития, отличного от европейского или азиатского. Пример следования этому альтернативному пути, согласно сторонникам зародившегося более 100 лет назад в среде эмигрантов евразийства, являет Россия. Теоретическая неоднозначность позволяет выделить несколько разновидностей теории евразийцев: а) идея «славянского» и «православного» мира, который должна возглавить Россия; б) Россия включает в себя кочевые народы Великой степи (Л. Гумилев); в) Россия – особая «континентальная» держава, противопоставленная «островным» государствам типа США (А. Дугин); г) Россия и страны Азии характеризуются общностью исторического пути; д) концепция единства славянской и исламской культуры; е) Евразия – особый «географический мир», характеризующийся единством природы и общностью истории населяющих его народов [1, с. 17]. Таким образом, евразийство можно рассматривать как проект культурный и географический, но не как политический или экономический. В современном дискурсе очевидно выделяются две разновидности евразийства. В одном случае внимание сконцентрировано на декларировании особой роли России в мире, которая позволяет претендовать на расширение сферы влияния на внешнеполитической арене (причем государства бывшего советского блока рассматриваются как сфера приоритетных интересов). Во втором случае утверждается стратегическая значимость для России азиатского и тихоокеанского вектора (материализованным подтверждением обоснованности таких притязаний может служить возрождение в 2000-х гг. Дальнего Востока – переднего фронта «азиатизации» России). Но какой бы подход мы не рассматривали, говорить о евразийской интеграции в значении взаимовыгодного процесса политико-экономического взаимодействия, лишенного отношений доминирования / подчинения, не приходится.

Прагматичная модель евразийской интеграции предусматривает взаимодействие Европы и Азии, основанное на принципах экономической целесообразности. Это наименее идеологизированный подход, лишенный привязки к политическим программам и зависимости от традиционных и культурных ценностей. В отличие от первых двух проектов, рассмотренных нами, в прагматичной модели Европа получает возможность заявить о себе как о полноправном участнике интеграционных процессов. С другой стороны, «интегрированная» Евразия предстает в этом случае как никогда разнородным, обширным и многовекторным

пространством, объединенным лишь финансовыми интересами, где «экономические взаимосвязи должны превалировать над геополитическими целями, а идеология отступает на второй план по сравнению с конкретными интересами – просто в силу разнородности игроков» [1, с. 18]. Примером практической реализации прагматичной модели евразийской интеграции является современная политика Казахстана. Президент Нурсултан Назарбаев делает акцент на социальной модернизации, экономическом развитии при сохранении культурной и национальной идентичности, что превращает евразийство в систему внешнеполитических и внешнеэкономических идей и деидеологизированных приоритетов международного сотрудничества. Особенностью назарбаевской интерпретации прагматичной модели интеграции является отход от «антизападничества», которое являлось одной из причин непринятия евразийства как подхода, не отвечающего современным реалиям. Практическим выражением данной модели служит Единое экономическое пространство (ЕЭП) – наднациональное регионально-экономическое сообщество государств Таможенного союза. Исследователи отмечают особое стратегическое значение участия Беларуси в ЕЭП: «В современных условиях формируется новая специфика геополитического положения Беларуси, которое является своеобразным феноменом на евразийском континенте. В основе этого процесса лежит инновационная коммуникация нового политического союза <...>, оказывающая существенное влияние на весь современный мир» [2, с. 310].

Рассмотренные нами модели евразийской интеграции в «чистом» виде существуют лишь в теоретических конструкциях. Реалии современной политики, в которой участвуют государства с различными политическими системами и представлениями об оптимальной модели интеграции, требуют абстрагирования от формальных границ для поддержания субнационального сотрудничества, построения идеологической базы для обеспечения поддержки широких масс населения, а также прагматического расчета экономической выгоды – невзирая на социокультурные различия. Только такой подход способен объединить три «Евразии» в одну, обеспечив взаимовыгодное взаимодействие Европы и всех макрорегионов Азии в процессе реализации общих экономических, социальных, экологических, гуманитарных и культурных проектов.

Список литературы

1. Винокуров, Е. Евразийская континентальная интеграция / Е. Винокуров, А. Либман. – СПб.: Центр интеграционных исследований, 2012. – 224 с.
2. Слука, О. Г. Беларусь в евразийском коммуникационном пространстве: геополитическая стратегия / О. Г. Слука // Журналістыка-2013: матэрыялы XV міжнар. навук.-практ. канф., 5–6 снежня 2013 г. – Мінск: БДУ, 2013. – С. 310–312.

Н. Ю. Веремеев

*(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, mikalai@mail.ru)*

СОВРЕМЕННЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Интеграционные процессы в Европейском союзе в последние несколько десятилетий идут под знаком явного усиления федеративных тенденций, и достаточно отчетливого движения в направлении создания федеративного «европейского супергосударства». В то же время увеличение полномочий наднациональных властей ЕС и ограничение полномочий центральных властей европейских государств проходит на фоне усиления регионального и местного уровней управления, вплоть до стремления отдельных регионов стран-участников ЕС заявить о своей самостоятельности и независимости от центрального правительства.

Вполне очевидной современной тенденцией является стремление к пересмотру границ в Европе. Процесс, который начался после распада СССР и завершения «холодной войны» сегодня приобретает новый импульс. Происходит трансформация национальных государств, что особенно заметно в Европейском союзе, где оно приобретает новый облик. Если прежде государство являлось основой международной системы отношений, носителем суверенитета, то сегодня оно выступает скорее механизмом управления территориями с прозрачными границами. В этой связи возникает много вопросов о том, в каком направлении трансформируется государство, какую роль оно сегодня играет в ЕС, и какие последствия повлечет за собой выход из состава государства ее территориальных единиц.

В некоторых странах ЕС сегодня обостряются сепаратистских настроения. По подсчетам экспертов в Европейском союзе большинство государств-членов в той или иной мере сталкиваются с проблемой сепаратизма [1]. Наиболее остро данный вопрос стоит перед такими странами как Испания, Великобритания, Франции, Бельгия. Так на осень 2014 года запланировано проведение референдума о суверенитете Шотландии и выходе ее из состава Великобритании.

Сепаратизм в европейских странах – явление не новое, однако именно в последние годы это движение стало приобретать все большее число сторонников в разных регионах Европы. Встает вопрос: насколько федеративный проект, реализуемый в Евросоюзе, способен нивелировать сепаратистские движения и что может ожидать Европу в случае, если тенденции к политической регионализации и фрагментации государств-членов сохранятся и усилятся в будущем?

Современный европейский сепаратизм классифицируют на национально-этнический; социально-экономический и языковой, в зависимости от доминирующих проблем в том или ином регионе.

Подъем сепаратистских настроений, затрагивающий почти все страны Европы, в значительной степени обусловлен притоком нелегальных и легальных мигрантов, вызывающим рост напряженности в принимающем обществе. С другой стороны – это реакция на жесткие процессы централизации и унификации, проводившиеся авторитарными, националистическими режимами ряда европейских стран в течение многих десятилетий XX века и теперь наблюдается обратное движение [1, с. 96].

Среди одного из вероятных ответов на вопрос о причинах усиления современного европейского сепаратизма может быть последнее расширение ЕС и принятие в его состав ряда малых государств. Факт принятия в сообщество малых европейских государств служит примером того, что небольшое по территории и численности государственное образование может успешно существовать и выстраивать равноправные отношения внутри ЕС.

Европейские исследователи отмечают то, что особенностью современного европейского сепаратизма является преобладание финансово-экономических мотивов отделения над национально-этническими и культурно-историческими. Экономический сепаратизм, особенно в условиях испытываемых Евросоюзом экономических сложностей, проявляется в стремлении достаточно обеспеченных, богатых регионов отделиться и перестать выступать донорами менее успешных. Пример сепаратистских движений подобного рода демонстрируют Каталония в Испании, Венеция в Италии, Бавария в Германии. Методы борьбы в основном остаются в политических рамках, а создание суверенного государства как цель борьбы сменяется максимальной национально-культурной, экономической и политической автономией в пределах границ современных государств [1, с. 97].

Европейский ответ на вызов сепаратизма состоит в реализации идеи «Европы регионов» и укреплении федеративных начал Евросоюза. Идея европейской интеграции изначально была нацелена на формирование не просто союза государств, но на создание европейцев, конструирование «европейской идентичности» граждан Европы. Она также предполагала стирание национальных границ и объединение различных сфер жизнедеятельности европейцев, стирание различий между странами и соответственно снятие этической, языковой, региональной принадлежности.

На данный момент существует несколько концепций европейской идентичности. Одна из них подразумевает «сильную республиканскую неделимую Европу» и исходит из того, что «европейская идентичность должна основываться на общем прошлом, с упором на культурную однородность, общую экономическую жизнь и общие цели социальной политики. Вторая, концепция «интегрального федерализма», основывается на отрицании государственной власти и передачи властных полномочий как региональным/локальным сообществам так и общеевропейским институтам [1, с. 156]. Ее сторонники заявляют, что национальную идентич-

ность должно сменить множество идентичностей различного уровня (европейская, региональная и т. д.) и таким образом будет преодолена обеспокоенность представителей различных стран относительно угроз их национально-культурной идентичности.

Политика федерализации ЕС находит воплощение в интенсификации регионального сотрудничества. Так, в 1975 году был образован Европейский фонд регионального развития; в 1984 году Европарламентом и Еврокомиссией утверждены принципы партнерства с региональными властями; а в последнем десятилетии XX века ЕС утвердил программу развития трансграничного сотрудничества, в рамках которой отдельные пограничные области приобрели статус европейских регионов и получили прямое представительство в институтах ЕС.

Отдельные эксперты считают регионалистскую политику Евросоюза попыткой смягчить проблему сепаратизма мирным путем – через «повышение статуса регионов и автономий без ущерба целостности государств и единству Европы». Другие сомневаются в том, что это может повлиять на позицию радикальных националистов – скорее всего, считают они, борьба против центральных правительств современных европейских государств сменится борьбой против правительства единой Европы, которое, с точки зрения радикалов, будет представлять такую же угрозу их национальной идентичности [3].

Таким образом, очевидно, что многие из числа сепаратистских движений преследуют скорее цель экономического или культурно-исторического самовыражения нежели всерьез стремятся реальной независимости. Но, тем не менее, факт остается фактом: интеграционный процесс в Европе может рассматриваться в качестве катализатора сепаратистских тенденций. Регионализация Европы привела к стиранию границ прежних национальных государств и формированию новых региональных общностей обладающих своей, новой «региональной идентичностью».

Европейский федерализм сохраняет деление на нации и отечества как дань историческим реалиям, и рассматривается в качестве модели интеграции. Несмотря на некоторую противоречивость, федерализм в ЕС способен достаточно решительно и успешно противостоять эскалации сепаратизма.

Список литературы

1. Егорова, М. Малые народы Европы и новые вызовы времени: проблема самоопределения / М. Егорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2009. – № 2. – С. 94–101.
2. Ноженко, М. Национальные государства в Европе / М. Ноженко. – СПб.: Норма, 2007. – 344 с.
3. Попов, А. Национализм и сепаратизм в единой Европе / А. Попов // Космополис: Альманах. – 2002. – № 1. – С. 93–108.

А. И. Веруш

*(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
Беларусь, silva_99@mail.ru)*

АНТИНАРКОТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Глобализация и интеграция, являясь сегодня генеральными направлениями, определяющими дальнейший ход развития нашей планеты, породили ряд новых вызовов и угроз безопасности. Сегодня наркобизнес и наркомания причислены мировым сообществом к глобальным проблемам современности.

В общем объеме нелегальных доходов преступных группировок наркоторговля занимает прочное первое место – до 78 %, в то время как незаконная торговля оружием – 7 %, торговля людьми, проституция и миграция – остальные 15 % [2]. Совокупный ущерб, наносимый обществу от незаконного распространения наркотиков, пока трудно поддается исчислению и анализу. Выступая на Представлении Всемирного доклада о наркотиках за 2013 год, директор ФСКН России В. Иванов заявил, что реализация инициатив ООН по борьбе с наркотиками находится под угрозой срыва [1].

В настоящее время страны бывшего социалистического лагеря являются объектом экспансии мирового наркобизнеса. Процессы наркотизации заявили о себе в Чехии, Словакии, Польше, Венгрии, Румынии, Болгарии, Сербии, Хорватии. Массовая наркотизация проникла в Прибалтийские государства, Армению, Грузию, Азербайджан, Молдову, Украину. Наркомафия превратила центральноазиатский регион (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), в основной транзитный коридор доставки афганских наркотиков в Россию и Европу по «северному маршруту», который проходит из Афганистана через бывшую афгано-советскую границу, которую теперь контролируют Туркмения, Узбекистан и Таджикистан [2]. В зону наркотранзита также втянуты территории Киргизии, Казахстана, с которым у России 7,5 тыс. км общей сухопутной границы.

Ежегодный прирост числа наркозависимых лиц стран СНГ, составляет до 10 % [3]. Республика Беларусь в числе стран, где проблема распространения наркотиков набирает темп и обретает угрожающий характер, чему в немалой степени содействует географическое расположение и транзитные возможности нашей страны. Они позволяют участникам международного наркотрафика использовать Республику Беларусь в качестве рынка сбыта психоактивных веществ, а также транзитного канала их контрабандного перемещения. Этому процессу способствует активная интеграция России, Беларуси и Казахстана в рамках Таможенного союза, «стирающая» между ними погранично-таможенные барьеры и соответ-

ственно упрощающая транзитное перемещение наркопродукции от северных границ Афганистана, Таджикистана и Китая до восточных границ Евросоюза. Основным поставщиком наркотиков в нашу страну является Россия, откуда ввозятся не только традиционные для этого региона героин и метадон, но также гашиш, амфетамин и иные психотропы нового поколения, которые раньше поступали из стран Прибалтики и Польши.

Значительные масштабы распространения наркотиков создают реальную угрозу национальной безопасности нашей страны. Количество состоящих на учете наркопотребителей в Беларуси ежегодно стремительно увеличивается. По данным главного нарколога Минздрава на начало 2013 года на учете, включая профилактический, состоял 15 071 человек против 13 800 на начало 2012-го. За последние пять лет количество наркозависимых увеличилось на 37,2 % [4]. Несколько тысяч наркозависимых отбывают наказание в местах лишения свободы и проходят лечение анонимно. Ежегодно увеличивается количество перекрытых каналов поставок наркотиков в республику из-за границы, а также их транзитных перевозок.

В этих условиях взаимодействие Республики Беларусь в сфере безопасности с государствами, которые также столкнулись с наркоугрозой, приобретает особую актуальность. Организация ДКБ в настоящее время является международной организацией в сфере безопасности, способной результативно реагировать на угрозу наркотрафика. Развитие наркоситуации в Республике Беларусь стало определяющим для активного участия нашей страны в формировании системы комплексного противодействия наркоугрозе в рамках ОДКБ. В плане совместного реагирования государства – члены ОДКБ регулярно проводят региональную антинаркотическую операцию «Канал», в результате которой ежегодно ликвидируются крупные каналы контрабанды наркотиков. В составе ОДКБ имеется Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков (КСОПН), одним из главных направлений деятельности которого является организация и координация совместной работы антинаркотических ведомств государств-членов ОДКБ по пресечению наркотрафика из Афганистана.

Вместе с тем, нарастание проблемы распространения наркотиков требует дальнейшего адекватного реагирования. Этапным событием стало соглашение о создании в рамках ОДКБ общей интеграционной структуры – Центра антинаркотических операций. Центр должен аккумулировать возможности компетентных органов и иных структур, которые могут быть задействованы в рамках ОДКБ для проведения антинаркотических мероприятий. Планируется использовать потенциал министерств обороны, внутренних войск МВД стран-участниц, а также органов пограничных и таможенных служб. Создание Центра антинаркотических операций стало одним из шагов утвержденной антинаркотической стратегии антинаркотической организации ОДКБ на период до 2020. Выработке

эффективных механизмов реализации стратегии антинаркотической деятельности ОДКБ будет способствовать дальнейшее сотрудничество в подготовке кадров, межведомственному взаимодействию в сфере профилактики.

Вместе с тем, актуальными на сегодняшний день остаются вопросы международного взаимодействия в части разработки и внедрения научных методик и новейших технических средств в оперативно-разыскную деятельность государств, вызванных появлением относительно нового направления в сфере борьбы с наркопреступлениями, которое связано с использованием высоких технологий с применением компьютерных ресурсов. И здесь следует более активно использовать возможности международного антинаркотического сотрудничества самых разных международных и региональных организаций – таких как ООН, НАТО, ШОС в рамках реализации глобальной антинаркотической политики. Масштаб наркоугрозы уже давно увеличился до всемирного, ее содержание только расширяется и никакие политические игры вокруг этой проблемы недопустимы.

Список литературы

1. Представление Всемирного доклада о наркотиках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 2013 http://rus.ruvr.ru/2013_06_26/Predstavlenie-Vsemirnogo-doklada-o-narkotikah-2013-Onlajn-reportazh-7451/#224141319. – Дата доступа: 23.02.2014.
2. Иванов, В. Афганский наркоузел / В. Иванов. – М.: GVGx-art, 2010. – С. 118.
3. Батулин, Е. Формирование антинаркотической политики стран – участниц СНГ в XXI в. / Е. Батулин // Власть. – 2011. – № 1. – С. 101–104.
4. В Беларуси ежегодно увеличивается число состоящих на учете наркоманов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/society/2013/04/04/ic_news_116_414104/http://naviny.by/rubrics/society/2013/04/04/ic_news_116_414104. – Дата доступа: 10.02.2014.

Л. С. Вечер

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, lsvecher@tut.by)

Т. Г. Соловей

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Soloveitg@mail.ru)

РЕЗЕРВ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ КАК ОСНОВА КАДРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Резерв руководящих кадров является приоритетным направлением государственной кадровой политики, одним из факторов национальной безопасности Республики Беларусь.

Основные положения и механизмы системы работы с руководящими кадрами определены Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» (14 июня 2003 г.), Указами Президента Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 2 ноября 2000 г. № 577 «О некоторых мерах по совершенствованию работы с кадрами в системе государственных органов»; Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2001 г. № 644 «Об утверждении кадрового реестра Главы государства Республики Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 3 ноября 2001 г. № 645 «Об утверждении порядка назначения (утверждения, освобождения) и согласования назначения (освобождения) Президентом Республики Беларусь на некоторые должности, включенные в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь»; Указ Президента Республики Беларусь от 26 июля 2004 г. № 354 «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций»; Указ Президента Республики Беларусь от 17 марта 2005 г. № 139 «Об утверждении положения о квалификационном экзамене для лиц, впервые поступающих на государственную службу» (Указ Президента Республики Беларусь от 2 июня 2009 г., № 275 «О некоторых мерах по подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров в сфере управления») и другие.

Эффективность государственного аппарата во многом зависит от компетентности руководителей. Чтобы сделать правильный выбор при приеме на работу, зачислении в резерв руководящих кадров, а затем оценивать их деятельность, необходимо знать, какие способности, знания и навыки требуются для выполнения профессиональных функций.

Резерв руководящих кадров – это группа перспективных работников с соответствующими деловыми и личностными качествами, специально сформированная государственным органом и иной государственной организацией, должностным лицом на основе их индивидуального отбора и комплексной оценки.

Целью создания резерва является подготовка включенных в него лиц для определенных руководящих должностей.

Ограниченность современного опыта формирования резерва в нашей стране делают необходимым анализ и адаптацию к условиям отечественного развития механизмов формирования резерва в зарубежных странах. Это возможно, так как есть несомненное сходство в использовании механизмов формирования резерва, определении подходов и использовании конкретных методик, что обусловлено общим вектором развития государственной службы [1].

Общим для всех стран является то обстоятельство, что формирование резерва на высшие государственные должности происходит в особом порядке и под особым контролем органов управления государственной службой. В этом случае разрабатываются не только специфичные меха-

низмы для выявления наиболее подготовленных работников, но и оценивается, прежде всего, наличие управленческих качеств.

Отметим общие подходы, обуславливающие эффективность работы с кадровым резервом:

- формирование кадрового резерва рассматривается как этап реализации общей государственной кадровой стратегии;

- формирование кадрового резерва – это часть кадрового планирования и направлено на выявление наиболее перспективных и подготовленных работников;

- разрабатываются специальные программы с подробным описанием компетенций (знаний, навыков, умений), необходимых для занятия более высоких позиций;

- оценка кандидатов происходит в соответствии с определенными требованиями. Разрабатываются специальные формы, которые заполняются лицами, желающими поступить в резерв;

- существуют особые ускоренные программы обучения для наиболее подготовленных работников;

- отбор кадров осуществляется в открытом доступе.

Актуальность решения задачи формирования кадрового резерва страны влечет за собой необходимость определения стратегии, выбора конкретных подходов и методик подготовки резерва управленческих кадров, разработки и внедрения методического инструментария оценки профессионального потенциала лиц, включенных в кадровый резерв.

Общая стратегия формирования резерва управленческих кадров прежде всего должна основываться на выделении приоритетных сфер экономики, государственного управления, национальной безопасности, для которых формирование управленческого резерва имеет особое значение. Новые факторы развития такие как, усиление глобальной конкуренции, нарастание финансовой дестабилизации, новая волна технологических изменений и т. д. обуславливает актуальность соответствующих приоритетов в государственной кадровой стратегии и определяет конкретные механизмы отбора и профессиональной подготовки «резервистов». Следовательно, разработка методик выдвижения отбора, подготовки и переподготовки кадров должна определяться не только потребностями государственных органов управления и конкретных организаций, но быть направленной, прежде всего, на подготовку кадров в отраслях, имеющих перспективный потенциал развития.

Существуют различные методики выдвижения и отбора в кадровый резерв, разработанные в зарубежной и отечественной практике управления. Следует отметить следующие принципиальные моменты. Нужно определить базовые принципы формирования резерва управленческих кадров, его структуру, основные приоритеты в проведении соответствующих мероприятий, порядок управления кадровым резервом. Использоуе-

мые методики должны быть едиными для всех уровней управления, дифференцированы с учетом потребностей уровня и профессионального среза и адаптированы для использования. Необходимо нормативное закрепление модели методики формирования кадрового резерва через соответствующие правовые механизмы.

Уровень подготовки лиц, рекомендуемых в резерв управленческих кадров, должен соответствовать определенным требованиям к профессиональной компетенции управленца. Речь идет о выделении и закреплении необходимых ключевых компетенций, которые можно сгруппировать по базовым блокам: стратегические мышления; контакты (коммуникации) с внешней и внутренней средой; навыки управления в организации, государственной службе; управление ресурсами в организации на государственной службе. Каждый блок в свою очередь подразделяется на более конкретные компетенции, которые в дальнейшем преобразуются в профессиональные стандарты.

Компетентностный подход как метод оценки профессионального и управленческого потенциала кандидатов в резерв может использоваться в дальнейшем при организации процесса обучения «резервистов».

Наличие подготовленных кандидатов на руководящие должности снимет проблему кадрового «голода», и это неперемное условие практического осуществления кадровой безопасности страны.

Некоторые выводы по формированию эффективного резерва руководящих кадров:

- необходимо создать Республиканский портал управленческих кадров – специализированный информационный ресурс для обеспечения привлечения на государственную службу профессионалов из науки, культуры, бизнеса и других сфер деятельности;

- эффективность использования кадрового резерва недостаточно высока и включение работников в резерв кадров не влияет на его дальнейшее продвижение;

- критерии оценки, методики обучения и механизмы отбора для выдвижения на руководящие должности должны быть едиными для всех уровней государственного управления, дифференцированными с учетом потребностей уровня и профессионального среза;

- необходимо создать органы управления кадровым резервом, так как при сегодняшнем состоянии дела, этим занимаются кадровые службы в качестве дополнительной нагрузки;

- необходимо создать модель «Ядро квалификации высших руководителей» или адаптировать к белорусским условиям имеющиеся модели для использования их в качестве основы для обучения, повышения квалификации, как руководителей, так и резерва руководящих кадров.

Невнимание к качеству кадрового потенциала общества и прежде всего к резерву кадров, механизмам воспроизводства и реализации его

деловых качеств, защищенности интересов профессионалов и защищенности общества от непрофессионалов создает реальную угрозу безопасности государства и общества.

Список литературы

1. Турчинов, А. Кадровая безопасность России: постановка проблемы / А. Турчинов // Государственная служба. – 2010. – № 5. – С. 13–21.

А. А. Возьмитель, М. Н. Яковлева
(Институт социологии РАН, г. Москва, Россия,
Vozmitel-a@yandex, m-m-21-42@mail.ru)

**СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ
И БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ***

После распада СССР для России весьма остро встала проблема ее места и роли в модернизирующемся и глобализирующемся мире. Все страны СНГ взяли курс на полную независимость от Москвы, действуя в отношениях с ней по принципу «максимум экономических выгод – минимум политических обязательств».

В то же время постсоветское пространство стало полем реализации разнообразных геополитических проектов: «балканизации», изоляции и т. п. Все это прямо соответствует существующему на Западе плану отделения России от Европы путем создания своеобразного «санитарного кордона» вдоль западных границ Российской Федерации, составленного из ряда стран – бывших республик распавшегося Советского Союза и бывших дружественных ему государств Центральной Европы. Наиболее яркий пример – последние события на Украине, как попытка Запада любой ценой оторвать Украину от России. В этом случае была задействована идея европейской идентичности Украины. Однако именно это фактически раскололо украинское общество.

В этих условиях для всех стран СНГ все большее значение приобретает участие в различных геополитических и экономических союзах, выстраивание своей цивилизационной идентичности. Так, Россия в настоящее время входит в ряд международных союзов: БРИКС, Евразийский и Таможенный союзы, ОДКБ, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) и ряд других объединений, большинство из которых – азиатской направленности. Однако роль и влияние России в этих союзах обусловлено не новыми наработками или реализацией целенаправленной стра-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 13-23-01009.

тегии, а в большей мере – наличием ядерных сил и прочих элементов глобальной военной мощи, унаследованных с советского периода, которые все больше теряют свою значимость.

Не меньше проблем с самоопределением на геополитической карте и у стран – бывших республик СССР. Однако эти проблемы носят иной характер, поскольку их самоопределение не может проходить с позиции силы. Здесь на первый план выходят центробежные и центростремительные силы на постсоветском пространстве, поскольку ни один союз не может существовать на долговременной основе, опираясь только на административно-политические ресурсы суверенных государств без задействования ресурсов всего гражданского общества.

За 20 лет раздельного существования бывших советских республик каждая из них успела приобрести свой собственный опыт выхода на международную арену, который наряду с рядом преимуществ ведения самостоятельной независимой политики высветил и целый ряд проблем, связанных с целенаправленным влиянием определенных блоков, преследующих собственные интересы, а также с необходимостью принятия новых условий (политических, экономических, культурных и т. п.) «входа» в те или иные геополитические союзы.

Таким образом, на первый план все больше начинают выходить проблемы цивилизационной идентичности, как на государственном уровне, так и на уровне гражданского общества.

В этом отношении большой интерес представляет опыт России и Беларуси по созданию Союзного государства. Развитие интеграции России и Беларуси в рамках Союзного государства является ключевым не только для внешней и внутренней политики каждой из наших стран, но и для дальнейшего развития отношений на всем постсоветском пространстве.

Успешная интеграция России и Беларуси представляет собой во внешнеполитическом плане наиболее радикальное средство противодействия попыткам формирования антироссийских блоков, а во внутривнутриполитическом – сохранение и укрепление в каждой из этих стран исторических традиций совместного решения назревших проблем и задач на почве согласованного и взаимовыгодного объединения и распределения усилий во всех основных сферах их общественной жизни.

Чтобы быть успешным, процесс интеграции в обеих странах должен иметь две основные и наиболее важные опоры:

а) позитивное отношение к нему со стороны основной массы населения;

б) соответствующую ему государственную политику, реализуемую через совместные экономические и политические решения, хорошо между собой согласованные и реализуемые на практике.

Однако, в настоящее время процесс реинтеграции России и Беларуси тормозится рассогласованностью (нередко противопоставлением) как

интересов нынешних властей наших стран, так и интересов властных структур и простых граждан.

Сегодняшнее социально-экономическое и социально-политическое устройство России и Беларуси не удовлетворяет очень многих граждан. Так, рассогласование, параллельное существование «жизненных миров» власти и народа в России свидетельствует о неукорененности наличной социально-политической системы, ее слабости и непривлекательности для значительной части населения.

Другая важная проблема на пути становления Союзного государства – «барьер размерности». Формирование интеграционного блока существенно облегчается, когда его потенциальные участники равновелики. Россия слишком велика, чтобы быть равноправным партнером. Передавая в наднациональный блок часть своих полномочий каждая страна вынуждена идти на компромисс, в котором она что-то отдает, а что-то получает. И вопрос заключается именно в этом балансе интересов России и Беларуси.

Важен здесь и вопрос об отношении народов наших стран к разделению таких полномочий, поскольку, в конечном итоге, он является индикатором самоидентификации и понимания места своей страны в современном мире. Здесь важно, какие пропорции представительства наших стран в союзных органах власти наши народы считают правильными.

Серьезным препятствием для углубления интеграции является коррупция. Если в белорусской экономике частная собственность достаточно жестко контролируется и направляется государством, то в российской криминализованной экономике роль частного, в особенности крупного «прихваченного» капитала – несоизмеримо больше.

Крайне важный вопрос: задействование инновационных ресурсов наших стран в интеграционном процессе. Здесь речь идет как о традиционных ресурсах (труд, земля, человеческий капитал, предпринимательский потенциал и т. п.), так и о специфических активах (географическое положение, характер государственно регулирования). Представляется, что именно этот блок может стать ключевым для занятия нашими странами прочного положения в современном постиндустриальном мире. В настоящее же время Россия и Беларусь идут интеграционным путем, характерным для индустриальной эпохи, основанном на прошлых технологических укладах. С этой точки зрения, – перспективным является анализ наших инновационных ресурсов, а также – возможных форм их объединения.

Очевидно, что углубление интеграции требует от наших стран взаимокоррекции в решении перечисленных проблем в интересах повышения эффективности налаживающегося взаимодействия. Общие принципы этой корректировки можно было бы выразить следующим образом:

- выработка единой идеологической платформы и общего стратегического курса развития Союзного государства;

- выработка единого духовного-нравственного каркаса, который бы обеспечивал решение главных задач социально-политического и социально-экономического развития Союзного государства: повышения уровня и качества жизни населения, сохранения и развития славянской цивилизации, противостояния внешним угрозам;
- объединение ресурсов наших стран (природных, экономических, социальных, трудовых, культурных) в целях создания высокоразвитой современной экономики;
- максимальное использование позитивного опыта друг друга для решения проблем коррупции, миграции, повышения уровня и качества жизни населения;
- реализации социальной политики, одной из наиболее важных задач которой станет координация деятельности государственных органов, общественных институтов и социальных групп населения в направлении активизации их партнерских взаимоотношений с целью достижения общественного согласия;
- создание эффективной системы местного самоуправления, способной стать альтернативой коррумпированной бюрократии.

И. Н. Воронович

*(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, i_voronovich@mail.ru)*

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Европейское пространство выступает примером осуществления экономической и политической интеграции, в том числе инициирования процесса взаимопроникновения культур. Европейский союз, который включает в себя 28 стран, представляет собой своеобразный конгломерат, для которого свойственен процесс глобализации.

Глобализация воспринимается как знаковое явление, которое привлекает внимание ученых, философов, культурологов, теологов, политиков, экономистов. Явление глобализации рассматривается в работах Э. Бжезинского, В. Ж. Келле, М. Кастельса, А. Д. Некипелова, А. С. Панарина, А. И. Шендрика и других. Несомненно ими признан факт противоречивости и многогранности данного явления. С одной стороны, глобализация воспринимается как функциональное информационно-коммуникативное пространство, выступающее как «процесс, в результате которого мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов» [1]. С другой – как угроза, нависшая над человечеством (В. Ж. Келле), которая создает впечатление тупика в духовном, нравственном и материальном восприятии.

Первоначально большинство концепций глобализации охватывали экономические, идеологические, военные аспекты. В современном мире процесс глобализации затрагивает все сферы человеческого бытия, в частности культурную. Справедливо было замечено А. И. Шендриком, что «вопросов, связанных с воздействием глобализации на процесс развития как мировой культуры, так и культур отдельных наций и народов, касаются постольку, поскольку практически не акцентируют на них своего внимания» [2, с. 60]. На современном этапе, очевидно, что глобализация оказывает влияние на культуру, науку, образование. Актуальны вопросы о влиянии глобализации на преемственность культурных ценностей, типах взаимодействия культур и наличии диалога между цивилизациями, влиянии происходящих перемен на раскрытие творческого и духовного потенциала человека. Последний превращается в автономного субъекта, «не идентифицирует себя ни с цивилизацией, в рамках которой разворачивается его деятельность, ни с культурой той нации, к которой он принадлежит по факту своего рождения, ни с той точкой географического пространства, которая называется “малой родиной”, ни с тем периодом времени, который обозначается как определенная историческая эпоха, оказывается вне системы сложившихся связей и отношений, сформировавшихся в данном социуме в процессе его исторического развития» [3, с. 62]. Проблема национально-культурной идентичности охватывает страны всего мира, дестабилизирует современную общественную обстановку, размывает границы между культурами государств.

Данная проблема фокусируется на социально-культурных границах. Понятие «исторической родины» становится вымышленным объектом. Немецкий социолог, философ У. Бек отмечает, что Африка является не континентом, а понятием, воображаемым сообществом («*imagined community*»): «Африка – это не четко очерченная географическая величина, не определенное место на земном шаре, а транснациональная идея и ее инсценировка, целенаправленно устраиваемая в разных местах мира – на Карибских островах, в гетто Манхеттена, в южных штатах США, в фавелах (нищенских кварталах больших городов) Бразилии, но также и во время крупнейшего европейского бала-маскарада на улицах Лондона. ... Африка утратила свое географическое место» [4]. Так, многие «африканцы» оказались оторванными от реального образа Африки вследствие рождения и проживания в Европе, их самоидентификация не соответствует географическому расположению Африки. Однако европейцы их не идентифицируют как «свой», а наоборот, ассоциируют с «понятием «Африка» не-идентичность, не-прогресс, т. е. барабанный бой, танцы, суеверия, обнаженных, неграмотных туземцев, постоянную безнадежность» [4].

Так называемое воображаемое сообщество формируется все же и с участием политических элит, которые, манипулируя национальными меньшинствами, зарабатывают голоса, акцентируя внимание на их отличие и

особенностях от основной массы. Как очевидность мы видим происходящую интеграцию культур.

Следующей проблемой является глобальное неравенство, которое становится все очевиднее. Массовый приток эмигрантов из стран Африки, Восточной Европы порождает националистические настроения среди большей части безработных в европейских странах. Наряду с проблемой безработицы и недовольства местного населения возникает ответная реакция мигрантов, а именно образование культурных гетто в ответ на невозможность ассимиляции.

Не менее важной проблемой является экономико-политическая арена европейского пространства. Не смотря на длительную историю Евросоюза далеко не все граждане государств ощущают себя частью общеевропейской общности. Экономический кризис обострил ситуацию отделения «слабых звеньев» из общей системы. Неравномерное развитие государств-членов ЕС не позволяет идентифицировать себя с данной политической общностью.

Процесс глобализации обеспечивает почву для исчезновения многообразия типов культурного взаимодействия. Главным типом взаимодействия между культурами становится экспансия, определяющая насильственное внедрение в систему ценностей одной культуры ценностей другой культуры (А. И. Шендрик). Культурная экспансия превращается в единственный способ культурного взаимодействия.

Ряд западных культурологов, в частности С. Бенхабиб, как проблему выдвигает принцип мультикультурализма, который является базовым принципом сосуществования разнообразных культурных миров. Мультикультурализм смешивает ряд направлений, выводя на первый план не индивидуальные качества представителей сообществ, а их статус; приоритетом становятся политические и экономические факторы, определяющие ту или иную культурную идентичность. Мультикультурализм предполагает неблагоприятное взаимодействие между культурами, более – он отрицает диалог культур, обосновывает лидирующее положение какой-либо культуры, в том числе и подчиняющиеся ей, т. е. идея равенства в рамках мультикультурализма не имеет права существовать. Таким образом, для современного европейского пространства характерны процессы фрагментации, дробления и локализации.

Тем не менее, перечисленные проблемы не отрицают факт доступности международной коммуникации, которая сегодня основывается на развитии электронных носителей, сети Интернет и т. д.

В качестве перспективы – культура должна рассматриваться как основное условие обеспечения успешного и эффективного диалога и сотрудничества между государствами-членами. Успешная культурная политика выступает базисом для оптимистических ожиданий, связанных с результативным процессом интеграции, а именно увеличением европей-

ского благосостояния, конкурентоспособности, творческого и новаторского потенциала.

В современном европейском обществе существует понятие единого общеевропейского культурного рынка. Последнее можно рассматривать как своеобразную перспективу решения множества вопросов. Поскольку он способствует снятию таможенных барьеров в культурных обменах, единой налоговой системе и т. д. Например, появляется общеевропейский кинематограф, который интегрирует в себе ресурсы различных культур (итальянские операторы, французский режиссер, немецкие актеры и т. д.). Не существует такого понятия как «утечка мозгов». Поскольку имеют место быть смешанные межнациональные театральные группы, симфонические оркестры. То есть, происходит своеобразная материализация «единого культурного пространства», когда Германия, например, получает испанца, турка, англичанина и т. д.

В том числе культурной интеграции охватывает общеевропейские библиотеки, архивные, музейные фонды. Так, достояния европейской культуры становятся доступны для большего числа европейцев.

В рамках программ культурной интеграции Европы рассматриваются проекты по созданию унифицированных общеевропейских учебников по истории, географии, литературе, мировой художественной культуре, искусстве, пособия по естественнонаучным предметам. И каждая страна имеет право дополнять учебные программы, пособия, учебно-методические комплексы по своему усмотрению. Тем самым происходит расширение европейского сознания, системы ценностей, осваиваемых молодым поколением.

Решение возникающих на пути интеграции препятствий возможно при условии, что политическая и экономическая интеграция будет основываться на культурном и социальном сближении европейских народов, а не наоборот.

Список литературы

1. Марков, А. Глобализация началась 10 тысяч лет назад и закончится в XXI веке / А. Марков, А. Костинский // Клиодинамика [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=62&=1. – Дата доступа: 5.02.2013.
2. Шендрик, А. И. Глобализация в системе культурологических координат / А. И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение: фундамент. и приклад. исслед. в обл. гуманитар. наук. – 2004. – № 1. – С. 59–71.
3. Шендрик, А. И. Глобализация в системе культурологических координат / А. И. Шендрик // Знание. Понимание. Умение: фундамент. и приклад. исслед. в обл. гуманитар. наук. – 2005. – № 1. – С. 56–68.
4. Бек, У. Что такое глобализация / У. Бек // Политическая психология [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://ishulenina.ru/Global/Bek/globalizaziya/02.html>. – Дата доступа: 10.02.2014.

А. С. Габрусевич

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, kaf_politolog@post.grsu.by)*

**ФИЛОСОФИЯ И РЕЛИГИЯ
КАК ДУХОВНО-ЦЕННОСТНЫЕ ФОРМЫ УТВЕРЖДЕНИЯ
УСТОЙЧИВОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ СОЦИУМА
(на примере анализа работ Б. Н. Чичерина)**

Взаимодействие религии и философии, место религии в жизни человека и общества? Именно на такие вопросы пытается осветить Б. Н. Чичерин в той части своей философской системы которая посвящена проблеме религии. Точнее, что такое религия, как она взаимодействует с наукой (философией), нравственностью и другими элементами жизни. Этому Б. Н. Чичерин посвятил одну из основных своих философских работ «Наука и религия». Причем необходимо отметить, что рассматривая вопросы религии Б. Н. Чичерин выдвигает постулат о том, что каждая сфера бытия человека имеет свое предназначение: «Философия имеет целью познание истины, искусство – изображение красоты, религия же, соединяя в себе все элементы человеческой души, направляет их к верховной цели, к добру» [2, с. 200].

Но как ученый, для которого важно знание, Б. Н. Чичерин поставил перед собой задачу не только разобраться в феномене религии, но и осмыслить ее место в процессе познания. Таким образом, главное направление его поиска можно представить так: соотношение науки и религии в процессе поиска истины человеком и человечеством.

Вопрос о месте религии был очень важен для Б. Н. Чичерина, здесь также как и в других областях проявилось его расхождение с «модными» в то время социалистами и позитивистами. Они считают религию неестественной, навязанной силой, а Б. Н. Чичерин видит в ней естественность и даже необходимость: «Человек на всех ступенях своего развития, с тех пор как он сознает себя человеком, ищет Бога и возносит к нему свои молитвы. Это – всемирный факт, который указывает на искони присущую человеку потребность общения с Высшим Существом» [2, с. 189]. Религия не ограничивается почитанием чего-либо, это сложный и многогранный мир в котором существует человек. Религия не может сводиться лишь к обрядам, телодвижениям, бездумному поклонению, она основывается на разуме и развивается вместе с человеческой цивилизацией благодаря разуму. Религия сама по себе представляет собой систему мироощущения и мировосприятия поэтому и является необходимым элементом жизни общества и отдельного человека. Б. Н. Чичерин пишет: «Религиозное чувство, по самой своей природе, есть чувство, проникнутое разумом. Оно может принадлежать единственно разумному существу, ибо только

разумное существо стремится выйти из своей ограниченности и соединится с бесконечным» [2, с. 193].

Вопрос взаимодействия философии и религии важен для Б. Н. Чичерина. Для него это не просто вопрос взаимодействия двух регуляторов, это вопрос мироощущения и миропонимания. Б.Н. Чичерин не поддерживает модной тогда идеи о представлении религии как низшей ступени философии. Именно здесь, в этом вопросе, проявилось несогласие Б. Н. Чичерина с Гегелем, что указывает на несостоятельность представления его как эпигона Гегеля. «понимание религии как низшей ступени философского сознания, – пишет Б. Н. Чичерин, – имеет за себя авторитет такого великого мыслителя, как Гегель; но собственная диалектика Гегеля обнаруживает несостоятельность этого взгляда» [2, с. 200]. Для Б. Н. Чичерина философия и религия не противоположности, а составные, необходимые начала познания мира. Именно с этим связано понимание Б. Н. Чичериным всей истории как смены синтетических (религия) и аналитических (философия) периодов.

Религиозное сознание первобытного человечества и Древнего Востока (I синтетический период) сменяется философским сознанием греко-римского мира (I аналитический период), которое, в свою очередь, уступает место миропониманию христианского средневековья (II синтетический период). На смену ему приходит философия нового времени (II аналитический период), после чего должен наступить III синтетический период – завершающий этап человеческой истории. На этом этапе, по Чичерину, осуществится «высший синтез» – религия соединится с философией. Периоды, для Б. Н. Чичерина, это время где преобладает один из способов познания не исключая другой «Это не значит, что во времена философского движения религия должна уступить место философии и наоборот» [2, с. 206]. Философия и религия это необходимые, но не взаимозаменяющие, составляющие «способа» отношения личности к окружающему миру, к его многообразию и неординарности «Философия для человека никогда не может заменить религии, точно так же, как религия никогда не может уничтожить необходимость философии» [2, с. 206].

Отсюда становится понятной задача, за решение которой берется Чичерин: он пытается наметить контуры нового мировоззрения грядущей эпохи, синтезирующего на основе христианства все современное знание. В конечном счете для Б. Н. Чичерина наука и философия оказываются тождественными. Он стремится показать равноправие философии и религии, их относительную самостоятельность и незаменимость. Не случайно он полагает, что рациональное, пронизывающее все мироздание, оказывается своеобразной сферой «обитания» религии. Всякая религия включает в себя философский (теоретический) элемент, рациональное представление о Боге. Религиозное чувство, живое общение с Богом возможно только тогда, когда разум уже выработал представление о нем. Бог

открывается человеку в той мере, в какой расширяются границы его разума. Отсюда чисто рационалистическое утверждение о том, что Божья благодать и Откровение не могут проявиться вне человеческого разума. Подлинная вера, по Чичерину, проверяется разумом, иначе есть опасность «слепо отдаваться всякому суеверию». Религия предстает у него как объективный феномен, требующий философского анализа. Следовательно, только философия, делает он вывод, способна раскрыть подлинный смысл религии.

Христианские догматы о существовании Бога и о бессмертии человеческой души Чичерин также пытается доказать на основе рационализма. Продолжая традиции западноевропейской философии (Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Декарта, Лейбница, Канта, Гегеля и др.), русский философ выделяет три логических доказательства бытия Бога (онтологическое, космологическое, телеологическое) и одно нравственное. Б. Н. Чичерин считает, что и онтологическое (поскольку есть понятие абсолютного бытия, то есть Бога, постольку есть и сам Бог), и космологическое (Бог с необходимостью существует как абсолютная, ни от чего не зависящая причина бытия), и телеологическое (на наличие Бога указывает управляющий миром и вносящий в него целесообразность Божественный Разум), и нравственное (Бог есть, так как в противном случае человеческая жизнь лишается смысла) доказательства представляют собой развитие самого понятия Бога, его различные модификации. Б. Н. Чичерин сводит религиозную онтологию к логике, трансцендентное Божество к вполне познаваемому понятию Бога.

Искусство для Б. Н. Чичерина это воплощение идеального мира, который доносит до нас художник. Искусство не должно ограничиваться только созерцанием окружающей действительности или ее отображением, так как это неизбежно ведет к упадку: «Если для человека нет чисто идеального мира, если внешние явления составляют для него источник всего, что он думает и чувствует, то высшее, до чего может достигнуть искусство, это – изображение исторических событий» [2, с. 207]. Лишь выражение идеи в изящной форме составляет изначальную задачу, которую ставит перед искусством сама жизнь. Поэтому идеалом искусства для Б. Н. Чичерина является то время, когда дух человека не отошел от религиозной основы, но уже получил свободу форм выражения идеи: «... при переходе от синтетических эпох к аналитическим» [2, с. 209]. Мыслитель выделял два таких периода: цветущие времена Греции и эпоху Возрождения в Западной Европе.

Говоря о нравственности, Б. Н. Чичерин подчеркивает ее важное значение как самостоятельного элемента человеческого духа, который на практике применяет постулаты философии и религии, находясь в тесной взаимосвязи с этими регуляторами: «... она тесно связана и с философией, и с религиею, ибо она представляет практическое осуществление тех

абсолютных начал, которые сознание развивает в последних» [2, с. 213]. Основой нравственности человека, по мнению Б. Н. Чичерина, может служить триединое начало, состоящее из совести (непосредственное чувство), философии и религии. Указывая на совесть, как на составляющую нравственности и приравнивая ее к естественному чувству, как инстинкт у животных. Б. Н. Чичерин предупреждает, что совесть человека сама по себе не всегда способна стать опорой нравственности, так как: «Но известно также, что этот внутренний голос не всегда и не у всех бывает непогрешим» [2, с. 214]. Человек очень часто относится к легким прегрешениям снисходительно, потом, привыкая к незначительным, он может прийти к расчетливому эгоизму, что позволит совершать уже более серьезные проступки. Недопустить такого развития событий и призваны, по мнению ученого, философия и религия: «...прямая совесть ... нуждается в высшей опоре...» [2, с. 215].

Список литературы

1. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Огомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992.
2. Чичерин, Б. Н. Наука и религия / Б. Н. Чичерин; вступ. ст. В. Н. Жукова. – М.: Республика, 1999.

К. В. Гиль

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, hil.kseniya@gmail.com)*

МОЛОДЕЖНОЕ ВОЛОНТЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО МОДУСА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

В настоящее время феномен волонтерства все чаще становится объектом исследований в различных областях научного знания. Волонтерство – деятельность физических лиц, осуществляемая в форме общественно полезного, добровольного, безвозмездного труда в интересах благополучателей, за исключением лиц, связанных с добровольцем семейными, дружескими или добрососедскими отношениями [1]. Г. Бодренкова обращает внимание на то, что развитый институт волонтерства/добровольчества является характерным признаком устойчивой и обогащенной опытом социальной системы [2, с. 57].

Добровольческая деятельность и особенности ее влияния на личность, а также детерминирующие эту деятельность факторы изучаются в педагогике, психологии, социологии и т. п. Существуют исследования, посвященные как структурно-содержательным характеристикам волон-

терства, так и психологическим особенностям добровольцев [3]. Основными сферами приложения добровольческой деятельности являются социальная сфера, образование, охрана окружающей среды, предотвращение преступности, правовая защита, досуг.

В Республике Беларусь и других постсоветских государствах волонтерское движение получило широкое распространение в последние годы. Организация и пропаганда волонтерского движения определены в числе основных задач паллиативной помощи детям Инструкцией об оказании паллиативной помощи детям, утвержденной Министерством здравоохранения Республики Беларусь от 29 октября 2008 г. № 1010. Волонтерскими проектами занимаются республиканские общественные объединения «Белорусское общество Красного Креста», «Надежда-Экспресс», «Лига добровольного труда молодежи», Белорусский республиканский союз молодежи, организации в вузах, сузах. Соответственно, возрастает необходимость привлечения на добровольческую работу большего количества волонтеров. По данным проведенных социологических исследований, число привлекаемых волонтеров может достигать 12 тысяч человек [4]. При этом очень большое значение имеет мотивация, стремление волонтеров добровольно работать в той или иной социальной службе.

Часто добровольцы, обладая подходящими для социальной работы культурными нормами и ценностями, не имеют необходимого стимула, внутренней мотивации для полноценной добровольческой деятельности. Поэтому важным является выявление особенностей мотивации волонтеров, работающих в социальных службах.

Страны Западной Европы имеют более богатую историю развития добровольчества. Уже в XVIII – первой половине XIX века в Австро-Венгрии, Франции и Италии существовали волонтерские батальоны и полки, вливавшиеся в состав регулярной армии. На сегодняшний день, Италия является, на мой взгляд, одной из ведущих стран со сложившейся традицией добровольческой деятельности.

На базе сервисного центра для волонтеров – CSV Rovigo (г. Ровиго, Италия), был проведен опрос, целью которого стало выявление ведущего мотива включения в добровольческую деятельность. В ходе опроса были получены следующие результаты:

1. Волонтерская деятельность как альтруизм 55,3 %.
2. Потребность личностного роста 51,1 %.
3. Потребность быть частью группы 48,2 %.
4. Волонтерская деятельность как личностная ценность 45,1 %.
5. Волонтерство как один из путей социализации 27,9 %.
6. Волонтерская деятельность как основа религии 13,8 %.
7. Внутренний «порыв» 17,4 %.

Исходя из результатов, мы видим, что для итальянских добровольцев ведущими выступают внутренние мотивы. Молодые люди проявляют

себя в волонтерстве, чтобы развить свой внутренний потенциал, реализовать себя в конкретной деятельности.

Знакомство с данными результатами сподвигло к проведению исследования мотивации белорусских добровольцев.

Для исследования были опрошены 20 студентов-волонтеров факультета психологии Гродненского государственного университета и 20 студентов-волонтеров факультета педагогики Брестского педагогического университета в возрасте от 18 до 23 лет – 31 девушка и 9 юношей. Эмпирический материал был собран с помощью сочинений-эссе на тему «Ради чего я занимаюсь волонтерством?».

Обработка текста сочинений осуществлялась методом контент-анализа и экспертной оценки. Выделение категорий и систематизация полученных данных проводилась на основе классификации мотивационных факторов трудовой деятельности А. И. Зеличенко, А. Г. Шмелева [5].

Исходя из полученных результатов, можно сделать следующие

ВЫВОДЫ:

1. В мотивации включения в волонтерскую деятельность преобладают внутренние мотивационные факторы. Полученные данные свидетельствуют о том, что молодые люди рассматривают волонтерскую деятельность как полезную и значимую для себя. Волонтерство является группой, принадлежность к которой, помогает молодым людям саморазвиваться, познавать новое.

2. Во внутренних мотивационных факторах преобладают собственные мотивационные факторы профессии. Для молодых людей, включенных в волонтерскую деятельность, важным является возможность развития личных профессиональных навыков. Волонтерство рассматривается, как возможность профессиональной самореализации для будущих психологов и педагогов, с целью получения рекомендации для оплачиваемой работы.

3. Можно отметить, что реализация внепрофессиональных целей, отмечена многими респондентами. Это позволяет сделать вывод о том, что молодые люди рассматривают добровольческую деятельность как возможность самореализации через помощь другим, общение с единомышленниками.

В результатах нашего исследования видна тенденция преобладания у респондентов внутренних мотивов, что позволяет сделать вывод об осмысленном приходе молодых людей в волонтерскую деятельность. В качестве мотива добровольческой деятельности выступает потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества. Добровольчество отвечает естественной потребности быть членом группы, ценностям и целям которой доброволец может полностью соответствовать. Также очень сильны мотивы, связанные с получением новых навыков, рекомендаций для приема на оплачиваемую работу. Среди мотивов доб-

ровольцев видны не только идеалистичные, но и прагматичные: проба себя на пути к карьере, приобретение дополнительных знаний, навыков и квалификации, поиск площадок для исследований, расширение профессионального опыта, получение необходимой информации, полезных связей и т. п.

В настоящее время специализированных методик для изучения личности волонтера нет, как в прочем, нет и сложившейся традиции использования классических психодиагностических методик для изучения этой группы лиц. В данном исследовании мы предприняли попытку выделить и изучить наиболее значимые категории мотивов в профессионально-личностном развитии волонтера.

Список литературы

1. Никитова, А. В. Правовые основы добровольческой (волонтерской) деятельности / А. В. Никитова // Право и государство. – 2009. – № 1 (49). – С. 36–39.
2. Бодренкова, Г. Добровольчество / Г. Бодренкова // Социальная работа. – 2006. – № 1. – С. 52–57.
3. Эффективные модели социального воспитания: проблемы, поиски, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Арзамас: АГПИ, 2007. – С. 351.
4. Гекало, Е. В. Правовое регулирование волонтерской деятельности в Республике Беларусь как формы реализации права на объединение / Е. В. Гекало // Проблемы управления. – 2010. – № 4 (37). – С. 118–122.
5. Зеличенко, А. И. К вопросу о классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора / А. И. Зеличенко, А. Г. Шмелев // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. – 1987. – № 4. – С. 33–42.

Н. Н. Гончаров

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, kaf_politolog@post.grsu.by)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Географическая близость является важной территориальной основой развития сотрудничества между государствами, особенно приграничных регионов, и создания с этой целью региональных союзов и организаций. Обоснованием таких региональных структур является как географическая близость, так и языковые, культурные, экономические и оборонные связи. Государства, принадлежащие к региональному сообществу, объединяет также общая история, традиции, нередко религия. Данные обстоятельства необходимо более предметно учитывать при реализации внешнеполитической концепции и стратегии Республики Беларусь.

Настоящее и будущее любого государства обеспечивается не только его внутренним развитием, но и характером взаимодействия с внешним миром, которое осуществляется главным образом через границу. На ней сосредоточивается весь спектр государственных интересов: политических, экономических, военных, социальных – все то, что составляет основу жизнедеятельности и безопасности страны.

Важно осмыслить и реализовать понимание того, что граница является не только источником внешних угроз, но и представляет фактор притяжения высокодоходных и инновационных сфер деятельности. Кроме того, пограничное сотрудничество и деятельность пограничных служб становятся определенным амортизатором, смягчающим на данном уровне последствия мер большой политики.

Говоря о приграничье как субъекте геополитики, необходимо учитывать следующие моменты: во-первых, в геополитике пока еще отсутствует универсальное определение региона. Как правило, под регионом понимается исторически сложившееся территориальное сообщество, обладающее социальной, торгово-экономической, политической и культурно-идеологической средами, а также пространственной структурой. Во-вторых, надо иметь в виду и определенные проблемы, возникающие при сопоставлении понятий «приграничье» и «пограничье», которые довольно часто трактуются как тождественные.

Традиционно, пограничье понималось как территория, примыкающая к границе, т. е. как приграничье. А. Садовский вносит существенную поправку в его интерпретацию. Он предлагает использовать термины «приграничье» или «территория приграничья» для обозначения областей, находящихся у границы (государственно-политической). В этом смысле «приграничье» обозначает не только само пространство, но также крайние центры и их культур. В «социологии пограничья» термин «территория приграничья» применяется для обозначения территорий, расположенных вблизи границы и выделяемых по географическим (непосредственная пространственная близость к границе) и административным (административно-экономическая организация регионов, расположенных вблизи границы) принципам. Приграничное пространство может быть определено также в соответствии с социально-культурными критериями. По отношению к структуре и культуре данного общества это пространство является однородным, схожим со структурой общества в целом. В противоположность приграничной области понятие «пограничье» используется прежде всего для обозначения территории (или ситуации), в сфере которого имеет место социально-культурный контакт представителей двух или большего числа наций (этнических групп) [1, с. 46].

Например, в районах белорусско-польского приграничья существует целый пласт отношений, связанный с взаимопроникновением культур, быта, обычаев, общих интересов, межнациональных браков и т. п. При

всем различия культур, традиций, обычаев в районах приграничья непреложен факт их совместного существования, что значительно сближает содержание процессов этнической и религиозной идентификации, «уплотняет» межэтнические и межрелигиозные коммуникации, однако внося в них порой осложняющие компоненты (национальный нигилизм, недоверие к «чужому» – по языку, религии, культуре и т.п.) [2, с. 128].

При сравнении этносов приграничного региона преобладают положительные характеристики, как белорусов, так и поляков. Белорусам нравятся такие качества поляков, как чувство национальной гордости, хозяйственность, практичность, уважение родословной и языка, вера в Бога, культура семейных отношений. В свою очередь полякам импонируют такие черты белорусов, как терпимость, открытость, доброжелательность, доброта и спокойствие.

Говоря о приграничье, как о социальном феномене следует иметь в виду ряд условий: во-первых, это территория, имеющая определенную специфику вследствие социоэкономических, этнокультурных, конфессиональных контактов с аналогичной территорией государств-соседей; во-вторых, необходимо уяснить, что разделяет государственная граница, т. е. насколько политическое пространство страны отличается от физического, экономического и социокультурного. Здесь можно выделить несколько уровней в структуре взаимодействия сопредельных государств. Первый уровень, определяемый как «поведенческий», представлен межличностными, неформальными, родственными и дружескими связями. Именно он в наибольшей степени консервативен и малоподвижен, а трансформации типов взаимодействия здесь протекают по своим внутренним законам и в наименьшей степени подвластны внешним воздействиям. Второй уровень – «институциональный» включает различного рода общественно-политические организации, региональные ассоциации, производственные предприятия, фонды и т. д. На этом уровне проявляется прямая корреляционная связь с различного рода природными катаклизмами, политическими событиями, экономическими и дипломатическими кризисами и т. д. Третий уровень – «межгосударственный» включает отношения в области внешней политики. Он предстает в виде тезиса «защита наших рубежей».

Изменения в геополитическом положении регионов Беларуси благоприятствуют углублению приграничной «малой торговли». С этой целью расширяется ассортимент товаров, которые могут быть вовлечены в ее сферу, в том числе и за счет местных ресурсов. Важным в этом деле является использование национальных традиций населения республики (плетение из лозы, соломки, керамика и др.). Благоприятные перспективы есть в приграничном сотрудничестве и в других сферах – развитии туризма, совместном использовании рекреационных ресурсов и др. [3, с. 298].

Перспектива социально-экономического развития страны непосредственно зависит от геостратегии государства, при осуществлении кото-

рой следует руководствоваться принципом политического реализма, сбалансированности ветвей многовекторной внешней политики, возможностей дипломатического маневра.

В современных условиях, когда в международных отношениях преобладает центристская, интеграционная тенденция, развиваются разнообразные формы интернационализации всех сфер жизни человечества, активизируется контактная функция государства. В приграничных районах, имеющих особенно тесные контакты, формируются зоны взаимодействия национальных хозяйств соседствующих стран. Ярким примером в этом отношении являются границы стран Европейского союза, прежде всего Франции, Германии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга, ставшие своеобразной «осью» мощного международного экономического района. Через эти границы ныне свободно перемещаются люди, товары, услуги, капиталы и информация [4, с. 359–360]. Подобные взаимоотношения характерны для приграничья Польши и Германии.

Основаниями приграничного сотрудничества могут выступить:

- возможности предоставления особого статуса приграничным регионам по обе стороны границы;
- совместное использование находящихся в приграничной зоне природных и гуманитарных ресурсов;
- создание зон свободного предпринимательства в приграничной полосе;
- совместные меры по охране окружающей среды и т. д.;
- расширение сферы образовательных услуг.

Приграничные регионы республики имеют объективные предпосылки для дальнейшего развития и совершенствования транспортных коммуникаций. Только посредством их строительства, включающего терминалы, складские помещения, стоянки, гостиницы, АЗС, ремонтный сервис, кафе, туризм можно получить значительные средства для пополнения государственного бюджета за счет зарубежных инвесторов и создать новые рабочие места.

Участие Беларуси в программах ЕС «Литва – Латвия – Беларусь» и «Польша – Украина – Беларусь», возможность включения нашей страны в программу «Восточное партнерство» будут способствовать налаживанию тесных контактов с Европой, активизации хозяйственных, экономических, научно-образовательных, социокультурных связей с Европейским союзом.

Опыт ряда европейских стран показывает, что для того чтобы выйти на соответствующий уровень производства и потребления, материального благосостояния граждан, потребность в инвестициях составляет более 3–4 млрд долларов ежегодно. Поэтому необходимо дальнейшее изменение в инвестиционном климате белорусского государства, формирование стабильной законодательной базы, расширение сферы полномочий орга-

нов местного управления и самоуправления. Следует уменьшить государственное регулирование цен, снизить налоговую нагрузку, отменить Единую тарифную сетку для предприятий, в Уставном фонде которых доля частной собственности превышает 50 %, изменить систему проверок, штрафов и наказаний.

Обозначенные проблемы порождают определенное противоречие между необходимостью развития приграничного сотрудничества и возможностью его реализации на практике.

Список литературы

1. Беспмятных, Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспмятных; науч. ред. проф. М. А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2007. – 404 с.
2. Восточная Европа: политический и социокультурный выбор: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, октябрь 1994 г. – Минск: Минский государственный лингвистический университет, 1994. – 157 с.
3. Киреенко, Е. Г. Социально-экономическая география Республики Беларусь: учеб. пособие / Е. Г. Киреенко. – Минск: Аверсэв, 2003. – 400 с.
4. Экономическая и социальная география: Основы науки: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М. М. Голубчик [и др.]. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. – 400 с.

А. А. Городецкий

*(Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича,
г.Черновцы, Украина, gorgoal@gmail.com)*

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Понятие «символическая власть» достаточно прочно утвердилось в качестве содержательно емкого концепта в постмодерном общественном сознании, современной публицистической и художественной литературе. Интенсивная вовлеченность этого понятия в разнообразнейшие дискурсивные практики, описывающие социальные, политические, культурные коммуникации общества, объясняет наличие некоторой «размытости», неопределенности его содержательной нагрузки, и, как следствие, неоднозначность смысловых значений. Вот почему существует целесообразность специального изучения природы символической власти как универсального социального феномена, своеобразного «идеального типа» в формате философии политики, политической онтологии, где, собственно, и могут быть идентифицированы наиболее общие свойства обозначенного явления, придающие строгие логические формы «поэзии понятий» (Ф. Ланге).

Наиболее известной версией интерпретации символической власти в современном западном обществоведении является, пожалуй, теоретическая модель, созданная П. Бурдьё в пределах социологической науки [1]. Методологически опираясь на принцип структуралистского конструктивизма, автор рассматривает символическую власть как явление, в архитектуре которого присутствуют элементы объективных социальных структур (полей, групп), восходящих к традиции социального детерминизма, обоснованной в старом добром позитивизме Э. Дюркгейма, а также внутренне переживаемые субъектами модели восприятия, мышления, оценки, которые формируют габитус. Таким способом П. Бурдьё стремится избежать крайностей объективизма (Э. Дюркгейм) и субъективизма (А. Шюц) в определении символической власти. Справедливо считая, что власть следует рассматривать, прежде всего, как социальное отношение, коммуникацию субъектов, взаимосвязь, возникающую между ними (а не субстанцию), французский ученый определяет символизм власти на основе категорий социальной дифференциации общества, социальной структуры. В основе социальной дифференциации любого общества лежит, на наш взгляд, две важнейших предпосылки: 1) место индивида в исторически определенной системе распределения общественного труда (вид профессиональной деятельности) и 2) его (индивида) участие в отношениях собственности. У П. Бурдьё эти предпосылки интегрированы в понятие символического капитала. «Как показали мои эмпирические исследования, – отмечает автор, – существуют следующие основные типы социальной власти: экономический капитал в различных его формах, культурный капитал и символический капитал, в роли которого могут выступать все признанные легитимными виды капитала. Субъекты располагаются в социальном пространстве в соответствии, во-первых, с суммарным объемом принадлежащих им различных видов капитала, а во-вторых, сообразно с его структурой, то есть соотношением различных видов капитала (экономического и культурного) в общем его объеме» [1]. Если говорить более предметно, то символическая власть в рассматриваемой системе координат определяется наличием у индивида различных материальных, финансовых активов (экономический капитал), либо образования, знаний (культурный капитал), определяющих социальный статус личности. В историко-политологической ретроспективе теория П. Бурдьё таким образом коррелирует с теорией элит В. Парето; однако у П. Бурдьё субъекты символической власти соотносимы не только и не столько с политической сферой, а в силу своего высокого социального статуса проявляют отношения власти вне системы институционализированной политики – во всем многообразии социальных коммуникаций, оказывая существенное влияние в том числе и на политическую жизнь общества. Именно такой характер имеет участие в общественно-политических процессах высо-

копоставленных представителей церкви, известных ученых, писателей, артистов, спортсменов, военных, бизнесменов и других категорий социальной структуры, владеющих значительным символическим капиталом – авторитетом, признанием, образованностью, известностью своими профессиональными достижениями и проч. При этом не следует упускать из внимания и тот факт, что символический капитал (как авторитет, высокий социальный статус) имеет в своей исходной точке не только социально-культурные, но и материально-вещественные аргументы; символический капитал легитимно приходит к нам, как и любой другой вид капитала, либо через процедуры унаследования богатства, либо через процедуры его кропотливого создания и развития. В этом отношении весьма поучительной является известная притча Иисуса о блудном сыне. «А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги...» [2, с. 1110].

Методологический подход П. Бурдьё к определению символической власти, показывает, что последняя не замыкается в пределах государства и других элементах политической организации, а функционирует, по сути, во всей гамме общественных отношений и связана, с одной стороны, с наличием определенного социального статуса у ее носителя, а с другой – особенностями воспроизводства социальной реальности в формате габитуса. Это различие весьма важно в онтологическом измерении власти в информационном обществе, которое выстраивается на основе не столько материально-производственных, экономических, сколько внеэкономических аргументов, позитивно коррелирующих с социальными и культурными факторами, среди которых, по мнению А. Турена, решающее значение получают наука, образование и политическая воля [3, с. 33], то есть различные составляющие культурного (символического) капитала. Это означает, что символическая власть определено сдвигается в информационном обществе от эмпирических составляющих, определяющих социальный статус индивидов в сторону ценностных императивов, выстраивается прежде всего как коммуникация с сознанием (а не с телом, как дисциплинарная власть (М. Фуко)) и, отчасти, поэтому является так называемой «мягкой» властью. Следовательно, чтобы проникнуть в сущность символической власти необходимо прибегнуть к методологическому инструментарию феноменологии, задача которой, как ее понимал Э. Гуссерль, «одна и та же: все дело – в познании полной системы образований сознания, конституирующих первоначальную данность всех... объективностей, по всем ступеням и слоям их, а тем самым в уразумении эквивалента соответствующего вида «действительность» существующего в сознании» [4, § 152].

В феноменологическом измерении действительности и символической власти мы имеем дело не с социальными статусами, а с чистым сознанием и его переживаниями. Без такого поворота к сознанию невоз-

можно адекватно исследовать ни власть, ни политику. Э. Кассирер в трехтомной «Философии символических форм», рассматривая феноменологию языка, мифа и познания, подчеркивает неразрывность в развитии этих «кругов», обеспечивающую самодостаточность и целостность культуры [5]. Проводником человеческих знаний о мире, не смотря на то, получаем ли мы их извне или интуитивно, выступает знак, символ. Онтологически Бытие и знак не являются конгруэнтными; всякая модель Бытия в человеческом измерении – это всегда какая-то часть Бытия, какие-то его свойства. Политико-властные отношения в нашем чувственном опыте, так же как и другие коммуникативные сферы, приходят к нам сквозь «силовое поле», создаваемое политическими интересами и идеологиями и несут в себе фрагменты симулятивной (фиктивной) реальности. Посредником между Бытием политики и власти – с одной стороны, и человеческим опытом – с другой, становится миф как аутентичная символическая форма Бытия. Политический миф, как продукт власти, как симуляция власти суть искусственная конструкция, продукт технологической рекомбинации действительности, облаченный медиумом либо в привлекательную, либо устрашающую упаковку. «Новые политические мифы не вырастают свободно.., – отмечает Э. Кассирер в работе «Миф государства». – Они искусственно созданы очень умелыми и хитрыми ремесленниками. Для XX века, великого технического века, было предрешено развить новую технику мифа. Теперь мифы могут создаваться в том же смысле и в соответствии с теми же методами, какие необходимы для любого другого современного оружия – как пулемёты или самолёты» [6, р. 282]. Символическая власть в условиях информационного способа развития получает весьма разнообразный технологический инструментарий мистифицированного воспроизводства Бытия, (реальности [7]) и единственным способом восстановления оригинальности этой субстанции выступает наука, знание – органическая часть человеческой культуры.

В заключение не составляет труда констатировать амбивалентность символической власти, природа которой детерминирована, с одной стороны, объективными социальными, статусными признаками, а с другой – весьма сложными конструкциями и работой человеческого опыта и культуры, главной проблемой перманентного воспроизведения которой в современном мире есть различие знака-репрезентанта и знака-симулякра.

Список литературы и примечания

1. Бурдые, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдые [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://books.imhonet.ru/lecture/element/1007354>.
2. Евангелие от Луки, 15:22-23 // Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета в русском переводе с параллельными местами и приложениями. – М.: Российское библейское общество, 1995. – 1371 с.+ I–V.

3. Сможем ли мы жить вместе? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://postindustrial.net/page/33>. – Рец. на кн.: Touraine, A. Pourrons-nous vivre ensemble? Egaux et defferents / A. Touraine. – Paris: Editions Fayard, 1997. – 395 p.

4. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии феноменологической философии. 1913 / Э. Гуссерль [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000074/st013.shtml>.

5. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. Т. 1: Язык. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 271 с. – (Книга света); Т. 2: Мифологическое мышление. – М.; СПб.: Университетская книга, 2001. – 280 с. – (Книга света); Т. 3: Феноменология познания. – М.: Академический проект, 2011. – 400 с.

6. Cassirer, E. The Myth of the State / E. Cassirer. – New Haven: Yale University Press, 2008. – 303 p.

7. В онтологическом измерении Бытие и реальность – не тождественные категории; реальность – своеобразная эволюционная форма Бытия, из которого демонтирована сакральность.

А. Н. Городниченко

*(Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
port1114@mail.ru)*

СТРАТЕГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

В условиях глобализации формирование нового мирового порядка с помощью в основном военно-политических средств многократно увеличило общее количество военных конфликтов в различных регионах мира. Одновременно происходит трансформация войн и военных конфликтов, которые всегда зависели от динамики развития общества, количественных и качественных изменений в общественных отношениях, средствах и методах ведения войны. Они приобрели качественно иной характер. Наблюдается резкое сокращение количества классических межгосударственных конфликтов, которые были типичны для государственно-центрической политической модели международных отношений. Одновременно увеличивается количество внутренних конфликтов, которые получили название конфликтов идентичности, связанных с обострением национальных, этнических и религиозных отношений, борьбой за власть, формированием новых государств.

Принципиальной особенностью большинства современных внутренних конфликтов является их многосубъектность. Множественность участников и противоборствующих сторон предопределяет непредсказуемость их развития и создает дополнительные трудности в урегулировании средствами официальной дипломатии. Вовлечение в этот процесс правительств других государств, международных и неправительственных организаций

со своими специфическими интересами и предпочтениями, переводит эти конфликты в разряд международных. Интернационализация и расширение внутренних конфликтов ведет к расшатыванию суверенитета и государственной независимости, отказу от охранительной роли национального государства, как гаранта безопасности от внутренних и внешних угроз.

Процессы дестабилизации мировой политической системы оказали значительное влияние на военно-политическую обстановку в Европе. Геополитического противоборства европейских держав связано с отсутствием единства во взглядах в отношении будущего ЕС и НАТО. Для нейтрализации своего потенциального конкурента США, благодаря своему значительному влиянию на европейском континенте, создали здесь одну из зон «управляемой нестабильности». Главная опасность исходит от блока НАТО, в котором США сохранили свое доминирующее положение. Здесь активно торпедируется идея его европеизации и реформы. Управляемые перманентные политические кризисы и конфликты наблюдаются на постсоветском пространстве. Постоянным источником нестабильности остаются, несмотря на многочисленные заявления о стратегическом партнерстве и «перезагрузке», отношения между США и Россией. Объектами активной сетевой войны и политического давления являются Грузия, Украина, Беларусь и другие государства. Одновременно срываются попытки по формированию собственно европейской политики в сфере обороны и безопасности.

В таких условиях наблюдается переосмысление классических определений национальной безопасности и обосновывается необходимость ее более «широкого» определения. Получили распространение понятия «глобальная безопасность», «международная безопасность» и «региональная безопасность». Их содержание отражает не только сдвиги в мировом развитии, но и возникновение новых источников и видов угроз, связанных с социально-экономическими, финансовыми, информационными, экологическими и другими проблемами, которые порождены комплексом причин внешнего и внутреннего характера деятельности государств, перемещением значительного их числа в невоенную сферу.

Комплексность проблем обеспечения безопасности вызвало необходимость пересмотра концепций национальной безопасности, основ военной политики и доктрин большинства государств, стратегий и технологий их реализации. Речь идет о повышении способности государства последовательно реализовывать функцию управления политическим процессом и поведением своих потенциальных союзников и соперников. Практическими примерами такого рода стратегий со стороны развитых государств является политика «вовлечения» отдельных стран в систему политических, экономических и культурных отношений Запада, «объединения параметров» в обмен на перспективы приобщения к иностранной помощи и благополучию. Одним из вариантов подобной стратегии для

средних и малых государств является угрозой изоляции от подобной перспективы, блокирование их интересов, дестабилизация внутривнутриполитической обстановки и открытое вмешательство во внутренние дела с последующей оккупацией и контролем над ресурсами под видом гуманитарных миссий и интервенции.

Значительная уязвимость государства перед лицом современных угроз требует четкого определения сущности национальных интересов в военной сфере, внешних и внутренних угроз и связанных с ними рисков, целей, объектов и методов защиты, необходимых материальных и организационных ресурсов для планирования и осуществления деятельности государственных органов и вооруженных сил на основе принципа рациональной достаточности и эффективности. Одновременно военная политика и военная доктрина должны учитывать изменения мирового порядка и политики безопасности в условиях размывания границ наций и государств, содержания современной войны и вооруженной борьбы в результате «революции в военной сфере», общие процессы демилитаризации современного общества, трансформации военной культуры и профессионализма. С этим связаны разработка и активная реализация новой Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Республики Беларусь, планов строительства Вооруженных Сил, повышения их боевого потенциала. Принципиальное значение имеет взаимоувязка стратегии безопасности с приоритетами социально-экономического развития страны, создания конкурентоспособной экономики и повышения уровня жизни народа.

Повышение роли внешних факторов в развитии государства, политических, дипломатических, экономических, информационных и иных форм противоборства, решение задачи обеспечения комплексной безопасности требует постоянных усилий нашей страны в области наращивания совокупной мощи государства для невоенного регулирования отношений, предотвращения внутренних и внешних угроз и совершенствования уровня политического руководства. Составной частью Концепции национальной безопасности является взвешенная и сбалансированная внешнеполитическая деятельность. Идея бесконфликтного развития и важная ограничительная роль политики сдерживания предполагают в качестве приоритетных направлений деятельности в этой сфере:

- расширение кооперации и сотрудничества в области безопасности и обороны с другими странами, стратегическими союзниками и партнерами Беларуси в рамках Организации договора о коллективной безопасности и Договора о создании Союзного государства;

- развитие отношений и связей Беларуси с другими странами, политическими и экономическими союзами государств, которые добиваются усиления своего влияния в современном мире для ограничения эффективности экспансионистской политики ведущих держав и бойкота их иници-

циатив, наращивание способности страны предлагать востребованные мировым сообществом инновации для выработки и принятия ключевых международных решений;

- развитие европейского вектора внешней политики Республики Беларусь. Несмотря на постоянно возникающую острую политическую риторику, конфликтный потенциал наших противоречий с этим регионом гораздо ниже потенциальных выгод от возможного сотрудничества с отдельными странами Европы, ЕС, НАТО, Советом Евроатлантического партнерства и др.;

- поддержку сохранения старых и образования новых международных структур обеспечения коллективной безопасности и ограничения гонки вооружений для поиска невоенных способов разрешения и предотвращения кризисных ситуаций, ограничения применения силы и взвешенного поведения в конфликтах, продвигаемой в рамках ООН инициативы о Глобальной системе противодействия современным угрозам и вызовам;

- повышение международного авторитета нашей страны и коллективных усилий по формированию в международных отношениях соответствующего морального климата на основе синтеза всех политических культур и религий, согласования интересов и учета ценностей различных народов, выбора в пользу права, гуманности и справедливости.

А. А. Горохов

*(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, studes@yandex.ru)*

ЕВРАЗИЙСКИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ В XXI ВЕКЕ

Вопрос интеграции на просторах Евразии имеет ключевое значение для политики в XXI веке. Так как именно от того какой интеграционный сценарий станет доминировать зависит ход мировой политики в текущем столетии.

Сегодня совершенно очевидно можно говорить, как минимум, о трех сценариях интеграционных процессов в Евразии. Данные сценарии существуют параллельно друг другу. Коротко их можно описать следующим образом:

1. Евроатлантическая интеграция – сторонниками такого сценария выступают те субъекты и институты, которые продолжают политику сдерживания по отношению к России. Для них нет различия между СССР и современной Россией. Интеграционные инициативы России они воспринимают как реанимацию СССР и создание нового военно-политического блока. В августе 2011 года ведущий эксперт американского фонда «Наследие» по проблемам России, Евразии и международной энергетике

ческой политики Ариэль Коэн опубликовал статью «Кризис политики Обамы на постсоветском пространстве» в которой прямо заявил: «Первостепенная геополитическая цель США по-прежнему заключается в недопущении возврата евразийской империи, будь то под эгидой России или Китая, и ревизии международного устройства Евразии, возникшего после окончания холодной войны. Более того, если не инвестировать необходимые ресурсы сейчас, то при возникновении очередного кризиса, издержки на его преодоление будут гарантированно выше, чем те вложения, которые Америка может осуществить в настоящее время» [1].

На наш взгляд, реализация евроатлантического сценария предполагает отдаление России от Европейского союза и Европейского союза от России. Так как сближение России с Европейским союзом может существенно снизить уровень влияния США на политику в Европе и поставить под вопрос целесообразность существования НАТО.

Данный сценарий не исключает возникновения конфликтов на территории Восточной Европы с целью оправдания существования НАТО и гегемонии США в Евразии. Очевидно, что для сдерживания интеграционных процессов потребуются поддерживать конфронтацию и конфликтность между государствами. Такая политика будет проводиться через поддержку националистических элит в государствах Европы и Азии, которые негативно воспринимают процесс усиления России в Евразии. В идеологической плоскости сценарий предполагает поощрение русофобии, радикальных и неонацистских движений [2], искажения роли и значения СССР во Второй мировой войне, отрицания роли советской армии, как армии освободительницы от фашизма и нацизма [3].

В рамки данного сценария вписываются события на Украине в конце 2013 – в начале 2014 годов [4]. Очень точную оценку украинских событий и интеграционных процессов между Россией и ключевыми государствами Европейского союза заметил в своей статье «Геополитика раскола Украины» Иммануил Валлерстайн. Американский исследователь заметил: «Украина – это всего лишь удобное объяснение или прикрытие более масштабного геополитического раскола – не имеющего ничего общего с расколом внутри Украины. Что так тревожит таких как Виктория Нуланд [5] – это отнюдь не предположительное «поглощение» Украины Россией – с этим-то как раз она могла бы смириться. Ее (и тех, кто разделяет ее взгляды) тревожит геополитический альянс между Германией/Францией и Россией» [6].

Сценарий «Евроатлантическая интеграция» имеет в себе риск подмены интеграционных процессов серией конфликтов на просторах Евразии, снижая интеграционные потенциалы Европейских и Азиатских стран. Тем самым оправдывая тезис известного атлантиста З. Бжезинского, что «единственной реальной альтернативой американскому лидерству в обозримом будущем может быть только анархия в международном масш-

табе» [7]. Этот сценарий предполагает ограниченный выбор – или поддержание ведущей роли США в Евразийских процессах или анархия, борьба всех против всех. Однако существуют и иные сценарии предлагающие более широкую альтернативу.

2. Большая Евразия – такой сценарий предполагает создание глобального проекта ориентированного на формирование условий для интеграции максимального количества стран Евразии, не отделяя Европу от Азии и не создавая искусственных военно-политических конфликтов на большом континенте.

Во главу угла такого сценария ставится экономическое развитие стран Евразии при сохранении и равноправии национальных культур и традиций. «Большая Евразия» позволит соединить потенциалы Европы и Азии.

Представленный в марте 2014 года в Российской академии наук мегапроект «Трансевразийский пояс развития» [8] можно рассматривать как подготовительный этап для запуска глобального сценария «Большая Евразия».

3. Локальная интеграция – данный сценарий предполагает параллельное развитие нескольких интеграционных проектов на территории евразийского континента: Европейский союз, Таможенный союз, Евразийский союз, Шанхайская организация сотрудничества и другие.

Вполне очевидно, что локальные интеграционные процессы будут подвергаться проверке на прочность, так как сторонники евроатлантической интеграции однозначно высказываются против интеграционных процессов, особенно инициируемых Россией [9].

Здесь стоит отметить, что идея Таможенного союза, как надгосударственной организации республик бывшего СССР, была высказана еще в 1930 году немецким экономистом К. Каутским в работе «Большевизм в тупике». Каутский прогнозировал распад СССР и создание Таможенного союза. Его мысли актуальны и сегодня, в XXI веке. К примеру, он писал: «Можно даже надеяться, что к такому Союзу примкнут и государства, которые уже в течение десятка лет существуют как государства независимые, например, балтийские государства. Насколько лучшие перспективы открывались бы, например, перед Ригой, если бы Латвия не была отделена от России таможенной границей!» [10]. Поддержка русофобски настроенных политиков в прибалтийских республиках со стороны «евроатлантистов» является гарантией сдерживания экономически обоудовыгодного союза с Россией, союза о котором писал еще в 30-е годы XX века немецкий экономист.

Помимо интеграционных сценариев в Евразии имеют место быть и сценарии по отказу от интеграционных сценариев в пользу строительства национально замкнутых государств.

Сценарий на развитие национально-замкнутых государств предполагает отказ стран от интеграционных проектов в пользу развития национальных государств с жесткой миграционной и таможенной политикой.

В Европе набирают поддержку политические партии, которые выступают против Европейского союза и за ужесточение эмиграционной политики. Среди таких партий следует назвать греческую партию «Золотой рассвет», болгарскую партию «Атака», венгерскую «За лучшую Венгрию» и другие.

Также в Европе наметился и еще один сценарий, который можно обозначить, как **регионализацию и формирование новых независимых государств**. С 16 по 21 марта жители итальянского региона Венето участвовали в референдуме, за образование собственного независимого государства высказало 89 %. В 2014 году в Европе планируется еще два референдума о статусе регионов: 18 сентября 2014 года пройдет референдум о статусе Шотландии, а 9 ноября планируется референдум о статусе Испанского региона Каталония.

Референдум в Крыму, который состоялся 16 марта 2014 года, на наш взгляд, имеет иную природу. Крым исторически был русской землей. Поэтому это и был референдум не за независимость, а за возвращение на историческую Родину. Поэтому крымский референдум с позиции интеграционных процессов не противостоит им, а наоборот показывает мощный интеграционный потенциал России на Евразийском пространстве. И именно поэтому «евроатлантисты» Европы и Америки выступают против признания крымского референдума. Так как понимают, что крымский прецедент создает еще один локальный интеграционный сценарий на просторах Евразии и имя у него – Россия.

Совершенно уместен вопрос: какой сценарий более подходит для будущей Евразии? На наш взгляд, наиболее эффективным, народосберегающим и наименее конфликтным является сценарий «Большая Евразия», так как именно этот сценарий способствует развитию потенциала европейских и азиатских народов, сохранению их культур, развитию экономики и создает условия для многополярного устойчивого мира без военных конфликтов. Но сегодня данный сценарий наименее теоретически обоснован. При этом, именно такой сценарий могут поддержать интеллектуалы ведущих университетов Евразии, которые осознают все риски и потенциалы будущего мироустройства в XXI веке.

Список литературы и примечания

1. Коэн, А. Кризис политики Обамы на постсоветском пространстве / А. Коэн // Электронное периодическое издание «Интернет-проект «ИноСМИ.RU» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/usa/20110831/174058531.html>. – Дата доступа: 23.03.2014.

2. *Прибалтийский пример героизации нацизма*: Ежегодно, 16 марта в латвийской столице проходит шествие участников латышского легиона Ваффен СС и их сторонников. Несмотря на то, что Нюрнбергский трибунал признал СС преступной организацией, в стране входящей в Европейский Союз, официальными

лицами Латвии поощряется героизация нацистских преступников. *Украинский пример героизации нацизма*: В 2007 г. Президент Украины В. Ющенко присвоил звание Герой Украины, одному из лидеров Украинской повстанческой армии (УПА) Р. Шухевичу. По оценкам британского историка Н. Дэвиса, от рук УПА погибло от 100 до 500 тысяч этнических поляков (Davies, N. Europe: a History / N. Davies. – Oxford: Oxford University Press, 1996). В 2010 году Ющенко своим указом присвоил звание Героя Украины С. Бандере. Правозащитная организация Центр Симона Визенталя по случаю принятия такого указа выразила «глубочайшее отвращение к тем почестям, которых удостоился Бандера, сотрудничавший с нацистами на ранних этапах Второй мировой войны, и чьи последователи имеют отношение к убийствам тысяч евреев и людей других национальностей».

3. Для того чтобы переписать историю Второй мировой войны сносятся и оскверняются памятники советским войнам. К примеру, на Украине в январе 2014 г. в городе Глиняны Львовской области вандалы разрушили памятник Воинам-освободителям на месте мемориального захоронения 32 советских воинов, погибших в 1944 г. во время Львовско-Сандомирской наступательной операции. В результате операции была уничтожена украинская дивизия СС «Галичина». 9 апреля 2009 г. по инициативе националистической партии Украины «Свобода» депутаты Львовского областного совета приняли решение о сносе памятника советскому Воину-освободителю в Стрые Львовской области. Демонтаж памятника произвели в феврале 2014 года. Также партия «Свобода» в 2008 году через свою фракцию в горсовете «снесла» монумент воинам-освободителям вместе с братской могилой в городке Комарно (см.: Дульман, П. Память обезглавили / П. Дульман // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/01/14/pamyatnik.html>. – Дата доступа: 23.03.2014; На Львовщине в городе Комарно снесли памятник советским солдатам и разрыли их захоронение // Украинско-российский портал Politua.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politua.ru/humanitarian/145.html>; «Хорст Вессель» во Львовском облсовете: принято решение о сносе памятника советскому Воину-освободителю // Интернет-сайт Прогрессивной социалистической партии Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vitrenko.org/start.php?lang=1&article_id=7645. – Дата доступа: 23.03.2014.

4. 11 марта 2014 года Министерство здравоохранения Украины сообщало о 102 погибших в массовых акциях с 30 ноября 2013 года. С 18 февраля по 11 марта к медикам в Киеве обратился 1 221 пострадавший, 795 из которых были госпитализированы. В Харькове в ночь на 15 марта 2014 года 2 человека погибли. Стреляли активисты радикального движения «Правый сектор», оба погибших из числа пророссийски настроенных граждан.

5. Виктория Нуланд – американский политик, с сентября 2013 года помощник государственного секретаря США по делам Европы и Евразии. И. Валлерстайн в своей статье «Геополитика раскола Украины» описал Нуланд следующим образом: «Она одна из представительниц той клики неоконсерваторов, которые прежде входили в окружение Джорджа Буша (в правительство которого она входила), однако остались и в нынешнем правительстве. Ее муж Роберт Каган – это один из известнейших идеологов неоконсерваторов. И возникает интересный вопрос: а что она делает на такой важной должности в госдепартаменте США при правительстве Обамы? Ведь наименьшее, что Обама и госсекретарь Джон Керри должны были бы сделать – это убрать неоконсерваторов с таких должностей».

6. Валлерстайн, И. Геополитика раскола Украины / И. Валлерстайн // ЛІВА інтернет-журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liva.com.ua/schism-geopolitics.html>. – Дата доступа: 23.03.2014.

7. Бжезинский, З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – С. 231.

8. См.: О задачах для науки в проекте ТЕПР // Сайт Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=36ecdf87-d554-4e4b-9f40-b668dc9566a5#content>. – Дата доступа: 23.03.2014.

9. В декабре 2012 года госсекретарь США Хиллари Клинтон обозначила позицию против интеграционных проектов России. Она заметила, что «существует движение в сторону ресоветизации региона. Это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом и все в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить это или предотвратить это» (см.: Аналбаева, А. Призрак союза / А. Аналбаева // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/politics/2012/12/7/610709.html>. – Дата доступа: 23.03.2014.

10. Каутский, К. Большевизм в тупике / К. Каутский // Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. – М.: Антидор, 2002. – С. 311.

Г. М. Грибов

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь, gmgribov@gmail.com)*

А. Плева

*(Гохшупле Равенсбург-Вайнгартен, г. Вайнгартен, Германия,
plewa@hs-weingarten.de)*

В. Г. Ракицкая

*(Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь, veronika.rakitskaja@gmail.com)*

**СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Процессы глобализации и интеграции, которые происходят в современном обществе, объективно сказываются на мировоззрении, ценностях граждан, проживающих в разных странах. В значительной степени это относится к молодому поколению, которое оперативно реагирует на новые социально-экономические, идеологические реалии, на более интенсивную взаимосвязанность экономик и культур.

Учёные кафедры философии и культурологии БрГТУ в партнёрстве с зарубежными коллегами на протяжении ряда лет исследовали ценност-

ный мир студенчества Беларуси и других стран, в рамках которого проводились социологические опросы студентов вузов-партнёров в Бресте (Беларусь), Луцке (Украина), Белостоке (Польша), Вайнгартене (Германия). Компаративные исследования дали возможность сравнить базовые и инструментальные ценности студентов четырёх стран, изучить мотивацию образования, сопоставить структуру и предпочтения досуга, свободного времени.

В частности, социологические опросы были направлены и на изучение представлений молодых людей о социальной справедливости. Данное понятие активно обсуждается в обществоведении, идея справедливости обоснованно трактуется как мера эффективности регулирования общественных отношений, как принцип, позволяющий создать гармоничные условия жизнедеятельности человека. Как понятие сложное, справедливость раскрывается в следующих её аспектах: экономическом, юридическом, социально-психологическом, политическом и нравственном.

Современное содержание справедливости обладает и социокультурной спецификой. В качестве идеальных типов можно выделить «западный» и «восточный» типы справедливости, которые различаются характером отношений между человеком и внешним миром. На Востоке справедливость понимается как априорный принцип миропорядка, который утверждает и поддерживает изначально существующую гармонию. Из этого следует, что задача человека состоит в личностном открытии этой гармонии и принятии ее как единственного должного способа жизнедеятельности. На Западе же справедливость обладает относительным характером, она находится в динамике, устанавливается и корректируется самим человеком.

В упомянутом выше исследовании респондентам был задан соответствующий вопрос, на который в 2012 году дали ответы студенты Брестского государственного технического университета, Луцкого национального технического университета, Политехники Белостокской и ГохшULE Равенсбург-Вайнгартен. Анкетированием было охвачено свыше 800 респондентов в данных учебных заведениях. Прежде всего, студентам было предложено выразить своё отношение к социальной справедливости как базовой ценности (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Оценка социальной справедливости (в %)

	Очень важно	Важно
Брестский государственный технический университет	47,5	46,5
Луцкий национальный технический университет	51,2	45,3
Политехника Белостокская	57,3	34,4
ГохшULE Равенсбург-Вайнгартен	57,3	39,4

Ответы свидетельствуют о том, что справедливость признаётся молодыми людьми четырёх стран одним из важнейших факторов общественной жизни. Более подробная информация была получена в ответах на вопрос: «Как Вы понимаете справедливость?» (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Ответ «очень важно» (в %)

	Брест	Луцк	Белосток	Вайнгартен
Равенство возможностей получения образования, медицинского обслуживания, социальной поддержки со стороны государства	56,5	61,1	69,8	61,3
Соблюдение законов всеми без исключения	54,0	58,1	61,5	50,7
Оплата труда в строгом соответствии с его количеством и качеством	52,5	70,4	57,3	48,6
Правовая защищённость	48,5	60,1	54,2	49,3
Возможность свободно выражать своё мнение по любым вопросам	48,0	51,7	56,3	72,5
Равенство возможностей самореализации, достижения успеха, материального благополучия	39,0	51,7	56,3	43,0
Доступ к разносторонней информации (статистика, события в стране и за рубежом, Интернет и др.)	35,5	29,6	40,6	57,8
Соблюдение всеми людьми норм морали и правил поведения в обществе	35,5	43,8	39,6	45,8
Неизбежность адекватного наказания за негативные поступки и действия	34,5	36,5	37,5	73,2
Материальное равенство	10,0	21,7	18,8	19,0

Какие выводы следуют из ответов студентов четырёх стран?

1. Опрошенные молодые люди трактуют социальную справедливость не как материальное равенство, а как равенство возможностей, шансов, которые должны быть предоставлены каждому человеку, а степень жизненного успеха будет зависеть от него самого. Уравнительная психология слабо выражена у всех опрошенных групп, включая представителей по-

стсоциалистических стран, где в недалёком прошлом такая психология была доминирующей.

2. Очень высок статус правовых, нравственных аспектов справедливости. Студенты всех четырёх охваченных исследованием высших учебных заведений в одинаковой степени признают, что соблюдение законов и норм морали, правовая защищённость – важнейшие проявления справедливости. Обращает на себя внимание следующая особенность: неизбежность адекватного наказания за негативные поступки и действия, т. е. за нарушения законов и моральных норм, признаётся как самое важное проявление справедливости значительным большинством немецких студентов (73,2 %). Что касается представителей славянских народов (белорусы, украинцы, поляки), то таковых вдвое меньше.

3. Очень важным аспектом справедливости молодые люди считают определённые либеральные права и ценности. Это возможность свободно выражать своё мнение и доступ к информации. Отметим, что для немцев и поляков, представителей стран Европейского сообщества, эти факторы более значимы, чем для белорусов и украинцев.

4. Принципиально важен для опрошенных студентов принцип оплаты труда в соответствии с его количеством и качеством, который выражен декларированным в советское время социалистическим лозунгом: «От каждого по способностям, каждому по его труду». В том, что такое правило справедливо, убеждены все опрошенные респонденты. В особенности, его выделяют украинские студенты, у которых в рейтинге оно занимает первое место.

В заключение отметим, что, несмотря на исторические, социокультурные и ментальные различия, которые имеются у граждан Беларуси, Украины, Польши и Германии, опрошенные представители этих стран демонстрируют значительное сходство в своих взглядах на рассмотренное понятие. Можно предположить, что это отчасти объясняется интеграционными и глобализационными процессами, которые влияют на взгляды современного молодого человека.

Р. С. Гринберг

(Институт экономики РАН, г. Москва, Россия, grinberg@inecon.ru)

ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИМПЕРАТИВЫ И ШАНСЫ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА*

Второе десятилетие XXI века ознаменовалось не только продолжением небывалого по масштабам и глубине мирового финансово-экономи-

* По мотивам выступления на заседании Президиума РАН 23 апреля 2013 г.

ческого кризиса и новой ролью в мировой экономике стран группы БРИКС, но также и подлинным интеграционным рывком в постсоветском пространстве. В очень сжатые сроки был создан (в 2010 г.) и заработал Таможенный союз (ТС) России, Беларуси и Казахстана. Сильный положительный импульс в 2011 г. получило Единое экономическое пространство (ЕЭП), до того шесть лет пребывавшее в летаргическом состоянии. В 2011 г. восемь стран СНГ подписали в Санкт-Петербурге договор о Зоне свободной торговли, переговоры о создании которой длились 10 лет. В ноябре того же 2011 г. президенты Беларуси, России и Казахстана, подписав декларацию о Евразийской интеграции, поставили задачу к 1 января 2015 г. завершить кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Единого экономического пространства и Таможенного союза. С 1 января 2012 г. началось формирование институтов ЕЭП.

Впервые за весь постсоветский период реально заработали институты международной интеграции, наделенные наднациональными функциями регулирования интеграционного процесса. Появилась конкретная перспектива – создание к 2015 г. Евразийского экономического союза.

Дальнейшее развитие евразийской интеграции предполагает как углубление уровня взаимодействия участников группировки, так и возможное расширение ее состава в соответствии с принципом открытости. Успешное решение этих задач требует уточнения ряда положений интеграционной концепции, устранения имеющихся перекосов и дисбалансов.

Согласно общепризнанной теории, эффективность региональной международной интеграции в решающей мере зависит от степени координации её двух нуждающихся во взаимном дополнении самостоятельных процессов. В первом случае речь идет о так называемой «негативной» интеграции, а во втором – о «позитивной». Здесь замечу, что оба определения употребляются исключительно в нейтральной коннотации, то есть не носят оценочного характера. Просто под негативной интеграцией понимается процесс сокращения и отмены всяческих ограничений во взаимных хозяйственных отношениях стран, вступивших в тот или иной региональный союз. Это значит, что вступив туда, все они обязуются постепенно или одновременно уничтожить все барьеры на пути взаимного движения в его границах товаров, услуг, капиталов и людей. Что же касается позитивной интеграции, то здесь речь идёт о согласовании государственных действий стран-членов регионального союза в его общих интересах. И если один процесс «пошел», а второй начался только в риторике, то мы в действительности имеем чисто «бумажную» интеграцию. Это, собственно, и произошло с Содружеством Независимых Государств.

В СНГ с самого его рождения «присутствовала» негативная интеграция как естественное следствие «шокового» распада СССР. А вот позитивная осталась, в сущности, только на бумаге, если не считать регулярные ритуальные заклинания по поводу «нерушимости нашего единства».

Тем не менее, неудача с реализацией проекта СНГ вовсе не ставит под сомнение необходимость создания на постсоветском пространстве интеграционной группировки, в которой Россия могла бы играть роль локомотива. Но для этого она сама должна измениться, стать привлекательной для стран-членов, превратиться в важнейший фактор их внутреннего развития. Исторически решение задачи по налаживанию интеграции на постсоветском пространстве крайне осложнено, превращая ее для России в затратный и длительный процесс. Но другого выбора у нее нет. Если исходить из того, что чисто экономические аспекты интеграции при определенных условиях перспективны, то здесь нет никакой альтернативы российской щедрости. Москва не должна быть скрягой и бороться за каждый рубль или доллар в своих действиях, газовых или негазовых войнах. Если Россия действительно хочет консолидировать постсоветское пространство, то у нее нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане – это потери, в долгосрочном – однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России.

Замечу, что в научной среде давно идёт дискуссия о влиянии интеграции на экономический рост. Априорно считается, что чем выше степень взаимного притяжения, тем выше темпы экономического роста. При этом, как правило, ссылаются на самый до недавнего успешный интеграционный проект в мире – Европейский союз. Впрочем, оппоненты обращают внимание на другие факты. Например, на то, что в Швейцарии или Норвегии, как известно, не являющихся членами ЕС, показатели экономического роста и уровня жизни выше, чем в большинстве государств Евросоюза. Однако, вряд ли эти показатели были бы столь высокими без той эксклюзивной роли, которую играют для их экономик связи с Евросоюзом...

Как бы то ни было, для успеха интеграционного процесса необходима некая минимальная численность социума, живущего и действующего в рамках единого экономического пространства. Скажем, Китай при численности около 1,3 млрд человек, по большому счёту, не нуждается ни в каких интеграционных блоках. И Индия тоже не нуждается. Правда, с другой стороны, современные интеграционные императивы побуждают даже эти страны заинтересованно относиться к различным интеграционным проектам.

А вот такие страны, как Люксембург, по определению, нуждаются. То есть, речь идёт о том, что эффективная интеграция может быть организована только на соответствующей территории единого экономического пространства, где не существует никаких перегородок, а население составляет 200–250 млн человек.

В России в этом отношении ситуация не очень благоприятная, поскольку 140 с небольшим млн чел. – это ни то, ни сё. Это не Люксембург, который, по определению, должен быть включен в интеграционный проект, и не Китай, который не нуждается в экономии на масштабах, так как

его собственные масштабы уже создают основы для эффективного крупносерийного производства.

Далее, объединяющиеся страны непрочь порассуждать о теоретической и практической «ловушке»: кто кого кормит? Сегодня на эту тему ведутся страстные дискуссии в Европейском союзе. Я же вспоминаю конец 1980-х годов, когда многие политики и экономисты рассуждали по поводу того, что у России не очень благоприятное положение в Советском Союзе из-за заниженных цен на сырье, и чем быстрее мы разойдемся, тем лучше. Конечно, это было фатальной ошибкой.

Такой же ошибкой стало «ложное ожидание» российской политэлиты в отношении бывших советских республик. В конце 80-х – начале 90-х годов доминировала идея, что без «стран-сателлитов» легче интегрироваться в мировую экономику в качестве субъекта. Я назвал ее «теорией экономической обузы». Принято было считать, что Россия как более развитое государство быстрее устроится на «солнечной стороне жизни» без бывших братьев и сестер. А если не получится, должна сработать «теория приползания». Иначе говоря, в команде Ельцина доминировала иллюзия, что свежеспеченные независимые государства не состоятся, и, стало быть, рано или поздно вернуться «под крыло России».

Вскоре отчетливо обнаружилось, что обе установки оказались ложными. Несмотря на огромную социальную цену рыночных преобразований и мучительное становление собственной государственности в новых государствах, ни одно из них не утратило своей независимости и суверенности. При этом надо иметь в виду, что изначально каждая республика стремилась перейти из «второго мира» в первый, но это намерение нигде не увенчалось успехом. Вместо того, чтобы перейти в первый мир, многие из них оказались под угрозой скатывания в третий, а некоторые уже оказались там в результате демодернизации общества и примитивизации экономики.

Надо сказать, что формирование более или менее адекватной оценки экономических и социальных результатов системных преобразований в странах постсоциалистического мира – не тривиальная задача, несмотря на наличие весьма обширной литературы по этому вопросу. Слишком велико здесь влияние чисто идеологических мотивов в интерпретации прошедших перемен. Не вдаваясь в подробности данной проблематики, заслуживающей специального обсуждения, замечу только, что я, как и многие другие эксперты по постсоветской тематике, предпочитаю оценивать результативность перемен в бывших республиках СССР по сконструированному в ООН индексу человеческого развития (ИЧР), учитывающему три основных параметра – образование, продолжительность жизни и валовой внутренний продукт на душу населения.

Сопоставление динамики ИЧР в новых независимых государствах за период с 1991 г. по 2012 г. наводит на грустные размышления. Ведь только Эстонии удалось переместиться с 35 места в мире на 33. А все остальные

постсоветские страны явно проиграли. У России было 37-е место, сейчас 55-е. На Украине этот индекс вообще катастрофически снизился: с 45-го до 78-го места. Что уж говорить о странах Центральной Азии?

Тем не менее, даже при самой глубокой экономической рецессии и деградации социальной сферы новые политические элиты сумели сохранить контроль над обедневшим населением, правда, ценой отказа от только что родившихся демократических институтов, инициированных горбачевской перестройкой. И дело здесь не только в восстановлении авторитарных порядков в интересах сохранения новой власти. Крах установок на «риползание» коренится также в том, что в отличие от России, испытавшей двойной удар от радикальной системной трансформации – обвальное снижение уровня жизни плюс моральный дискомфорт от распада СССР, – в остальных новых государствах весьма ощутимые материальные потери от реформ если не в полной, то в значительной мере компенсируются очевидным приобретением в сфере национального самосознания, то есть законным чувством гордости по поводу приобретения независимости и участия в становлении нового государства.

Однако, в условиях глобализирующегося мира малые и средние по масштабам страны СНГ могут быть конкурентоспособными только в рамках интеграционного союза, так как вновь наступило время «больших игроков и больших пространств». Об этом, в частности, свидетельствует активное продвижение собственных проектов организации постсоветского пространства самыми мощными субъектами современной мировой политики (Программа «Восточного партнерства» ЕС, Проект «Нового шелкового пути» США, китайская «политика добрососедства»).

Наконец, Евразийский экономический союз – вовсе не способ отгородиться от остального мира, а метод усиления глобальной конкурентоспособности каждой из стран на основе коллективного взаимодействия в мировой экономике и политике. Как известно, зарубежные противники евразийской интеграции обычно утверждают, что Россия ведёт партнеров к новой изоляции и создает на пространстве СНГ «заповедник экономической отсталости и авторитарных режимов». В ответ на это следует разъяснить, что истинное намерение ЕАЭС – создание в перспективе единого экономического пространства с Евросоюзом и странами АТР.

А. А. Громыко

(Институт Европы РАН, г. Москва, Россия, alexey@gromyko.ru)

О НАСУЩНОМ

После окончания холодной войны мы были преисполнены надеждами на быстрое решение многих региональных и глобальных проблем на

волне веры в общие унифицированные интересы и ценности. Однако достаточно быстро выяснилось, что международные отношения в постсоветскую эпоху являются и будут оставаться феноменом, в котором ингредиент конкуренции и противостояния имеет не меньшее значение, чем ингредиент сотрудничества и партнерства.

Как и в предыдущие исторические эпохи, факт остается фактом, что различные государства мира и их группы развиваются в русле несовпадающих мировоззренческих и геополитических проектов. Мир перестал быть ареной борьбы двух сверхдержав и двух враждебных идеологических доктрин, но мир не перестал быть ареной сложного взаимодействия различных вариантов государственных и национальных интересов. Тем не менее, интеграционных процессы по всему миру за последние четверть века в целом набирали оборот, взаимозависимость государств значительно возросла. Отгородиться от остального мира, ровно как и изолировать кого-либо из субъектов международных отношений, стало практически невозможно.

Переплетение конкуренции и сотрудничества наглядно демонстрируют все регионы планеты, включая Европу. Здесь холодная война осталась далеко позади, но ее наследие, как и последствия распада Советского Союза, дают о себе знать до сих пор. Многие проблемы остаются нерешенными, в том числе проблемы общеевропейской безопасности, становления новых государств, возникших на постсоветском пространстве, сочленения различных интеграционных проектов. События последних месяцев на Украине и вокруг нее стали ярким этому свидетельством.

В уже достаточно далёком 2008 г. Россия в Закавказье оказалась перед сложным выбором: защищать гражданское население части Грузии от насилия со стороны центральной власти этой страны или воздержаться с учётом трудно просчитываемых рисков. Осознание своей ответственности за поддержание международного мира и стабильности, тем более, на своих границах, возобладало. Затем Россия признала независимость Южной Осетии и Абхазии, что отвечало чаяниям подавляющего большинства их жителей.

Те события в западных СМИ сопровождалась антироссийской истерией и кондовой пропагандой. С тех пор все, кто хотел узнать правду о случившемся, это сделал, и проблема Грузии уже давно перестала быть даже второстепенной в отношениях между Россией и Западом. К сожалению, уроки истории на постсоветском пространстве нашими иностранными партнёрами тогда были выучены плохо, главный из которых – необходимость учёта интересов России при любой попытке геополитического и геоэкономического передела на пространствах ближнего зарубежья. В 2013–2014 гг. настала очередь Украины.

Всё что случилось с Грузией и происходит на Украине – проблемы не XXI века. Своими корнями они уходят глубже – в эпоху распада Советского Союза, затем Югославии, затем Сербии. Косово окончательно от-

крыло ящик Пандоры хрупкого баланса между территориальной целостностью государств и правом наций на самоопределение. На Западе многие с сарказмом относились к метафоре о распаде Советского Союза как о геополитическом землетрясении XX века. Если у них и дальше сохраняется сарказм, это их личное дело. России же не до сарказма; теперь ей приходится подбирать драгоценные обломки рушащегося братского государства и почти в одиночку бороться с возрождением правого экстремизма, включая неонацизм, причем ни где-нибудь, а на территории бывшей Киевской Руси, т. е. в самом центре Европы, о ценностях которой так ратуют в Брюсселе. Не будем забывать, что неонацизмом поражены и другие страны, включая прибалтийские. 16 марта, в день проведения референдума в Крыму, в Риге состоялось ежегодное шествие в память латышских легионеров СС.

На наших глазах меняется исторический контекст современного развития Европы. Многие годы он вращался вокруг идеи о гравитационном поле Евросоюза, о его неудержимой притягательной силе для соседних государств и не только. Крым же к изумлению европейского обывателя продемонстрировал яркий пример притягательности и России. Россию на Западе многие демонизировали, но тут оказалось, что миллионы людей восторженно её приветствуют. Однако надо учесть, что у многих ничего кроме дополнительной ярости это не вызовет. России придётся держать удар, и, вероятно, намного дольше, чем после событий в Закавказье.

ЕС и США на постсоветском пространстве продолжают играть в геополитические игры, что неоспоримо продемонстрировало их беспрецедентное давление на В. Ф. Януковича вплоть до подписания соглашения 21 февраля. В их устах заявления о суверенитете Украины и её территориальной целостности выглядят как издевательство. Ведь именно их действия спровоцировали территориальный развал Югославии, затем Сербии, затем Грузии, затем де факто территориальный развал Ирака и Ливии. Именно они при содействии монархий Персидского залива уже три года поддерживают всеми правдами и неправдами оппозиционные силы в Сирии, включая исламских фундаменталистов. Именно их действия толкнули движение гражданского протеста в Киеве в сторону вооруженного мятежа, да ещё совершенного силами правых экстремистов.

С точки зрения многих западных политиков все средства хороши, любая пропаганда и искажение действительности допустимы для выдвигания России из ближнего зарубежья. Но в действительности здравых голосов на Западе достаточно, просто их надо различать и нам со своей стороны не срываться на чёрно-белое восприятие западного общественного мнения. Можно только аплодировать таким политикам, как Грегор Гизи, лидеру фракции левых в парламенте Германии, который прямо в глаза Ангеле Меркель заявил 13 марта в бундестаге, что хватит применять к Украине и России двойные стандарты и не замечать в угоду собственным политическим интересам возрождение фашизма. Раздаются трезвые голоса и

таких супертяжеловесов, как Генри Киссенджер. Патриарх американской внешней политики в газете «Вашингтон пост» 6 марта призвал Украину к внеблоковому статусу. А что как ни приманка членства в НАТО толкнуло Саакашвили на расстрел российских миротворцев, а затем мирного населения в Цхинвале? И что как ни натовская база расположилась бы в недалёком будущем в Севастополе, если бы за Крым не встал весь Русский мир?

Знаю на собственном опыте, что уже с весны 2013 г. западное экспертное сообщество изучало возможные сценарии госпереворота на Украине и распада страны. Все последние годы российские эксперты и политики на встречах с западными коллегами неустанно повторяли: не раскачивайте Украину, не потворствуйте центробежным процессам в ней, не делайте ставку на антироссийские настроения на западе Украины. Эти призывы не были услышаны. В результате на наших глазах в последние месяцы разворачивалась трагедия национального масштаба, трагедия государства, так и не ставшего нацией. Украина фактически разорвана двумя гравитационными полями с запада и востока. И это были мы, кто предупреждал, что этого делать нельзя. Но нам, как и в случае с Грузией, не оставили выбора, а теперь, как водится, обвиняют во всех смертных грехах.

Потеряла ли Россия Украину, вновь обретя Крым? Уверен, что битва за Украину продолжается, свое окончательное слово ещё не сказали юго-восточные регионы страны, впереди украинские президентские выборы, как бы мы к ним не относились. На них русские украинцы и все здравомыслящие граждане этой страны могут сыграть огромную роль в отпоре национализму и правому экстремизму. Шахматная партия грандиозных масштабов продолжается и далека от завершения.

Чтобы Украине не превратиться в несостоявшееся государство или в банановую республику, у неё нет иного пути, как стать федерацией с внеблоковым статусом, с признанием русского языка как одного из государственных. Как мы знаем, у тех, кто не жалеет о Советском Союзе, нет сердца; у тех, кто стремится к его возрождению, нет головы. Перефразируя, у тех, кто не желает братских отношений между Россией и Украиной, нет сердца; у тех, кто против единства Крыма и России, нет ни сердца, ни головы.

С. В. Гуринович

*(Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Беларусь, philosophia361@mail.ru)*

АРХИТЕКТУРНАЯ СРЕДА В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Синергетическая теория развития исследует самоорганизующиеся системы, отличительными характеристиками которых являются откры-

тость, неравновесность, нелинейность. В этом контексте новыми интерпретациями обогащается и архитектурный объект. Ключевым понятием современной эстетической рефлексии выступает «среда». Данное понятие фиксирует особый статус архитектурной целостности, поскольку интегрируются не только художественно-образные, пространственно-пластические элементы, но и эмоциональные, поведенческие, экологические и т. д. Именно критерий меры освоенности человеком среды обуславливает сложность, динамичность последней.

Идея сложности архитектурного объекта артикулирована в теории и практике постмодернизма. Концептуальной основой архитектурного постмодернизма можно считать ревизию таких предшествующих модернистских принципов, как строгое функциональное зонирование городского пространства, аскетизм архитектурной формы, ориентация типовых проектов на массового потребителя и т. п.

Так, известный американский исследователь Ч. Дженкс разработал новую концепцию архитектуры, архитектура «на грани хаоса и порядка», что нашло своё выражение в полисемантической архитектурного языка. Архитектурный объект становится открытой системой, построенной на многоголосии стилей, культурных символов, метафор. Авторский замысел не является окончательным, а служит лишь поводом для множественности интерпретаций в диалоге со зрителем, потребителем (идея «двойного кодирования»).

Образцом смысловой вариативности архитектуры можно считать оперный театр Йорна Утцона в Сиднее: от ярко ироничного восприятия до продуманно-неожиданного (брачные игры черепах, раковины, ракушки, цветок лотоса и т. д. Антитезой одноликой урбанизированной среде выступают проекты признанного американского архитектора Ч. Мура, построенные на цитировании всего многообразия культурных кодов. Самая знаменитая цитата итальянского культурного кода в американском контексте – площадь Италии в Нью-Орлеане.

Постмодернистское архитектурное мышление отличает ещё одна важная интенция, которую очень условно можно обозначить как «коэволюционный синергизм». Архитектурная среда рассматривается составным элементом природной среды, включённость в которую достигается имитацией или игрой с органическими формами. Например, проект оперного театра в Гуанчжоу Захи Хадид (одна из самых оригинальных современных архитекторов) напоминает валун, отшлифованный водами Жемчужной реки, в пойме которой планировался данный объект. Здание как бы продолжает природный ландшафт и одновременно выступает смысловым переходом от природной среды к городской. Аналогичен по замыслу Поля Андре и другой театральный проект – Национальный большой театр Китая. Автор заключил архитектурный объект в огромную сферу, находящуюся в центре озера. Путь к театру пролегает через подводный тоннель.

Постмодернистская идея контекстуализации применительно к архитектурному объекту предполагает, что контекст может мыслиться бесконечным, смысл неисчерпаемым. Современные глобализационные процессы (развитие информационных технологий, истощение природных ресурсов и т. п.), безусловно, способствуют глубинным смысловым, технологическим и др. трансформациям архитектурной среды в качестве синергетической системы, прежде всего в направлении повышения её сложности и непредсказуемости, неопределённости (в синергетике это называется нелинейностью, неравновесностью).

Архитектор Хадид Заха, имя которой в работе уже упоминалось, активно экспериментирует в современном архитектурном пространстве, синтезируя восточные телесные интуиции и образы западного техногенного мира. «Это архитектура мира, в котором границы – скорее фигуры соединения, чем разделения. Это пространство неопределённых аналогий, оно кажется родственным и сюрреализму, и пластике компьютерной сети, шупальцам неясно откуда исходящих и случайно скрутившихся в узел связей, который распадается через секунду, приходя к ощущению новой децентрализованной глобальности» [Дизайн: иллюстрированный словарь-справочник / Г. Б. Минервин [и др.]. – М.: Архитектура-С, 2004. – С. 268]. Автор видит смысл архитектуры в выражении динамики, «контролируемого взрыва». Для этого Хадид активно интегрирует видео, цифровые, физические модели, соединяет архитектуру, природный ландшафт, геологию в естественные и искусственно сконструированные системы.

Интеграционные тенденции в архитектуре можно проследить на примере другого новатора, японского архитектора Ито Тойо («Алюминиевый дом» в Токио, Медиатека в Сендай и др.). Архитектурная среда концептуализируется автором как множественность реальностей, эмпирической, или объективной, и виртуальной (субъективной), культурной и природной. Ито Тойо посредством архитектуры стремится выстроить открытое синергетическое пространство. Он декларирует это следующим образом: «Я хочу проектировать нечто, способное изменяться и реагировать на жизнь. По законам физики это возможно только в виртуальном пространстве. Соединение реального, физического пространства с виртуальным породит новую архитектуру – гибкую и способную к саморазвитию» [Цит. по: Дизайн: иллюстрированный словарь-справочник. – С. 238].

Идею открытости, незамкнутости архитектурной и городской среды (уточним, что архитектурную среду следует рассматривать составным элементом городской) реализовал в своих проектах Кисё Курокава. Он оперировал понятием архитектурного метаболизма, утверждая необходимость переструктурирования архитектурного и в целом городского пространства по аналогии с живым организмом. Позицию Курокавы можно сформулировать так: идеальный город – это открытый город, не останавливающийся в росте, реагирующий на перемены. Напомним для сравне-

ния противоположную концепцию, сложившуюся в рамках конструктивизма: «дом – машина для жилья» (Ле Корбюзье). Идея архитектурного метаболизма получила своё конструктивное воплощение в так называемом «капсульном» здании в Токио (1970–1972 гг.). Кисё Курокава спроектировал тринадцатипятиэтажную башню, состоящую из 144 квартир в форме капсул. Капсульная конструкция обладает свойством пространственно-конструктивной мобильности, т. е. допускает изменение объёма и т. д. Этот проект был включён в список мирового архитектурного наследия, а, следовательно, отражает тенденции развития архитектуры в современном глобальном культурном пространстве. Более поздние проекты мастера также можно рассматривать как пример организации среды, благоприятной для культурного диалога, что достигается путём синтеза национальных традиций (гармония внутреннего и внешнего пространства, органические формы, принципы естественности и простоты в архитектуре и т. д.) с технологиями и материалами современного глобального ресурса.

Синергетический подход к организации городского пространства активно разрабатывается в работах Э. А. Гутнова, О. К. Кудрявцева, Е. М. Микулиной и др. (концепция устойчивых и изменяемых частей градостроительных объектов), В. А. Лаврова, Г. В. Мазаева и др. («вероятностное проектирование»), В. А. Колясникова (идея о саморегуляции природно-технических систем, принципах организации городской среды как самоорганизующейся системы).

В заключение отметим, что в связи с усилением интеграционных процессов роль архитектурной среды в значении открытого пространства смыслопорождения, культурного полилога будет только возрастать.

М. М. Давкшис

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, sunlight.20.06@mail.ru)*

ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЯЗЫКОВУЮ КАРТИНУ МИРА

Английский язык находится в постоянном изменении и динамике. Лексика как самый подвижный пласт языка, наиболее чутко реагирует на все изменения в социальной, культурной и других сферах жизни говорящего коллектива, ведь именно слово является «зеркалом жизни».

Деривация – процесс создания одних языковых единиц на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путём расширения корня за счет аффиксации или словосложения. Деривация приравнивается к словопроизводству или словообразованию. Согласно более ши-

рокой точке зрения, деривация понимается либо как обобщённый термин для обозначения словоизменения и словообразования вместе взятых, либо как название для процессов образования в языке любых вторичных знаков. В процессах деривации происходит изменение формы и семантики единиц, принимаемых за исходные. В содержательном отношении это изменение может быть направлено либо на использование знака в новом значении, либо на создание нового знака путём преобразования старого или его комбинации с другими знаками языка в тех же целях.

Изменение словаря – это естественное и постоянное движение в языке. Новые реалии вносят в язык свои наименования. Так возникают неологизмы. Все неологизмы, их структура и характер значения, складываются в русле английских словообразовательных традиций, когда осознаётся потребность в новом слове.

Научно-техническая революция, развитие средств массовой коммуникации, стремительное развитие общественной жизни приводят к появлению на свет огромного количества новых слов и значений, т. е. к тому, что называется «неологическим взрывом». Появляются новые открытия, углубляются представления о ранее известных фактах и явлениях действительности, а также о сущности и функционировании этих явлений. Появление в языке новых обозначений – слов – обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная жизнь, мода или взаимоотношения людей, социальных групп или государств.

Словообразование представляет собой наиболее важный путь развития словаря английского языка. Значительное количество новых слов обязано своему появлению в современном английском языке словообразовательным процессам. Суть словообразовательных процессов заключается в создании новых наименований, новых вторичных единиц обозначения. Образование новых слов происходит по тем моделям, по тем словообразовательным типам, которые уже установились в языке или вновь возникают в связи с выделением новых основ и использованием новых аффиксальных элементов, в связи с развитием и усовершенствованием системы словообразования.

Современный английский язык располагает многими способами образования новых слов, к числу которых относятся словосложение, конверсия, сокращения, адъективация, субстантивация, обратное словообразование, лексико-семантический способ, чередование звуков и перенос ударения в слове (фонологический способ).

В современном английском языке существуют следующие продуктивные способы образования неологизмов: аффиксация (которая подразделяется на суффиксацию и префиксацию), словосложение, конверсия, сокращение. Заимствования также присутствуют в словарном составе современного английского языка, но их количество незначительно по сравнению с вышеперечисленными способами образования неологизмов.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека.

Языковая картина мира – исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоёв картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, принося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задаёт своё видение языка и по-своему определяет принцип действия языка.

Языковая картина мира изменчива во времени и, как любой «живой организм», подвержена развитию, то есть в вертикальном (диахроническом) смысле она в каждый последующий этап развития отчасти нетождественна сама себе.

Языковая картина мира создает однородность языковой сущности, способствуя закреплению языкового, а значит и культурного её своеобразия в видении мира и его обозначения средствами языка. Она существует в однородном своеобразном самосознании языковой общности и передается последующим поколениям через особое мировоззрение, правила поведения, образ жизни, запечатлённые средствами языка.

Картина мира какого-либо языка и есть та преобразующая сила языка, которая формирует представление об окружающем мире через язык как «промежуточный мир» у носителей этого языка.

Деривационные процессы современного английского языка оказывают значительное влияние на языковую картину мира. Интенсивное заимствование английских неологизмов является неотъемлемой чертой современного этапа развития русского и немецкого языков.

Проблема заимствования англицизмов в наше время стала весьма актуальной. Это объясняется тем, что в обществе происходят бурные общественно-политические процессы, а язык живет и меняется вместе с

обществом, которое им пользуется. Например, такие слова как рейтинг, маркетинг применяются повсюду. В настоящее время русский язык испытывает напор со стороны английского языка. Это вызвано, во-первых, открытостью современного общества для международных контактов, во-вторых, международным статусом английского языка, что обусловило массовое вхождение в русский язык заимствований.

Наибольшее количество заимствований представлено тематическими группами: наука и техника, политика, государственный уклад, история, литература, искусство, религия, спорт. Далее идут бытовая лексика, морское и военное дело, должности, учреждения, финансы, единицы измерений, торговая номенклатура.

В последние годы в немецкий язык стало проникать всё больше английских слов. Английский язык обогатил немецкий язык многочисленными синонимами и новыми понятиями. Англицизмы – это английские слова или выражения, которые заимствованы другими языками. В Германии с недавних пор стало модой употреблять английские слова вместо немецких. Но их употребляют не все немцы, а только те, кто владеет английским языком. Например, в больших немецких городах на каждом шагу можно встретить английские выражения: Clean, Moonlight, Check in, Image-Center, City-Shopping.

Наибольшее число заимствований из английского языка относится к индустрии красоты, миру техники и рекламной лексике. Неологизмы современного немецкого языка в своей совокупности представляют уровень культуры немецкоязычного общества и отражают силу культурно-интеграционных процессов, характерных для этой эпохи.

Английские неологизмы в своей семантике отражают социокультурные изменения, происходящие в современном обществе на протяжении последних двух десятилетий. Достоверность статуса английских неологизмов в различных социокультурных сферах современной коммуникации подтверждается системой лингвистических маркеров, которые обнаруживаются на лексико-семантическом и словообразовательном уровнях английского, русского и немецкого языков.

Список литературы

1. Геляева, А. И. Человек в языковой картине мира / А. И. Геляева. – Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 2002. – 177 с.
2. Заботкина, В. И. Новая лексика современного английского языка / В. И. Заботкина. – М.: Высш. шк., 1989. – 126 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 120 с.
4. Мешков, О. Д. Словообразование в современном английском языке / О. Д. Мешков. – М.: Высш. шк., 1985. – 186 с.

В. О. Дашкевич

(Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, dashkevich@ispi.gov.by)

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СТРУКТУРЕ БЕЛОРУССКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Понятие «национально-государственные интересы» включает принципы государственного суверенитета, национальной безопасности, устойчивости развития, высокой социальной, экономической, политической и культурной защищенности населения. Решающим носителем и выразителем национально-государственных интересов является народ. Именно интересы народа лежат в основе всей структуры национально-государственных интересов. Национально-государственные интересы нельзя скопировать или позаимствовать у других стран. Формирование национально-государственных интересов основывается на национальных традициях и исторически сложившемся укладе жизни народа. Национально-государственные интересы – это результат ценностного осмысления потребностей нации, в основе которых лежит национальная традиция взаимоотношения и взаимодействия различных социальных слоев и политических сил внутри страны и на международной арене. Национально-государственные интересы представляют собой фундаментальный принцип обеспечения жизнедеятельности государства, следование которому позволяет не только сохранить нацию как целое, но и обеспечить ей перспективы развития.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что и сама государственная власть не может утвердить свой авторитет, если она не опирается на систему национально-государственных интересов, понятых, принятых и одобренных большинством народа. Только государственная власть, опирающаяся на общенациональные интересы, способна проводить консенсусную политику внутри страны и адекватно реагировать на глобальные угрозы, возникающие на международной арене.

Характеризуя процесс определения национально-государственных интересов Беларуси, важно учитывать два принципиальных момента.

Первый заключался в том, что национально-государственные интересы Беларуси не были построены на абсолютизации рынка, тотальной приватизации, либерализации цен и разгосударствлении собственности безотносительно к интересам общества и личности, без учета интересов последующих поколений.

Второй момент заключался в необходимости увязки национально-государственных интересов Беларуси с социально ориентированной экономикой, с ее опережающей модернизацией на основе новейших наукоемких технологий, наличием широкого ассортимента товаров массового потребления и социальной защищенности граждан. Такое понимание сущ-

ности национально-государственных интересов Беларуси предполагало консолидацию в рамках СНГ, взаимовыгодное вхождение Беларуси в мировой рынок. Только такой курс позволяет сделать стабильным и предсказуемым будущее страны, защитить свои национально-государственные интересы и занять достойное место в решении глобальных проблем современности.

В рамках такого курса государственные и общественно-политические структуры должны решать следующие задачи:

- создавать благоприятные условия для сохранения и развития фундаментальных ценностей и традиций белорусского народа;
- выявлять возможные угрозы национально-государственным интересам, предупреждать появление кризисных ситуаций и конфликтов;
- защищать интересы как отдельных граждан, так и всего белорусского общества;
- формировать общественное мнение в духе признания политики национальной ответственности и расширения возможностей человеческого развития, добиваться межнационального и межконфессионального согласия;
- требовать четкой и слаженной деятельности органов власти и управления, искоренять служебную безответственность и некомпетентность государственных служащих;
- бороться с коррупцией, бюрократизмом, нелегальным бизнесом, организованной преступностью, терроризмом и другими глобальными угрозами современности;
- обеспечивать взаимодействие и учет интересов личности, общества и государства.

В условиях современного, быстро меняющегося мира, идет процесс расчленения стран именно по уровню технологического и экономического развития в связи с информационной революцией. В этом плане очень важно, чтобы Беларусь заняла свое достойное место в глобализирующемся мире на новой технологической и социально-политической основе. Возможности Беларуси для инновационного развития довольно значительны как за счет географического положения, так и за счет созданной еще в советское время производственной инфраструктуры и высокого интеллектуального потенциала.

Национально-государственным интересам Республики Беларусь отвечает осуществляемый принцип государственного регулирования экономики, прежде всего стратегически важных отраслей и производств. В рамках реализации данного принципа важно провести преобразования в экономической структуре воспроизводства, найти оптимальное соотношение форм собственности, распределения, рыночного и вне рыночного секторов. Подобная политика полностью вписывается в тенденции современного мирового развития.

Национально-государственные интересы нельзя основать на сугубо частном интересе. Дело в том, что частный интерес стремится к привилегиям, а общий – к равенству. Сущность национально-государственных интересов как раз имеет своей предпосылкой общий интерес.

В этом смысле те политические системы, которые основываются на частном интересе, т. е. принципах либерализма, подменяют общий интерес интересом меньшинства и по сути своей не имеют подлинно национально-государственных интересов. В этом и заключается специфика западной политической системы, когда правящие группы под видом национально-государственных интересов подсовывает своему обществу свои интересы.

В международном плане такая политика входит в противоречие не только с интересами западных стран, но и с интересами большинства граждан в самих западных государствах. Ибо подлинно национально-государственные интересы одних стран не противоречат национально-государственным интересам других стран, поскольку как общие интересы, они основываются на принципе равенства. Отсюда должно быть понятно, что неолиберальная модель объективно противоречит как интересам мирового сообщества в целом, так и национальным интересам тех стран, которые основывают свою государственную систему на частном интересе.

Природа национально-государственных интересов определяется не только реальным соотношением сил в данный исторический момент, но и накопленными в ходе исторического процесса представлениями о мире, ценностями, образцами поведения. Анализируя национально-государственные интересы, надо учитывать не только социально-экономические интересы и действующие силы, но и устойчивые, нормативные образцы поведения, весь исторический опыт прошлого. Путь формирования национально-государственных интересов Республики Беларусь как раз и основан на духовных традициях и исторически сложившемся укладе жизни белорусского народа, на научно обоснованном использовании в первую очередь интеллектуальных ресурсов страны, сильной и эффективной государственной власти.

Национально-государственные интересы как центральное явление мира политики могут рассматриваться в то же время как часть мира культуры. Это позволяет избежать схематизации национально-государственных интересов и особенно политической практики как результата сугубо политических отношений и, наоборот, раскрыть связь национально-государственных интересов и морали, обычаев, традиций, менталитета. Разнородность культур во времени и пространстве позволяет понять, почему некоторые типы национально-государственных интересов, соответствующие одним условиям, остановились в развитии в других условиях. В сфере национально-государственной жизни особое значение придается различиям, вытекающим из своеобразия национальных культур и национального характера.

Национально-государственные интересы должны быть прогнозированы и избавлены на длительную перспективу от сиюминутных изменений. Наряду с тенденциями суверенизации и автономизации социально-политической жизни отдельных народов в мировом сообществе все же преобладают интеграционные процессы.

М. А. Дедюлина

*(Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
dedyulina72@mail.ru)*

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИУМЕ

В современной гуманитарной науке все чаще встречается понятие «идентичность». Это не случайно в результате системного кризиса в мировом сообществе усиливается интерес к проблеме выбора, самовыражения. Если в индивидуалистических культурах свобода самовыражения и выбора традиционно ассоциируется с проблемой личностной идентичности, то в коллективистских культурах, например в Китае и Японии, требуется установление взаимосвязанных отношений с другими людьми. Какое содержание вкладывается в понятие «идентичность»? Согласно определению А. Турена, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта» [1, с. 360], следовательно, идентификация – это процесс эмоционального и иного самоотождествления индивида, социальной группы с другим человеком, группой или образцом, интериоризации занимаемых социальных статусов и освоения значимых социальных ролей. В нашем исследовании нас будет интересовать проблема этнической идентичности. Этническая идентичность является частью социальной идентичности. Можно сказать, что идентичность – символическое средство объединения с одними и дистанцирования от других. Однако, по нашему мнению, необходимо еще раз подчеркнуть, что позитивная идентичность – это, прежде всего, осознанная общность с позитивно значимыми другими (с «мы»), без жесткого противопоставления «мы» – «они». Архетипическая оппозиция «мы – они» лежит и в основе этнического самосознания, этнических отношений. Следует особо отметить, что дефиниции «этноса», «этничности» дается многими исследователями через понятие «групповой идентичности». Так, Л. Н. Гумилев, определяя этнос, писал: «...это коллектив особей, выделяющих себя из всех прочих коллективов... Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет» [2, с. 122]. С данной точкой зрения соглашается З. Сикевич: «...под этничностью мы понимаем особое констан-

тное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве» [3, с. 7–8]. В этом смысле под этнической идентичностью понимается «...субъективном символическом или эмблематическом использовании некоторых аспектов культуры для того, чтобы отличать себя от других групп» [4, с. 16]. Поскольку для осознания этнических различий «помимо простой перцепции необходимы более сложные механизмы социокультурной идентификации и межпоколенной передачи информации, поэтому формирование этнической константности ...завершает процесс поэтапного осознания неизменности основных психосоциальных характеристик» [5, с. 1, 2, 4]. Вышеназванная проблема широко обсуждается социологами по причине того, что этнические группы имеют «врожденную» склонность различить себя между «своими» и «чужими», очерчивать социальные границы и разрабатывать стереотипы относительно «чужих» чтобы удерживать и выравнивать эти границы. По всей вероятности К. Маркс и Энгельс, правильно, полагали, что универсальными критериями дифференцирования являются: пол, возраст и внутренне внешнее различие. Но если, с другой стороны, мы изучаем и осознаем этническую идентичность можно предположить, что она может быть характерна для специфического вида общества, в связи этим не может быть расценена как неисторическое и универсальное явление.

В исследовании этой проблемы, начнем продвигаться, используя теоретические и метатеоретические концепции анализа этнической идентичности, начинающейся в монографии Ф. Барта «Этнические группы и границы» [6, с. 9–38], которая с точки зрения нашего исследования представляет самую ясную защиту неисторической концепции этнической идентичности. В этой работе он отвергал прежде широко распространенное экзистенциалистское представление этнической идентичности. Он также проясняет, что этнические явления применимы только к гуманистическому социуму, а не к любому другому виду общества. Он показывает, что общества могут быть полиэтничными и, что границы обществ не могут быть только очерчены относительно численности, а также могут быть и «проницаемые» в смысле, того люди могут постоянно переселяться в другое общество (то есть другую этническую группу). Тем не менее, проблема межэтнических отношений здесь практически не исследуется. Этническая идентичность, таким образом, становится, в версии Барта, дефиницией, характерной для любого типа общества или исторической общности [6, с. 75–85]. Этнической идентичность, проанализированная А. Коэном [7, с. 123], отличается от дефиниции Барта, в этом отношении. Если Барта можно назвать умеренным реалистом, то Коэн утверждает, что он – совершенный номиналист, поэтому для него, этническая идентичность не является ни

больше, ни меньше чем полезная эвристическая концепция. Он идентифицирует этническую идентичность с процессами посредством чего «группы некоторых интересов, эксплуатируют части их традиционной культуры, чтобы соединить неофициальные организационные функции, которые используются в борьбе этих групп для силы, власти и давления» [7, с. 91]. В отличие от Барта, Коэн опирается на структурно-функционалистское объяснение, применяя ее как общую сравнительную структуру, в которую он помещает, при некоторых исторических и политических обстоятельствах, эмпирические явления, такие как этническая идентичность. Эта логика также очевидно просматривается и в этнографических исследованиях А. Коэна, например креолов во Фритауне. Итак, принимая во внимание, что этническая идентичность появляется, как естественное социальное явление и сведено к состоянию исторического обусловленного явления у Барта, а у Коэна – другими словами, как часть общества при исследовании. Очевидно, что вышеперечисленные точки зрения совпадают относительно этнической идентичности. Конструктивизм и, в частности А. Эпстейн в работе «Этнос и Идентичность» отметил кардинальные сдвиги в изучении этнической идентичности. Принимая во внимание, что Барт и Коэн неявно соглашаются, что этническая принадлежность своего рода политика, Эпстейн привлекает в исследование тождества этнической принадлежности больше чем политическое измерение. Он полагает, что «Мы должны дополнить обычные социологические перспективы, обращая особое внимание на природу этнического тождества» [8, с. 5]. Эпстейн, также как Коэн, изучает этническую идентичность в значительной степени как явление современности. Его исследования, Полинезии и современной еврейской диаспоры, показывают, что формирование этнических тождеств находится в пропорциональной зависимости от социально организованной связи культурной идентичности, которая составляет этническую принадлежность, и обуславливается территориальной идентичностью, которая в результате современных миграционных процессов постоянно изменяется. Проблему этнической идентичности нельзя сводить к поиску отдельных особенностей того или иного региона (в истории, политическом устройстве или иных сферах могут быть найдены достаточно легко). Для существования региональной идентичности нормы, регулирующие и обеспечивающие ее, должны быть сильнее общенациональных норм или сопоставимы с ними по своему влиянию. Кроме того, идентичность должна иметь некоего «оппонента», против которого она направлена (политически, культурно и т. д.).

Список литературы

1. Touraine, A. Production de la societe / A. Touraine. – Paris, 1973. – P. 360.
2. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Л., 1990. – С. 122.

3. Сикевич, З. В. Этнический фактор в политических процессах современной России: дис. ... д-ра социолог. наук / З. В. Сикевич. – СПб., 1996. – С. 7–8.
4. Ethnic identity / ed. by M. E. Bernal, G. P. Knight. – Albany, 1993. – P. 16
5. Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: материалы междунар. симп., 24–25 мая 1996 г. – М., 1996. – С. 1, 12, 14.
6. Barth, F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / F. Barth. – Oslo, 1969. – P. 9–38; Barth, F. Models of Social Organization / F. Barth. – London: RAI Occasional Papers, 1966. – № 23.
7. Cohen, A. Urban Ethnicity / A. Cohen. – London: Tavistock, 1974. – P. IX–XXII.
8. Epstein, A. L. Ethos and Identity: Three Studies in Ethnicity / A. L. Epstein. – London: Tavistock, 1978.

Л. В. Довыденко

*(Санкт-Петербургский университет управления и экономики
Калининградский филиал, г. Калининград, Россия, dovidenko_l@mail.ru)*

КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ СОЗНАНИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Когда мы говорим о культурной интеграции, то предполагаем состояние внутренней целостности культуры и процесс, результатом которого является взаимосогласование, соответствие между культурными нормами и реальным поведением носителей культуры, взаимное приспособление друг к другу. В то же время заблуждением было бы рассматривать культуру как статичную и неизменную, поэтому постоянно возникающая рассогласованность – важнейший фактор культурной динамики. Носители культуры принадлежат к разным социальным группам, занимают неодинаковое общественное положение, имеют неравные социальные статусы, поэтому создают разные виды культур. Это явление, называемое культурным плюрализмом, чревато катастрофой и гибелью народа при игнорировании тех процессов, благодаря которым разрозненная сумма индивидов одной национальности превращается в качественно новое формирование – единый народ, обладающий собственной культурой. Картина современного мира характеризуется падением статуса национального государства, управляемого законами универсального «глобального рынка», приводящего к такому понятию как «зависимость». «Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей» [1, с. 115]. З. Бауман говорит о рабстве, в которое попала западная цивилизация: «В потребительском обществе все является вопросом выбора, за исключением навязчивого желания выбирать, – навязчивости, которая превращается в

пристрастие и больше не воспринимается как навязчивость» [2, с. 81]. Международные взаимоотношения сегодня все больше поражает яд «цивилизационной исключительности и превосходства» западного либерализма, вынуждающего представителей других цивилизаций искать способы сохранения своей культурной идентичности, что демонстрирует, например, исламская цивилизация, проявляя устойчивость к внешнему культурному и ценностному воздействию. Всплеск исламского фундаментализма – это реакция на экспансию и навязывание западных ценностей, чуждых ей. Как полагает Э. Гидденс, фундаментализм – ответная реакция на глобализацию [3, с. 64]. Что касается России, то масштабные трансформации последних двух десятилетий отразились на самосознании людей, их идентичности в разнородностях. Идентичность в России – конгломерат региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. В современных условиях она достаточно кризисна: в ней соединены традиционалистские и модернизационные тренды.

Если обратиться к истории культуры, то можно сделать вывод о том, что в результате войн и революционных конфликтов в первую очередь страдала культура, прерывалась духовная традиция. Оскудение духовно-нравственной составляющей общества и государства, кризис мировоззрения приводят к особенно угрожающей ситуации в современном мире, уже не отдельной культуре или народу, а всему человеческому роду. С позиций долговременной социокультурной перспективы при поддержке великих религий представителям мирового гуманистического сознания – мировой интеллигенции, необходимо, опираясь на человека, взыскующего смысла, разоблачать антигуманную сущность вестернизации-глобализации. Необходима мировоззренческая переориентация, выявление с новой силой извечных ценностей, которые присутствуют во всех духовно-культурных традициях народов, населяющих Землю. Развитием техники глобальные проблемы не могут быть разрешены. Не всегда человек оказывается способным духовно преодолеть нечеловеческие условия своего существования и сохранить в себе личность, неискаженное мировоззрение.

Диалог культур – наиболее продуктивная парадигма современности – предполагает равенство культур, взаимную информированность и открытость, когда ее носители могут, не владея культурными кодами, знать их содержание, могут, не разделяя ценностей друг друга, знать их базовые компоненты, демонстрируя стремление к пониманию друг друга. Высокие ценности мировых культур естественным образом воспринимаются всем мировым сообществом: русский балет, французский импрессионизм, итальянское оперное искусство, немецкая философия, русская литература XIX века. Условием эффективного взаимодействия людей становится именно сфера культуры: общая сакрализуемая история, искусство, как источники жизненной, нравственной силы, нивелирующей логику вражды, предотвращающей противостояния между народами.

XX век стал не только веком войн, терроризма и геноцида, но и веком науки, которая является не только мощным инструментом в руках человека, но и силой, объединяющей человечество. Но здесь следует выделить следующий момент. Казалось бы «стремление верить было заменено партийностью», религиозное мышление и научное мышление взаимно друг друга исключали. Но человечество подошло к глубокому синтетическому разрешению этого конфликта на данном этапе развития человеческого сознания. Физические явления и внутридушевные различаются, но теоретики увидели аналогию в понятийном охвате явлений, наблюдаются ли они в лаборатории или в глубине собственной души.

В этом направлении сделала качественный рывок русская религиозная философия. С. Л. Франк подчеркивал, что его исследования не ставили целью обанкротить рациональное знание, это было бы ложное и вредное направление, но, опираясь на понятие реальности как нечто большее и иное, что уже постигнуто, философ сделал выводы о том, что и человек есть нечто большее, чем мы думаем, что мы сильнее, чем думаем о себе. Драматический конфликт между наукой и религией Франком, как и другими учеными, был снят. Научная мысль охватила всю планету, все государства. Однако пока человечество не выработало нравственные и духовные качества, которые соответствовали бы его планетарной роли. Человечество вошло в новую реальность, когда политики наступают на пятки ученым, чистым рационалистам, потому что отдельные силы науки реально угрожают существованию планеты, научные открытия и достижения несут новые угрозы человечеству. История затаила дыхание, и философии необходимо дать ответ на то, что отказ от *составляющей веры* в мировоззрении и миропонимании влечёт за собой их ущербность, неполноту, ограниченность. Мир не есть только то, что он из себя представляет, он есть и то, чем мы сами способны его представить, противопоставив творчество, иррациональное воображение, истинную любовь – опустошению душ, их абсолютной исчерпанности.

Сегодня ученые ставят вопрос о том, что такое образ мира и как он отражается в нашем сознании. Как пишет Б. Кригер, «самым существенным элементом в системе культуры является мировоззрение» [4, с. 32]. Если мы обладаем целостным мировоззрением, мы понимаем, что являемся частицей природы и Космоса. Мы одновременно и творения, и создатели Космоса. Тогда мы понимаем не только свою ответственность, но также осознаём свою неповторимую ценность создателей. Холистическое мышление даёт нам обширные перспективы, поскольку позволяет преодолеть тесные материалистические границы, очерченные редуccionистским подходом, который распространился в быденном мышлении, подсаживая удобное оправдание человеческой безответственности. В нашем актуальном познании действительности всё более выдвигаются на передний план заново сформулированные органицизм, партиципизм, холизм.

Уже на рубеже XIX и XX веков оформилось русско-славянское философское течение – космизм. Оно априори утверждало органическое единство всего со всем. То, как мы понимаем мир, имеет влияние и на наши этические принципы. Существенно то, поняли ли мы в нашей познавательной позиции по отношению к Миру принцип собственного участия в жизненном процессе, в эволюционном процессе, а потому и ответственность за форму нашей жизни.

Список литературы

1. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества / З. Бауман. – М.: Весь мир, 2004.
2. Бауман, З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008.
3. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004.
4. Кригер, Б. Откроем заново смысл человеческой миссии / Б. Кригер // Свет славянский: сб. – Варшава, 2011. – С. 32.

С. С. Давыденко-Кучинская

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь)

Н. П. Лапицкая

(Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, Беларусь)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ВТОРИЧНЫХ СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ

Проблема государственной экологической политики в области вторичных сырьевых ресурсов является весьма актуальной в Республике Беларусь и связано это с тем, что решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств 2013 год был годом экологической культуры и охраны окружающей среды в Содружестве Независимых Государств. Поэтому формированию государственной политики в области вторичных сырьевых ресурсов уделялось и уделяется в 2014 году особое внимание.

Социальные параметры развития общества, политическая стабильность общественных систем, рациональное использование сырьевых ресурсов в государстве – это важнейшие показатели эффективности государственного управления. Проблемы управления всегда тесно связаны с проблемами экономики, политики, власти, государства, права, экологической безопасности страны. Такая взаимосвязь способствует эффективному решению проблем связанных с улучшением экологического клима-

та в государстве, которое является главным субъектом управления, главным политическим институтом общества.

Механизмы государственного управления тесно переплетаются со всеми сферами общественной жизни и для Республики Беларусь, как и для всего мирового сообщества, важно решение проблем связанных с экологией, переработкой вторичного сырья. В этой связи 22 июня 2009 г. вышел Указ президента Республики Беларусь № 327 **«О Государственной программе сбора (заготовки) и переработки вторичного сырья в Республике Беларусь на 2009–2015 годы»** (изменения и дополнения).

Беларусь в числе восьми стран (Беларусь, Казахстан, Россия, Кыргызстан, Монголия, Грузия, Германия и Черногория) подписала в Астане к Году экологической культуры и охраны окружающей среды в СНГ Хартию о программе партнерства «Зеленый мост». В работе конференции приняли участие главы природоохранных ведомств стран Европейского союза, Центральной Азии и других сопредельных государств, представители международных организаций и частных компаний, государственных органов Казахстана, а также международные эксперты в области экологически чистой энергии и «зеленого» роста. Основное направление программы партнерства «Зеленый мост» – международное сотрудничество для обеспечения «зеленого» экономического роста, посредством передачи технологий, обмена знаниями и обеспечения финансовой поддержки для реализации инвестиционных проектов в Центрально-Азиатском регионе.

Сфера экологической политики очень важна и необходима для всего мирового сообщества. Крайне важны и необходимы целевые государственные программы по поощрению безотходных и закрытию грязных производств, подготовки специалистов в области экологии. Государство регулирует важнейшие для общества области: налоговую систему, систему здравоохранения, социального обеспечения, но очень важно и необходимо стремиться к тому, чтобы в государственной экологической политике более активную роль играла общественность в виде «зеленого движения». Необходимо формировать экологическое сознание, экологическую культуру, экологическую этику, которые должны стать потребностью каждого человека. Это будет способствовать экологической безопасности, занятости, а также использованию вторичных сырьевых ресурсов.

В связи с тем, что государственная политика в области вторичных сырьевых ресурсов в Республике Беларусь является одной из самых актуальных задач на современном этапе, в Директиве Президента Республики Беларусь № 3 акцент на более полном использовании в производстве вторичных ресурсов, нуждающихся в особом внимании и контроле со стороны государственных структур и организаций занимающихся их заготовкой. Для современной инфраструктуры актуальной является проблема заготовки вторичных сырьевых ресурсов и их переработки. Для мно-

гих стран вопросы переработки сегодня не так остры, как вопросы корректного и рационально сбора.

Большая роль в заготовке и переработке вторичных сырьевых ресурсов отводится потребительской кооперации. Свой вклад в использование сырья и отходов производства вносят перерабатывающие предприятия, учреждения и опытные производства системы потребительской кооперации по переработке отслуживших свой век бытовых и промышленных изделий.

Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко определены главные принципы государственной политики страны в области экономии вторичных сырьевых ресурсов: принцип планомерности; последовательности; постепенности и преемственности.

Государство придерживается курса не менять устоявшиеся механизмы и традиции, совершенствует отдельные грани проводившейся ранее политики с целью придания ей большей эффективности и последовательности.

В целях систематизации и более эффективного вовлечения вторичных ресурсов в Государственной программе определены основные направления работы и первоочередные мероприятия по предотвращению загрязнения окружающей среды при обращении с отходами и использованию их в качестве вторичных материальных ресурсов, задания по сбору вторичного сырья. Программой социально-экономического развития Республики Беларусь технологической проблеме утилизации отходов производства и потребления уделяется должное внимание [3].

Показателен в этом отношении и опыт Германии – страны с высоким уровнем жизни (чем выше уровень жизни, тем больше мусора производит человек). Жители Германии это осознают, стараются компенсировать, сортируя мусор, стараются экономить, перерабатывать уже использованное сырье, коль это обходится дешевле. Аптеки принимают просроченные лекарственные препараты, использованные батарейки и энергосберегающие лампочки можно сдать в специальный приемный пункт в супермаркетах. Жители платят несколько сот евро в год за вывоз мусора. За незаконный вывоз мусора налагается штраф. Их опыт может служить примером для стран, начинающих развивать мусороперерабатывающую отрасль.

В 1990 г. в стране была введена дуальная система (DSD – Dual System Deuchland), (частной компанией): весь мусор делится на две группы:

- первая – мусор, рассортирован по виду материалов, из которых он сделан (для его сбора устанавливаются специальные баки);
- вторая мусор, не подлежащий сортировке (например, «тетрапаки» и другие материалы многокомпонентного состава).

ДСД взаимодействует на контрактной основе с различными партнерами: Федеральным союзом немецких предприятий по удалению отходов, и другими предприятиями, которые являются членами Союза коммунальных предприятий; заключает самостоятельные контракты с отдельными городами и с предприятиями по удалению отходов, функционирующими в этих

городах. Плата за отходы устанавливается таким образом, чтобы создавать финансовые стимулы к предотвращению образования отходов и реализации их отдельного сбора. В 1993 г. в Германии был принят закон об отходах от упаковки. Производители отвечают за судьбу упаковок своей продукции, что сократило число поступлений использованной тары на свалки. За «трудно-утилизируемые» упаковки производителю платить невыгодно. Кривая повторного использования материалов в Германии резко поползла вверх с 12 % в 1986 г. до 86 % в 2007 г. Сбор пластика увеличился примерно в 20 раз.

Второй очень важный закон – закон об обработке тары. Многие фирмы начали производство компьютерных коробок и простых материалов без использования клеев, красок или композитных материалов, что облегчает вторичное использование тары. Производители автомобилей и телевизоров все чаще создают свою продукцию с учетом их легкой разборки. Появилась концепция «Промышленного симбиоза», когда неиспользованные ресурсы одного предприятия становятся сырьем для другого предприятия, из другой области производства. До 2005 г. в стране действовал закон, разрешающий вывоз переработанных отходов на свалки. Сейчас вывозятся на свалки отходы, которые содержат сухого вещества не больше 5 %, что создает условия для предприятия сжигания. Аналогичные законы приняты в Австрии, Франции и Бельгии. Страны Евросоюза подписали соглашение, в рамках которого особое внимание уделено:

- профилактике образования отходов;
- внедрению малоотходных и безотходных производств;
- вторичное использование материалов;
- рециклинг производственных отходов;
- регламентирована конечная утилизация отходов с целью ее оптимизации;
- введены повышенные требования безопасности к транспортировке производственных отходов;
- ведутся работы по восстановлению экологии;
- введены в стандарты на качество продукции экологических параметров;
- ведутся мероприятия по развитию рынка переработанных отходов с целью увеличения объемов переработки и сокращения производства отходов на предприятиях.

Приоритетным способом утилизации отходов является метод восстановления ресурсов, т. е. сбора, сортировки, подготовки отходов различных видов для последующей рециркуляции (повторного использования). В мире наиболее высокий уровень рециклирования наблюдается по таким ресурсам как бумага, стекло, алюминий. На практике используется три вида рециклинга:

- первый – относится к отходам потребления (если отход – бутылка – сохраняет свое качество, он может использоваться вторично;

- второй (прямой рециклинг) – переработка для производства новых бутылок;

- третий (косвенный рециклинг) – это применение отхода, потерявшего форму и качество для переработки в такой же продукт, для получения других материалов (производство картона из макулатуры).

Актуальные вопросы современной инфраструктуры это проблема утилизации мусора, проблема получения и переработки вторичного сырья. Особо острым является вопрос корректного и рационального сбора мусора. Вторичное сырьё нуждается в особом внимании и контроле со стороны государства. Республика Беларусь наработала определенный опыт в использовании вторичных сырьевых ресурсов, используется опыт других государств. Правительственная делегация Беларуси в период с 16 по 19 июля 2013 г. совершила визит в Германию и Австрию. Strabag показал белорусским чиновникам переработку отходов в Германии и Австрии.

Руководители органов государственного управления и государственных организаций ознакомились с работой ряда объектов по сбору и переработке твердых бытовых отходов, построенных концерном Strabag и холдингом АТЕС. Они позаимствовали опыт Германии и Австрии по организации системы сбора вторичных материальных ресурсов и их дальнейшего вовлечения в хозяйственный оборот. Ознакомились с передовыми технологиями переработки твердых коммунальных отходов с последующим получением биогаза и альтернативного топлива для работы цементных заводов. Белорусские чиновники также провели переговоры с целью продолжения сотрудничества и реализации совместных проектов с Strabag в сфере переработки твердых коммунальных отходов и получения альтернативных источников энергии. Есть необходимость активизации сотрудничества и привлечения концерном иностранных инвестиций, иностранных кредитов для реализации проектов на территории Беларуси. Strabag является одним из ведущих строительных концернов в Европе с годовым оборотом более 13 млрд евро. В Беларуси работает с 2007 года. Австрийцы уже *ввели в эксплуатацию* мусороперерабатывающий завод в Бресте, создали инжиниринговый и производственный центр для выпуска оборудования в Минске. Strabag также *имеет контракт* на сумму 28 млн евро на строительство биогазовых установок под Минском [7].

В стране существует двухкомпонентная система сбора мусора – это контейнеры для раздельного сбора, в который входят такие компоненты, как бумага, стекло, металл, пластик, и контейнеры для смешанных органических отходов. Агитация среди населения за раздельный сбор должна проводиться не только на уровне социальной рекламы. Для выработки полезной привычки в самом менталитете жителей республики необходимы экономические стимулы. Необходимо внедрение на уровне воспитания в программу обучения и систему образования информации о правильном обращении с мусором. Целесообразно внедрять меры материально-

го стимулирования за сдачу сортированного мусора населением в виде сниженной оплаты услуг КУП «Спецкоммунтранс». Условия для раздельного сбора мусора в Республике Беларусь создаются.

Основные мировые тенденции таковы, что из мусора нужно учиться извлекать максимум пользы и прибыли. Китай ежегодно закупает в США бытовой мусор на 1 млрд долларов, а выпускает продукцию из этих отходов на 4 млрд долларов и продает ее по всему миру.

В Республике Беларусь сдерживающими факторами в сборе основных видов вторичных материальных ресурсов являются:

- недостаточное количество и нерациональное расположение приемных пунктов;
- низкие закупочные цены на вторичные материальные ресурсы;
- недостаточное оснащение организаций, осуществляющих сбор, заготовку и сортировку вторичных материальных ресурсов, специальной техникой и оборудованием.

Очевидна острая потребность в новой реальной экологической политике во всех ее проявлениях: регион – страна – человечество. Природа – это храм, который необходимо беречь, чтобы мог в нем существовать современный человек и другие поколения. И тут уместно было бы привести строки белорусской поэтессы Виктории Смирновой, которая утверждает: «Вся зелень – это ключик первозданный, и если он исчезнет, я умру». То есть в стихах В. Смирновой мир человека органично включается в мир природы, то есть они сплавляются в единое нераздельное целое в памяти ума и сердца поэтессы, в ее мыслях и чувствах. Она поэтическим языком разъясняет, что священный долг каждого человека оберегать родную природу, то есть сберечь эту воздухотворящую «зелень» без которой как без воздуха – мы умрем [4, с. 4, 274].

Список литературы

1. Государственная программа сбора (заготовки) и переработки вторичного сырья в Республике Беларусь на 2009–2015 годы: Указ Президента Республики Беларусь от 22.06.2009 г. № 327.
2. Закон Республики Беларусь «Об обращении с отходами»: Указ Президента Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-3.
3. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг.: Указ Президента Республики Беларусь от 11 апреля 2011 г. № 136.
4. Смирнова, В. Н. Ветер времени: стихи / В. Смирнова. – Минск: Ковчег, 2011. – 308 с.
5. Патыко, А. Отходы – стихия управляемая / А. Патыко // Республика. – 2007. – № 19. – 17 мая.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/ru/content/5069>.
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.tut.by/economics/359474.html>.

Э. К. Дарашэвіч

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск,
Беларусь, engelsk@narod.ru)

ФАЛЬКЛОР У ТЭЗАЎРУСЕ КУЛЬТУРЫ

Неабходнасць вывучэння каранёвых форм культуры, якія стыхійна склаліся, праіснавалі тысячагоддзі і паспяхова выканалі галоўную функцыю культуры (функцыю *задавальнення фізічных і духоўных запатрабаванняў этнасу як біясацыяльнай сістэмы*), неаднаразова падкрэслівалася шэрагам навукоўцаў. У гэтым кантэксце даследаванні фалькларыстаў і этнічных антрапологаў раўняюць з вывучэннем універсальных форм чалавечай гісторыі [7, с. 5]. І сапраўды, фалькларысты даследуюць асобныя *каранёвыя формы арганізацыі мыслення і паводзін* – асобныя традыцыйныя культуры.

У XXI стагоддзі відавочна, што традыцыйныя культуры сябе гістарычна спраўдзілі – праіснавалі пэўны (вельмі працяглы) час, дастатковы для таго, каб стаць спадчынай, перадаваемай паміж пакаленнямі з нагоды сваёй каштоўнасці для супольнасці. Многія элементы вясковых еўрапейскіх культур увайшлі ў светапогляд і паводзіны гараджан і невынішчальныя з іх культуры, бо ахоўваюць псіхічнае і фізічнае здароўе чалавека, бароняць яго ад стрэсаў, адзіноты, канфліктаў з сабою і ўласным асяродкам. Французкі геній XX стагоддзя Ренэ Генон папярэджваў, што традыцыяй можна лічыць *не ўсялякае перайманне, а перайманне таго, што вартае пераймання* [2, с. 46]. Таму кожная вывучаная традыцыя (і яе мадыфікацыя, развіццё, сінтэз з сучаснасцю), бяспрэчна, прапануе нешта карыснае для гістарычнага вопыту і стратэгіі выжывання чалавецтва ўвогуле.

Асэнсаванне спадчыны традыцыйнай культуры, пошук форм яе інтэграцыі ў сучаснасць – актуальная тэарэтычная і практычная праблема для еўрапейцаў XXI стагоддзя, якія з увагай глядзяць на Усход, што дэманструе жыццяздольны сінтэз традыцый і мадэрнізму (Японія, Карэя, Кітай, Індыя, Арабскія Эміраты), які вядзе ўсходнія нацыі да эканамічнага і культурнага дамінавання ў свеце. Эдвін Тофлер у творах «Трэцяя хваля» і «Футуршок» адзначае: выйсце з культурнага крызісу Захаду – вяртанне да глыбіннай спадчыны яго культуры. Даследчык падкрэслівае, што такія інтэнцыі актуальныя нават у ЗША (краіне поліэтнічнай, чыя культура сфарміравана пераважна на аснове касмапалітызму і мадэрнізацыі), бо толькі традыцыі ўпарадкоўваюць інавацыі (колькасць якіх імкліва-бескантрольна нарастае), і толькі традыцыі здольныя паменшыць «шок ад інавацый культуры», якім адзначаная мяжа XX і XXI стагоддзяў.

Сёння немагчыма культурная спадчына – помнікі фальклору – запатрабаваныя грамадствам на новым – глабалізацыйным – «вітку» яго развіцця. Фальклор вабіць увагу і вузкага кола даследчыкаў, і прадстаўні-

коў буйных сацыяльных рухаў (традыцыяналістаў, футуролагаў, аматараў поп-арту і авангарду), якія часам паўстаюць і ў якасці вытворцаў ці спажывцоў твораў мастацтва, заснаванага на традыцыйных формах. Даследчыкі амаль адзінагалосна сцвярджаюць, што фальклор – праграмная аснова ўсёй гуманістычна арыентаванай сусветнай мастацкай культуры, крыніца асобных нацыянальных мастацкіх традыцый, увасабленне самасвядомасці народаў.

Увогуле, калі весці гаворку пра актуальнасць даследавання фальклору, традыцыйнай культуры ў XXI стагоддзі (стагоддзі «інфармацыйнага выбуху» і глабалізацыі), варта памятаць, што аснова гуманізму і людскасці – т. зв. агульначалавечыя каштоўнасці – не універсальныя, яны створаны ў культурах асобных народаў, а, як сцвярджаюць этнографы: «...кожны фрагмент сусветнай культуры належыць усяму чалавецтву цалкам, таму шкодных ведаў няма, як няма і бессэнсоўнага мастацтва» [1, с. 26]. Практычныя намаганні па дасягненні пэўнай мэты, як вядома, ад пачатку (калі ставяць дасягальныя мэты) павінны быць добра змадэляванымі, падрыхтаванымі тэарэтычнымі выкладкамі, таму гісторыкі культуры і эстэтыкі лічаць, што: «Сёння, як ніколі раней, важнае значэнне набывае агульная тэорыя фальклору, якая магла б стаць навуковай асновай для практычнай фалькларыстыкі, запраграмаванай на адраджэнне народнай творчасці» [4, с. 61].

Суквешце культур сучаснасці, ды і чалавецтва ўвогуле даследчык, узброены дасягненнямі тэорыі фальклору, бачыць як з’явы, пранятых тонкім павуціннем наступстваў традыцыйнага светаўспрымання, паводзін і артэфактаў. А ў гэтых дасягненні, сярод іншых, уваходзяць канцэпцыі энцыклапедычна гуманітарна і натуральна-навукова адукаваных Клода Леві-Строса, Мірчы Эліядэ, Яўгена Гіпіуса, Барыса Пуцілава, іншых тытанаў народазнаўства XX стагоддзя, аўтарытэт якіх аспрэчваць бессэнсоўна. Таму традыцыйнай культуры наканавана існаваць (у тым ці іншым выглядзе) і ў XXI стагоддзі. Наколькі тонкай і стромкай будзе гэтая «абмотка» традыцыі, і ці стане яна «каркасам» будучыні – сёння мы можам толькі прагназаваць, але большасць паслядоўных аналітыкаў усё ж ўскладае свае надзеі і спадзяванні на постфальклор і традыцыяналістычныя сацыяльныя рухі.

Постфальклорныя з’явы з цягам часу (згодна з уласным генезісам і зместам) маюць тэндэнцыю вяртання да аўтэнтчных форм, максімальна набліжаных да традыцыі. Бяспрэчна, што ў традыцыяналізме заўсёды ёсць моцная альтэрнатыва бессістэмнай мадэрнізацыі і падпарадкавання авантурнаму футурызму. Так гучаць меркаванні людзей, якія ўзважваюць свае словы і прадстаўляюць перакананні буйных супольнасцяў і нават сусветных канфесій. Згодна з меркаваннем папярэдняга першасвятара католікаў: «Мэтай усіх сучасных рухаў за свабоду ... з’яўляецца «быць як Бог», г. зн. ні ад каго і ні ад чаго не быць у залежнасці. Свабода ж чалавека – гэта раздзеленая свабода, свабода ў сумесным быцці свабод, што узаемна абмяжоўваюць і нясуць адно аднаго» [5, с. 31]. Без сумніву,

апошняя надзвычай блізка стаіць да светапогляду носьбітаў традыцыі, якія (адпаведна даследаванням кагнітыўнай культуралогіі) без паняцця «Мы» не мяркуюць паняцце «Я», але, пры гэтым, застаюцца вольнымі і задаволенымі жыццём. Як правіла, яны дакладна даюць сябе справаздачу, што ў сумеснай прыхільнасці асвечанаму часам завету («Старынушка» завуць яго ўдзельніцы палескай Стралы) – шлях да супольнага жыцця ва ўпарадкаваным, гуманістычным і людскім свеце.

Што тычыцца менавіта тэзаўрусных метадык вывучэння культуры, у тым ліку фальклору, то, з-за недахопу месца, яны тут толькі маніфестуюцца [3; 6].

Спіс літаратуры

1. Бромлей, Ю. В. Культура народов мира глазами этнографов / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный // Глазами этнографов / редкол.: Ю. В. Бромлей (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1982. – С. 3–27.
2. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизике / Р. Генон; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. – СПб.: Азбука, 2000. – 320 с.
3. Дорошевич, Э. К. Тезаурус пограничья (пропедевтика исследования) / Э. К. Дорошевич, К. А. Соколов // Шлях да ўзаемнасці. – Беласток, 2009. – С. 455–458.
4. Конан, У. Эстэтыка і паэтыка фальклору / У. Конан // Выбранае / укл. М. А. Козенкі. – Мінск: Смэлтак, 2009. – С. 470–531.
5. Ратцингер, Йозеф (Бенедикт XVI). Вера – Истина – Толерантность. Христианство и мировые религии / Йозеф Ратцингер. – М.: Библейско-богословский институт Св. апостола Андрея, 2007. – 376 с.
6. Тэзаўрусны аналіз мировой культуры: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. А. Лукова. – М.: Изд-во Моск. гуманитарного ун-та, 2005. – 226 с.
7. Kroeberg, A. L. Configurations of Culture Growth / A. L. Kroeberg. – Berkeley and Los Angeles: University and Los Angeles, 1944. – 882 p.

Е. А. Достанко

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
dostanko@bsu.by)*

УЧАСТИЕ БЕЛАРУСИ В ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Региональные интеграционные объединения оказывают все большее влияние и определяют во многом будущее мирового развития. Такие преимущественно представлены зонами свободной торговли (порядка 40 %), таможенными союзами (около 6 %), увеличивается количество соглашений между развивающимися странами, многосторонних форматов трансатлантического и транстихоокеанского сотрудничества.

Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) вписывается в эту логику, наиболее активно развивается в последние несколько лет, хотя Соглашение о Таможенном союзе было заключено 6 января 1995 года Республикой Беларусь и Российской Федерацией, к которому 20 января 1995 года присоединился Казахстан [1].

Украина стояла у истоков создания ЕЭП « 23 февраля 2003 г. президенты России, Казахстана, Беларуси и Украины заявили о намерении сформировать Единое экономическое пространство, подписав 19 сентября 2003 г. соответствующее соглашение [Заявление президентов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины, 23 февраля 2003 г. // Официальный портал Президента Республики Беларусь] [2].

Беларусь принимает активное участие в евразийских интеграционных процессах, в рамках Союзного государства Беларуси и России, ТС и ЕЭП трех стран, Содружества Независимых государств, Евразийского экономического сообщества, Организации Договора о коллективной безопасности, реализует статус партнера по диалогу в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Строительство Союзного государства продолжается и сейчас, хотя очевидно, что есть и ряд достижений: формируется союзный бюджет, из которого большинство уходит на финансирование союзных программ, кроме того граждане двух стран имеют практически одинаковые возможности для трудоустройства, выбора места жительства, получения образования, медицинской помощи и социального обеспечения. Значимые результаты достигнуты в сфере обороны и безопасности, антитеррористической деятельности, борьбы с преступностью, создана и функционирует региональная группировка войск (сил) Республики Беларусь и Российской Федерации.

Как бы ни критиковали СНГ, но в 1990-е годы Содружество являлось диалоговой площадкой для обсуждения (в том числе и в узком формате) не только проблематики многостороннего сотрудничества, но и решения вопросов двусторонних отношений для большинства бывших республик СССР. В СНГ сохранено технологическое единство транспортной и энергетической инфраструктур, которые работают по унифицированным правилам; в рамках Содружества действуют 72 отраслевых органа, анализ работы которых свидетельствует о том, что большинство из них являются эффективным механизмом многостороннего сотрудничества, способствуют координации совместных действий в жизненно важных отраслях экономики, в социальном развитии, военном сотрудничестве, борьбе с преступностью и терроризмом, гуманитарном сотрудничестве. В 2011 году подписан Договор о зоне свободной торговли, положения которого базируются на нормах и правилах ВТО. СНГ в том числе способствовало возникновению других региональных объединений на своем пространстве.

Значимым являлось подписание Договора о коллективной безопасности, который затем был преобразован в ОДКБ и содействовал созданию национальных вооруженных сил государств-участников, обеспечению адекватных внешних условий для их независимого государственного строительства. Для Беларуси членство в ОДКБ обуславливается значимостью укрепления внешних границ, наращиванием военного сотрудничества, сотрудничеством в противодействии современным вызовам и угрозам.

Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России является для Беларуси экономическим проектом, который не приуменьшает значимости для Беларуси членства в других региональных организациях. Создание Таможенного союза прошло достаточно ровно, хотя присутствует и ряд негативных моментов. Единый рынок товаров существует, интеграция рынков продолжается, но секторальные изъятия (9 групп товаров – нефть, нефтепродукты, газ, автопром, алкоголь, лекарства, табак и др.) и горизонтальные изъятия (из Единого таможенного кодекса, которых сейчас насчитывается более 700), которые отсылают на национальные законодательства, создают серьезные препятствия как для формирования Единого экономического пространства в целом, а в частности – для предпринимателей наших стран. Председатель ЕЭК В. Б. Христенко называл это результатом «недоинтеграции». Действительно, без решения проблем на данном этапе интеграции, движение к Единому экономическому пространству, а затем и к Евразийскому экономическому союзу замедляется естественным образом.

Расширение Таможенного союза и Единого экономического пространства, в последствие ЕАЭС, может состояться, назывались и называются различные страны-кандидаты. Однако возникают вопросы: будут ли формулироваться критерии (по примеру ЕС – политические и экономические)? Будет ли жестко действовать принцип принятия накопленного опыта, а именно взятие страной всех обязательств по Таможенному союзу? Либо будут разрабатываться модели разносторонней, разноуровневой интеграций, создания периодов адаптаций, либо модели ассоциативного членства, партнерства, что в принципе не противоречит «интеграции интеграций». С другой стороны, готовящийся Договор о Евразийском экономическом союзе содержит уже более широкий перечень областей, которые должны быть унифицированы к тому или иному периоду времени.

В настоящее время в ЕЭК находится более 35 заявок на создание зон свободной торговли, решения по которым пока не приняты. Тем не менее, международное сотрудничество ЕЭК укрепляется подписанием меморандумов о взаимодействии – с двумя комиссиями ООН – Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) и Европейской экономической комиссией ООН; а также с Исполнительным комитетом СНГ и Постоянным Комитетом Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь. Планируется разработка

и подписание Меморандума о взаимодействии между Евразийской экономической комиссией и Шанхайской организацией сотрудничества.

Необходимо отметить, что создание Таможенного союза всколыхнуло западную экспертную среду: многими аналитиками отмечается, что ЕС впервые имеет конкурента, имеющего потенциал: с действующим наднациональным органом (ЕЭК), с решениями, имеющими обязательную силу и с собственным судом.

Успех будущего Евразийского экономического союза связан в первую очередь с этапностью прохождения стадий интеграций, принципы которой подсказывает опыт Европейского союза – наднациональность, субсидиарность, конвергенция, принятие накопленного опыта, гибкость принимаемых решений. Кроме того, важна и политическая воля всех участников нашего интеграционного процесса, а также транспарентность, и, возможно, более широкая информационная поддержка принимаемых решений, что будет способствовать осведомленности населения наших стран.

Список литературы

1. Соглашение о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 6 янв. 1995 г. // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/Dogovor_06011995.aspx. – Дата доступа: 05.03.2012; Соглашение о Таможенном союзе от 20 янв. 1996 г. // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tsouz.ru/DOCS/INTAGRMNTS/Pages/Dogovor_20011995.aspx. – Дата доступа: 05.03.2012.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press18767.html>. – Дата доступа: 05.03.2012; Соглашение о формировании Единого экономического пространства, 19 сент. 2003 г. // Информационный портал «Бусел» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://busel.org/texts/cat3ap/id5grwtync.htm>. – Дата доступа: 05.03.2012.

Т. А. Дудкин

*(Военная академия Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
timur1301@mail.ru)*

МЯТЕЖЕВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА И УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ НИЗКОЙ ИНТЕНСИВНОСТИ

Процесс глобального переустройства мира формирует новые тенденции, связанные с угрозами национальной безопасности.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2010 года определяет национальную безопасность как «состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и

внешних угроз» [2]. При этом отмечается, что особенностью современных стратегий политических угроз является «реализация на практике внешних угроз через внутренние источники» [1].

На этом фоне актуальной проблемой современного политического знания является феномен «цветных революций», ставший сложным вопросом для системы обеспечения национальной безопасности, так как именно с помощью этого инструмента реализуются внешнеполитические цели внутри государства-объекта.

Теория управляемого хаоса (контролируемой нестабильности) стала феноменом, способным объяснить зарождение и развитие современных политических трансформаций [3], происходящих под воздействием якобы стихийных и спонтанных действий и требований народа.

Концепция управления конфликтами низкой интенсивности [5] стала теорией, объясняющей тактику управления политическими дестабилизационными процессами. Определение конфликту низкой интенсивности дано в Полевом уставе FM 7-98 Армии США: «Конфликты низкой интенсивности (операции, отличные от войны) – это политико-военная конфронтация между соперничающими государствами или группами внутри государства... Масштаб и характер операций в таких конфликтах варьируется от подрывной деятельности до использования группировок войск. Борьба ведется сочетанием всех средств, включая политические, экономические, информационные. Конфликты низкой интенсивности чаще возникают в странах третьего мира, однако затрагивают интересы как отдельного региона, так и всего мира» [5].

Инициированная – и, вероятно, управляемая – хаотизация общества неизбежно приводит к углублению политической дестабилизации: невозможность четкой артикуляции и агрегации общественных интересов или невозможность (а равно и нежелание) их удовлетворения государственной властью на фоне неопределенного прогноза политического развития взаимообуславливают дальнейшее ухудшение ситуации в государстве.

В этой связи можно принять так называемую «арабскую весну» как шаблон наведения управляемого хаоса в назначенном регионе: из менее стабильных общественно-политических систем хаос перебрасывается в более стабильные (т. е. менее уязвимые для дестабилизации) регионы. Впервые такая стратегия была отработана на Балканах в бывшей Югославии.

Интересно, что в указанных выше югославском конфликте и «арабской весне» управляемый хаос завершался военным вмешательством, составляя по Стивену Манну «его особенную часть» («Теория хаоса и стратегическое мышление» Стивена Манна в журнале «Parameters» в 1992 году). Считается, что Стивен Манн адаптировал математическую теорию управляемого хаоса к политической, геополитической теории и практике и военной стратегии [3].

В перспективе можно попытаться применить подобный шаблон в отношении стран постсоветского пространства: например, политическая нестабильность в Украине теоретически может инициировать такие же процессы в России.

В глобальном (геополитическом) масштабе анализ фрагментов политической дестабилизации позволяет предположить, что их отдельные элементы составляют общую картину создания очагов нестабильности вокруг Российской Федерации. «Удушающая» стратегия (принцип «анаконды»), изначально использовавшаяся в основе военно-морской концепции «морская мощь» американского контр-адмирала Альфреда Тайера Мэхэна, а затем в концепции «Римленда» Николааса Спайкмена, но сегодня, можно сказать, адаптирована и для сухопутной стратегии «удушения».

Таким образом, можно выявить следующие основные признаки современных военно-политических технологий:

1) их цель – сугубо политическая: смена государственной власти или принуждение действующей власти к принятию политических условий государства-субъекта (т. е. принуждение к повиновению);

2) достижение цели осуществляется способом скрытого давления на власть с помощью демократического волеизъявления народа в ходе антиправительственных выступлений;

3) организованность народных выступлений выступает основным фактором успешности выполнения указанной политической цели с одной стороны, и признаком внешнего управления данными процессами с другой;

4) в геополитическом плане совокупность очагов дестабилизации выступает как отражение политики «анаконды» и так называемого «экспорта демократии» как механизма «цветной революции».

Указанные выше выводы могут быть вписаны в теорию мятежевойны Е. Э. Месснера, который сравнивает современные войны и вооруженные конфликты с мятежами и революциями по всему миру (всемирной мятежевойной).

По мнению Е. Э. Месснера, существуют четыре формы международных отношений: дипломатия, агрессодипломатия, полувойна и война [6, с. 88–89; 4, с. 56].

Дипломатия включает в себя политическую деятельность с применением «классических приемов уговариваний и угроз, выпрашивания и вымогательства» [6, с. 89].

Агрессодипломатия представляет собой усиленную форму дипломатии. Агрессодипломатией можно, по мнению Е. Э. Месснера, именовать «холодную войну» [6, с. 88].

Полувойна – это прикрытое участие в войне или междоусобице [6, с. 88].

Разграничивая полувойну и агрессодипломатию, Е. Э. Месснер отмечает: «в первой применяется оружие войск, партизан, диверсионных

групп» [6, с. 88], «переворотнические действия» [4, с. 56], а во второй преобладают политические приемы.

Кроме того, мятежевойна по Е. Э. Месснеру представляет в первую очередь как война психологическая, информационная. Эта война имеет свои особенные принципы ведения и архитектонику: отсутствует линия фронта – теперь нет четких границ между противниками и любой может оказаться как другом, так и врагом, а общественное сознание превращается в основной объект поражения.

Классификация форм международных отношений Е. Э. Месснера позволяет адекватно реагировать на внешнеполитические вызовы при переходе от обычных политических действий (дипломатия) к агрессодипломатии и полувойне.

Раскрытие феномена мятежевойны возможно с двух точек зрения.

С одной стороны, мятежевойна представляет собой внутреннюю войну граждан государства за свою независимость. В этом случае мятежевойна выступает в роли проявления идеологии народа в результате ответа на агрессию извне. Примерами такой войны выступают народно-освободительные войны (Вьетнам, Комбоджа, Афганистан).

С другой стороны, мятежевойна может быть инициирована извне, или, как в случае с Ливией, являться прикрытием для ведения военных действий на территории суверенного государства. В таком случае, война представляет собой агрессодипломатию или полувойну.

Интересно, что именно теорию управляемого хаоса в США считают средством обеспечения национальной безопасности, что вполне соответствует внешнему смыслу мятежевойны.

Следовательно, можно разделить мятежевойну по инициировавшему ее источнику на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя мятежевойна – оборона страны, внешняя – «цветная революция».

Список литературы

1. Жадобин, Ю. Вооруженные Силы – важнейший фактор обеспечения военной безопасности государства / Ю. Жадобин // Белорусская военная газета. Во славу Родины. – 2012. – 23 февр. – С. 2–4.
2. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 г. № 575 / Военный информационный портал Министерства обороны Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://www.mil.by/ru/military_policy/koncept/index.php. – Дата доступа: 16.02.2014.
3. Манн, С. Теория хаоса и стратегическое мышление / С. Манн // Сайт Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://konservatizm.org/konservatizm/theory/080310032055.xhtml>. – Дата доступа: 16.02.2014.
4. Месснер, Е. Э. Всемирная мятежевойна / Е. Э. Месснер. – М.: Кучково поле, 2004. – 512 с.

5. Полевой устав FM 7-98 Армии США / Военная история и футурология [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: http://www.milresource.ru/FM_7-98.html. – Дата доступа: 16.02.2014.

6. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. – М.: Военный университет, Русский путь, 2005. – 696 с.

Л. Ф. Евменов

(Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь)

**ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ
И УГРОЗЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ
ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАЩИТУ»**

Проведена характеристика понятийно-категориального оформления концепции «ответственность за защиту». Обоснована необходимость уточнения содержания ряда терминов, используемых в нормативных документах ООН, и организации деятельности по формированию на основе международной научной кооперации расширенного списка вызовов и угроз для использования в рамках концепции «ответственность за защиту». Представлена структура вызовов и угроз современной человеческой цивилизации, которой целесообразно руководствоваться при обсуждении вопроса «ответственности за защиту» в рамках ООН. Предложены меры реализации концепции «ответственность за защиту» на уровне отдельных государств и на уровне коллективных международных усилий и человечества. Связаны понятия и явления «ответственности за защиту» от вызовов и угроз и спасение человеческой цивилизации.

Какие события и почему привели руководство ООН к необходимости введения новой концепции? Это неуправляемость многих событий, массовая гибель населения, катастрофическое разрушение жизненно важных структур жизнедеятельности: Балканы, Афганистан, Ирак, Ливия, Сирия; Бразилия, Таиланд, США, Северо-Восточный Китай, Дальний Восток России, Мексика...

В № 1 Вестей НАН Беларуси (серия гуманитарных наук) за прошлый год была опубликована статья «Глобальныя пытанні навукова-тэхнічнай палітыкі ў дзейнасці міжнародных навуковых аб'яднанняў» [1]. В ней были даны характеристики и политологический анализ основных глобальных вопросов, над решением которых работает ряд международных негосударственных научных объединений, а также предметно рассмотрен механизм исследования одной из проблем посредством использования инфраструктуры ООН. Предлагаемая новая статья посвящена рассмотрению другой конкретной глобальной проблемы – возможности (трактующей как необходимость) вмешательства во внутренние

дела других государств, оформлению в международном праве данной деятельности и деятельности ООН в данной сфере. Политико-правовым основанием, используемым на современном этапе ООН для оценки современных конфликтов с позиции необходимости вмешательства в процессы, происходящие в суверенных государствах, является концепция «ответственности за защиту» («Responsibility to Protect»), автором которой является бывший министр иностранных дел Австралии и главный исполнительный директор Международной кризисной группы Г. Эванс [2]. Предложив в 2002 г. преобразовать термин «право на вмешательство» в формулировку «ответственность за защиту», Эванс обозначил категориальный аппарат, который был использован и используется при обосновании правомерности вторжения США в Ирак, при одобрении со стороны ООН операции в Ливии в 2011 г., при рассмотрении вопросов решения современной ситуации в Сирии. Критичность по последствиям и масштабность по географии рассматриваемого вопроса диктуют необходимость активного привлечения международных как правительственных, так и неправительственных структур к научному обеспечению процессов разработки нормативной базы и инструментов для выработки согласованных подходов, обеспечивающих выдержанные с социально-гуманитарных позиций, предсказуемые и разумно управляемые результаты с обязательным принятием во внимание требований поддержки национально-государственного суверенитета народов. Некоторые ориентиры по реализации политико-правовых исследований в данной сфере, а также использованию их результатов в дипломатии представлены ниже [3; 4; 5].

Понятийно-категориальное измерение. В любом документе, анализирующем явления и пытающимся сделать выводы, т. е. синтезировать излагаемые идеи, необходимо в первую очередь определить опорную группу идей и проблем, закладываемых в новый предлагаемый документ, в новую концепцию. ООН предлагает вместо концепции «гуманитарной интервенции» концепцию «ответственности за защиту», которой авторы рассчитывают на более конкретное решение проблемы «вмешательства во внутренние дела государств», заменяя многие его компоненты понятием «ответственности за защиту», представляющим якобы явление «невмешательства», «ненасильственного вмешательства» как составные элементы превентивной дипломатии. Или «в исключительных случаях»... международному сообществу предоставляется право прибегать к коллективным мерам в соответствии с «нормами и процедурами, закрепленными в уставе ООН», т. е., говоря точнее, к той же коллективной «гуманитарной интервенции». Понятия «мониторинг», «превентивная дипломатия», «раннее предупреждение», «эффективное реагирование», «ненасильственные меры» также имеют отношения к этой опорной группе идей и проблем.

На основе этой группы опорных идей и проблем, может быть, следует искать название любого документа о новой концепции в пределах: «Ответственность за защиту: мониторинг, раннее предупреждение, невмешательство (как помощь с согласия), ненасильственное вмешательство без согласия (как санкции на передвижение лиц, оружейное эмбарго), насильственное вмешательство» в исключительных случаях» в соответствии с Уставом ООН [6].

Вызовы и угрозы, четко оговоренные в документах ООН. В основе вреда (массовой гибели людей), вреда инфраструктурам жизнедеятельности человека, согласно ООН, выступают вызовы и угрозы, ведущие к кризису человеческой цивилизации. Такими угрозами человечеству в актах ООН обозначены: геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности.

По части вызовов, угроз и вреда, наносимого населению, для документа, анализирующего проблемы «ответственности за защиту», необходимы разъяснения. Главное из них: что нужно понимать, употребляя понятия «преступления против человечности». Что это за преступления? Они не обозначены ни в актах, ни в документах ООН. Что конкретно включают в себя вызовы и угрозы, именуемые в международном праве «преступлениями против человечности»? Для этого прежде всего следует уточнить содержание его основообразующей части, ответив на вопрос, что должно включать в себя понятие «человечность».

Это, очевидно, определенные качества отношения человека к другому человеку. Высокоморальные качества. По всей вероятности, отношение к *другому*, базирующееся на уважении его *человеческого достоинства*, на неприкосновенности достоинства личности и прав человека как творца человеческой цивилизации. Какие же характеристики в данном случае нужно связывать с явлением «преступления против человечности»? Это все то, что ведет к уничтожению достоинства человека: пытки, рабство, торговля людьми и схожие с ними явления, т. е. те явления, которые угрожают человеку расчеловечиванием, бестиализацией. К ним следует отнести, кроме уже названных, алкоголизм, наркоманию, нетрадиционные сексуальные отношения и др. Таким образом, необходимо на научной основе реализовать уточнения понятия «преступления против человечности», четко определив его содержание.

Кризисные явления, не называемые однозначно в актах ООН вызовами и угрозами. Необходимость их структурализации. На нашей планете имеет место немало количество других явлений, которые в сущности относятся к вызовам и угрозам человеческой цивилизации. Это угрозы здоровью человека (онкологические, сердечно-сосудистые заболевания, ВИЧ-инфекции, туберкулез, малярия, вспышки холеры; стихийные бедствия (извержение вулканов, засухи, наводнения, опустынивание, обезлесение), техногенные катастрофы (Чернобыль, Фукусима), бедствия кос-

мического генеза (столкновения Земли с астероидами и метеоритами); медленные, затянутые во времени угрозы жизни, ведущие к расчеловечиванию (алкоголизм, наркомания, безработица, нетрадиционные сексуальные отношения) и другие, ведущие к кризису человеческой цивилизации...

Характеризуя их, в Докладах 66 и 67 сессий Генерального Секретаря о работе Организации используются понятия «глобальный кризис», «глобальная катастрофа», «беспрецедентные стихийные бедствия», «антропогенная чрезвычайная ситуация», «глобальные проблемы» (в области здравоохранения), «глобальный кризис в области занятости», «чрезвычайные ситуации в области прав человека», и наконец, (в докладах 66-й сессии) эти явления именуется «глобальными вызовами». В разделе «Борьба с терроризмом» ясно и четко говорится, что «терроризм, («организованная преступность и оборот наркотиков») по-прежнему являются одной **из главных угроз** международному миру и безопасности» [7]. Как бы обобщая эти характеристики, Генеральный Секретарь утверждает: «Мы вступили в эпоху мегакатастроф...», предупреждая, что человечество «должно быть готово к новым вызовам...» [8].

Опыт последнего десятилетия показывает, что вызовы и угрозы человеческой цивилизации неумолимо опережают по количеству, негативным последствиям (качеству), объемам смертельно опасного воздействия защитные меры разобщенного человека и человечества. В этом плане первой робкой попыткой представляется нам новая концепция ООН «ответственности за защиту», выдвигаемая как новый принцип политической действительности, объединенных политических отношений, как новый принцип управления делами человеческого общества. Но обстоятельства требуют пересмотра всей мировой политической системы противодействия им. Особенно остро должен быть поставлен вопрос о ядерных вооружениях и ядерных энергетических установках, представляющих сегодня действительную **мегаугрозу**. Иначе очень скоро может быть поздно.

Думается, что дипломатам необходимо в рамках обсуждения проблем новой концепции ООН поднимать вопрос о более широком спектре *вызовов и угроз* современному человеку и человечеству, способному привести к краху человеческой цивилизации. Кризис ее уже очевиден. Краха еще можно избежать.

Определение структуры существующих угроз необходимо для лучшего понимания и видения потенциальных масштабов ее кризиса с целью организации продуманной системы противодействия ему.

Данная структура может выглядеть следующим образом: а) массовые старые и новые заболевания; б) природные катаклизмы и климатический кризис; в) техногенные катастрофы; г) космические столкновения с планетой Земля (астероиды и метеориты); д) гуманитарные вызовы и угрозы (алкоголизм, наркомания, безработица, пытки, геноцид, этни-

ческие чистки); е) политико-правовые (репрессии, революции, восстания, гражданские войны).

В соответствии с предложенной структурой вызовов и угроз следует определить и структуру возможной «ответственности за защиту» от них. Именно в такой трактовке идея «ответственности за защиту» как новая концепция ООН призвана сделать подвижку в уточнении понятий «вмешательства» и «невмешательства» во внутренние дела государств и заменить концепцию «гуманитарной интервенции».

«Ответственность за защиту». Структура ее понятия и явления. Прежде всего здесь следует уточнить, что могут представлять собой понятия *ответственность, защита* и *ответственность за защиту*, имея в виду *борьбу человечества с вызовами и угрозами его цивилизации*. Ответственность – это, пожалуй, осознание возможности, необходимости, обязанности участия в решении проблем, создаваемых вызовами и угрозами для собственных стран, коллективных мероприятий в других странах, человечеству в целом.

Защита – это участие в практических мероприятиях своей страны и в коллективных международных акциях по защите населения других стран и человечества от вызовов и угроз современности.

Ответственность за защиту, как понятие, связывающее два предыдущих, означает явление, когда стороны, осознавшие необходимость и обязанности участия в защите, *кодифицируют* в национальном и международном законодательстве свои обязательства по защите человеческой цивилизации от краха (поправки в конституции, специальные декларации, конвенции, поправки в Устав ООН). Только в этом случае «ответственность за защиту» приобретает возможность быть реализованной.

В этом плане уместно упомянуть стремление бразильской дипломатии заменить понятие и явление «ответственность за защиту» понятием и явлением «ответственность в процессе защиты» [5]. Никто не спорит с теми, кто стремится создать разумный механизм в самом процессе реализации борьбы против вызовов и угроз современной цивилизации. Но постановка вопроса только о самом процессе защиты уменьшает степень осознания важности мониторинга, планирования, создания «тормозной» системы национального и международного права вызовам и угрозам современному человечеству. Белорусским дипломатам следовало бы заменить свой подход к бразильской инициативе серьезным ее анализом.

В новой кодификации должны быть предусмотрены приемлемые меры и формы помощи отдельным странам, формат участия в коллективных ненасильственных акциях международного сообщества и механизм их реализации. Как и механизм приведения в действие принудительных, насильственных акций международного сообщества, который должен запускаться только с согласия Совета Безопасности.

Изложенное дает проективное основание для предложения следующей структуры «ответственности за защиту»:

1) политико-правовая ответственность за защиту (от революций, гражданских войн, репрессий);

2) гуманитарная ответственность за защиту (от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и т. д.);

3) медицинская ответственность за защиту (от старых и новых смертельно-опасных заболеваний);

4) экологическая ответственность за защиту (от стихийных бедствий);

5) техногенная ответственность за защиту (от ядерного и иного оружия массового уничтожения, от техногенных катастроф – Чернобыль, Фукусима), от кибер-угроз;

6) космическая ответственность за защиту (от астероидов и метеоритов, поиск и освоение новых возможных для обитания земляных объектов).

Предложенная структура ответственности за защиту человеческой цивилизации требует включения этой проблемы в дискуссии в рамках ООН.

Меры по реализации концепции «ответственности за защиту» на уровне отдельных государств, коллективных международных усилий и человечества

А. Государствам, в которых вызовы и угрозы зашкаливают до уровня, близкого к катастрофе, требуется оказывать помощь:

1) в разработке программ их внутреннего самоусовершенствования (модернизации, гармонизации их внутренних политико-правовых и экономических систем с системами наиболее развитых стран, культурологически сходных с ними);

2) в разработке и реализации программ гуманитарной, экономической и технической помощи (для компенсации жертвам, для восстановления разрушенной инфраструктуры, для предупреждения возможных чрезвычайных ситуаций);

3) в реализации ненасильственных санкционных мер (запреты на передвижение, замораживание активов, оружейное эмбарго и др.) при этом – только с решением Совбеза ООН.

Б. На уровне коллективных международных усилий: создание групп мониторинговой разведки, разработка мониторинговой системы раннего предупреждения, разработка оперативных и стратегических мер реализации ответственности за защиту, учреждение организационных структур планирования, руководства, реализацию и осуществление международных акций.

В. На уровне единого руководящего штаба *согласование и гармонизация* принципов управления деятельностью различных субъектов «ответственности за защиту», за спасение человеческой цивилизации от гибели.

Управление делами «ответственности за защиту»

1. Вся эту работу планирования и руководства следует возложить на Организацию Объединенных Наций. Спасти цивилизацию, созданную разумом – ее главная и основная задача. Окончательное решение по возникающим проблемам передать под эгиду модернизированного Совбеза.

2. В связи с продвижением концепции «ответственности за защиту» и работы по ее реализации создать при Совбезе Совет профессионалов, в который будут входить ученые и специалисты в областях, соответствующих каждой из шести частей структуры «ответственности за защиту».

3. Экспертиза предложений по отдельным странам и острым общечеловеческим проблемам осуществляется Советом профессионалов, решения которого утверждаются Совбезом.

4. Уже сейчас действуют международные структуры ООН и самостоятельные организации, которые имеют опыт такой работы. Кроме структур ООН и ЮНЕСКО это ВОЗ, МОТ, МАГАТЭ и др. Такие как специально созданные ООН институты, призванные обеспечивать осуществление «ответственности за защиту»: Интегрированная миссия Организации Объединенных Наций в Тиморе-Лешти, Миссия Организации Объединенных Наций в Либерии, Комиссия по миростроительству, Консультативная группа высокого уровня, Управление по координации гуманитарных вопросов, Объединенная канцелярия специальных советников по предотвращению геноцида, Консультативная группа высокого уровня Генерального Секретаря по финансированию противодействия изменению климата, Межправительственная группа по изменению климата, Группа высокого уровня по глобальной устойчивости, Глобальная инициатива по искоренению полиомиелита, Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий, Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства. По обеспечению глобального прогресса в равенстве полов и расширению прав и возможностей женщин, Отделение Организации Объединенных Наций при Африканском Союзе, Региональное отделение Организации Объединенных Наций для Центральной Африки, Комитет по насильственным исчезновениям и ряд других. Необходимо только переключить и переорганизовать их на выполнение специфических региональных и глобальных задач «ответственности за защиту» [7].

5. Совершенствование (гармонизация, сближение, схождение, единение унификация) системы принципов основополагающего управления в сущности уже предложено на 67 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в заключительном разделе «Укрепление Организации» доклада Генерального секретаря. Эти принципы (инициативы) «в среднесрочной перспективе... дают возможность пересмотреть нынешние различия между так называемой «деятельностью Централных учреждений» и «деятельностью на местах», которые... привели к появлению различных подходов к

управленческо-административной работе» [8]. Деятельность Центра – Регионов – Национально-государственных субъектов должна стать взаимосвязанной, согласованной деятельностью, реализующей унификацию явлений ответственности за защиту во имя спасения человечества как цивилизации.

Вместо заключения

В любой документ и в дальнейшие дискуссии по рассматриваемой тематике необходимо включать:

- проблему уточнения опорной группы идей концепции «ответственности за защиту»;
  - определение понятия и явления «преступления против человечности»;
  - идею более широкого спектра, чем те, которые оговорены в документах ООН, с включением всех вызовов и угроз, создающих опасность краха человеческой цивилизации;
  - обсуждение проблем «кодификации» в национальном и международном праве как создание реальной возможности реализации новой концепции;
  - вопрос о структуре «ответственности за защиту»;
  - вопрос о реализации (операционализации) и управлении делами «ответственности за защиту»;
  - планирование и реализацию мер, связанных со стремительным ростом народонаселения: очень скоро на Земле будет 9 млрд человек, что ставит перед человечеством по меньшей мере три вопроса:
    - 1) как и чем прокормить такую армию, учитывая, что уже сегодня нищета является одной из главных угроз для землян;
    - 2) как и чем обеспечить их занятость, учитывая, что уже сегодня эта проблема является одной из самых злободневных;
    - 3) как обеспечить возможность переселения людей на другие космические объекты, учитывая, что кризисные явления в обществе и на планете Земля неумолимо нарастают?
- «...Мы должны быть готовы к новым вызовам, противостоять которым мы должны *СООБЩА* (выделено автором. – Л. Е.) и среди которых не последнее место занимают вызовы, порожденные демографическими изменениями» [8].

Список литературы

1. Падкапаеў, У. В. Глобальныя пытанні навукова-тэхнічнай палітыкі ў дзейнасці міжнародных навуковых аб'яднанняў / У. В. Падкапаеў // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітарных навук. – 2012. – № 1. – С. 27–32.
2. Gareth Evans and Mohamed Sahnoun. The Responsibility to Protect, Foreign Affairs. – Vol. 81, № 6. – November/December 2002. – P. 99–110.

3. Thakur, R. The United Nations Security / R. Thakur // Collective Security to the Responsibility to Protect. – 2006. – P. 34.
4. Ceren, O. Responsibility to Protect Not Remotely New / O. Ceren // Commentary. – 2011. – March 20.
5. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty (ICISS). – Sept. 2000.
6. Charte des Nations Unies et Statut de la Cour Internationale de Justice. – New York, 1968. – Art. 4–7.
7. Генеральная ассамблея ООН. 66-я сессия (2011–2012 гг.). Доклад Генерального секретаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ga/third/66/third_res.shtml.
8. Генеральная ассамблея ООН. 67-я сессия (2012–2013 гг.). Доклад Генерального секретаря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ga/67/docs/67res.shtml>.

В. А. Елфимов

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, yelfimoff@mail.ru)

**ЗАДАЧИ ИНФОРМАЦИОННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
В УСЛОВИЯХ ПРАГМАТИЗМА**

Эффективность идеологической работы и, стало быть, всей идеологической вертикали, зависит не только от количественных, но и качественных показателей. Сегодня белорусское общество уверенно выходит на следующий этап своего развития, но выходит в очень сложный момент, в первую очередь, с точки зрения международной обстановки, когда вторая волна мирового кризиса готова смыть последние островки стабильности по всей планете. Беларусь же сохранила потенциал экономического роста, успешно формирует перспективные интеграционные проекты на евразийском пространстве и, мало того, перед нашей страной стоит задача масштабной модернизации и строительства «умной экономики».

В этот момент очень важно с точки зрения обеспечения стабильности и последовательности развития обеспечить тесную смычку между обществом и властью. Важнейшим условием такой смычки может и должно быть доверие к власти.

Доверие – это серьезный политический потенциал, который способен значительно укрепить взаимодействие субъектов политики и общества. Таким образом, государственная власть как главный субъект внутренней и внешней политики должна целенаправленно создавать вокруг себя ауру общественного доверия. Это аура будет устойчива в том случае, если власть обеспечивает основную повестку компромисса для общества в целом, а также решение конкретных экономических, статусных, политических задач, соответствующих интересам наиболее крупных соци-

альных страт. По сути, доверие к власти – это соответствие ее курса интересам большинства населения.

Здесь существует семантическая переключка с доверием к личности. Когда мы доверяем тому или иному человеку? Не тогда, когда выслушиваем его заявления и декларации, а когда имеем возможность проверить их на деле. При этом сам выбор «проверяемой» личности мы осуществляем в зависимости от своей заинтересованности в результатах общения с ней. Таким образом, сперва существует интерес общества к политической власти вообще или к политической личности (наши ожидания или требования), а затем уже вступает контрольный момент – проверка того, коррелируются слова и дела, либо не коррелируются у объекта наших ожиданий. Если слова и дела совпадают, власть будет пользоваться доверием общества и в дальнейшем, причем не дожидаясь момента контроля. И если подтверждения эффективности власти будут следовать одно за другим, тогда и возникнет аура или круг доверия, размагнитить который очень непросто.

Таким образом, доверие населения к власти – ценнейший ресурс стабильности развития общества и, одновременно, высшая цель всей идеологической работы. Чтобы обеспечить ее достижение идеологическую работу нужно системно, с опорой на науку. Но при этом необходимо учитывать, что сама наука нынче существует в условиях прагматизма и вынуждена модернизироваться. Сегодня наука наиболее успешна там, где она превратилась в бизнес-проект. Со стопроцентной гарантией можно предсказать: успех будет именно там, где в науку больше всего вложено денег и средств. А дешевая наука сегодня быстро удешевляет даже имеющийся экономический потенциал.

Итак, сегодняшнее влияние прагматизма на гносеологический процесс, пожалуй, следует назвать положительным. Выгода определяет границы развития науки. А способна ли общественная сфера тоже превратиться в бизнес-проект? Очевидно, что полностью – нет, и, в первую очередь, потому, что пока невозможно найти консенсус по, казалось бы, простейшей проблеме: как оценивать эффективность такого проекта? То, что одним представляется выгодным, другим – наоборот, разорительным и даже вредным, ибо экономические интересы общественных слоев слишком часто и слишком далеко расходятся. Однако в обществе, сформировавшем социально ориентированное государство, такие критерии оценки можно найти, в том числе, и в сфере идеологической. Что значит государство социально ориентированное? Во-первых, это государство для народа. А раз так, то, во-вторых, это государство, обеспечивающее социальную справедливость.

Иными словами эффективность идеологии определяется ее постоянным нахождением на острие вопросов социальной справедливости – и предоставлением правильных ответов, удовлетворяющих социум. А значит, идеология должна идти не только плечом к плечу с государством, а

даже чуть впереди него, находя «болевы́е точки» и новые сферы применения власти: только тогда она будет эффективна, когда она будет способствовать прокладыванию общего маршрута к благополучию общества.

Под таким узлом зрения и следует понимать ту главную задачу модернизации, которая провозглашается властью и которая вполне применима к такой, казалось, «не конкретной» сфере как идеология. Модернизация в идеологии – это постоянная нацеленность на обеспечение социального спокойствия, как условия экономического роста, в любой обстановке, при любых политических раскладах и в кратчайшие сроки. Разве это не конкретика? В такой модернизации органично сочетаются стратегия и тактика, связь политической элиты с социумом, четкие экономические цели и задачи их идеологического обеспечения. И все это в связи с тем, что идеологическая вертикаль оценивается не потому, как она работает, как она организована и как четко «спускает» целеуказания сверху в низ, а по тому эффекту в низах, которого она добилась. И эффект этот, кстати, тоже имеет конкретное экономическое выражение. И даже выгоду.

А на выгодную, окупаемую идеологию и государственных денег не жалко.

Все это может и должно привести к заметному улучшению информационно-идеологической работы в обществе. В первую очередь, это касается повышения эффективности государственных средств массовой информации, как важнейшего проводника идеологии белорусского государства. Экстенсивные, т. е. количественные методы наращивания информационного давления, как то: увеличение общего объема вещания, оперативность реагирования, пролонгирование и педалирование знаковых тем, PR-технологии уже работают на пределе своих возможностей. Их ресурс исчерпан, и на повестке дня стоит интенсификация информационной работы. Все больше информационный эффект зависит от качества самой информации, и от умения тех, кто ее подает. Это связано, во-первых, с ростом политической грамотности и интеллектуальных запросов зрителя, слушателя, читателя и, во-вторых, с параллельным и опережающим наращиванием альтернативных информационных потоков в интернете и спутниковом телевидении.

Таким образом, качество информации, поставляемой белорусскими государственными СМИ, превращается в ключевой фактор. Чтобы информация была качественной, необходимо в первую очередь наладить информационные потоки с «двусторонним движением»: не только сверху вниз по вертикали – от власти к гражданину, но и снизу вверх – от гражданина к власти. И в этой двусторонней информационной вертикали существенную роль должна сыграть региональная (областная, районная) пресса. Такой поток с двусторонним движением может не только «подпитывать» информацию на общегосударственном уровне, но и оживить всю систему информационного обращения в стране. А следовательно, заметно улучшить иде-

ологическую работу, обеспечивая неразрывную и, одновременно, гибкую связь между властью и основной частью белорусского населения.

Г. В. Жук

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, galina_zuk@mail.ru)

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ УГРОЗ

Современный мир столкнулся с энергетическими вызовами, продиктованными процессом глобализации, ускоренным ростом экономик отдельных стран, истощением и крайне неравномерным распределением ресурсов на планете, чрезмерно неблагоприятной нагрузкой на окружающую природную среду при их добыче. Энергетика, проникнув во все сферы жизни общества, стала необходимым условием устойчивого социально-экономического развития любого государства. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, к 2030 г. мировые потребности в энергоресурсах увеличатся на 55 % и составят 17,7 млрд нефтяного эквивалента. Но все понимают, что сырьевые ресурсы не вечны, и вскоре могут иссякнуть. Перед человечеством уже маячит призрак грядущего энергетического голода. Энергетические ресурсы сконцентрированы в определенных географических зонах, главным образом на территориях небольшой группы стран. Неравномерность в распределении природных богатств между государствами стала серьезным поводом для международных конфликтов. В следствии политизации энергетической безопасности возникла угроза использования энергетического фактора для достижения политических целей отдельных государств. За доступ к энергоносителям на планете уже давно идёт нешуточная борьба. Но сегодня, как никогда, важно осознание бесперспективности этой борьбы.

Обеспечение энергетической безопасности в современных условиях невозможно без широкого международного сотрудничества государств на всех уровнях, так как большая часть проблем не может быть решена с использованием только национальных инструментов и механизмов. Задача состоит в том, чтобы увязать интересы стран-производителей энергетического сырья, стран потребителей и транзитных государств. Процесс сотрудничества в сфере обеспечения международной энергетической безопасности должен стать связующим звеном между государствами с целью определения компромиссов и координации взаимоотношений государств в данной области. В современных условиях требуется переход от исключительно торгово-финансовых энергетических взаимоотношений между государствами к сотрудничеству, направленному на обеспече-

ние международной безопасности. Для предотвращения энергетических конфликтов и обеспечения энергобезопасности мирового сообщества в интересах настоящего и будущих поколений неизбежен переход от энергетической независимости стран к энергетической взаимозависимости и сотрудничеству. И шаги в этом направлении сегодня активно уже делаются. В 1991 г. был создан Международный энергетический форум (МЭФ). Раз в два года МЭФ проводит сессии, на которых проходят многосторонние дискуссии и консультации по проблемам развития мировой энергетики, рынков энергоресурсов и энергетической безопасности с участием более 70 стран – крупнейших производителей и потребителей нефти. Активная роль в работе МЭФ принадлежит ОПЕК и МЭА, что позволяет сбалансировать интересы крупнейших в мире групп производителей и потребителей нефти.

Интересен в этом плане и опыт Европейского союза. Большинство стран-участниц ЕС не обладают собственными запасами полезных ресурсов. В качестве основного поставщика энергоресурсов для них до 2009 г. была Российская Федерация. Но печально известные конфликты вокруг поставок углеводородов между Российской Федерацией и транзитными странами Украиной и Беларусью актуализировали проблему энергетической безопасности для Евросоюза. Члены ЕС пришли к выводу о необходимости разработки на наднациональном уровне комплекса мер для предотвращения в будущем аналогичных ситуаций. В опубликованной в ноябре 2010 г. стратегии «Энергетика 2020» была поставлена главная задача европейской энергетической политики: обеспечить бесперебойную физическую доступность продуктов и услуг на рынке по приемлемой для всех потребителей (частных лиц и предприятий) цене, при одновременном содействии более широким социальным и экологическим целям ЕС. Таким образом, энергетическая политика ЕС представляет собой стратегию, цель которой – добиться энергетической независимости региона в целом и обеспечить для всех участников Евросоюза энергетическую безопасность.

Республика Беларусь также относится к категории стран, которые не располагают достаточными собственными топливно-энергетическими ресурсами. В настоящее время доля местных ТЭР в общем балансе составляет примерно 16 %. Структура валового потребления энергоресурсов выглядит примерно следующим образом: 57 % составляет импортируемый из России газ, нефть и нефтепродукты составляют 20 %, импортируемая электроэнергия – 6 %, местные топливно-энергетические ресурсы (торф, дрова, опилки) – около 16 %, прочие – 1 %. Мы зависимы от поставок энергоресурсов из одной страны – России, чрезвычайно высока доля одного вида энергоресурса – природного газа в топливно-энергетическом балансе страны, идет адаптация экономики страны к переходу на мировые цены, на импортируемые энергоносители. Ежегодные расходы на закупку топлива и

электроэнергии составляют свыше 2 млрд долларов США, что соизмеримо с величиной госбюджета республики. Таким образом, в Республике Беларусь уже сейчас крайне низкими являются следующие стратегические факторы энергетической безопасности: доля местных ТЭР в объеме энергобаланса, диверсификация видов топлива, прежде всего, в электроэнергетике, диверсификация поставок ТЭР из-за рубежа.

В свете данных угроз и современных вызовов и была принята Концепция энергетической безопасности Республики Беларусь, где выделены следующие приоритетные направления: диверсификация видов и поставок топливно-энергетических ресурсов, увеличение стратегических запасов энергоресурсов, повышение энергоэффективности производства и использования энергии, модернизация основных фондов энергетики, использование возобновляемых и нетрадиционных источников энергии, вторичных энергоресурсов, развитие ТЭК с учетом требования по охране окружающей среды.

Поставлена задача увеличить использование местных и нетрадиционных источников энергии. Планируется показатель нетрадиционной энергетики увеличить до 30 %. И это правильно. Непростительно не использовать те ресурсы, которыми богата страна, например, торф и древесные отходы. Разрабатывается программа по развитию ветроэнергетики. Специалисты считают, что в южных районах можно развивать гелиоэнергетику, хотя в целом для Беларуси это направление признано неперспективным в связи с природными особенностями нашей страны. Кроме того, зарубежный опыт показывает, что удельные капиталовложения в гелиоустановки и себестоимость получаемой электроэнергии многократно превышают ее производство на других источниках, что является экономически невыгодным. Стоит вспомнить и о малых гидроэлектростанциях, обеспечивающих потребности отдельных регионов и производств.

Большие надежды государство возлагает на строительство собственной АЭС. Вопрос целесообразности этого проекта по-прежнему остается в центре внимания и активно обсуждается как специалистами разных сфер и областей, так и населением в целом. Собственная АЭС однозначно позволит Беларуси решить ряд стратегически важных задач, в том числе обеспечить дополнительные гарантии укрепления государственной независимости и экономической самостоятельности Беларуси.

С другой стороны, появление АЭС в Беларуси создаст принципиально новые долговременные уязвимости для ее системы национальной безопасности и будет сопряжено с возникновением определенных рисков регионального масштаба (ядерные, техногенные, экологические, экономические риски).

Что касается внешнеэкономической деятельности энергетической политики Беларуси, то она должна предусматривать использование географического положения страны, дальнейшее развитие сети транспорта

энергоресурсов с сопредельными странами, расширение межгосударственных электрических связей Беларуси с европейскими странами. Важным для нас является участие в формировании электроэнергетических рынков СНГ, ЕврАзЭС, стран Балтии и других региональных электроэнергетических рынков, заключение долгосрочных договоров на поставку и транзит энергоносителей, поиск новых взаимозаменяемых поставщиков энергоресурсов, создание совместных предприятий по добыче топлива и производству электроэнергии в России и других соседних странах.

Глобальный характер проблем энергетической безопасности диктует пристальное и неотложное внимание к их решению во всем мире. Очевидно, человечество не собирается останавливаться на достигнутых рубежах и продолжит свое движение вперед – к новым высоким технологиям, к новому уровню производства, более высокому уровню жизни. И Республике Беларусь очень важно не оказаться на периферии этого процесса.

С. П. Жукова

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
svetlanazhukov@yandex.ru)*

ПРИНЦИП ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИ-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Актуальная проблематика современных политологических, культурологических, этических, социально-философских, других социально-гуманитарных исследований потенцирует определенные преобразования философской методологии. Такие предметы изучения, как процессы глобализации, интеграционные процессы в различных сферах общества, определяют необходимость формирования новых концептов, принципов, парадигм методологического уровня. Одним из таких востребованных методологических ориентиров становится концепт трансдисциплинарности, предполагающий целостное, сложно дифференцированное знание, трансцендирующее «рамки и границы научных дисциплин и социальных институтов», определяющее новую научную институциональность ради «здесь и сейчас» разрешения наиболее социально и практически значимых проблем. Концепт трансдисциплинарности репрезентирует «современный тип производства научного знания, который представляет собой гибрид фундаментальных исследований, ориентированных на познание истины, и исследований, направленных на получение полезного эффекта» [3, с. 24]. Трансдисциплинарное знание, очевидно, является ценностно-ориентированным, предполагающим, в том числе, морально-этическую компоненту.

Современная философско-этическая рефлексия, в свою очередь, переживает необходимость и предпринимает попытки «встраивания» концептуального этического знания в практики науки, политики, бизнеса, массовой коммуникации, др. Имплицитно присущее практикам этическое начало могло бы способствовать ответственному решению их специфических проблем. Различные профессиональные и деловые сообщества признают (и декларируют) корреляцию этики и практики. (Одним из примеров ее реализации является разработка темы корпоративной социальной ответственности в прикладной этике, формирование договоров КСО в бизнес-практике, в отношениях бизнеса с государственными и некоммерческими структурами). Так философско-этические концепции приобретают статус методологических парадигм; одной из наиболее востребованных сегодня оказывается парадигма ответственности.

Не смотря на укорененность понятия ответственности в истории этического знания (концепцию ответственности подробно разрабатывает Аристотель в «Никомаховой этике»), в классической этике оно было разработано недостаточно. Корреляция нравственного бытия и ответственного (свободного) бытия подчеркивается представителями постклассической этики: Э. Фроммом, А. Швейцером, Ж.-П. Сартром, М. Бахтиным, Г. Йонасом, А. Гусейновым, В. Канке, др. В творчестве желаемого будущего «каждый человек вмняет себе определенные ценности, осуществляет в соответствии с ними целеполагание и стремится добиться наиболее эффективных результатов. Никто не в состоянии выйти за пределы этики ответственности» [2, с. 215].

В концепции Г. Йонаса, изложенной в известном труде «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации», ответственности придается статус этического принципа современного глобализирующегося человечества, значимого, прежде всего, в сфере политики. «...Сама природа человеческой деятельности изменилась настолько, что с нею в сферу политического деяния, а тем самым и политической нравственности вошла *ответственность* в неприменимом прежде смысле, с совершенно новым содержанием и прежде неведомой глубиной захвата в будущее» [1, с. 214].

«Темой книги» автор объявляет «... вновь заявивший о себе долг, обобщением которого служит понятие *ответственности*» [1, с. 38]. Новая постановка проблемы «отношения бытия и должного», новая интерпретация феномена долга, по сути, преобразуют этику долга в этику ответственности. Если метафорически этика долга может быть выражена известным изречением «делай что должно, и пусть будет, что будет», то своего рода девиз этики ответственности мог бы звучать так: «Делай, что должно и таким образом, чтобы было возможно бытие человека в будущем». Если этика долга сосредоточена на предполагаемом идеальном состоянии сущего, репрезентированном в идеальных целях, сконструированных идеальных мо-

делях совершенного социума, отрицающих реальный мир человека и природы, то в контексте этики ответственности нравственно значимо реально развертывающееся сущее; на первый план выходит ответственность за бытие человека в мире, за реальные перспективы человеческого мира.

Г. Ионас формулирует новый моральный императив, закон новой этики, отвечающий «новому характеру человеческой деятельности и адресованный новому ее субъекту», в том числе, политическому субъекту. ««Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле». Либо, если превратить суждение в отрицательное: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности не были разрушительными для будущей возможности такой жизни», или же просто: «Не подвергай угрозе условия неопределенно долгого сохранения человечества на Земле», а если снова сделать высказывание положительным: «Включай в твой теперешний выбор будущую целостность человека как неотъемлемый объект твоей воли»» [1, с. 58]. Последовательное развертывание, переформулирование императива новой этики означает возможность существования его как в форме предписания, так и запрета, приближающихся к наиболее общей и простой норме-заповеди «не подвергай угрозе... сохранение человечества на Земле». Последовательность формулировок позволяет эксплицировать не только моральный, но и социально-практический смысл императива. Императив содержит перспективную цель человеческой деятельности («подлинно человеческая жизнь», «целостность человека»), взятую в единстве с ее условиями. Важно, что своей последней лаконичной формулировкой новый моральный закон обращен и к реальному единичному поступку конкретного индивидуального субъекта, и к деянию любого морального субъекта.

Новый императив предполагает согласование последствий каждого деяния с «продолжением человеческой деятельности в будущем», что подразумевает и «бытие будущих поколений». Так уточняется объект ответственности. Объектом ответственности, по Г. Ионасу, является будущее, точнее, «поддающееся учету реальное будущее» [1, с. 60]; таким образом, ответственность оказывается субъективно конкретной, социально-политически и научно определенной в интервале времени (имеющей «временной горизонт»), но в то же время ответственность не может быть завершенной, это есть развертывание ответственности в будущее («незамкнутое измерение ответственности»).

Субъектом так понимаемой ответственности мыслится человечество как «коллективное целое», коллективно действующий человек, определенным образом организованное сообщество.

Рассматривая реализацию ответственности в индивидуальном человеческом существовании, Г. Ионас обращается к ее экзистенциальным основаниям: экзистенциальным переживаниям ответственности, заботы, благоговения, надежды, страха. Философ утверждает эвристическую роль

страха, признавая его своего рода индикатором, фиксирующим, указывающим, предъявляющим возможные опасности, угрожающие предмету ответственности. Будучи содержательным компонентом принципа ответственности, страх как будто «включает» его действие, оказывается «источником энергии» и вектором, направляющим действие. Страх «сущностным образом» принадлежит ответственности, «это не страх, отвращающий от деятельности, но, наоборот, к ней побуждающий, и это есть страх относительно объекта ответственности», являющегося «фундаментально ранимым» [1, с. 363]. Страх оказывается необходимым аспектом феномена ответственности, актуализирующим и определяющим его конкретную реализацию. В концепции ответственности Г. Йонаса страх обладает как аксиологическим, так и методологическим значением.

«Ответственность есть признанная в качестве обязанности забота об ином существовании, которая в случае угрозы его ранимости становится «озабоченностью»» [1, с. 363].

Итак, этическая концепция ответственности как принципа деятельности человека «технологической цивилизации», разработанная Г. Йонасом, не просто продолжает исследование феномена ответственности в истории философско-этической мысли, но аккумулирует и преодолевает, «снимает» его различные интерпретации, заявляет о качественно новой современной этике, имеющей, по сути, парадигмальный характер как в методологии социально-гуманитарных исследований, так и для развития различных социальных практик.

Список литературы

1. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации / Г. Йонас; пер. с нем. И. И. Маханькова. – М., 2004.
2. Канке, В. А. Современная этика: учебник / В. А. Канке. – М., 2008.
3. Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы «круглого стола») / В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин [и др.] // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 3–28.

Д. В. Зайцев

*(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, dzmitry.zaycev@gmail.com)*

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАН «НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ» ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Время существования политических систем «народной демократии» в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) соответству-

ет Ялтинско-Потсдамской геополитической эпохе. Многие современные процессы в Европе в той или иной степени связаны с геополитическим раскладом, который сложился с 1945 до конца 1980-х гг., чем и объясняется необходимость внимательного рассмотрения этого вопроса.

Существует определение «народных демократий» в контексте международных отношений. Так под «народной демократией» может пониматься политический строй в странах Восточной Европы, при котором руководящую роль выполняли местные коммунисты, опиравшиеся на поддержку СССР, при этом некоммунистические партии продолжали существовать при условии их лояльности по отношению к властям [1, с. 43]. Это позволяет выделить такой геополитический признак «народных демократий» как возникновение и развитие этих политических систем в зоне влияния СССР.

Х. Маккиндер задолго до появления «народно-демократических» стран в регионе ЦЮВЕ выдвинул концепцию «сердца» Центральной и Восточной Европы как плацдарма для доминирования над континентом [2, с. 52]. В свою очередь К. Хаусхофер как сторонник континентальной системы с участием СССР, Германии и Японии выдвинул идею континентального блока, объединяющего нелиберальные политические режимы и к тому же охватывающего страны ЦЮВЕ [3]. Разумеется, послевоенная ситуация принципиально отличалась от модели К. Хаусхофера: Германия была разделена и только ГДР вошла в континентальный блок, советско-японские противоречия исключили присоединения к нему Японии. Однако, общая суть концепции объединения континентальных стран, противостоящих союзу морских либеральных демократий, была реализована.

Необходимо определить геополитическую категорию, к которой можно отнести «народные демократии» ЦЮВЕ. В строгом смысле центром «континентальной силы» т. е. Heartland по терминологии Х. Маккиндера можно понимать только СССР. А все остальные государства по отношению к нему стоит относить к Rimland. Д. Мэйниг страны Восточной Европы отнес к первому виду евразийского Rimland, т. е. тяготеющим к Heartland, в то время Югославию он отнес ко второму виду Rimland, т. е. к геополитически нейтральным странам [4, с. 84]. Представляется, что из-за сильной геополитической интеграции стран ОВД допустимо использовать понятие Heartland в широком смысле, отнеся к нему и «народно-демократические» страны. А. Г. Дугин характеризует союз СССР и стран Варшавского договора как Heartland [5, с. 33]. Этот же вывод следует из того, что в западной геополитике также к Rimland относят зону вдоль границы между НАТО и ОВД [6, с. 37–38], т. е. самих членов ОВД следует причислить к Heartland.

В Чехословакии были межвоенные демократические традиции, экономические связи со странами Запада. Послевоенные реформы здесь были менее радикальными, чем в других странах региона, а коммунисты

до 1947 г. вели себя достаточно умеренно [1, с. 40–41]. ГДР занимает особое положение среди «народных демократий», т. к. само ее существование было возможным только в рамках Ялтинско-Потсдамской геополитической эпохи. Положение ГДР осложнялось существованием так называемой геополитической опорной точки (обособленной территории подконтрольной другим государствам, коммуникации которой пересекают чужую территорию) в виде Западного Берлина, что приводило к политическим кризисам.

Начало холодной войны на рубеже 1946–1947 гг. стимулировало просоветских коммунистических деятелей усиливать свои позиции в странах ЦЮВЕ. Борьба левых и правых партий в Чехословакии активизируется именно в 1947 г. Начало холодной войны можно считать одной из причин так называемых «народно-демократических революций» в регионе. Страны запада практически не пробовали проявить свое влияние во время февральского политического кризиса 1948 г. в Чехословакии, понимая невозможность противодействия СССР в его зоне влияния [7]. Западным странам пришлось отреагировать на этот процесс в своем геополитическом поле влияния. С февраля по июнь 1948 г. в Лондоне прошли встречи представителей США, Великобритании, Франции и стран Бенилюкса по вопросам политики в отношении западных секторов оккупации Германии и было заключено соглашение о проведении там денежной реформы. В свою очередь СССР на это ответил блокадой Западного Берлина [1, с. 78–79]. Видимо, этот кризис международных отношений подтолкнул к образованию ФРГ и ГДР в 1949 г., а также НАТО, СЭВ и затем ОВД.

Ослабление роли СССР в экономике стран региона началось в 1970-е гг. В 1973 г. Брежнев в Боне выступил против политики блоков в экономических вопросах и предложил искать формы сотрудничества между ЕЭС и СЭВ, а Венгрия в этот год даже стала членом ГАТТ [8, с. 242–243]. Начатый в 1975 г. «хельсинский процесс» предоставил возможность для сотрудничества в сфере безопасности между странами Востока и Запада [9, с. 16], но вместе с тем этот процесс позволил проникать влиянию стран Запада в «народно-демократические» республики. Отношение со странами СЭВ в 1980-х гг. в СССР стали рассматриваться как «нерентабельные» и был сделан переход на поставки энергоносителей в страны ЦЮВЕ по мировым ценам [1, с. 314–315], что значительно ослабило значение Советского Союза как партнера для стран «народной демократии».

Протяженность границ со странами НАТО была большой и проходила по равнинной местности. А. Г. Дугин вслед за Ж. Тириаром признал трудной и ресурсоемкой для СССР охрану подобных сухопутных границ [5, с. 333]. Руководство СССР в 1980-е гг. оценивала экономические издержки своей политики в регионе как слишком большие и, возможно, поэтому в 1989–1991-х гг. была принята «доктрина невмешательства» в конфликты в странах ЦЮВЕ. К этому стоит добавить, что до этого со-

ветское вмешательство во внутренние дела «народных демократий» происходило либо по просьбе самих этих стран, как это было во время политического кризиса в ГДР в 1953 г., либо как коллективное действие стран ОВД, как это было в 1968 г. в Чехословакии. При этом даже коллективный характер действий стран ОВД во время «пражской весны» привел к негативным последствиям для СССР в виде выхода Албании из ОВД и осложнений отношений с КНР [1, с. 188–189]. Из этого становится понятным опасение руководства СССР в дальнейшем применять брежневскую доктрину «социалистического интернационализма» и вмешиваться в политический кризис «народных демократий» ЦЮВЕ, который стремительно охватил весь регион во время «осени народов» 1989 г. и парализовал ОВД.

Можно сделать основные выводы о геополитическом положении стран «народной демократии ЦЮВЕ»: одним из признаков этих политических систем является фактор геополитической близости к СССР, их можно определять и как страны Rimland, тесно связанного с Heartland, так и собственно как часть Heartland. Пограничное положение Чехословакии и ГДР со странами Запада привело к некоторым особенностям геополитического положения этих стран. После событий «пражской весны» СССР, несмотря на существование доктрины «социалистического интернационализма», старался избегать активного вмешательства во внутренние проблемы стран ЦЮВЕ, из-за отрицательных последствий ввода войск ОВД в Чехословакию, а также оценки отношений с партнерами из ЦЮВЕ как экономически невыгодных. Это было одной из причин ослабления связей между СССР и «народными демократиями».

Список литературы

1. Богатуров, А. Д. История международных отношений, 1945–2008 / А. Д. Богатуров, В. В. Аверков. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 519 с.
2. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1999. – 254 с.
3. Хаусхофер, К. Континентальный блок: Центральная Европа, Евразия, Япония / К. Хаусхофер // О геополитике. – М., 2001. – С. 372–418.
4. Нартов, Н. А. Геополитика / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2007. – 527 с.
5. Дугин, А. Г. Геополитика России / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2012. – 424 с.
6. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М.: Конкорд, 1996. – 147 с.
7. Орлик, И. И. Запад и Прага в феврале 1948 г. / И. И. Орлик // Новая и новейшая история. – 1998. – № 2. – С. 3–12.
8. Шишелина, Л. Н. Расширение Европейского Союза на Восток и интересы России / Л. Н. Шишелина. – М.: Наука, 2006. – 300 с.
9. Данилов, Д. Формирование системы европейской безопасности / Д. Данилов // Безопасность Европы / под ред. В. В. Журкина. – М., 2011. – С. 11–70.

А. М. Захаров, А. М. Кравченко

(Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь, zacharov.zaharov@yandex.by)

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ: ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Для Республики Беларусь в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным придание новых импульсов для развития интеграционных процессов по основным направлениям, таким, как европейское и евразийское. Однако фундаментальным условием генерирования данных импульсов является принципиальное возрастание позитивного потенциала в имидже белорусского государства, его значимости во всей многообразной палитре международных коммуникаций. Ключевой же механизм здесь – это максимальное расширение и углубление пространства реализации принципа многовекторности в осуществлении внешнеполитической деятельности Республики Беларусь. Представляется весьма перспективным включение в данное пространство африканского вектора, имеющего в настоящее время весомый потенциал для развёртывания, на что акцентировал особое внимание Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко ещё в феврале 2012 года [1].

Среди основных причин такого внимания можно выделить геополитические, экономические, культурно-образовательные. К геополитическим следует отнести собственно желание Республики Беларусь диверсифицировать внешнюю политику, увеличить разнообразие международных контактов, что, в свою очередь, приведёт к укреплению позиций и росту авторитета страны на международной арене. К экономическим причинам относятся новые возможности, которые получает наша страна при акцентировании внимания к Африканскому континенту, учитывая экспортно-ориентированный характер экономики Беларуси. По сути, Африка – это новый рынок сбыта белорусской продукции, до конца не освоенный даже западными странами. Представляется реальным выход страны на этот рынок со своими проектами и своей продукцией, так как здесь они смогут оставаться конкурентоспособными, в отличие от регионов, где рынки сбыта уже поделены и наши товары не выдерживают конкуренции. Помимо всего прочего, развитие экономических отношений с африканскими странами может принести бесценный опыт во внешнеэкономической деятельности, что поможет в будущем Беларуси приходить в новые страны, с которыми раньше подобных отношений не было или же они реализовывали не весь свой потенциал. Среди культурно-образовательных причин следует выделить уже аккумулированный к настоящему времени опыт контактов с африканскими странами в области туризма, культуры и обра-

зования, который может быть углублен, систематизирован и приумножен. Ярким примером является обучение африканских молодых людей в белорусских высших учебных заведениях.

Наиболее перспективным в развитии пространства международных контактов является сотрудничество Республики Беларусь и африканских стран в экономической сфере и, прежде всего, по нашему мнению, в сфере нефтепромышленности, сельского хозяйства и химической промышленности. Так, одной из основных экспортных позиций Беларуси в Африку являются нефтепродукты. Но сразу стоит отметить, что по сравнению с другими покупателями наших нефтепродуктов, африканский регион очень сильно отстает и пока не приносит той прибыли Беларуси, которую может приносить. Однако, по мнению ряда экспертов, именно в нефтяной сфере Беларусь будет пытаться получить наибольшую выгоду во взаимоотношениях с Чёрным континентом. Учитывая постоянные поиски альтернативных источников нефти, технику, опыт по разработке месторождений и специалистов, которые Беларусь может предложить, данное направление выглядит очень перспективным. Но также стоит осознавать и риски данного направления. Примером неудачи развития отношений в данной сфере, но в другом регионе, может служить осуществлённая ранее Беларусью попытка добычи нефти в Иране. Что касается сотрудничества в сфере сельского хозяйства, то здесь речь может идти об экспорте продуктов питания и помощи в развитии различных сегментов данного важнейшего сектора экономики. Африканское население непрерывно растёт. Также, как и растут доходы этого самого населения, несмотря на то, что Африка до сих пор является, и будет ещё, пожалуй, долго являться самым бедным континентом в мире. Также не стоит забывать, что в Африке сельское хозяйство остаётся основным источником дохода. Однако это неэффективная и слабо развитая отрасль экономики. Учитывая накопленный опыт в развитии аграрного сектора, Республика Беларусь может предложить африканским странам поделить достижениями, как в данной сфере, так и в сопредельных сферах (в частности, это касается сельскохозяйственного машиностроения). Конкретным примером может послужить сотрудничество между «Минским тракторным заводом» и нигерийскими партнёрами данного предприятия на поставку в Нигерию тракторов марки «Беларус». Для белорусских производителей Нигерия является перспективным рынком сбыта. Также перспективы выхода на рынок Нигерии для МТЗ открывают и участие в закупках по линии организаций ООН. Химическая промышленность также занимает немалую долю в развитии экономических отношений Беларуси с Чёрным континентом. В Африку белорусские предприятия поставляют преимущественно азотные и калийные удобрения. Однако данное направление пока и наполовину не достигло своего потенциала. Примером является выход на рынок африканской химической промышленности предприятия «Химволокно». В

течение года светлогорская продукция будет тестироваться в технологических процессах на местном производстве, после чего возможно заключение контракта на поставку более крупной партии высокотехнологичной продукции.

При выработке стратегии позиционирования потенциальный экспортер должен учитывать возможные ограничения по срокам годности продукции и потребность в ее сертификации принимающей стороной, таможенные процедуры, а также принять меры по оптимизации транспортных расходов на доставку грузов. Безусловно, одна из составляющих успеха освоения африканского рынка – соответствие товара менталитету местного населения, и об этом должны позаботиться маркетинговые службы предприятий. Поэтому необходимо проведение системной работы по освоению новых рынков на Африканском континенте [2]. При всей значимости экспорта в африканские страны продукции белорусского сельскохозяйственной техники, а также продукции нефтехимии, о чём уже говорилось ранее, нужно усилить диверсификацию поставок. Речь идёт о наращивании как объёмов, так и номенклатуры продукции иных отраслей белорусской экономики, которая уже хорошо зарекомендовала себя при осуществлении различных маркетинговых операций.

Африканский вектор сотрудничества содержит и определённые риски. Специалисты считают, что вкладывать в африканский континент стоит лишь на краткосрочную перспективу. Более долгосрочной перспективе мешают частые военные конфликты, высокий уровень коррупции, административные барьеры, нестабильный инвестиционный климат, политическая нестабильность в ряде стран и несовершенство законодательства. Преодоление этих трудностей через дипломатические связи и тесное взаимодействие белорусских посольств с местными органами власти могут существенно закрепить позиции белорусского государства на Африканском континенте.

В заключение следует отметить, что развитие сотрудничества Республики Беларусь с Африканским континентом позволяет стимулировать достижение серьёзных позитивов в конструировании её политического имиджа в рамках международных коммуникаций и, тем самым, создавать своеобразную имиджевую «подушку безопасности», определяя её успешное участие как в потенциально значимых и реализуемых в настоящее время, так и в проецируемых на перспективу интеграционных проектах европейской и евразийской направленности. Несомненно, Беларусь ещё не исчерпала все возможности для сотрудничества с африканскими государствами. Тем не менее, нецелесообразно компенсировать этими отношениями отношения Республики Беларусь с другими регионами. Связи с Африкой существенно дополняют базовые контексты сотрудничества с иными странами мира и даже помогают развитию других векторов внешней политики страны, но не заменяют их.

Список литературы

1. Африка – новая цель белорусского экспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/economic/2012/02/23/ic_articles_113_176958/. – Дата доступа: 17.02.2014.
2. Беларусь и страны Африки: потенциал сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://export.by/resources/izdaniya_i_publicacii/belarus_i_strani_afriki_potencial_sotrudnichestva.html. – Дата доступа: 17.02.2014.

А. И. Зверева

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, littleredwitch@mail.ru)*

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ
КАК ПОКАЗАТЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МИРА**

Язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в современной лингвистике. Фразеология как неотъемлемая часть и своеобразная сокровищница любого языка мира отражает многовековую историю народа, своеобразие его культуры, быта, традиций. Поэтому фразеологизмы – высокоинформативные единицы языка – считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка.

В своем большинстве идиоматические выражения создавались народом, поэтому они тесно связаны с интересами и повседневными занятиями простых людей. Широкий круг фразеологизмов разного типа служит благодатным материалом для исследования национально-специфического и культурно-значимого в языке. Именно образные средства языка, передавая знания человека о мире в творчески переосмысленной форме, определяют национальное лицо языковой картины мира. Можно даже говорить о фразеологической картине мира, которую отражает реальный смысл идиом. Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее национально-культурном опыте и традициях [1, с. 230].

В свою очередь, фразеологизация терминов и профессиональных устойчивых сочетаний в современном английском языке продиктована общеязыковой тенденцией к их употреблению в переносном образном значении. Как отмечает А. В. Кунин, профессиональная речь является важнейшим источником ФЕ [2, с. 216]. Л. П. Смит также обращает внимание на то, что многие метафорические идиомы возникли в профессио-

нальной речи, так как «все виды человеческой деятельности имеют свою лексику, свои специальные термины, проникающие иногда, особенно в метафорическом употреблении, в литературный язык» [3, с. 33].

Именно спортивные фразеологизмы терминологического происхождения широко используются в современном английском языке, что в свою очередь объясняется большой популярностью спортивных состязаний в англоязычных странах, особенно в Великобритании и США. Спортивный подъязык давно признан одним из важнейших ресурсов обогащения современного английского языка, и особенно, его американского варианта. Спортивная терминология является составной частью языка спортивной коммуникации. Она характеризуется рядом специфических черт: открытостью, широким кругом пользователей, динамизмом, слабой ограниченностью от общелитературной лексики, оценочным характером наименований, наличием значительного числа синонимов, близостью к технической терминологии.

Следует отметить, что способность ФЕ к различным узуальным и окказиональным изменениям позволяет в необычной форме выразить то конкретное семантическое содержание, необходимое для достижения определенной цели отправителя речи. Инновациям легче подвергаются ФЕ с живой внутренней формой, так как связи ФЕ и ее прототипа носят живой динамический характер. В целом ряде случаев происходит обновление или оживление образа, который в результате длительного употребления стал затухать. В современной лингвистике принято выделять узуальные и окказиональные типы изменений.

Узуальные:

1. Морфологическая раздельнооформленность фразеологических единиц – изменение словоформы в составе фразеологизмов. Изменению подвергаются глаголы, существительные и прилагательные:

“*That stock is **the longest shot** to hit one hundred on the American stock exchange*”, – в данном примере наблюдается изменение степени сравнения прилагательного (ср. **a long shot** – “*something is very difficult to do*”), что усиливает воздействие на читателя.

В примере “*I got a **one-two kick** before the election: two important groups were against me. I lost*”, можно увидеть морфологическую замену существительного **punch** на **kick**, что указывает на различную стилистическую окраску (ср. **a one-two punch** – “*to be in a difficult situation because two negative things have happened at once*”).

“*Palo Alto races **against the time** on infrastructure fixes*” – автор намеренно прибегает к замене существительного **clock** на существительное **time**, чтобы подчеркнуть процессуальность действия и всей ситуации в целом (ср. **against the clock** – “*to be in a hurry to meet a deadline or time for completion of something*”).

2. Морфолого-синтаксическим показателем раздельнооформленности ФЕ является возможность их глагольных компонентов употребляться как в действительном, так и в страдательном залогах:

“We are loading our bases. We should win the contract. We have more money and expertise than they do.” (ср. **bases are loaded** “to have an advantage”)

“Even if you haven’t stepped in the bucket yet, you may one day.” (ср. **foot in the bucket** – “to act timidly or cowardly”).

Употребление глагола в страдательном залоге – один из показателей раздельнооформленности фразеологизма, так как это доказывает его «словность», выражающуюся как в изменениях самого глагола, так и в сопутствующих им структурных изменениях, не свойственных словам, как простым, так и сложным.

3. Вариантные показатели раздельнооформленности. Существуют:

a) лексические варианты – варианты с различным лексическим составом: *“Do the poor in this country get a right shake?”* (ср. **Get a fair/right shake** – “to treat someone evenly, to be fair”);

b) грамматические варианты – варианты с тем или иным грамматическим изменением: *“The FBI agent didn’t find the criminal. He was barking the wrong tree up.”* (ср. **bark up the wrong tree** – “to make a wrong choice”);

c) позиционные варианты – перестановка двух или более компонентов без изменения структуры фразеологизма: *«Treating Depression Can Be Miss or Hit?»* (ср. **hit or miss** – “to either achieve success or completely fail”);

d) количественные варианты – варианты с неодинаковым числом компонентов, образованные путём их усечения или прибавления: *“The homeless have the cards against them.”* (ср. **have the cards stacked against one** – “to have a disadvantage”), *“We have a first down. Everyone work hard and maybe we’ll get the contract.”* (ср. **first down and ten go** – “to have accomplished an objective on the way to a goal”), *“She is considered a forthright woman who is not afraid to call a spade.”* (ср. **Call a spade a spade** – “to speak directly and frankly about something or someone”).

К основным окказиональным показателям раздельнооформленности ФЕ относятся два типа структурно-семантических преобразований, не свойственных словам ввиду их цельнооформленности: вклинивание и разрыв.

1. Вклинивание – это включение в состав ФЕ слов, переменных сочетаний слов или других фразеологизмов в данном речевом акте. Вклиниваемые окказиональные элементы расширяют структуру ФЕ и ее лексический состав.

“You scored a real bull’s eye with your speech.” (ср. **bull’s eye** – “to say or do exactly the right thing”). В. М. Мокіенко отмечает, что данный приём вызывает “семантическое перенапряжение” фразеологизма и используется как средство усиления его экспрессивности, “особый способ актуализации внутренней формы” [4, с. 117].

Эффективным типом вклинивания является введение не одного, а нескольких элементов контекста в структуру ФЕ. Такой разрыв создает эффект непредсказуемости и обладает значительной силой воздействия.

“He hit lower than the belt in that argument when he criticized her appearance.” (ср. **hit below the belt** – “to hurt someone unnecessarily”). В

таких случаях происходит как бы расчленение образа с целью его воздействия на как можно больший по объему контекст.

2. Разрыв. Под разрывом ФЕ понимается речевое разъединение ее переменным словом, сочетанием слов или графическими средствами с целью создания нового стилистического эффекта при неизменном компонентном составе:

«But Edwards **knock it out** with his anecdote about Abraham Lincoln saying America is on God's side **of the park**» (ср. **hit it out of the park** – “to achieve complete or even a spectacular success”).

Данное исследование позволяет сделать вывод, что функционирование фразеологизмов терминологического происхождения, в частности спортивного, отражает идейно-символическую ситуацию англоязычного мира и дает краткий конспект культуры. Анализ функционирования фразеологизмов спортивного происхождения в современном английском языке показал, что данные языковые единицы весьма подвержены как узואльным, так и окказиональным изменениям. Это объясняется тем, что данные ФЕ имеют живую внутреннюю форму и связи ФЕ и её прототипа несут живой динамический характер.

Список литературы

1. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
2. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.
3. Смит, Л. П. Фразеология английского языка / Л. П. Смит; пер. с англ. А. С. Игнатъева. – М.: Учпедгиз, 1959. – 208 с.
4. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М.: Высш. шк., 1980. – 174 с.

Г. И. Зеленько

(Институт политических и этнонациональных исследований
имени И. Кураса НАН Украины, г. Киев, Украина, zgalina@ukr.net)

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС В УКРАИНЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ И СОДЕРЖАНИЕ*

Нынешние события в Украине, несомненно, будут предметом многочисленных научных исследований. Но пока очевидно, что состоявшаяся смена власти в Киеве не дает оснований для того, чтобы назвать произошедшее

* В статье использованы данные социологических исследований, проведенных фондом «Демократические инициативы имени И. Кучерива», Киевским международным институтом социологии, Центром Разумкова, а также российской исследовательской организацией «Левада-Центр».

революцией, повлекшей падение режима Януковича. Но анализируя причины этого конфликта, уже сейчас очевидно, что такие конфликты вполне возможны только в странах, где не работает общественное мнение, развивающихся по «законам Матфея», где богатые богатеют, а бедные беднеют.

И хотя формальным поводом к началу протестных акций стал отказ власти от подписания договора об ассоциации с ЕС, в основе кризиса лежат глубокие ценностные противоречия между обществом и властью. Так, среди основных причин нынешнего конфликта в Украине большинство граждан называют высокий уровень коррупции 31,3 %, преобладание в руководстве государства личных интересов над общественными 18,2 %, игнорирование представителями власти Конституции и законов Украины 14,4 %, неэффективное управление государством через некомпетентность его руководства 13,3 % и др. Вместе с тем, украинское общество, даже при наличии таких серьезных противоречий, оставалось пассивным. И только упорное нежелание власти замечать мирный протест, который ею был назван как «протест националистов и фашистов» обернулось постепенным расширением количества протестующих и их требований, что и обернулось крахом режима Януковича.

В частности структура занятости участников протестов говорит о том, что наиболее активными участниками протеста стали специалисты со средним и высшим образованием или студенты. Именно эти категории граждан стремились как можно быстрее получить выгоды, реализовав собственные знания и навыки в Украине. Практически равные части участников протестов, которые живут в Киеве либо приехали из областей, 49 % против 50,2 %, причем из всех участников, только 8,1 % были организованы партиями и общественными организациями. При этом 62,7 % опрошенных имеют высшее образование.

Вместе с тем классифицировать смену власти как революцию преждевременно. Пока это только восстание, которое сможет стать революцией при условии изменения принципов формирования государственной политики, механизмов формирования органов государственной власти и проведение реальных реформ, а не переформатированием политического класса (пока имеет место только изменение лиц в государственных структурах). Поэтому способность новой власти перевести политические решения, принятые под давлением «революционной целесообразности» в правовое русло, определит дальнейшее развитие событий. Ведь очевидно, что нормой для нынешней Украины стало поведение «око за око», в нынешнем конфликте приобретшее более изощренные формы, и в ходе событий уже после смены власти были созданы прецеденты, дающие основания полагать, что добиваться любых решений можно с помощью силы. Именно этим пользуются радикально настроенные политические силы («Правый сектор») и криминалитет, которые под предлогом восстановления справедливости заменили собой правоохранительные органы.

В. А. Зенченко

*(Белорусский государственный педагогический университет
имени М. Танка, г. Минск, Беларусь)*

С. И. Симановский

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
simans@ya.ru)*

РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В современном мире перед лицом нивелирующей народы глобализации идея создания мощного интеграционного объединения постсоветских государств как важного условия выживания и развития нации, сохранения государственного суверенитета становится императивной, т. е. приобретает характер повелительного требования. Как отмечают многие исследователи, сохранить свою национальную идентичность и суверенитет в современном мире могут только великие державы и те народы, которые объединяются в союзы государств, имеющие общие цивилизационные основания. В связи с этим Республика Беларусь проводит активную политику по развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Первым шагом на пути развития интеграционных процессов после распада СССР явилось формирование Союзного государства Беларуси и России, во многом обусловленное их принадлежностью к общей восточнославянской цивилизации, схожестью культур и менталитета двух народов. Началом единения явилось подписание 6 января 1995 г. в Минске Соглашения о Таможенном союзе Беларуси и России, которое стороны определили как экономическое объединение двух государств. В процессе государственно-правового сближения 2 апреля 1996 г. подписали и впоследствии ратифицировали Договор об образовании Сообщества Беларуси и России, а 2 мая 1997 г. Устав Союза. 8 мая 1999 г. Парламентское собрание Беларуси и России поддержало проект Договора о создании Союзного государства.

Формирование Союзного государства Беларуси и России содействовало вовлечению в интеграционные процессы другие постсоветские государства. В результате в 1995 г. на территории СНГ было создано региональное объединение Таможенный союз, в который первоначально вошли Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан и Киргизская Республика. В 2000 г. к договору присоединилась Республика Таджикистан, а в 2013 г. заявку на вступление в Таможенный союз в качестве наблюдателя подала Украина.

В качестве основных целей интеграции Договором определены: последовательное улучшение жизни людей, защита прав и свобод личности,

достижение социального прогресса; обеспечение устойчивого демократического развития государств; формирование единого экономического пространства, предусматривающее эффективное функционирование общего рынка товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, развитие единых транспортных, энергетических, информационных систем; создание равных возможностей получения образования и доступа к достижениям науки и культуры; согласование внешнеполитического курса, обеспечение достойного места на международной арене; совместная охрана внешних границ Сторон, борьба с преступностью и терроризмом.

В соответствии с Договором были учреждены органы управления интеграцией: Межгосударственный Совет, Совет глав правительств, Межпарламентский Комитет, Интеграционный Комитет. В настоящее время «пятерка» объединяет государства, обладающие крупным совокупным экономическим потенциалом и существенно сближившие национальные законодательства и хозяйственные механизмы. Это позволило поставить более масштабные задачи на пути интеграции, сформированные в Договоре о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г., правовой основой которого служат общепризнанные нормы и принципы международного права и национальные законодательства Сторон.

В связи с необходимостью дальнейшей унификации законодательства по развитию интеграционных процессов 23 мая 2000 г. Межгосударственный Совет принял решение о формировании на базе Таможенного союза новой международной организации, наделенной функциями, связанными с вступлением во Всемирную торговую организацию, формированием внешних таможенных границ, проведением единой внешнеэкономической политики с едиными тарифами и ценами, обеспечением иных составляющих функционирования общего рынка. 10 октября 2000 г. в Астане был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества, в котором заложена концепция более тесного и эффективного торгово-экономического сотрудничества для достижения целей и задач, определенных договором о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. В нем предусмотрены организационно-правовые инструменты реализации достигнутых договоренностей и механизмы синхронного и адекватного выполнения заключенных международных договоров, введение системы контроля за реализацией принимаемых решений и ответственности Сторон.

В рамках Сообщества предполагается решение вопросов, направленных на завершение оформления в полном объеме режима свободной торговли, формирование единого таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования, согласование позиций государств-членов ЕврАзЭС во взаимоотношениях с ВТО, создание общей таможенной территории с общей системой таможенного регулирования и единым управлением таможенными службами. Определены перспективы сотрудни-

чества в социально-гуманитарной сфере, предусматривается углубление взаимодействия правовых систем, дальнейшее сближение и гармонизация национального законодательства государств-учредителей.

Исполнительным органом Сообщества является Интеграционный Комитет, к основным функциям которого отнесены обеспечения взаимодействия органов ЕврАзЭС, контроль за реализацией решений, принятых Межгосударственным Советом, подготовка предложений по формированию бюджета Сообщества и контроль за его исполнением.

Органом парламентского сотрудничества является Межпарламентская Ассамблея. Ей предоставлено право рассматривать такие важные вопросы, как приведение национальных законов государств-учредителей в соответствие с договорами в рамках Сообщества, а главное – разрабатывать основы законодательства в базовых сферах правоотношений, которые после выполнения необходимых процедур становятся частью правовой системы государства.

В целях обеспечения единообразного применения Договора об учреждении Евразийского экономического сообщества и других действующих в рамках Сообщества договоров и принимаемых решений образован Суд Сообщества. К его функциям отнесено рассмотрение споров экономического характера, возникающих между Сторонами Договора по вопросам реализации решений органов ЕврАзЭС и положений договоров, действующих в рамках Сообщества.

Учреждение ЕврАзЭС как международной организации – это обостренная реакция на тенденции современного мирового экономического развития. Обострение технологических, энергетических, экономических проблем мирового хозяйства не обошло стороной и государства постсоветского пространства, в которых экономическую ситуацию усложняет быстрое устаревание их технической и технологической инфраструктуры, развитие в отдельных постсоветских государствах лишь отдельных отраслей народного хозяйства. Это затрудняет включение экономики этих государств в модифицирующуюся систему международных экономических отношений. Между тем в мировом хозяйстве усиливается тенденция к глобализации, принципиально изменяется практика международного сотрудничества, расширяется обмен опытом и технологиями, формируется общее мировое информационное пространство. Решающее значение приобретает ориентация на международные стандарты качества продукции и услуг. Растет влияние транснациональных корпораций и международных организаций на решение экономических и политических проблем. На всех континентах ускоряются процессы региональной международной экономической интеграции.

Таким образом, в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве достигнуты определенные результаты в политической, экономической, гуманитарной, военно-оборонной областях. Это преж-

де всего относится к Таможенному союзу. В то же время ускорению развития интеграционных процессов препятствует ряд объективных и субъективных факторов. К объективным факторам можно отнести разную цивилизационную принадлежность, различные экономические модели и уровни социально-экономического развития, внешнеполитические ориентации, политические режимы, финансовую зависимость ряда постсоветских государств от Запада. Среди субъективных факторов можно отметить накопившиеся исторические обиды, недоверие, рост национализма и русофобии, разные идеологические ориентации, стремление национальных элит к полному господству в своих странах.

Можно сделать вывод, что в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве достигнуты определенные успехи. В то же время на пути ее расширения и углубления немало трудностей и препятствий. В связи с этим необходима продуманная интеграционная политика, учитывающая особенности и интересы каждого государства, участвующего в этих процессах.

А. А. Иванов

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, dovmont85@yandex.ru)

ГРАЖДАНСКАЯ НАЦИЯ – БЕЛОРУССКИЙ ПРОЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

После обретения Республикой Беларусь независимости в результате распада СССР перед руководством страны и ее элитой возник целый ряд серьезных вопросов, которые касались выбора как внутривнутриполитической, так и внешнеполитической стратегии нового, молодого государства. В числе прочих необходимо было определиться и с моделью национального строительства. Несмотря на убежденность многих исследователей в завершенности процесса формирования белорусской нации как высшей формы этноса, с точки зрения политики, именно сейчас происходит процесс политического национального самоопределения белорусского общества.

Процесс формирования идентичности, закрепления программы национального строительства неразрывно связан с разработкой определенной официальной идеологической концепции, а также с выбором между этнической и гражданской моделью национализма. Крах мультикультуралистских проектов дает нам возможность утверждать, что мир снова обращается к теории национализма как наиболее проверенной модели не только в сфере регулирования межэтнических отношений, но и в сфере государственного строительства.

Стоит отметить, что «самая советская из всех советских республик», как называли иногда Беларусь, в условиях трансформации постсоветского общества также вынуждена была выбирать между гражданским и этническим проектом национального строительства. Однако стоит отметить, что идея национального возрождения так и не была реализована. Причин тому много: ностальгия по советскому прошлому, ускоренная, а отчасти принудительная белоруссизация, нерешенность экономических проблем, радикализм некоторых представителей национальных организаций и партий. Все это в той или иной степени сыграло важную роль в непринятии белорусским обществом этнической национальной концепции [3, с. 75–78].

Значительные изменения в этой сфере произошли после избрания в 1994 г. Президентом А. Г. Лукашенко. Проведенный им референдум в 1995 г. и решения принятые на основе его результатов привели к тому, что национальная политика в большей степени обрела гражданский (государственный) характер. Придание русскому языку статуса государственного, возврат к советской символике, углубление интеграционных процессов, направленных на более тесное сближение с Российской Федерацией, – все это, так или иначе, свидетельствовало об отказе от националистических лозунгов предыдущих лет [5]. В то же самое время именно данные референдума стали отправной точкой для перехода к строительству белорусской нации по гражданскому (государственному) образцу. Именно референдум 1995 г. можно считать отправной точкой в процессе национального строительства в Беларуси в постсоветскую эпоху. Однако, несмотря на снижение градуса напряженности в сфере межэтнических отношений, само по себе будущее белорусской нации оставалось достаточно туманным. Это в числе прочего создавало и угрозу национальной безопасности. В отсутствии четкой самоидентификации населения страны, реальную угрозу для государственной безопасности и целостности представляли как локальные сепаратистские движения (пример полесский сепаратизм), так и реваншистские настроения в определенных политических кругах стран соседей (Россия и Польша).

Нерешенность проблемы создания национальной идеи, которая смогла бы объединить общество, остается актуальной и на сегодняшний день. Выступая в самом начале 2014 г. на ежегодном вручении премии «За духовное возрождение» А. Г. Лукашенко отметил: «Пришло время выделить то, что станет объединяющей всех граждан белорусской идеей, в которую поверят все – от академика до крестьянина» [4]. При этом основой должны стать патриотизм и готовность беречь свое наследие. Получается, что за 20 лет ни руководство страны, ни элита так и не смогли сформулировать единой концепции, которая стала бы основой новой белорусской национальной идеи. На выходе мы получаем целое поколение, выросшее без национальной идеи. Это в немалой степени создает угрозу национальной безопасности и национального суверенитета.

Выбранная модель гражданского национализма, основанного на идее согражданства и легитимации власти на основе консолидации гражданской нации, является нормой для многих современных государств, особенно в период политической трансформации и демократизации [6, с. 19–20]. Но не стоит забывать и о проблемах, связанных со становлением гражданского общества в современной Беларуси, его слабой развитостью, что значительно затормаживает принятие и приведение в жизнь необходимых решений, способных повысить степень эффективности реализуемого национального проекта.

Глава государства также отмечает и не самый высокий уровень национальной идентичности. Подтверждается это и данными социологических исследований. Только 41 % опрошенных считает интерес и знание собственной истории обязательным атрибутом принадлежности к нации, и всего 13 % таким атрибутом считают постоянное использование национального языка. Эти данные свидетельствуют о необходимости определенной корректировки национальной политики, особенно в сфере культуры и образования.

Поддержка значительной частью населения данной гражданской концепции национального строительства отнюдь не означает отсутствия сторонников этнического национализма, особенно в среде национально ориентированной интеллигенции. Последняя предлагает множество вариантов и моделей национальной политики от концепции культурного возрождения вплоть до полного пересмотра и изменения основ белорусской государственности, включая смену не только символики, но и названия государства [1]. Для обоснования данных концепций и их легитимации происходит пересмотр исторического прошлого белорусского народа, а также абсолютно вольная ничем не подтвержденная трактовка некоторых событий, включая нежелание признать важность советского прошлого в становлении современной Беларуси. Проблема здесь видится в том, что и государство со своей стороны пытается легитимировать себя лишь через советское наследие и героику победы в Великой Отечественной войне, отказавшись во многом от преемственности исторического процесса. Обе эти позиции сами по себе ошибочны. Исторический процесс непрерывен, нельзя вырывать из контекста истории отдельные его периоды, каждый из которых сыграл свою роль в процессе становления белорусской нации [2].

Подводя итог, хочется отметить, что избранная руководством страны национальная стратегия, основанная на преобладании гражданского компонента в процессе национального строительства, вполне соответствует духу времени и практике большинства современных развитых демократических государств. Однако открытым остается вопрос сохранения этнической идентичности и угроза исчезновения этнического наследия. Именно преодоление этих недостатков, а также повышение уровня наци-

ональной идентичности становится приоритетной задачей в процессе национального строительства на ближайшее время.

Список литературы

1. Беларусь – превыше всего! (О национальной белорусской идее) / сост., пер., науч. ред. А. Е. Тараса. – Смоленск: Посох, 2011. – 240 с.
2. Буховец, О. Г. Историописание постсоветской Беларуси: демифологизация «ремифологизации» / О. Г. Буховец // Национальные истории на постсоветском пространстве-II / под ред. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, 2009. – С. 15–50.
3. Денисюк, Н. П. Формирование этнической политики Республики Беларусь в современных условиях / Н. П. Денисюк // Научные труды РИВШ. – 2008. – Вып. 5. – С. 75–81.
4. Лукашенко А. Г. призвал разработать национальную идею Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.by/news/politiks/item/26452-ideja.html>. – Дата доступа: 18.02.2014.
5. Об итогах голосования на республиканском референдуме 14 мая 1995 года (Сообщение Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов) // Официальный сайт Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.archive.org/web/20110720220048/http://www.rec.gov.by/refer/ref1995resdoc.html>. – Дата доступа: 20.01.2013.
6. Тишков, В. А. Этнология и политика / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2001. – 239 с.

П. Г. Игнатович

*(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, kafkult@buk.by)*

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Характерной особенностью современного этапа мирового развития является глобализация и информатизация, втягивающая в свою орбиту всю планету с возрастающей максимальностью и интенсивностью, оказывая воздействие на различные сферы жизнедеятельности не только мирового сообщества, но и каждой страны. Глобализация – процесс многоплановый, многоаспектный и противоречивый. Она способствует переходу человечества на новый, более высокий и вместе с тем более сложный уровень целостности. Эта новая целостность дихотомична: с одной стороны она предстаёт как грандиозный, не имеющий аналогов в истории проект культурно-этнической, религиозной, социальной однородности, с другой – демонстрирует индивидуализацию и атомизацию человека. Безусловно, эта

дихотомия приводит к дестабилизации идентичности и появлению на авансцене в современной истории человека, блуждающего по бесконечному лабиринту идентичностей. Эту ситуацию определяют как ситуацию кризиса идентичности – утраты человеком устойчивых образов «Я».

Идентичность – одна из ключевых категорий в которой находят отражение перемены современного общества. Идентичность (лат. *identificatio* – отождествлять) – представление человека о своём Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самоидентичности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образом, нормой, группой, культурой, и т. д.) В социально-гуманитарных науках выделяется несколько видов идентичности: а) социальная, формирующаяся посредством отождествления индивидом себя с социальными образцами, группами, общностями, социальными ролями и статусами; б) личная (самоидентификация), реализующаяся в понимании человеком себя «как такового» и умении оставаться «самим собой» в различных ситуациях, в том числе неблагоприятных; в) гендерная, проявляющаяся в сознании индивидом себя как представителя определённого пола и служащая психологической интериоризацией мужских и женских черт поведения; г) гражданская, представляющая собой процесс самоотождествления индивида с базовыми ценностями определённой социальной общности или общества в целом; д) этнонациональная, проявляющаяся в отождествлении индивидом самого себя с определённым этносом или нацией, свойственными им языком, культурой, традициями, образцами поведения [1, с. 75].

Процесс формирования идентичности обозначается категорией «идентификация». Идентификация – это процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, коллективом, помогающим ему успешно овладеть различными видами социальной деятельности усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли. Идентификация может осуществляться в различных формах, отличающихся социокультурным механизмом, характером усваиваемых видов деятельности, ролей, норм и ценностей, степенью эффективности этого усвоения. Идентификация – это механизм, благодаря которому реализуется отождествление, а идентичность – результат и итог действий идентификации. Становление и развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций, которые интегрируются в систему ценностной идентичности.

Идентичность традиционно основывалась на стабильности социальной структуры, идеалов, ценностей и норм. Сегодня ситуация в целом в мире, особенно в странах постсоветского пространства принципиально изменилась. Меняется и идентификация и идентичность. Это явилось

основанием для утверждения, что в современных условиях идентичность не есть что-то неизменное и устойчивое. Это подвижное меняющееся состояние, обусловленное изменчивостью современного мира.

Процессы, идущие в современной глобализирующейся культуре, оказывают неоднозначное воздействие на формирование идентичности современного человека. С одной стороны, глобализация привлекательна для него, поскольку апеллирует к универсальным принципам гуманизма, плюрализма, субъективной активности человека, ментально освобождает его от пространственных ограничений, накладываемых на него фактом проживания в данной стране. Появление глобальных форм коммуникации (спутниковое телевидение, Интернет) даёт возможность принадлежать к группам и культурам, в которые он физически не погружен, т. е. даёт этим группам культурно существовать в жизни отдельных ценностей и обществ. Возникают сообщества, в которых чувство идентичности индивида и связи с другими (часто пространственно отдаленными) людьми не в результате общего воспитания и совместного проживания, но вследствие общих интересов, общих идеалов, или как минимум совпадения мнений [3, с. 279–280]. Интернет позволяет создавать общества, объединенные различными интересами, без ограничения и стандартов. С другой стороны, множественность систем ценностей, подходов, типов культурного поведения, расширяя сферу социально и культурно одобряемого, порождает у человека экзистенциальное напряжение, связанное с необходимостью делать выбор в условиях неопределенности и даже распадом существующих форм социальной жизни.

Процессы, постоянно происходящие между этими полюсами обуславливают необходимость анализа усложнения формирования идентичности современного человека и вызывающего у него чувства затерянности в многозначности мира, а также процессов, которые идут в самой культуре. Сущность белорусской идентичности раскрывается в чувствах принадлежности и приверженности людей своей стране Беларуси, причастности к её жизни; общности с её народом, его культурой и историей. В качестве базовых компонентов белорусской идентичности следует выделить такие её составляющие как территориальную, гражданскую, этническую и культурную субидентичности. Это выделение обусловлено и распространённостью, и актуализацией, и устойчивостью в массовом сознании населения республики и тесной взаимосвязанностью между ними. Содержание белорусской идентичности преломляется через разделяемые народом Беларуси общие представления, мысли, идеи, чувства, идеалы и образы [2, с. 179].

Беларусь, находясь в центре Европы является важной составной частью мирового культурного пространства. Естественно, интеграция в наши дни играет значительную роль в определении современного облика государства. В условиях современного глобального развития и поворота в сторону модернизации, зачастую по западным лекалам, нарастает тен-

денция отрыва отечественной культуры от своей органической глубинной основы, потери национальной идентификации, что чревато потерей культурных корней, утратой вектора культурного развития. Поэтому, национальная культурная идентичность является важнейшим результатом и условием сохранения и поддержания традиционных национальных ценностей и налаживании диалога между различными культурами. Сегодня одновременно с процессами интеграции в мировое экономическое и культурное пространство, Беларусь в числе других государств, возникших на постсоветском пространстве, постоянно сталкивается с необходимостью выработки государственных идейно-культурных установок, способных сохранить культурное разнообразие и самобытность, национальный суверенитет и историко-культурные традиции, которые позволят в процессе интеграции достаточно плодотворно использовать процессы глобализации на благо своих народов и культур, одновременно защитить историко-культурное наследие и менталитет своих народов от разрушительного влияния глобальной духовной стандартизации. В условиях стремительно изменяющегося современного мира для сохранения своей культурной самобытности Беларусь вынуждена реагировать на изменения мирового глобального культурного климата и находить собственные пути развития с учётом белорусской культурной специфики.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Идентичность как фактор консолидации / Е. М. Бабосов // *Беларуская думка*. – 2013. – № 3. – С. 74–79.
2. Наumenко, Л. И. Белорусская идентичность. Концептуализация понятия / Л. И. Наumenко // *Социологический альманах*. Вып. 1. – 2010. – С. 171–180.
3. Русецкая, В. И. Трансформация процесса идентичности в современном социокультурном пространстве / В. И. Русецкая // *Социологический альманах*. Вып. 2. – 2011. – С. 279–284.

М. В. Ильин

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, ctkp@yandex.ru)

Е. М. Ильина

(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, Elenail888@gmail.com)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Государственно-ориентированная Вестфальская модель мира в её биполярной Ялтинско-Потсдамской интерпретации прекратила существо-

вание. Сегодня наблюдается двуединый процесс формирования планетарного рынка услуг, капитала, товаров, рабочей силы, технологий, образования транснациональной политической элиты и процесс регионализации со своими финансовыми центрами, наднациональными структурами и региональными элитами [1, с. 36, 38].

При этом фиксированные границы государств уже перестают быть границами реального экономического пространства, постоянно меняется его конфигурация, а «жесткая» геополитика уступает место более «эластичной» геоэкономике [2, с. 14].

Естественно, что национальные идентичности не могут быть столь гибкими, они существуют внутри государственных границ, адекватны ментальности и определённому геополитическому выбору, но всё-таки претерпевают существенные трансформации и требуют более совершенных политических технологий их формирования и адаптации. При этом можно говорить об «успешных» и «неуспешных» государствах и в контексте их проектов формирования национальных идентичностей. Интересно, что в глобальной системе координат процесс образования «золотого миллиарда» некоторым авторам видится как процесс, существующий вне национальных идентификаций, «...поверх государственного разделения, путем формирования особых элитных каналов глобального общения и перемещения с ограничением доступа» [3, с. 23].

Известный российский политик Ю. Лужков констатирует, что «... мир вступил не просто в фазу высоких цен на энергоносители, а в углеводородный период геополитики и системы международных отношений» [4, с. 64]. «К 2050 году и даже раньше России объективно предстоит интегрировать вокруг себя и своего проекта будущего часть мира, прежде всего постсоветское пространство и мир соотечественников» [4, с. 112].

Заслуживает внимания диссертационная работа В. В. Путина «Стратегическое планирование воспроизводства минерально-сырьевой базы региона в условиях формирования рыночных отношений», защищённая в 1997 году.

Ряд учёных утверждают, что «...Россия по трем основным общепринятым параметрам, характеризующим мощь любого государства (территория, природные ресурсы и вооруженные силы), является сверхдержавой, а по остальным шести (управление, население, экономика, культура и религия, наука и образование, внешняя политика) – великой державой» [2, с. 17].

В этом жестком, динамичном и фрагментарном мире Беларусь проводит многостороннюю многовекторную внешнюю политику, встраивается в сложную конкурентную систему многоуровневой, разноскоростной интеграции с полицентричной системой принятия коллективных политических решений.

Республика Беларусь активно сотрудничает со странами бывшего СССР в рамках Союза Беларуси и России, Таможенного союза, ЕврАзЭС,

ОДКБ, ЕЭП, СНГ, устанавливает конструктивные отношения со странами, входящими в такие политико-экономические интеграционные объединения, как МЕРКОСУР, АТЭС, АСЕАН, НАФТА, ЕС, Африканский союз, Лига арабских государств, ШОС. Трудно не согласиться, что проект формирования белорусской национальной идентичности должен соответствовать геополитическому, геоэкономическому и цивилизационному выбору Беларуси в региональной и глобальной системе координат.

Национальные государства в условиях глобализации дискриминируются, их суверенитет, демократические принципы политического управления, законные права граждан, национальная идентичность и достоинство подвергаются существенной эрозии.

Многовекторная, равноскоростная, многоуровневая интеграция в условиях глобализации значительно усложняет решение проблемы геополитического выбора.

На геополитическую ориентацию оказывают влияние внешнеполитические представления общества, качество и взгляды политических элит, состояние и эффективность институциональной структуры, качество бюрократического аппарата, ориентации финансово-промышленных групп, региональные предпочтения.

Современный этап мирового развития можно интерпретировать как период жёсткой углеводородной геополитики, реализуемой как отдельными государствами, так и естественными монополиями путём формирования интеграционных скидок и энергетических субсидий.

Подписание Договора о Евразийском союзе (ЕАС) может стать одним из главных аспектов кампании по выборам Президента Республики 2015 года как в агитационно-пропагандистском плане, так и в отношении признания выборов Западом и Востоком.

Наблюдается разное прочтение идеи евразийской интеграции как элитами России, Казахстана и Беларуси, так и внутри самих элит в зависимости от принадлежности тому или иному типу национальной идентичности.

Имеет место разделение белорусской идентичности на общеполитическую (гражданскую и этническую), западнобелорусскую, восточнобелорусскую, восточноевропейскую, общеевропейскую, советскую и общерусскую.

Актуализируется вопрос о приемлемом варианте интеграции указанных идентичностей, делающей выбор геополитического и геоэкономического вектора Беларуси достаточно определённым и бесконфликтным.

Массовые беспорядки на Украине в 2013–2014 году иллюстрируют издержки политики ситуативной многовекторности, требуют формулировки новых, более креативных подходов к информационно-аналитическому обеспечению государственной политики.

Реализация евразийского геополитического проекта актуализирует проблему поиска его идеологических оснований, учитывающих национальные идентичности казахского, российского и белорусского народов [5; 6] .

Исследованию евразийства посвящены работы Б. С. Ерасова, А. С. Панарина, И. А. Исаева, В. Я. Пашенко, К. В. Пишуна, Л. Н. Гумилёва, Д. М. Балашова, С. Б. Лаврова, В. А. Мичурина, В. В. Кожина, Т. Н. Очировой, И. Б. Орлова, А. Г. Дугина, Г. В. Фроловского, Н. А. Нарочницкой, К. Мяло, Л. В. Пономарёвой, Н. А. Бердяева, Н. С. Трубецкого, В. Н. Топорова и др.

А. Г. Дугин предлагает рассматривать евразийство в рамках общемирового контекста, представленного работами Р. Генона, Ю. Эволы, К. Хаусхофера и Ж. Тириара.

Идеология евразийского строительства имеет глубокие концептуальные основания, серьёзный общемировой контекст, реализация евразийского проекта является закономерным этапом мирового развития. Идея ЕАС полностью соответствует трендам современной глобализации.

Постсоветским странам было бы предпочтительным сначала интегрироваться в ЕАС путём гибкого многоуровневого участия в его работе, а затем занять консолидированную позицию по отношению к другим союзам, в том числе по отношению к ЕС.

Интеграционные этапы страны-участницы проходят с разной скоростью, что создаёт определённые сложности в организации функционирования такой группировки. Между участниками интеграционного процесса возникают в разных областях отношения соперничества и партнёрства.

Развитие ЕАС должно идти исключительно эволюционным и добровольным путем на основе экономического прагматизма, превращения ЕАС в конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.

Необходимо обеспечить широкую общественную поддержку идее строительства ЕАС с использованием возможностей новых сетевых акторов и надгосударственных структур, разработать систему мониторинга интеграционного процесса в контексте подписания соответствующего договора о ЕАС [5; 6].

Список литературы

1. Панкевич, Н. ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации / Н. Панкевич // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 3. – С. 34–42.
2. Мунтиян, В. И. Евразийский экономический союз – новый цивилизационный выбор / В. И. Мунтиян // Экономическое возрождение России. – 2012. – № 4 (34). – С. 14–30.
3. Семененко, И. Тренды и альтернативы развития современного мира / И. Семененко, В. Лапкин, В. Пантин // Мировая экономика и международные отношения. – 2013. – № 10. – С. 19–32.
4. Лужков, Ю. М. Россия 2050 в системе глобального капитализма: о наших задачах в современном мире / Ю. М. Лужков. – М.: Московские учебники, 2007. – 142 с.

5. Быков, А. Н. Перспективы евразийской интеграции: российские и зарубежные оценки / А. Н. Быков // Российский внешнеэкономический вестник. – 2013. – № 4. – С. 14–30.

6. Лапенко, М. В. Проект создания Евразийского союза и его восприятие в политической элите и экспертном сообществе перспективных стран-участниц / М. В. Лапенко // Изв. Саратов. ун-та. Сер. История, Международные отношения. – 2013. – Т. 13. Вып. 2. – С. 65–79.

Л. Г. Интымакова, Е. Е. Дудникова

*(Таганрогский государственный педагогический институт
имени А. П. Чехова, г. Таганрог, Россия, larisaint@gmail.com)*

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ КАК ИНДИВИДУАЛЬНО СУБЪЕКТИВИЗИРОВАННОГО ФЕНОМЕНА

Категория «понимание» в настоящее время, с одной стороны, весьма активно разрабатывается в современной литературе, а с другой стороны, нельзя сказать, что данный феномен получил специальное систематическое изложение. Очень близко стоят к данной категории такие понятия, как «смысл» и «значение». И в этом русле все большее значение приобретает понятие контекста.

Контекстное содержание может иметь самую различную смысловую нагруженность. Оно также может быть структурировано от предельно общего – уровня социума, через национальные, культурные, исторические контексты до личностного индивидуализированного уровня. На высших ступенях этой иерархии дискурсы навязываются личности через различные механизмы социального воздействия и социального наследования. В частности, социальные классы и этнические группы продуцируют идеологически значимые дискурсы в целях установления и поддержания своей гегемонии, а также в целях изменения действительности.

В то же время, если исследователь считает, что он понимает проблему, то это предполагает, что он не только осознает объективное содержание тех или иных событий, но и сравнивает его со своими определенными внутренними установками, со своими мировоззренческими ценностями. Параллельно он оценивает события и дает их футурологическое толкование, которое выводит подобное исследование за рамки философского осмысления конкретных событий или прошлого, и предполагает перенесение акцента на стрелу времени, с тем, чтобы понимание прошлого вписывалось в контекст не только тех тенденций, которые идут из прошлого в настоящее, но и тех из них, которые, из прошлого пройдя сквозь настоящее, устремятся в будущее.

В связи с этим, категория «понимание» способствует осознанию исследователем того, что текст, исторический источник, философское,

литературное произведение фактически являются тем объектом, распределение которого сформировало определенное видение процессов или явлений, описанных в них [3, с. 69]. Поэтому категория «понимание» в этом смысле приобретает своеобразные интегральные характеристики, так как оно неоднородно и имеет ряд уровней, как-то: лингвистический, интерпретационный, уровень, на котором постигается смысл текста.

В рамках изучения социальных явлений исследователь, так или иначе, выходит на круг проблем, касающихся как общества в целом, так и каждого человека в отдельности. При этом речь нередко идет о том, что сам человек в рамках рассмотрения и представления общества может представлять, как в качестве деятельностного, так и в качестве познающего субъекта. Такое разделение в реальной практике встречается достаточно редко, но в исследовании деятельностный субъект в большей мере сосредоточен на конкретно-практических действиях по отношению к тому или иному социуму, той или иной социальной группе, в рамках которой он находится.

Однако, если сделать акцент на познающего субъекта, то можно говорить о том, что действительно, в рамках той или иной деятельности, для ее оптимизации, для достижения наиболее эффективных результатов, познающий субъект использует различные вспомогательные методы и средства, которые, возможно, будут не столько эффективны в контексте деятельностного подхода к рассмотрению общества, сколько в контексте представления этого общества с точки зрения того исторического опыта, который достигнут на данном этапе развития самого общества [1, с. 22].

На наш взгляд, одной из существенных проблем в исследовательской работе в данном направлении является представление наиболее значимых характеристик самого феномена понимания. Получив определенное развитие в литературе, осмысление данной проблемы имеет ряд характеристик. С точки зрения тех задач, которые ставятся в рамках данного исследования, разделим подобные характеристики на три большие группы:

1. В первой группе анализируются универсальные характеристики при исследовании феномена понимания. Подразумевается подход к тексту как к фрагменту определенной культуры, который будет, обязательно, соотноситься с ценностными установками личности, с накопленными знаниями. В свою очередь, подобное соотношение будет представлять собой творческое освоение, познание мира, в ходе которого будет происходить открытие собственных личностных знаний, ценностей и возможностей. Таким образом, познание из метода будет превращаться в способ бытия [6, с. 74].

2. Вторая группа связана с, так называемой, субъективацией. В рамках этой группы можно отметить полифункциональность категории «понимание», ее субъективированность, то есть осознание значимости собственного Я, своих возможностей, личной заинтересованности в осмыс-

лении объективно существующего текста; контекстуальность, духовную выраженность [5, с. 112].

3. Третья группа представляет собой объективацию понимания через обращение к тексту непосредственно, как к источнику наших знаний. Она характеризуется направленностью на поиск и раскрытие смысла через наличие личностно-значимой общности между читателем и текстом, которая позволит ему, преодолев временную дистанцию и расстояние, стать современником текста и осмыслить его. Причем это раскрытие смысла будет происходить в форме диалога, как исследователя с самим собой, так и с эпохой, с текстом и с самим автором текста.

Указанные характеристики способны придать познавательному процессу субъективно смысловую направленность в освоении исторического прошлого и являются достаточно эффективными с точки зрения систематизации любого изучаемого материала. Поэтому, когда речь заходит об интегральной характеристике феномена «понимание», указанные черты будут определять концептуально-смысловой каркас. Этот каркас позволит дать объективный анализ феномену «понимание» и включить его в реальный контекст общения познающего субъекта с тем или иным литературным, историческим или философским источником, являющимся своеобразным объектом для распределения в направлении получения новых знаний о фактах и событиях, имевших место в прошлом [4, с. 92].

Само понимание литературного, исторического или философского текста является творческим процессом, имеющим гносеологическую и онтологическую природу. Вновь обретенные смыслы создают новые условия бытия. Творчество при понимании текста заключается не только в его как можно более адекватном осмыслении, но и в осознании исследователем себя как активного преобразующего начала, реализующего в процессе познания себя как личность и свои собственные возможности и способности.

Следовательно, мы приходим к выводу, что знак через внешнее воздействие задает реакцию на него индивида, а индивид, через личное восприятие, определяет свою реакцию на данный знак. Это не попытка при помощи конвенционалистских уловок уйти от типичности. Это взаимное влияние, например, А. О. Карпов характеризует как способность к взаимоиинтерпретации, когда и знак, войдя в индивидуальное сознание, сам интерпретирует собственную коллективную интерпретацию [2, с. 38].

Таким образом, «понимание» является не только социальным феноменом, но и в большой степени индивидуально субъективизированным. В современной литературе не подвергается сомнению, что одни и те же тексты в разных культурно-исторических условиях понимаются по-разному. Дискурс рассматривается как совокупность социальных практик, в рамках которых конструируются и воспроизводятся значения и смыслы. Поэтому его принято рассматривать как атрибут любой социальной дея-

тельности и любой социальной институализации, позволяющий прийти к более глубокому пониманию как исторического процесса в целом, так и его отдельных событий в частности.

Список литературы

1. Визигин, В. П. Научный текст и его интерпретация / В. П. Визигин // Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982.
2. Карпов, А. О. Интегрированное знание / А. О. Карпов // Человек. – М., 2003.
3. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарные познания / В. Г. Кузнецов. – М., 1991.
4. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2000.
5. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / У. Эко. – М., 2007.
6. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991.

Б. А. Исаев

(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, isaevboris@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В политической истории демократии можно выделить следующие ее виды: первобытную демократию, античную демократию древнегреческих полисов, античную демократию древнеримской республики, средневековую европейскую демократию, демократию Нового времени, демократию эпохи Индустриализма, демократию эпохи Постиндустриализма.

Зародившись еще в догосударственном обществе, демократические формы правления прошли длительный путь, постоянно развиваясь и видоизменяясь в разных странах, в которых создались определенные условия. Политическая демократия из наиболее развитых обществ постепенно распространялась по странам и континентам. Это распространение демократии превратилось сегодня в глобальную тенденцию.

Для зарождения и функционирования любого из вышеуказанных типов демократии необходимы определенные **объективные и субъективные условия**. К **объективным условиям**, не связанным непосредственно с генезисом демократии, а действующим опосредованно, мы относим: социально-экономический уровень развития общества, уровень жизни населения, уровень образования, который позволял бы понять и усвоить идеи демократии, развивать теорию демократии, уровень и тип политической культуры, общую социально-политическую активность населения, стремление к общественной жизни, совместному решению социально-политических проблем с привлечением всех членов общества.

К *субъективным условиям*, непосредственно зависящим от деятельности людей, мы относим: генерирование определенных демократических идей, выдвижение демократических законов и принятие демократических конституций, создание конкретных демократических политических институтов в результате революций или реформ, создание демократических политических партий и общественных организаций, формирование демократических общественных отношений, гражданского общества, формирование правового государства.

Определенные комбинации условий возникают в каждой отдельно взятой стране и формируют национальные особенности перехода этой страны к демократии.

Вплоть до формирования индустриальной и постиндустриальной демократии, демократическая политическая система, то есть демократия на уровне государства существовала *циклически*. Индустриальная и постиндустриальная демократии тесно связаны между собой и пока формируются *линейно* – по восходящей линии.

Генеральное направление социально-политического развития современного мира *от недемократии* – через зарождение, развитие, распространение политической демократии, демократизацию общественных структур, через кризисы и спады в развитии – *ко все большей демократии* в истории демократии просматривается достаточно ясно.

Политическая история демократии, с точки зрения развития политических институтов, закрепления демократических норм на разных этапах власти, демократизации социальных отношений, взаимодействия гражданского общества и государства, разрастания электората и роста политического участия населения, совершенствования партий и общественных организаций может быть, разумеется, с достаточной степенью условности, разделена на следующие *периоды*:

- 1) период отдельных демократических институтов;
- 2) период отдельных демократических городов-государств;
- 3) период отдельных демократических коммун и появления государств-наций;
- 4) период достижения преобладания демократических государств-наций в мире;
- 5) период всемирной демократии.

Периоду всемирной демократии соответствует постиндустриальная демократия, которая предстает: меритократическим социумом, демократией знания, демократией труда как процесса взаимодействия между людьми, информационной демократией, сетевой демократией, коммуникационной демократией, демократией постматериальных ценностей, инновационной демократией [1–10].

В период всемирной демократии, количество демократических стран в мире становится преобладающим, контакты между ними, благодаря ус-

коренной информатизации и компьютеризации множатся, появляются *международные демократические институты*, которые ускоряют демократизацию мира, формируется *мировое общественное мнение*, *всемирное гражданское общество*, в повестку дня ставится вопрос создания *всемирного государства*. Сегодня мы находимся в начале периода всемирной демократии, который характеризуется: расширением контактов между государствами на двухсторонней, многосторонней, континентальной и всемирной основе, созданием новых организаций лидеров ведущих стран (G-8, G-20) для решения важнейших политических проблем, регулярным созданием на временной основе оперативно действующих команд лидеров, министров иностранных дел, авторитетных дипломатов для урегулирования наиболее угрожающих делу мира конфликтов, интенсификацией личных контактов между лидерами, ведущими политиками, парламентариями ведущих государств мира, развитием негосударственных контактов социально-политического характера между общественными организациями, политическими партиями, профессиональными союзами и частными лицами, увеличением количества и активизацией деятельности международных и региональных государственных и негосударственных организаций, созданием каждым значимым СМИ собственной всемирной сети корреспондентов, развитием контактов между национальными системами СМИ, становлением интернациональных СМИ, использованием для социально-политической информации глобальной сети Интернет, созданием всемирных организаций по здравоохранению, продовольствию, расширением контактов между национальными организациями социального обеспечения, общего и специального образования, формированием целой сети международных гуманитарных организаций как под эгидой ООН, так и вне ее, формированием всемирных социально-политических движений, в том числе движения экологистов, движения за демократический мир и ядерное разоружение.

В период всемирной демократии появляется возможность объединить усилия многих, даже подавляющего большинства стран для решения глобальных проблем человечества. Очевидно для этого демократическим государствам, действуя через систему ООН или помимо нее необходимо решать следующие вопросы:

- эффективное обеспечение глобальной безопасности и полное устранение военной угрозы из жизни человеческой цивилизации;
- содействие формированию всемирного гражданского общества;
- сокращение национальных армий и военных бюджетов до нулевого уровня и распределение освободившихся средств и ресурсов для решения самых злободневных глобальных проблем;
- перераспределение средств и ресурсов для обеспечения ускоренного развития отстающих стран и этносов;
- содействие постепенному выравниванию уровней экономического развития всех регионов мира;

- поддержание и обеспечение стабильного функционирования глобальных товарного, финансового, фондового рынков;
- развитие коммерческих потоков рабочей силы, отдыха, туризма и т. д.;
- развитие некоммерческого научного, культурного, спортивного и других видов обменов между нациями и этносами;
- способствование интеграционным процессам, объединяющим разные государства и этносы в единое человечество, способное решить экологические, социальные, политические, экономические и другие проблемы.

Список литературы

1. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999.
2. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М., 2004.
3. Глобальные проблемы современности / под ред. Н. Н. Иноземцева. – М., 1981.
4. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999 / ред. сост. и авт. предисл. И. В. Бестужев. – М., 2000.
5. Дзоло, Д. Демократия и сложность: реалистический подход / Д. Дзоло. – М., 2010.
6. Фарид, З. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / З. Фарид. – М., 2004.
7. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М., 2011.
8. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI в. / под ред. В. Л. Иноземцева. – М., 2010.
9. Крауч, К. Постдемократия / К. Крауч. – М., 2010.
10. Макферсон, К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / К. Б. Макферсон. – М., 2011.

С. Т. Кавецкий

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
г. Брест, Беларусь, kstbrest@mail.ru)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНОМИИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Аномия (от фр. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашенными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям.

Рассматривая феномен аномии на постсоветском, постсоциалистическом пространстве необходимо анализировать процессы предшествующие этому состоянию. Как известно в СССР и в социалистическом лагере господствовал тоталитарный режим, где определяющим был лозунг: «Разрешено все, что приказано». Тоталитарный режим разрушает систему общечеловеческих ценностей, ориентаций, навязывая личности определенную «механическую» модель мышления и деятельности. Государство, не оставляя личности ни грана экономической и политической свободы, концентрирует в своих руках функцию социального выбора, оставляя индивиду право на согласие с реализуемой альтернативой. В этих условиях формой аномии выступают: тоталитарный характер мышления; оценка социальной действительности и перспектив развития с позиции монополии на истину; низкая информационная культура социума, отсутствие когнитивной зрелости в обществе; господствующее извращенное массовое сознание.

Тоталитаризм, не имея прочной социальной базы, является политически нестабильным режимом, что может привести его к трансформации. Возможна трансформация тоталитаризма как по направлению к демократии, так и по циклическому кругу (от «левого» тоталитаризма к «правому» и наоборот).

Трансформации возможны при смене элит. Смена элит опирается, прежде всего, на изменение типа духовного производства и ведет к смене традиционных форм аномии новыми. Среди этих форм аномии можно выделить следующие:

- воинствующий патернализм или агрессивное политическое суеверие;
- разрушение традиционных ценностей и стереотипов;
- модель политической культуры, основанная на бюрократической иерархии;
- кризис доверия к любым политическим институтам со стороны общества;
- воинствующий национализм;
- усиление перераспределительных настроений в обществе;
- «бунтарское» сознание и поиск новых «врагов»;
- взрыв «харизматического» состояния;
- почти полное отсутствие механизмов социализации личности и непредсказуемость политического поведения.

Еще один аспект аномии заключается в том, что советское общество путем весьма болезненных социальных травм выросло до относительно целостного образования. Академик Е. М. Бабосов, анализируя духовное начало позднего советского общества, отметил, что социальная жизнь расслоилась на две внутренние, не связанные части: официальную, не подлинную, псевдореальную, провозглашаемую на словах, и неофициальную, подлинную, ни для кого не обязательную. В официальной все

советские люди – убежденные сторонники социализма, в личной – очень многие, особенно на верхах социальной пирамиды – приспособленцы и перерожденцы, все более утрачивающие веру в коммунистические идеалы. Эти духовные предпосылки надвигающейся катастрофы привели к деструктивному в своей сущности развороту социально-политических процессов, в русле которых осуществляется постепенная замена общественной активности общественной имитацией. Итогом становится крупномасштабная социальная аномия – жизнь вне провозглашенных норм и правил [1, с. 21].

Специфика постсоветского общества состоит в том, что оно, призывая же достаточно длительное время в условиях глубочайшей трансформации, так же как и другие в подобных ситуациях, не может не испытывать дисфункциональное напряжение. Социум в настоящем своём качестве также ориентирован на общие потребительские стандарты, которые свойственны любому другому обществу, основанному на рыночных механизмах. Это делает возможным, в определённой мере, применение к анализу всего происходящего в постсоветском социуме, в том числе и белорусском, мертоновской аналитической схемы. С другой стороны, переход к смешанному обществу в постсоветской трансформации идёт от «развитого социализма».

На возникающий социокультурный феномен различные страты социума реагируют по-разному.

Первая из них – конформистская. Это приспособленчество, характерное для советского и постсоветского «молчаливого большинства», общество, где доминирующее положение занимает подданнический тип политической культуры.

«Конформизм – от лат. *conformis*, сходный, подобный, совокупность взглядов, ценностных ориентаций и поступков людей, направленных на признание и принятие господствующих в обществе идей, мнений, норм, стандартов поведения, существующего общественного порядка» [2, с. 162].

Для второй группы характерен инновативный тип поведения. Так, российский ученый В. В. Кривошеев, отмечая специфику аномии и её небывалую криминальную насыщенность, делает вывод, что для современной ситуации характерна «криминализация всего социума» [3, с. 95]. При этом отметим, что инновационный импульс зачастую служит источником позитивных общественных преобразований и отражает назревшую потребность в социальных изменениях. Инновация может и должна рассматриваться в двух смыслах: широко (с точки зрения инноваций, протекающих на социальном макро-уровне) и узко (уровень социальных акторов и индивидуального поведения) – потому что только так мы сможем четко определить позитивные и негативные ее свойства.

Третья группа – это индивиды её составляющие, для которых главное не достижение целей, а ритуалы, «замешанные» на бюрократизме и формализме. Это подтверждают количественные и качественные показа-

тели постсоветских вертикалей, горизонталей и пирамид, превзошедших по этим цифрам советскую номенклатуру.

Сегодня не найдется ни одной страны, ни одной сферы общественной мысли, где бы явление бюрократизации и бюрократический слой не клеймили бы как социальное зло, рассадник коррупции и альтернативу демократизации. Процесс возникновения и возвышения бюрократической элиты и ее охвостья в советский период стал изучаться лишь с конца 80-х годов XX века. Анализируя этот феномен, аналитики приходили к выводу, что «наиболее удобным и страшным средством становится аппарат в руках тоталитарных режимов. Власть бюрократии в этих условиях становится практически подавляющей, пронизывает как метастазы все общественной жизни. Бюрократы становятся правящей кастой и устанавливают порабощающие государственно-политические порядки» [4, с.106].

Но определить зло, поставить диагноз – это еще даже не половина дела. Распад СССР дал импульс созданию новых независимых государств, национальных элит и соответственно аппарата управления. Национальные бюрократии в основном создавались на базе советской номенклатуры и быстро усвоили высший суверенный государственный уровень чиновничества.

Четвёртая группа – индивиды, изолированные от своего социального окружения (ретризм). К их числу относится растущее число алкоголиков, наркоманов, токсикоманов самоубийц, женщин легкого поведения, представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций, и т. д.

Пятая группа конфликтующих предпочитает бунт, мятеж и т. д. Это характерно для радикальных молодёжных группировок, субкультур, нетрадиционных конфессиональных сект и т. д.

Аномическое состояние общества имеют глубокие онтологические и гносеологические корни, а их раскрытие вызвано необходимостью рационализации периодически возникающего социального хаоса, изучения характерных и, что особенно важно, глубинных процессов, протекающих в обществе. Необходимость выхода из кризисных состояний всегда сопряжена со сложными, многофакторными, противоречивыми и болезненными процессами, осмысление которых требует широкого социополитического анализа и выявления основополагающих закономерностей.

Переходное состояние постсоветского общества на рубеже XX и XXI веков значительно ускорило изменения в его социальной структуре. Изменились и продолжают меняться отношения собственности и власти, перестраивается механизм социальной ориентации, идет интенсивная смена элит. Степень аномичности постсоветских государств, в том числе Беларуси, является высоким и охватывает все сферы общественной жизни.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Социология катастроф / Е. М. Бабосов // Социс. – 1998. – №. 4. – С. 19–25.

2. Социологическая энциклопедия / под общ. ред. А. Н. Данилова. – Минск: БелЭн, 2003. – 384 с.
3. Коклюхин, В. В. Возвышение и отчуждение бюрократической элиты / В. В. Коклюхин, С. Т. Кавецкий // Отчуждение как социокультурный феномен: теория, история, современность: тез. докл. всесоюзной науч.-теоретической конф. / под ред. И. И. Кального. – Симферополь: Таврия, 1991. – 112 с.
4. Кривошеев, В. В. Особенности аномии в современном российском обществе / В. В. Кривошеев // Социс. – 2004. – № 3. – С. 93–97.
5. Юревич, А. В. Нравственное состояние современного российского общества / А. В. Юревич // Социс. – 2009. – № 9. – С. 70–79.

В. В. Калацэй

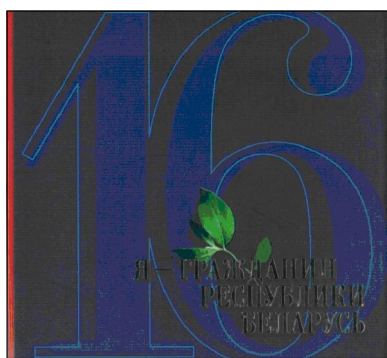
(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск, Беларусь, vietah@narod.ru)

**ДЗЕЙНАСЦЬ ПА АХОВЕ ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ
Ў ВЫШЭЙШАЙ ШКОЛЕ БЕЛАРУСІ
ЯК ГАРАНТЫЯ СУЧАСНЫХ ІНТЭГРАЦЫЙНЫХ ПРАЦЭСАЎ
У КРАІНЕ ПРЫ ЗАХАВАННІ НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЙ
ІДЭНТЫЧНАСЦІ**

Сучасная інтэрнацыянальная назва традыцыйнай культуры – **нема-тэрыяльная культурная спадчына** (*англ.* oral and intangible heritage of humanity – «вусная і неасязаемая спадчына чалавецтва») – мае на ўвазе *узоры вуснай народнай творчасці і тэхналогіі рамёстваў, якія перадаюцца ад пакалення да пакалення, няспынна аднаўляюцца супольнасцямі і суполкамі ў сувязі з прыродным атачэннем і гісторыяй, фарміруюць у іх пачуццё самабытнасці і спадкаемства, спрыяюць творчасці чалавека і навазе да культурнай разнастайнасці. Яе прыкмета – жывое бытаванне традыцый, іх існаванне ў побыце народа ў выглядзе нацыянальнай культуры. У ХХІ ст. адміністратары, дзеячы культуры і педагогі будуць эксперыментальныя мадэлі адукацыйнага працэсу на падмурку спадчыны мясцовых традыцыйных культур, і невыпадкова: даўней далучэнне да ўласнай культуры ладзілася ва ўмовах сям’і і суседскіх суполак, а зараз «этнізаваць» светасузіральна-паводзінныя стандарты моладзі спрабуюць з дапамогай этнакультурнага выхавання і этнамастацкай адукацыі. У межах **этнакультурнага выхавання** адбываецца *духоўнае ўдасканаленне асобы шляхам развіцця творчых здольнасцей дзіцяці сродкамі этнічнага мастацтва – фальклору яго этнасу. Этнамастацкая адукацыя* – працэс, які забяспечвае этнакультурнае выхаванне педагогічнымі і кіруючымі кадрамі.*

У Расіі і краінах Балтыі этнакультурнае выхаванне і этнамастацкая адукацыя – дзяржаўная справа. Этнацэнтры творчага развіцця працуюць

па комплексных праграмах (з 7-гадовым навучаннем) з 1997 года. Яны прайшлі экспертную ацэнку і іх паспелі зацвердзіць Інстытут этнаграфіі народаў свету Расійскай акадэміі навук, Пецябургскі педагагічны ўніверсітэт, Інстытут тэатра, музыкі і кінематаграфіі. Аналагічную працу ў Латвіі ладзяць E. Mingaila Tautas makslas centras, Latvijas Kultūras akadēmijas. У Літве гэтым паспяхова займаюцца Lithuanian folk culture center, Lithuanian ethnic culture society [5].

Малюнак 1 – Вокладка выдання «Я – грамадзянін Рэспублікі Беларусь», якое ўрачыста ўручаюць беларускай моладзі і фатаздымак капэлы «Гуды» з гэтага выдання

Мэта артыкула – прасачыць змены ў этнамастацкай адукацыі Беларусі пачатку XXI ст., абумоўленыя патрэбай яе еўразійскай і еўраінтэграцыі з захаваннем нацыянальна-культурнай адметнасці – *неабходнай умовы «імунітэту» ад бескантрольнай глабалізацыі*. Ідэя пра тое, што нацыянальная культура, фальклор – культурная спадчына Беларусі і дзейсны сродак патрыятычнага і этнакультурнага выхавання сёння ўсё больш актыўна выкарыстоўваецца дзяржавай. Так, з 2007 г., разам з пашпартамі 16-гадовым беларусам уручаюць выданне з мультымедычным дадаткам [4], дзе сярод фота шэдэўраў нацыянальнай культуры – фатаздымак дудароў (выканаўцаў на беларускай валынцы – адным з этнічных маркераў нашага музычнага фальклору з XVIII ст.) капэлы «Гуды» (малюнак 1). У сучасным вузкаспецыялізаваным грамадстве кожным відам дзейнасці займаюцца мэтанакіравана падрыхтаваныя асобы. Працаваць з аўтэнтчным фальклорам («жывым» этнамастацтвам, якое і з’яўляецца 100 %-й нематэрыяльнай культурнай спадчынай) у вышэйшай школе пачалі нядаўна. Адзін з першых досведаў у Беларусі – кафедра этналогіі і фальклору БДУКМ (2003). Яе дзейнасць канцэптuallyная і выпрацоўвае адукацыйныя мадэлі для вышэйшай школы, якія б спрыялі захаванню і ахове кара-

нёвай культуры краіны. Асноўныя інавацыйныя дасягненні кафедры на працягу 2003–2013 гг.: а) распрацоўка і ўкараненне мадэлі падрыхтоўкі ва УВА спецыяліста-практыка па захаванні НКС; б) распрацоўка і ўкараненне мадэлі інавацыйнай кафедры практычнай фалькларыстыкі (кафедры мастацтва вуснай традыцыі).

Мадэль УВА-падрыхтоўкі спецыяліста-практыка па захаванні фальклору (малюнак 2) акамулюе вопыт выкладання Санкт-Пецярбургскай акадэміі музыкі (кансерваторыі) імя М. А. Рымскага-Корсакава, Вільнюскай акадэміі музыкі, дзе аддзяленні этнамузыкалогіі (на якіх рыхтуюць «фалькларыстаў, якія спяваюць ці граюць» – як альтэрнатыву «этнографам-аналітыкам» і «стылізатарам-фальсіфікатарам» фальклору) існуюць шмат год і зараз іх досвед з асяродкаў УВА інтэгруецца ў асяродак музycznych каледжаў і сацыякультурную практыку.

УВА-падрыхтоўка спецыяліста-практыка па захаванні НКС			
экспедыцыя на 1 курсе		яе вынікі як дыдактычны матэрыял на сярэдніх курсах	дыпломны праект на матэрыялах экспедыцыі на выпускным курсе

Малюнак 2 – Кафедральная мадэль падрыхтоўкі фалькларыста-практыка (2004)

У працэсе ўкаранення мадэлі дзейнасць кафедры набыла грамадска-арыентаваную форму. У жыццё кафедры дадаліся сацыякультурна-арыентаваныя праекты. Яна адбылася як кафедра практычнай фалькларыстыкі. Як прыклад паспяховасці этнамастацкай адукацыі ва БДУКМ можна прывесці выпуск спецыялізацыі «Этнафоназнаўства» 2013 года, дыпломныя работы якога (выкананыя на падставе ўзгаданай вышэй мадэлі) атрымалі выключна прызавыя: 1-ю (3 работы) і 2-ю (1 работа) катэгорыі на Рэспубліканскім конкурсе навуковых работ студэнтаў, а 4 іх аўтары (100 % ад гадавога выпуску спецыялізацыі) сталі магістрантамі Інстытута падрыхтоўкі навуковых кадраў НАН Беларусі [1].

Адпаведна нарматывам па ахове *нематэрыяльнай культурнай спадчыны*, сучасныя фалькларысты павінны праводзіць дзейнасць па 3 напрамках: **ахоўную** (праца з носьбітамі НКС Беларусі ў мэтах іх падтрымкі і стымуляцыі працэсу перадачы НКС паміж пакаленнямі); **этнакультурна-выхаваўчую** (праца з дзецьмі і моладдзю ў мэтах інтэгравання НКС у іх асяроддзе); **статыстычна-рэпрэзентатыўную** (маніторынг НКС, і інфармаванне пра яго вынікі). Напрацягу 2003–2009 гг. калектыў кафедры сумесна з супрацоўнікамі аддзела традыцыйнага мастацтва БелПІК выпрацаваў адладжаную мадэль дзейнасці па перайманні НКС, укараніў яе ў навучальны працэс (табл. 1).

Табліца 1 – Праца па захаванні НКС з 2003 па 2009 гг.

Напрамкі працы		
ахоўная праца – праца з носьбітамі НКС у мэтах іх падтрымкі і стымуляцыі працы перадачы НКС паміж пакаленнямі	этнакультурна-выхаваўчая праца – праца з дзецьмі і моладдзю Беларусі ў мэтах інтэгравання НКС у іх асяроддзе	статыстычна-рэпрэзентатыўная праца – маніторынг НКС у Беларусі, інфармаванне пра вынікі міжнародную супольнасць
вынік к 2009 году – фарміраванне асновы сістэмы падтрымкі носьбітаў спадчыны вуснай традыцыі Беларусі з цэнтрам ва БДУКМ	вынік к 2009 году – фарміраванне сістэмы этнакультурнага выхавання дзяцей і моладзі Беларусі і этнамастацкай адукацыі з цэнтрам ва БДУКМ	вынік к 2009 году – уключэнне абраду «Цары» в. Семежава ў Urgent Safeguarding List UNESCO і датацыя 120 000 \$ на яго захаванне

З 2003 па 2009 гг. складовыя гэтай дзейнасці неаднойчы атрымлівалі станоўчую ацэнку ад фалькларыстаў з Еўропы і Беларусі, кіраўніцтва ўніверсітэта, Рэспубліканскай камісіі па справах ЮНЕСКА, Міністэрства культуры [3]. Паралельна яе ўдзельнікі вырашалі шмат пытанняў – ад фінансавання ўдзела па-этнамастацку адукаваных студэнтаў у фестывальным руху і мастацкіх праектах (ў Літве, Латвіі, Славакіі, Харватыі, Нямеччыне) да выканання гаспадарча-разліковых навукова-даследчых заданняў дзяржаўных праграм [2], што дае магчымасць напрыканцы артыкула зрабіць наступныя высновы.

1. Змены ў этнамастацай адукацыі Беларусі пачатку XXI ст. ўвасобіліся ў адкрыцці новых напрамкаў адукацыі і стварэнні ў сістэме УВА структур, забяспечваючых патрэбу краіны ў спецыялістах-практыках па захаванні традыцыйнай культуры.

2. З'яўленне спецыялістаў галіны практычнай фалькларыстыкі – з'ява, абумоўленая перабудовай навучання ва УВА Беларусі ў мэтах яе еўразійскай і еўраінтэграцыі з захаваннем нацыянальна-культурнай адметнасці.

3. Актуальнасць этнамастацкай адукацыі сёння дазваляе ёй (пры стварэнні адпаведных умоў) выконваць у вышэйшай школе функцыю «імунітэту» ад бескантрольнай глабалізацыі.

Спіс літаратуры

1. Калацэй, В. Асобы / В. Калацэй // ЛіМ. – 2013. – № 51. – 27 снеж. – С. 13.
2. Нікіценка, І. Даследаваць аўтэнтычны фальклор, каб перадаць яго маладому пакаленню / І. Нікіценка // Настаўніцкая газета. – 2011. – № 49. – 3 лістап. – С. 8.
3. Песнякевіч, Т. Крыніца з патэнцыялам ракі / Т. Песнякевіч // ЛіМ. – 2011. – № 44. – 4 лістап. – С. 19.

4. Я – гражданин Республики Беларусь / ред. совет Т. Н. Ковалёва [и др.]. – Минск: Пачатковая школа, 2007. – 312 с.

5. Zabieliene, Ausra. Folkloro ansambliai dabartineje lietuvoje: etnologinis aspektas / Ausra Zabieliene. – Vilnius: Firidas, 2010. – 262 p.

В. Н. Калита

(Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия, freelance51@rambler.ru)

УКРАИНА: ВЫБОР «ВЕКТОРА ИНТЕГРАЦИИ» И РОЛЬ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

В начале 90-х годов перед новыми независимыми государствами Восточной Европы встал вопрос выбора «вектора интеграции». Страны Балтии стали членами ЕС и НАТО, Беларусь взяла курс «на восток» и на сегодняшний день состоит в нескольких интеграционных объединениях, наиболее значимым из которых является Таможенный союз в составе России, Беларуси и Казахстана. Украина же (как и, в значительной степени, Молдова) долгое время пыталась проводить политику «многовекторности». Это объяснялось особым сочетанием факторов, влияющих на государственное строительство, главными из которых являются высокая конкуренция между центрами влияния – как внутренними, так и внешними, неконсолидированный политический режим, непоследовательная стратегия институциональных реформ, практическое отсутствие опыта самостоятельной государственности в границах, сопоставимых с современными [1, с. 218]. Многие аналитики называли эту политику попыткой «усидеть на двух стульях» и предупреждали, что невнятный курс в этом вопросе может оставить Киев на периферии современных геополитических процессов [2]. Тем не менее, необходимо учитывать, что и Россия, и ЕС занимают очень важное место во внешней торговле Украины, и поэтому серьезное нарушение сотрудничества с одной из этих сторон имело бы пагубные последствия для украинской экономики.

Для России и для ТС в целом важность выбора Украиной вектора интеграции определяется тем, что без участия Украины планируемому Евразийскому Союзу будет гораздо труднее стать организацией, сопоставимой с ЕС и другими интеграционными объединениями и, следовательно, быть для них равноправным партнером. С другой стороны, как отмечал Ф. Лукьянов, «новый союз нужно строить так, чтобы в нем не образовалось своих «Великобританий», которые будут то тормозить развитие, выторговывая себе преимущества, то грозить выходом» [3, с. 150–151], и это в полной мере относится к Украине. Европейскому же Союзу, как и Западу в целом, цивилизационно чуждая Украина в качестве полноправ-

ного члена не нужна, поэтому такой статус в обозримой перспективе ей и не предлагают. Реальные цели настойчивого подталкивания Украины к евроинтеграции – расширение периферии Запада и рынка сбыта продукции европейских (а в перспективе и американских) корпораций, использование новой дешевой рабочей силы для демонтажа социального государства в странах Западной Европы, а также ослабления ТС и России, которые рассматриваются элитами Евросоюза и США в привязке к плану Трансатлантического соглашения о свободной торговле только как стратегический противник [4].

К началу 2010-х годов возможности лавирования для руководства Украины все более ограничиваются. Оба внешних «центра влияния» требуют определиться с выбором «вектора интеграции». Внешне складывалось впечатление, что среди политической элиты Украины еще с начала 2000-х годов [5, с.138] практически сложился (вопреки мнению большинства населения) консенсус. Руководствуясь совершенно разными соображениями, украинская элита дружно взяла курс «на запад» с конечной целью полного присоединения к ЕС. Однако в целом ситуация выглядела неопределенной. Оставались вопросы, поставленные еще в 2008 году в аналитическом материале «Украина: Quo Vadis?», подготовленном Институтом исследования проблем безопасности Европейского Союза, который является флагманским научно-практическим центром ЕС: «Сможет ли Украина бросить якорь прочно на стороне Евросоюза... несмотря на сопротивление России? Будет ли она снова брошена в орбиту России? Останется ли она в нынешнем ненадежном положении «между Евросоюзом и Россией» как часть нестабильного и фрагментарного региона, зажата в сэндвиче между двумя великими образованиями, конкурирующими за влияние? Или сближение с Европейским Союзом и интеграция в мировую экономику в итоге будут возможны в сотрудничестве с Россией, тем самым исключая дальнейшую поляризацию обстановки в регионе?» [6, с. 21].

Впрочем, как оказалось, в тот момент основные проблемы исходили не от России. Первые попытки администрации В. Януковича добиться сближения с Евросоюзом натолкнулись на серьезное препятствие – дело Ю. Тимошенко. Осенью 2011 года ЕС потребовал пересмотра данного дела, причем в настолько ультимативной форме, что премьер-министр Украины Н. Азаров назвал эти требования «аморальными» [7]. Получив отказ, руководство ЕС отложило на неопределенный срок парафирование соглашения об ассоциации и зоне свободной торговли с Украиной (позже оно все же было парафировано и подготовлено к подписанию). В ответ Украина в октябре 2011 года демонстративно подписала соглашение об аналогичной зоне в рамках СНГ, которое она до этого торпедировала более десяти лет. Однако от полноценного участия в ТС украинские руководители, несмотря на настойчивые приглашения России, всячески уклонялись, ограничившись статусом наблюдателя. От подписания вы-

шеуказанного соглашения с ЕС, которое, по многим оценкам, чревато негативными последствиями для украинской экономики, они также в последний момент отказались, что, как известно, спровоцировало нынешний политический кризис.

Таким образом, в политической элите Украины произошел раскол по вопросу «вектора интеграции», который, по-видимому был последним фактором, объединявшим ее в единое целое. При этом Россия, отказавшись от попыток формально вовлечь Украину в процесс евразийской интеграции, делала ставку, подкрепленную как щедрой финансовой поддержкой в увязке с широкомасштабными проектами двустороннего сотрудничества, так и угрозой экономических санкций, на команду В. Януковича, которая намеревалась продолжить прежний курс лавирования и выторговывания уступок. Эту линию, в лучшем случае, можно было бы продолжать еще около года – до очередных президентских выборов, выиграть которые у него не было шансов. Однако выступившие единым фронтом ЕС и США сумели путем неприкрытого вмешательства во внутренние дела Украины досрочно привести к власти политических противников В. Януковича, готовых подписать соглашение с ЕС немедленно и без всяких условий. При этом, по сообщению одного из оппозиционных депутатов, представители Евросоюза впервые гарантировали (правда, в устной форме) скорое вступление Украины в ЕС [8].

Тем не менее, считать, что Запад окончательно выиграл «геополитическую битву за Украину» пока преждевременно. Во-первых, не устранена вероятность активного сопротивления юго-восточных областей, настроенных в основном против евроинтеграции. Во-вторых, негативные последствия первых шагов в этом направлении могут привести к перемене настроений и в других регионах, тем более, что ЕС и США пока не могут договориться, кто должен финансировать евроинтеграцию Украины. В-третьих, ультраправые элементы, составляющие главную и практически никем не контролируруемую силу недавнего государственного переворота, также относятся к перспективе евроинтеграции достаточно настороженно.

Список литературы

1. Мелешкина, Е. Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / Е. Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН. – 2012.
2. Жильцов, С. С. Геополитическая изоляция Украины / С. С. Жильцов // Независимая газета. – 2012. – 18 янв.
3. Фурман, Е. Перспективы евразийской интеграции: отношение российского экспертного сообщества / Е. Фурман // Мир перемен. – 2013. – № 4.
4. Колташов, В. Два проекта интеграции / В. Колташов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vz.ru/columns/2013/12/17/664451.html>.
5. Пантин, В. И. Тенденции политического развития современной Украины: основные риски и альтернативы / В. И. Панин, В. В. Лапин // Полис. – 2013. – № 5.

6. Пашковская, И. Г. Европейский Союз: энергетическая политика в отношении новых независимых государств / И. Г. Пашковская // Аналитические доклады ИМИ. – Вып. 1(22), июль 2009. – М.: МГИМО, 2009.

7. Азаров: Аморально увязывать подписание соглашений Украины с ЕС с судом над Тимошенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru:8080/ukraina/2011/09/17/891082.html>.

8. Главы МИД Германии, Франции и Польши заявили, что будут инициировать полноценное вступление Украины в ЕС после назначения нового Кабинета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ua/rus/news/politics/glavy-mid-germanii-frantsii-i-polshi-zayavili-chto-budut-21022014200700/>.

В. В. Калюта

(Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна, Беларусь, Kaluta2003@tut.by)

НЕКАТОРЫЯ АСАБЛІВАСЦІ НАЦЫЯНАЛЬНА-ПАЛІТЫЧНАГА РУХУ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

Палітычныя абставіны, у якіх апынулася Беларусь пасля падзелу Рэчы Паспалітай (РП) не маглі не адбіцца на яе грамадска-політычным жыцці. На працягу стагоддзяў Расія не ведала класічнага паняцця «дэмакратычнае грамадства». Такія паняцці як канстытуцыя, парламент, апазіцыя не былі зразумелымі і даступнымі большай частцы насельніцтва. У той жа час, расійскае самадзяржаўе пры дапамозе паліцэйска-бюракратычнага апарата падпрымала ўсе намаганні каб штучна дэпалітызаваць грамадскае жыццё краіны. Першая палітычная арганізацыя, якая афіцыйна называлася сябе партыяй, з'явілася тут, як вядома, толькі ў 1879 г. («Народная воля»). Дагэтуль «партыямі» тут называлі розныя прыватныя групы ці гурткі гвардэйскіх афіцэраў, якія нярэдка ў XVIII ст. у Расіі рабілі вялікую палітыку.

У той жа час палітычная жыццё на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII–XIX ст. характэрна завалася большай актыўнасцю ў параўнанні з расійскімі землямі, што абумоўлівалася наяўнасцю шэрагу асаблівасцей яе развіцця ў XVI–XVIII ст. Адна з іх звязана з перыядам існавання беларускіх зямель у складзе Рэчы Паспалітай – адной з магутнейшых і дэмакратычных краін у Еўропе. Зразумела, пераход ад адной з дэмакратычных палітычных сістэм (дарэчы якая стала адной з прычын развалу Рэчы Паспалітай) у Еўропе да моцна цэнтралізаванай, кансерватыўна-манархічнай сістэмы спыніў у нейкай ступені і накал грамадска-політычнай актыўнасці на тэрыторыі Беларусі, змяніў яе накіраванасць. Барацьба паміж праваслаўем і каталіцызмам адышла на другі план і знайшла новы «аб'яднальны» накірунак, які змяшчаў у сабе нацыянальна-вызваленчую ідэю. Гэта ідэя заставалася ў сэрцах палітычна-настроеных колаў насельніцтва

Польшчы і Беларусі. Але рэпрэсіўная палітыка Расійскіх улад на тэрыторыі Беларусі ў адносінах нацыянальнага і рэлігійнага пытання з 1795 г., не давала магчымасці сканцэнтраваць патрыятычным колам свае сілы і намаганні ў нацыянальна-вызваленчай барацьбе.

Тым не менш, грамадска-палітычны рух на тэрыторыі Беларусі ў першай палове XIX ст. характарызаваўся дастатковай актыўнасцю і вызначваўся дзвюма асноўнымі асаблівасцямі. Першая з іх насіла характар польскага нацыянальна-вызваленчага руху з мэтай аднаўлення Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Гэтай ідэяй была ахопленая і пераважная частка беларускай шляхты. Для яе, акаталічанай і апалячанай, Рэч Паспалітая была сваёй радзімай, у той час як Расія, падданымі якой яны сталі зусім нядаўна, з'яўлялася для яе ворагам і захопнікам.

Шляхта заставалася актыўнай палітычнай і культурнай сілай беларускага насельніцтва. Яе прадстаўнікі, не зведаўшы прыгоннага права, не страцілі культурна-нацыянальных традыцый, выступалі за нацыянальна-культурнае адраджэнне Беларусі. З іх выйшлі вядомыя дзеячы беларускага нацыянальнага палітычнага руху: Кастусь Каліноўскі, Іван і Антон Луцкевічы, Браніслаў Тарашкевіч і іншае.

Сваеасаблівасць і маруднасць сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускіх зямель дапаўнялася моцным грамадска-палітычным ціскам з боку Расіі і Польшчы. У канцы XIX ст. на тэрыторыі Беларусі пражывала 424 тыс. палякаў. Найбольшая іх колькасць была ў Гродзенскай і Віленскай губернях. Сярод гаражан польскае насельніцтва складала 12,7 %, у весцы – 4,6 %. Значная колькасць палякаў пражывала ў Вільні – 47,8 тыс. чалавек, у Беластоку – 11,3 тыс. чалавек, у Гродне – 6,8 тыс. чалавек [6, с. 171]. Калі царызм падаўляў любую спробу культурна-нацыянальнага адраджэння ў любых формах нацыянальнага грамадскага развіцця, то польскі рух, як ліберальны, так і сацыялістычны, актыўна прытрымліваўся ідэі «гістарычнага права Польшчы на Беларусь» і вялікай культурнай місіі палякаў на Усходзе (ідэйныя надхняльнікі Людвіг Гурскі і Генрых Сінкевіч). Гэта абгрунтоўвае вялікі ўплыў польскага рэвалюцыйнага руху на працэс станаўлення беларускіх нацыянальных палітычных партый і арганізацый. У прыватнасці Польская партыя сацыялістычная (ППС), якая мела свае філіі на тэрыторыі Беларусі лічыла, што беларусы, украінцы і літоўцы павінны былі змагацца супраць рускага самаўладдзя разам з польскімі сацыялістамі. Барацьба за гістарычныя «правы» Польшчы на Беларусь павінна весціся і шляхам «поўнага збліжэння з літоўцамі, беларусамі і часткова, нават, з украінцамі» [7, с. 92]. Арганізацыйны з'езд ППС у Парыжы (1892) абвясціў, што ППС будзе распаўсюджваць сваю дзейнасць на ўсю тэрыторыю Рэчы Паспалітай у межах 1700–1772 г. Адначасова з'езд выказаўся за стварэнне беларускай партыі сацыялістычнай арыентацыі. Пры непасрэдным удзеле ППС і створанай на VI з'ездзе ППС у 1902 годзе самастойнай для літоўска-беларускіх зямель «ППС на Літве»

праходзіў працэс станаўлення беларускіх нацыянальных палітычных партый, у прыватнасці беларускай сацыялістычнай грамады (БСГ) і Сацыялістычнай партыі Белаі Русі (СПБР) (у 1905 годзе спыніла свае існаванне). Тым не менш, галоўнымі прычынамі таго, што Беларуская Сацыялістычная Грамада стала галоўнай палітычнай партыяй нацыянальна-дэмакратычнай арыентацыі, несумненна была актыўная барацьба дэмакратычнай інтэлігенцыі за нацыянальнае культурнае адраджэнне Беларусі ў канцы XIX пач. XX ст., захаванне этнічнай самабытнасці беларускага народа, абуджэнне яго палітычнай самасвядомасці.

Палітычныя арганізацыі беларускай нацыянальнай арыентацыі фарміраваліся і пад уплывам агульнарасійскага і яўрэйскага рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху. У канцы XIX ст. на Беларусі разгарнулі сваю дзейнасць Усеагульны яўрэйскі саюз у Літве, Польшчы, Расіі (БУНД), арганізацыі РСДРП і партыі сацыялістаў-рэвалюцыянераў (эсэраў). Трэба адзначыць, што працэс станаўлення яўрэйскага рэвалюцыйна-дэмакратычнага руху на тэрыторыі Беларусі быў вельмі цесна звязаны з зараджэннем сіянісцкага руху. У канцы XVIII ст. на тэрыторыі Германіі ўзнікае грамадскі рух сярод яўрэйскай інтэлігенцыі – Хаскала (іўрыт). Хутка распаўсюдзіўшыся па ўсёй Усходняй Еўропе ў XIX ст. ён ставіў перад сабой мэту аб'яднання традыцый іўдаізма са свецкай адукаванасцю. У выніку актыўнай дзейнасці Хаскалы ў Заходніх краінах яўрэі атрымалі грамадзянскае раўнапраўе, асіміляраваліся і вызначаліся толькі веравызнаннем. У адрозненні ад Захада ў Расіі палітыка царызма з 50–60-х гг. XIX ст. была накіравана не на інтэграцыю яўрэяў у расійскае грамадства, а наадварот – на ізаляцыю іх і прывяла да радыкалізацыі яўрэйскіх мас. Расійскае яўрэства, сярод якога вядучыя пазіцыі займалі яўрэі паўночна-заходніх губерняў, стала авангардам сусветнага сіянісцкага руху. Актыўны ўдзел яўрэйскае насельніцтва прыняла і ў рэвалюцыйным руху паўночна-заходніх губерняў, у якія уваходзіла большая частка Беларусі.

Трэба адзначыць, што сіянісцкія арганізацыі, і агульнарасійскія, польскія і яўрэйскія партыі, пытанне аб нацыянальна-дзяржаўным статусе Беларусі не разглядалі нават тэарэтычна. Гэта, а так сама змена класавай і нацыянальнай структуры ў беларускім грамадстве ў другой палове XIX – пач. XX ст., незавершанасць яго класавай дыферэнцыяцыі, асаблівасці сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускіх зямель безумовна паўплывалі на працэс фарміравання на тэрыторыі Беларусі першых палітычных партый і арганізацый. У другой палове XIX ст. асабліва пасля паўстання 1863 г., пачынае развівацца палітычная і нацыянальная самасвядомасць беларусаў. Нацыянальная праблема становіцца дамінуючай у ідэалогіі беларускага грамадска-палітычнага руху. Ідэя стварэння агульнанацыянальнай беларускай рэвалюцыйнай арганізацыі ўпершыню была сфармулявана К. Каліноўскім на старонках «Мужыцкай праўды». Яе прадоўжылі і беларускія народнікі на старонках часопіса «Гоман». Яны заклікалі да стварэння рэва-

лющэйнай партыі «Беларуская грамада», якая павінна была стаць авангардам барацьбы за сацыяльнае і нацыянальнае вызваленне беларускага народу. Больш таго, беларускія народнікі ўпершыню заявілі аб неабходнасці надання Беларусі нацыянальна-дзяржаўнай аўтаноміі ў складзе будучай Расійскай федэратыўнай дэмакратычнай рэспублікі [1, с. 120].

Спіс літаратуры

1. Публицистика белорусских народников. Нелегальные издания белорусских народников. – Минск, 1982. – С. 120.
2. Маразевіч, В. Л. Старонкі гісторыі Беларусі (канец XIX – пач. XX ст.) / В. Л. Маразевіч. – Магілёў, 1994. – С. 37–40.
3. Казлякоў, І. Я. Палітычныя партыі Беларусі (пачатак XX ст. – 20-е гг.) / І. Я. Казлякоў. – Мінск: БДТУ, 2000. – С. 6.
4. Сташкевіч, М. С. Перадумовы і працэс стварэння палітычных партый на Беларусі (канец XIX ст. – люты 1917 г.) / М. С. Сташкевіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1999. – № 3. – С. 18.
5. Цьвікевіч, А. І. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. І. Цьвікевіч. – Мінск, Навука і тэхніка, 1993. – С. 7.
6. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. Ч. 2: XIX–XX ст. – Мінск: РІВШ, БДУ, 2002. – С. 171.
7. Черепица, В. Н. Истоки: Очерки из истории русско-белорусско-польских революционных и культурных связей XIX – нач. XX вв. / В. Н. Черепица. – Гродно, 1991. – С. 92.

О. Ю. Капкович

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, Olga_Kapkovich@mail.ru)

ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТА В БЕЛАРУСИ

На рубеже и в начале XXI века в Беларуси появились следующие важнейшие предпосылки для перехода Беларуси к информационному обществу, а в последующем формирования политического Интернета:

1. Быстрый рост уровня жизни белорусов, с одной стороны, и удешевление компьютерной техники – с другой, сделали персональные компьютеры по-настоящему доступными и положили начало массовому приобретению компьютеров предприятиями, а затем и населением. По данным Министерства статистики Республики Беларусь, если в 2000 году в Беларуси на 100 семей приходилось два компьютера, то в 2007-м – 26, причем в семьях с детьми до 18 лет – 40 [2]. В 2012 году на 100 домашних хозяйств приходилось в среднем 59 персональных компьютеров против

51 в 2011 году. При этом на 100 домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, приходилось 94 персональных компьютера против 84 в 2011 году [4].

2. Плавное, но регулярное удешевление доступа в Интернет уже в 2005–2006 гг. сделало выход в Интернет возможным для подавляющего большинства населения и 100 % предприятий [2]. По данным выборочного обследования домашних хозяйств по уровню жизни, в 2012 году Интернетом пользовались 47 % населения в возрасте 16 лет и старше. При этом две трети из них обращались к Интернету ежедневно. Доступ к сети Интернет с домашнего компьютера имели в прошлом году 48 % домашних хозяйств. Удельный вес таких домашних хозяйств в целом по республике увеличился в 2012 году по сравнению с 2011-м в 1,2 раза. При этом в сельской местности доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет с домашнего компьютера, составила 26,6 % от общего числа домашних хозяйств, проживающих на селе, и увеличилась по сравнению с 2011 годом также в 1,2 раза [4].

Перечисленные выше предпосылки позволили осуществиться следующим поворотным событиям в плане е-контента, давшим старт вхождению Беларуси в информационное общество и формированию политического Интернета:

1. Появление белорусских предприятий «новой экономики» (Интернет-компаний), продукцией которых являются информационные услуги в чистом виде, предоставляемые через Интернет: электронные торговые площадки, платежные системы, веб-сайты, порталы, электронная почта, информационно-поисковые системы, электронные каталоги (предприятий и организаций, экспортеров и т. п.), а также начало частичного перехода бизнеса предприятий традиционной экономики в электронную форму (электронные магазины, системы поддержки дилерских сетей и предварительного заказа продукции через Интернет, корпоративные сайты и т. д.).

2. Появление в Беларуси СМИ, распространяемых исключительно через Интернет: сайты новостных агентств, Интернет-газеты в виде электронных почтовых рассылок в формате PDF.

3. Появление самообслуживаемых белорусских Web 2.0 сервисов, контент которых формируется самими пользователями: форумы, блоги, чаты, личные сайты, сервисы знакомств, поиска работы, фото- и видеохостинги и т. п.

4. Появление услуги мобильного Интернета, позволяющей белорусам пользоваться Интернетом в любой точке страны.

5. Появление сайтов практически всех органов государственной власти и управления [2]. Например, сайты Президента Республики Беларусь (president.gov.by), Совета Министров (government.by), всех министерств и исполнительных комитетов.

С этого времени компьютеризация и Интернет начали преобразовать жизнь белорусского общества, и стало возможно говорить о зарождении информационного общества в Беларуси.

Обладая разветвленным и инерционным управленческим аппаратом, государство может, применив информационно-коммуникационные технологии, решить ряд важных проблем власти:

- уменьшить бюрократические проволочки и ускорить принятие решений путем введения электронного документооборота;
- перевести в электронную форму взаимодействие граждан с властью [3].

Основной акцент делается на создании открытого для населения правительства. Предполагается, что органы власти всех уровней станут более доступными для граждан, а их деятельность – более прозрачной и эффективной. Прозрачность достигается за счет обязательной электронной публикации и создания баз данных по всем документам, не имеющим статуса секретных; эффективность – за счет перевода в электронную форму значительных объемов документооборота.

Взаимодействовать со структурами исполнительной власти стало возможным как с домашних компьютеров, подключенных к сети Интернет, так и с пунктов коллективного доступа в сеть [3].

Можно быстро и с минимальными затратами проводить опросы общественного мнения и локальное голосование, т. е. персонифицировать воздействие граждан на выработку решений, принимаемых государственными структурами, осуществлять контроль над их выполнением.

Пользователям предоставляются следующие данные:

- нормативная правовая база деятельности государственных органов власти, городских организаций;
- структура и компетенция государственных органов власти, городских организаций;
- порядок и последовательность обращения в государственные органы власти, городские организации для разрешения конкретных вопросов;
- образцы форм необходимых документов;
- реквизиты и режим работы государственных органов власти, городских организаций;
- фамилии, имена и отчества должностных лиц, часы приема;
- порядок обжалования действий должностных лиц.

Это система очень близка к тому, что можно назвать электронным правительством на локальном уровне [1].

Интернет в Беларуси сегодня становится основным средством обеспечения открытости власти для широкой публики, наряду со СМИ информируя общественность о деятельности государства. В отличие от средств массовой информации Интернет является интерактивным средством связи с общественностью, позволяющим осуществлять регулярный диалог пред-

ставителей государства, государственных служащих, политиков с той наиболее прогрессивной частью общества, которая имеет доступ к сети.

Положительная тенденция, связанная с использованием Интернета в политической сфере, относится к внедрению новых информационно-коммуникационных технологий в процессы взаимоотношений государства и граждан, что способствует повышению эффективности их взаимодействия и выполнению основной функции органов государственной власти и местного самоуправления – служить людям, которые их выбирают.

Список литературы

1. Броницкая, Э. Использование сети Интернет в политике / Э. Броницкая // Рефераты [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: referat.mirslovari.com/politologija/56586-ispolzovanie-seti-internet-v-politike.html. – Дата доступа: 28.05.2010.
2. История контента в Беларуси // bunetwork.org [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: bunetwork.org/publ/1-1-0-41. – Дата доступа: 09.01.2012.
3. Павлютенкова, М. Интернет в политике: российские особенности / М. Павлютенкова // Рейтинг персональных страниц и электронных библиотек VIPERSON [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: sangulija.viperson.ru/wind.php?ID=620562. – Дата доступа: 02.03.2011.
4. Прус, Е. В Беларуси на 100 семей с детьми приходится уже 94 персональных компьютера / Е. Прус // БЕЛТА – Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-na-100-semej-s-detmi-prixoditsja-uzhe-94-personalnyh-kompjutera_i_627889.html. – Дата доступа: 08.02.2014.

Д. В. Карабицкий

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Беларусь, al.zmicier@gmail.com)

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ «СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Современный мир представляет собой многообразие различных цивилизаций, которые взаимодействуют, конфликтуют, пытаются прийти к компромиссу или, якобы, не замечают друг друга. После разрушения биполярной системы времен «Холодной войны», на смену пришла однополярная система во главе с США.

Многосторонние межгосударственные, межцивилизационные отношения стали важным аспектом международных отношений на рубеже XX–XXI веков. Условия и необходимость многостороннего взаимодействия требуют поиска новых форм взаимоотношений и сотрудничества в различных областях экономики, политики и культуры.

Пророческой для многих авторов выглядит концепция «Столкновение цивилизаций» Самюэля Хантингтона даже в настоящее время. Этому содействовал экономический и финансовый кризис, который обуздал экономическое доминирование США и Европейского союза на мировой арене. Спад господства западной цивилизации часто всплывает в дискуссиях о столкновении основных ценностей демократического мира с ценностями ислама, а также используется метафора «тонущего корабля» для обозначения ситуации, в которой сегодня находится атлантическая цивилизация.

Хантингтон утверждает, что основным источником конфликтов будет уже не идеология и экономика, а границы, разделяющие человечество, будут определяться культурой. Этот тезис, с одной стороны, истинный, а с другой – преувеличенный, так как у культуры, по сути, есть несколько измерений и она не должна быть источником конфликта. Культура является главным источником дифференциации мира, а не источником разделения человечества. Сильное влияние культура оказывает на идеологию и экономику, но в то же самое время находится под их непосредственным влиянием, образуя петлю обратной связи, несколько схожую с теорией политических систем, но более сложную и темпоральную. Источником преувеличения культурной составляющей, возможно, является вестернизация, или так называемый культурный империализм запада. Витает убеждение, что прогресс цивилизаций должен опираться на копировании именно западной культуры, которая порицает остальные, не западные культуры.

Конечно же, концепция «Столкновение цивилизаций» подвержена критике. Труд Хантингтона акцентируется на культурном империализме западной цивилизации после рухнувшей биполярной системы международных отношений, и, поэтому, сегодня может быть уже не актуальным. Необходимо попытаться проанализировать происходящие сегодня процессы.

Несомненного, атлантическая цивилизация достигла частичного успеха в передаче таких ценностей, как демократические свободы и свободный рынок, в особенности пяти быстроразвивающимся странам (БРИКС). Конечно же, не стоит забывать, что инкорпорация новых ценностей в традиционные культуры требует времени. Важно отметить экономический успех стран БРИКС, который достигнут благодаря экономическому замедлению экономик ведущих западных стран, подтверждением чего стал финансово-экономический кризис. Утрата доминирования атлантической цивилизации пошла на пользу быстроразвивающейся пятерке, население которых составляет порядка 43 % от численности населения планеты. Можно предположить, что антизападные настроения уменьшатся из-за растущего благосостояния и ожидания, что будет способствовать концентрации усилий в противодействии крайней бедности населения планеты.

В своей концепции Хантингтон не обратил внимания на важный аспект, происходящий в мире – информационную революцию, которая на-

чалась на Западе и распространилась на весь земной шар. Эта революция ведет к дематериализации труда и экономики. «Знания и интеллект превосходят другие факторы производства в качестве преобладающего производительного ресурса. Если промышленная революция увеличила мускульную силу человека, то информационно-коммуникационные технологии стали важным техническим инструментом мышления, расширившим интеллектуальные возможности человека» [1, с. 38].

Происходит развитие мировой, глобальной экономики с участием новых акторов. Экономически сильным уже стал регион Восточной и Юго-Восточной Азии, возрастает могущество стран БРИКС. Несмотря на все тенденции в развитии вышеназванных регионах, необходимо не забывать про бурно растущий регион исламской цивилизации.

Вместе с тем, в мире наблюдается социальное неравенство, которое способствует возрастанию социальной напряженности и антизападных настроений в странах так называемой периферии. Люди, живущие за чертой бедности, благодаря средствам получения и передачи информации узнают о стандартах жизни в богатых странах, что, в крайних случаях, приводит к ненависти и осуждению, а местами и к террористическим угрозам.

Западная культура может остаться важной силой на международной арене, при условии сотрудничества с другими культурами и цивилизациями. Одним из основных недостатков концепции «Столкновение цивилизаций» является поверхностное понимание культур отличных Западной. Всплывает древнейшая оппозиция «свой – чужой», которая оказывает влияние на человека и культуру, начиная с древних времен, заканчивая настоящим временем. Этот архетип переходит из одной цивилизации в другие, выполняя при этом различные функции – от консолидации племени, государства в борьбе с общим врагом до разделения на два враждебных лагеря.

«Глобализация связана с потоком культурных образов и с информацией о культурных событиях во всем мире» [2, с. 3] еще начиная с развития международных профессиональных образований. Как позже утверждал сам Хантингтон, что математики и инженеры технических наук из разных культурных сред понимают друг друга, значит все остальные противоречия раздела культур не столь существенны.

Таким образом, для более глубокого понимания культур, к примеру, исламской, необходимо глубоко осмысливать убеждения, ценности, мотивацию действий и ответов данной культуры. В существующем мире необходимо осознавать и предвидеть всевозможные конфликты, которые происходят на стыке цивилизаций, а прежде всего, уяснить важность диалога между цивилизациями.

Экс-Президент Ирана Мохаммад Хатами в противовес Самюэлю Хантингтону выдвинул идею Диалога цивилизаций, получившую поддер-

жку ООН, которая провозгласила 2001 год, Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН [3]. Главными целями диалога стали совместные усилия по противодействию экстремистских международных организаций в религиозных и этнических группах, реализация новых форм мирного сосуществования различных религий, наций и цивилизаций, а также предотвращение создания военно-политических объединений, применение силовых методов решения всевозможного рода конфликтов, которые затрагивают цивилизационные интересы [4, с. 7].

Несомненно, реализации проекта диалога цивилизаций будет противодействовать еще не завершившееся построение международных отношений после краха биполярной системы. Но по какому сценарию будут развиваться и взаимодействовать ведущие цивилизации, покажет время.

Список литературы

1. Дергачев, В. А. Глобалистика / В. А. Дергачев. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 303 с.
2. Макбурни, Г. Глобализация как политическая парадигма высшего образования / Г. Макбурни // Высшее образование сегодня. – 2001. – № 1. – С. 46–55.
3. Диалог между цивилизациями // UN – Организация Объединенных Наций (ООН) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/peace/culture/dialogue.shtml>. – Дата доступа: 21.02.2014.
4. Хатами, С. М. В человеке сосредоточены душа Востока и разум Запада / С. М. Хатами // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 7. – С. 6–7; Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения / О. А. Колобова [и др.]; под ред. О. А. Колобовой. – М. – Бейрут – Н. Новгород: Медина, 2010. – 318 с.; Санаи, М. Диалог цивилизаций и исламский фактор / М. Санаи // Вестник Европы. – 2002. – № 7. – С. 202–204; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.; Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

Ж. К. Каражанова

(Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы,
Республика Казахстан, zhanar_karazhan@mail.ru)

КАЗАХСТАН – БЕЛАРУСЬ: ОТ ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ К ЕВРАЗИЙСКОМУ ПАРТНЕРСТВУ

В рамках евразийских интеграционных процессов, а также в соответствии с концепцией внешней политики Республики Казахстан Республика Беларусь представляет огромный стратегический интерес для нашей страны. Необходимость участия в интеграционных процессах и взаимодействия с Российской Федерацией фактически делают Казахстан и Беларусь союзниками, имеющими много совпадающих интересов.

Сотрудничество Казахстана и Беларуси характеризуется динамично развивающимся политическим диалогом и торгово-экономическим сотрудничеством, конструктивностью и регулярностью двухсторонних контактов. Традиции взаимоуважения и дружбы, социально-экономического сотрудничества сегодня поднялись на очень высокий межгосударственный уровень. За годы независимости казахстанско-белорусские отношения развивались устойчиво и динамично, между народами обеих стран сложились теплые и доверительные отношения. Политический облик, ориентиры и приоритеты Республики Казахстан и Республики Беларусь вызывают все больший интерес, ибо от политического курса данных государств во многом зависит современный мир, его порядок и равновесие.

С 2008 года на характер казахстанско-белорусских отношений стало все заметнее воздействовать совместное участие в формировании Таможенного союза, Единого экономического пространства (ЕЭП) и Евразийского экономического союза [1]. Стержнем двусторонних казахстанско-белорусских отношений является торгово-экономическое сотрудничество, которое реализуется в соответствии с Программой экономического сотрудничества между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь на 2009–2016 годы. В настоящее время договорно-правовая база казахстанско-белорусского сотрудничества насчитывает 76 договоров и соглашений в различных областях. Как известно, в условиях мирового финансового и экономического кризиса двусторонний товарооборот в 2009 году составил всего лишь 388 млн долларов. В 2010 году с действием Таможенного союза трех государств – Казахстана, России и Беларуси, объем казахстанско-белорусских торговых связей увеличивается и достигает рекордного уровня в 870 млн долларов. По итогам 2011 года внешнеторговый оборот между Казахстаном и Беларусью составил 726,9 млн долл. США и по сравнению с аналогичным периодом 2010 года увеличился на 5 %. Экспорт из Казахстана упал на 57 % и составил 103,5 млн долл. США, а белорусский импорт в Казахстан вырос на 37,8 % и составил 623,4 млн долл. США. По состоянию на 1 января 2012 года, в Казахстане зарегистрировано 115 предприятий с участием белорусского капитала, из них действующих – 82 [2].

Казахстан и Беларусь в рамках евразийской интеграции делают существенные шаги по развитию экономических, политических и культурно-гуманитарных отношений. А это три самых важных измерения евразийской интеграции. Казахстану и Беларуси есть, что перенять друг у друга в сфере образования, экономики, сельского хозяйства и других областях. Анализ двустороннего сотрудничества позволяет констатировать двухстороннюю заинтересованность в сотрудничестве практически по всем направлениям. Усиление интеграции и формирование Евразийского экономического союза создадут большие возможности для развития экономик двух стран. Казахстан и Беларусь в среднесрочной перспективе

планируют активизировать развитие производственной, научно-технологической кооперации. Это, в свою очередь, позволит наполнить рынки ЕЭП продуктами собственного производства, повысить конкурентоспособность экономик, создавая при этом новые рабочие места [3].

В 2012 года между Казахстаном и Беларусью достигнута договоренность об увеличении товарооборота и строительства совместных предприятий. Активно интенсифицировалось сотрудничество в химической промышленности и машиностроении, подписан меморандум о создании совместного казахстанско-белорусского индустриально-технологического парка сельскохозяйственной и коммунальной техники [4]. На сегодняшний день на казахстанском рынке работают 14 совместных предприятий, в том числе задействованных в сфере производства и сборки карьерно-шахтной техники, зерноуборочных комбайнов, тракторов, двигателей, лифтов и другой техники. Осуществляется активная работа по созданию образцово-показательного многопрофильного хозяйства. На его базе будут применяться последние достижения агропромышленного сектора Казахстана и Беларуси. Хорошие перспективы имеет развитие сотрудничества в сфере транспорта и логистики.

Между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь достигнут высокий и доверительный уровень в области образования, науки и культуры. Развивается сотрудничество Национальной библиотеки Беларуси с Национальной академической библиотекой Казахстана. Между белорусским Национальным художественным музеем и казахским Государственным музеем искусств им. А. Кастеева подписано соглашение на 2013–2017 годы. Учитывая развитый научный потенциал Беларуси, Казахстан заинтересован в активизации сотрудничества в сфере совместных научных исследований, внедрения в производство научных разработок и технологий. С 2012 г. в Минске открыт Центр казахского языка, истории и культуры им. Абая на базе БНТУ, а в Астане Центр языка и культуры Беларуси на базе ЕНУ им. Л. Н. Гумилева. В рамках данных центров осуществляются фундаментальные исследования, магистранты и докторанты проходят научные стажировки в ведущих вузах Казахстана и Беларуси, высококвалифицированные профессора читают курсы лекций, проводят обучающие мастер-классы.

В рамках развития отношений в культурно-гуманитарной сфере с 7 по 9 октября 2013 г. в Минске состоялись Дни культуры Республики Казахстан в Республике Беларусь. В ходе проведения мероприятий состоялась встреча министра культуры Республики Казахстан М. Кул-Мухамеда и министра культуры Беларуси Б. Светлова, в ходе которого обсуждались принципы дальнейшего культурного сотрудничества между двумя государствами. Вместе с тем на данной встрече достигнута договоренность о проведении Дней культуры Республики Беларусь в Астане в 2014 году.

Хорошим мостом сотрудничества между нашими странами является белорусская диаспора, которая вносит большой вклад в развитие Ка-

захстана. По итогам казахстанско-белорусских переговоров, состоявшихся в октябре 2013 года, было подписано «Соглашение между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь о порядке пребывания граждан Казахстана на территории Беларуси и граждан Республики Беларусь на территории Республики Казахстан», а также «Межправительственное соглашение между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь о реадмиссии» [5]. Подписание этих документов являются достаточно важными как для казахстанской стороны, так и для Республики Беларусь, надеемся, что в будущем эти документы послужат налаживанию и развитию межличностных контактов, взаимных поездок граждан обеих стран с деловыми, туристическими и другими целями.

Таким образом, все вышеперечисленные мероприятия направлены, в первую очередь, и в большей степени, на дальнейшее сохранение и углубление политических, социально-экономических, научно-культурных и иных отношений между Республикой Казахстан и Республикой Беларусь. От уровня развития сотрудничества Республики Казахстан и Республики Беларусь во многом будет зависеть эффективность функционирования интеграционных объединений, созданных в рамках СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, Таможенного союза, ЕЭП, Евразийского союза.

Список литературы

1. Президент Н. А. Назарбаев и современный Казахстан: сб. документов и материалов: в 3 т. Т. 1: Н. А. Назарбаев и социально-экономическое развитие Казахстана / отв. ред. Б. К. Султанов. – Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2010. – С. 219.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m.ceip.org/2013/10/09/>.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestikavkaza.ru/news/Kazakhstan-i-Belorusiya-namereny-uvelichivat-tovarooborot-i-stroit-sovmestnyepredpriyatiya.html>.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/ru/page/page_214894_prezident-kazakhstana-nursultan-nazarbaev-i-prezident-belarusi-aleksandr-lukashenko-po-itogam-perego.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adilet.zan/kz/rus/docs.

Б. Н. Карипов

*(Кокшетауский государственный университет имени Ш. Ш. Уалиханова,
Республика Казахстан, bkaripov@yandex.ru)*

СФЕРА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСИВНОГО ПРОЦЕССА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Основное внимание исследователей раньше концентрировалось на интерпретации политических концепций, предлагаемых идеологами раз-

личных направлений, и изучении эффекта, оказываемого идеологиями на поведение индивидов и социальных групп, то теперь более популярным стал иной подход. В рамках методологии дискурс-анализа специалисты стали разрабатывать более широкую трактовку идеологического процесса, связанную с интерпретацией даже повседневных речевых актов в качестве проявлений разнообразных идеологических дискурсов.

На формирование новой теоретической модели большое влияние оказала неомарксистская традиция «критики идеологии». Французский философ Луи Альтюссер в статье 1969 года «Идеология и идеологические аппараты государства» представил новую концепцию идеологии, в рамках которой были предложены несколько важных дополнений к ортодоксальной марксистской теоретической модели. Стартовой точкой рассуждений Л. Альтюссера явился довольно традиционный марксистский тезис о роли государственных образовательных институтов в воспроизводстве идеологической легитимации капиталистических производственных отношений. По его мнению, «воспроизводство рабочей силы требует не только воспроизводства рабочей квалификации, но и воспроизводства ее подчинения правилам установленного порядка. То есть воспроизводства способности господствующей идеологии у рабочих и воспроизводства способности правильно манипулировать господствующей идеологией у эксплуататоров, чтобы они и «на словах» тоже обеспечивали доминирование господствующего класса» [1, с. 14–58]. Внедрением господствующей идеологии, согласно Л. Альтюссеру, занимаются специализированные институты, к числу которых он относит религиозный, образовательный, семейный, юридический, политический, профсоюзный, информационный и культурный идеологические аппараты государства. В этом смысле идеология обладает материальным существованием. Столь расширительная трактовка идеологической сферы уже выходит за пределы классической марксистской версии теории идеологии. Далее Л. Альтюссер производит радикальный разрыв с марксистской традицией, утверждая, что идеология не просто служит интересам некоего обобщенного субъекта (господствующего класса). По его словам «идеология «действует», или «функционирует», таким образом, что «вербует» субъектов в среде индивидуумов (вербует их всех) или «трансформирует» индивидуумов в субъектов (трансформирует их всех), то есть тем самым образом, который мы называем «обращением» [1, с. 14–58]. В соответствии с этим тезисом, индивид, превращенный идеологией в социального субъекта, находится внутри идеологической реальности и не может увидеть её со стороны. Идеология рядится в тогу «самоочевидного» и поэтому не подлежащего сомнению порядка вещей.

В начале XX века ход мировой истории во многом зависел от того, какой дискурс возобладаст среди представителей группы наёмных работников, занятых на промышленных предприятиях в европейских странах.

Лидеры социалистических партий, объединённых во II Интернационале, надеялись, что это будет интернациональный социалистический дискурс, но события 1914 года доказали тщётность этих упований. Националистический дискурс в условиях начавшейся мировой войны оказался значительно сильнее. Подавляющее большинство пролетариев во Франции, Германии, Англии, Австро-Венгрии и России предпочли идентифицировать себя в первую очередь как граждан воюющих государств и патриотов своих отечеств, а не как членов международного объединения социалистов. Многочисленные решения конгрессов Интернационала о всеобщей европейской стачке как способе предотвращения войны повисли в воздухе. Даже парламентарии-социалисты, за редкими исключениями, выступили на стороне правительств собственных стран.

В этой ситуации со всей очевидностью проявились важные особенности дискурсивных идеологических практик. С одной стороны, наиболее успешные идеологические дискурсы формируются в течение длительного времени под воздействием как институциональных, так и коммуникационных факторов. Как показал в своей работе Э. Хобсбаум, формирование национальных идентичностей в Европе XIX–XX веков представляло собой сложный и длительный процесс [2]. Но параллельно шёл процесс усиления классовых групповых идентичностей, которому особенно способствовали рост числа крупных промышленных предприятий, вкуче с масштабной профсоюзной деятельностью. В начале XX века было весьма затруднительно предугадать, какой из этих двух конкурирующих дискурсов возьмёт верх в ситуации лобового столкновения. Решающее преимущество национализма в 1914 году не было предопределено заранее, оно явилось результатом военного фрейминга.

Под термином «фрейм» мы будем понимать дискурсивную рамку, используемую в коммуникативном процессе, указывающую на определённую интерпретацию какой-то темы или события [3, р. 611]. Фреймы задают контекст, в котором определённые социальные практики выглядят более уместными, чем другие. Ф. Поллетта и М. Кай Хо подчёркивают комплексный и многофункциональный характер фреймов. «Фреймы, пишут они, объединяют в себе указание на социальные проблемы, требующие решения, описание необходимых изменений, и призыв к действиям, направленным на осуществление этих изменений» [4, р. 190].

Так, в частности, военный фрейминг актуализирует в сознании публики стереотипы, связанные с мужеством, сплочением, героизмом, единением против общего врага и превращает в неуместные стереотипы, связанные с защитой эгоистичных индивидуальных и групповых интересов. Технология фрейминга лучше всего работает вкуче с технологией «установления повестки дня», переключающей внимание публики с одних событий на другие [5, р. 142–147]. Широко известным примером этих технологий являются «маленькие победоносные войны», отвлекающие на-

селение от внутренних неурядиц и сплывающие его вокруг успешного военного лидер.

Эффективный идеологический дискурс, как отмечает Т. Ван-Дайк, обнаруживает эффект когнитивной поляризации, поскольку он не просто определяет границы и общие принципы групповой идентичности, но и указывает на группу-антагониста, приписывая её членам негативные характеристики, в противоположность позитивным характеристикам представителям своей группы [6, р. 126]. Развивая эту мысль, можно предположить, что в конкуренции идеологических дискурсов большие шансы на успех получает тот, который может более убедительно указать на подходящую группу-антагониста, ответственную за проблемы «нашей» социальной группы.

Данный подход получил развитие в рамках изучения социальных движений. Как отмечает Д. Сноу, далеко не все объективные предпосылки для возникновения протестных движений реализуются на практике. «История, указывает он, полна примеров больших социальных групп, находившихся в заведомо худшем положении, в сравнении с их соседями, безжалостно эксплуатировавшихся или становившихся объектами стигматизации, но даже не пытавшихся предпринимать коллективные действия ради изменения этой ситуации» [7, р. 382]. Массовая протестная мобилизация происходит только в тех случаях, когда в групповом сознании укрепляется фрейм «несправедливости» существующей ситуации, вместе с фреймом «виновников вовне», на которых возлагается ответственность за создание и поддержание несправедливой ситуации. До тех пор, пока в групповом сознании преобладают фреймы «естественности» или «неудачного стечения обстоятельств» широкая протестная мобилизация неосуществима.

Таким образом, формирование социальных движений может быть продуктом длительной целенаправленной работы в сфере идеологического дискурсивного производства. Идеологический дискурс, в отличие от собственно идеологии, может не отличаться стройностью и внутренней согласованностью, но он обязательно должен включать в себя набор фреймов, пригодных для тиражирования в процессах массовой, а также межличностной коммуникации.

Список литературы

1. Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства / Л. Альтюссер // Неприкосновенный запас. – 2011. – № 3. – С. 14–58.
2. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя. – 1998. – 306 с.
3. Papkin, M. Framing and Public Opinion / M. Papkin // The Encyclopedia of Political Science / edited by George Thomas Kurian. – Washington: «CQ Press». – 2011. – P. 611.

4. Polletta, F. Frames and Their Consequences / F. Polletta, M. Kai Ho // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / edited by Robert E. Goodin, Charles Tilly. – Oxford: «Oxford University Press». – 2006. – P. 190.
5. Weaver, D. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming / D. Weaver // Journal of Communication. – 2007. – Vol. 57. – P. 142–147.
6. Van Dijk, T. Ideology and discourse analysis / T. Van Dijk // Journal of Political Ideologies. – 2006. – Vol. 11. Issue 2. – P. 126.
7. Snow, D. Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields / D. Snow // The Blackwell companion to social movements / edited by David A. Snow, Sarah A. Soule, Hanspeter Kriesi. – Oxford: «Blackwell». – 2004. – P. 382.

В. В. Карпинский, Т. К. Комарова

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, gfilosof@mail.ru)*

ДЕСТРУКТИВНОСТЬ ТЕХНОГЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений. Научно-технический прогресс и экономический рост привели к новому качеству жизни, обеспечили возрастающий уровень потребления, медицинского обслуживания, увеличили среднюю продолжительность жизни. Еще полвека назад мало кто полагал, что техногенная цивилизация приведет человечество к глобальным кризисам, когда оно окажется буквально на пороге своего самоуничтожения. По мнению Д. И. Дубровского, «наша цивилизация в цейтноте. Эксперты предсказывают, что примерно к середине века она выйдет на рубеж сингулярности, за которым либо деградация и гибель, либо переход на качественно новый уровень развития» [1, с. 240].

Эсхатологичность видения мира чаще всего сопрягается преимущественно с различными объективными феноменами и измерениями человеческого бытия: экологическим кризисом, истощением сырьевых, энергетических, продовольственных ресурсов и т. д. Однако в ряду глобальных проблем первостепенное значение приобрела антропологическая проблема, т. е. проблема самого человека, как творца и порождения техногенной цивилизации. Данная проблема в настоящее время многими мыслителями понимается как антропологический кризис.

Антропологический кризис – это предельно обостренное восприятие человеком своего положения в современном мире. Его можно трактовать многомерно: как проблематичность бытия современного человека, непредсказуемость и негарантированность его судьбы, утрату подлинных смыслов жизни и деятельности человека и человечества, возрастание абсурда в личной и общественной жизни; как угрозу выживаемости челове-

ка и подрыв оснований его бытия; как возможность наступления постчеловеческого будущего и т. д.

Идея преобразования мира и подчинение человеком природы как доминанта и «генетический код» техногенной цивилизации поставила на грань уничтожения не только среду обитания человека. Деструктивные интенции этой цивилизации распространились и на саму природу человека, произведя в ней существенные модификации. Речь идет, прежде всего, о подрыве биологических оснований человеческого бытия, что является, по мнению В. С. Степина, первым параметром проблематичности перспектив современного человека [2, с. 21]. Он связан с опасностью изменения генофонда человечества, деградации биосферной телесности человека. Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре [3, с. 31–32]. Возрастание мутагенных факторов среды жизнедеятельности человека ведет к опасным изменениям его генетической основы. Техногенная среда обитания трансформирует и разрушает человеческие качества биосферного порядка, сформированные эволюцией природно-биологические свойства человека, о чем свидетельствует стремительный количественный и качественный рост так называемых «болезней цивилизации».

За небывало возросшую ценность индивидуальной жизни – величайшее достижение гуманистической культуры – человечеству приходится расплачиваться ухудшением биологического качества популяции. Свобода от естественного отбора, последовательный рост продолжительности жизни (в начале XIX века она не во всех городах Европы достигала 20 лет) оплачивается тем, что с каждым поколением жизнеспособность людей все сильнее зависит от медицины, гигиены и прочих компонентов искусственной техногенной среды. Без технологического вмешательства все труднее становится сохранять здоровье и жизнь современного человека.

Идет технологизация самого организма человека. Начался новый процесс – интеграции человека и техносферы, формирование биотехносоциального существа в человеческом облике. Вскоре перед антропологией встанет вопрос: за каким пределом трансформации уже нельзя будет называть это существо человеком? Согласно С. С. Хоружему, «существо «Человек» испытывает сильные изменения, которые затрагивают самую его природу – и затрагивают так глубоко, что появляется необходимость в пересмотре и переосмыслении самого понятия «человеческой природы». Все линии изменений ...направляются к «финалу антропологического развития», к «Постчеловеку» [4, с. 10].

Как полагает А. П. Назаретян, «по всем раскладам, наступивший век ознаменуется концом истории «биологического» человека, и главный воп-

рос в том, чем именно он завершится. Возможно, наши жены рожают сегодня потенциальных богов, которым будут доступны какие-то формы бессмертия и космического господства, и это будет перелом, сопоставимый по значению с образованием жизни во Вселенной. Или они рожают поколение самоубийц, которым предстоит пережить катастрофу, по масштабу не имеющую прецедентов в прежней истории» [5, с. 23–24].

Вторым значительным параметром антропологического кризиса является подрыв психологических оснований человеческого бытия, выражающийся в снижении психологической устойчивости современного социума, во всевозрастающем давлении на человека стрессовых нагрузок. Современная жизнь с ее быстро меняющимися социальными ситуациями, нестабильностью, обостренной конкуренцией в любых областях жизнедеятельности погружает человека в череду стрессовых ситуаций. Перенапряжения ведут к росту не только «болезней цивилизации», но и психических болезней. Согласно Докладу Всемирной организации здравоохранения «Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда», потребность в организации эффективной помощи лицам с психическими проблемами, поведенческими расстройствами является неперенным условием выживания человечества в стремительно меняющейся социальной и экономической среде [6]. Психические и поведенческие отклонения, нервозность, неадекватные реакции, утомляемость, депрессии, тревожность и психологический дискомфорт знакомы каждому человеку. ВОЗ считает, что в определенные периоды жизни они настигают не менее 25 % населения планеты и при этом поражают людей всех стран. К 2020 году, по мнению экспертов, депрессия как своего рода платформа подавляющего большинства психических и поведенческих отклонений выйдет на второе место в мире среди печальной статистики смертности, догнав сердечно-сосудистые заболевания и опередив онкологические патологии. К тому же весьма значительная часть соматических «болезней цивилизации» имеет корни в нарушении регуляции психических функций человека.

Третий параметр антропологического кризиса – духовно-нравственный, проявляющийся в модификации антропологических оснований техногенной цивилизации. Подверглась эрозии сама парадигмальная составляющая менталитета современного, прежде всего, западного человечества. Как считает К. С. Гаджиев, «во всем мире за последние десятилетия накопилось смутное ощущение, что происходит что-то неопределенное в самых бытийных основах жизни, культурных и духовных системах, ментальных структурах человечества и народов, которые в чем-то равновелики технологическим и экономическим сдвигам, а в чем-то превосходят их. Это «неопределенное», возможно, важнее для судеб человечества, чем любые технологические и экономические сдвиги, хотя они тесно связаны между собой. Речь идет о том, что духовный кризис, кризис миропонимания стал не меньшим, если не большим вызовом жизнеспособности и

перспективам народов и мирового сообщества в целом, нежели отставание в гонке за научно-технологический прогресс» [7, с. 150].

Проявления духовного кризиса многообразны. Однако сегодня становится очевидным, что ценностно-нормативная составляющая современного общества потребления не соответствует лежащей в основе западной культуры антропологической модели. Как считает А. П. Марков, «под мощным воздействием различных форм массовой культуры (с их романтикой аморализма и деконструкцией нравственных табу, снижающих планку духовности и способствующих дебилизации общества) утверждается новая антропология» [8, с. 174]. Разрушается образ «человека разумного», сложившийся в недрах греческой культурной традиции, в рамках христианской теологической антропологии и усовершенствованный в культуре Нового времени.

В пространстве культуры техногенной цивилизации расширяется социальная база носителей новой антропологии, в аксиологическом ядре которой доминируют ценности гедонизма, индивидуализма, стремление к успеху и материальному процветанию, а нравственность и духовность вытесняются на периферию экзистенциальности.

Фридрих Фон Хайек, лауреат Нобелевской премии по экономике, утверждал, что для расцвета либерализма человек должен лишиться двух природных качеств: сострадания и чувства солидарности. Нетрудно заметить, что данный антропологический тип оказывается в оппозиции к идущей с древности гуманистической концепции человека, которая возвышала его верой в добро и духовные возможности [8, с. 175].

В настоящее время новая антропология объединяет в границах человеческой экзистенции различные элементы, импульсы и качества. Однако уже можно говорить о том, что она представлена антропологией «нового язычника», антропологией «посредственности», антропологией «инфантильного человека» и т. д. Опасность расширения социальной базы такой антропологии в том, что она, разрушая духовно-нравственную матрицу традиционной культуры, делает неизбежным общецивилизационный крах. Формирование новой антропологии, осуществляемое агентами массовой культуры, символически может быть обозначена как «антропологическая эвтаназия» не только европейской культуры, но и культуры в целом.

В настоящее время проблема поиска возможных сценариев развития современной цивилизации является одной из приоритетных в социогуманитарном знании. Это вызвано растущей агрессивностью и деструктивностью самой техногенной цивилизации. Для того, чтобы человек имел гарантированную историческую перспективу, он не должен потерять способности каждый шаг цивилизационной истории выверять человеческой мерой, мерой человека гуманного и духовного. Глубинные трансформации техногенной цивилизации, поставившие вопрос выживания или гибели самого человека, требуют своеобразного антропологического выбора. Как считает В.С. Степин, он связан с изменением стратегии развития

современной цивилизации [2, с. 22]. Не меняя базисной ценностно-смысловой системы техногенной цивилизации, невозможно разрешить глобальные кризисы (прежде всего антропологический), порожденные этой цивилизацией. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному. Этот переход будет связан не только с технологической, но и с духовной революцией, переоценкой ряда основополагающих постулатов техногенной культуры. К сожалению, вероятность этого невелика, «массовый человек... устал – он больше не готов отзываться на героические коллективные призывы, заново затягивать пояса во имя светлого будущего» [9, с. 27].

Список литературы

1. Дубровский, Д. И. Природа человека, антропологический кризис и кибернетическое бессмертие / Д. И. Дубровский // Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция. – М.: Изд-во МБА, 2013.
2. Степин, В. С. Философия и эпоха цивилизационных перемен / В. С. Степин // Вопросы философии. – 2006. – № 2.
3. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М., 2000.
4. Хоружий, С. С. Проблема постчеловека, или Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии / С. С. Хоружий // Философские науки. – 2008. – № 2.
5. Назаретян, А. П. Середина XXI века: загадка сингулярности / А. П. Назаретян // Философские науки. – 2013. – № 9.
6. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда: Доклад ВОЗ. – Женева, 2001.
7. Гаджиев, К. С. О дестабулизации морали / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2013. – № 12.
8. Марков, А. П. Культурный ландшафт современной цивилизации / А. П. Марков // Человек. – 2012. – № 6.
9. Панарин, А. С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств / А. С. Панарин // Вопросы философии. – 2003. – № 6.

Г. И. Касперович

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
Беларусь, kasp.1947@mail.ru)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ МЕГАТРЕНД СОВРЕМЕННОСТИ

Глобализация как один из главных вызовов XXI века приобретает сегодня характер мегатренда мирового развития, все больше определяющего и современный облик мира, и последующее цивилизационное развитие в обозримой перспективе

тиве. Сегодня она затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, экологию, безопасность, духовную и материальную культуру. Согласно оценкам западных аналитиков-экспертов в ближайшие пятьдесят лет развитие событий в мире будет определяться действием сил интеграции, ведущей через регионализацию к глобализации. Поэтому те страны, которые не примут участия в этом процессе, окажутся на обочине всемирной истории, в стороне от достижений и возможностей новой постиндустриальной цивилизации.

Современная глобализация – это спонтанный, хаотичный, самоорганизующийся интеграционный процесс унификации, объединения социальных институтов, их деятельности, знаний, идеалов, ценностей и норм деятельности в экономической, политической и социокультурной сферах при отсутствии внешнего источника в виде специального организатора (40000 ТНК, 20000 неправительственных организаций и т. д.). Глобализация-Интеграция разных социальных институтов и процессов происходит на основе обмена между ними веществом, энергией и информацией. Это интеграция, связанная с четвертой информационной революцией – изобретением компьютерной системы Интернет (70-е – 90-е годы).

Процессы глобализации – типичный пример объективной социальной самоорганизации, которая соткана из переходов, трансформаций, кризисов, катастроф и других существенно неравновесных состояний и процессов, в которых развивается человеческая деятельность. Вот почему адекватный анализ процессов глобализации возможен и необходим с позиций современной научной теории самоорганизации – синергетики и синергетической парадигмы.

Синергетика, возникшая в 70-х годах XX века в рамках естественно-научного знания как междисциплинарная теория самоорганизации нелинейных открытых систем, сегодня рассматривается в качестве универсальной теории и парадигмы исследования процессов и закономерностей самоорганизации в системах любой природы, в том числе, социальных. Общество обладает всеми признаками самоорганизующейся нелинейной системы.

Синергетическая парадигма утверждает принципы нелинейного мышления: главную роль в мире играет неустойчивость и неравновесность, случайность; поведение нелинейных процессов вариативно и однозначно непредсказуемо; порядок может возникать из хаоса спонтанно. Нелинейная наука отрицает однозначный детерминизм и исследует статистические, вероятностные процессы, которые столь характерны для современного глобализирующегося мира.

В условиях современного нелинейного, сложного, динамического и глобализирующегося мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в обществе, становится принципиально недостаточным и даже

опасным, может вести к догматизму, отсутствию толерантности и фанатизму в такой крайне нелинейной социально-политической деятельности. Многим экспертам-аналитикам ясно одно: современные социальные прогнозы с помощью традиционных моделей, основанных на анализе равновесных состояний, не заслуживают доверия. Необходимо переходить к моделям, нацеленным на описание неравновесных процессов, использующим аппарат нелинейной динамики, синергетики. За такими моделями – будущее.

Изменившиеся условия требуют использования методов, потребность в которых доселе не очень осознавалась и которым уделялось довольно мало внимания. К этим методам относятся методы нелинейной динамики, экономической синергетики, нацеленные на описание неравновесных процессов, на анализ закономерностей разрушения старых и формирования новых социально-экономических структур. Интерес к использованию данных методов будет несомненно расти. Синергетика выступает сегодня как междисциплинарное научное направление, ориентированное на поиск общих законов эволюции и механизмов самоорганизации природного и социального мира. Осуществляя глубокий синтез общефизических, кибернетических, биологических и философских представлений о саморазвитии мира, синергетика показывает, что причиной, источником самоорганизации сложных систем является не что иное, как согласованное, кооперированное взаимодействие их элементов и подсистем.

Идеи нелинейности, необратимости, вариабельности в процессе принятия решений, многообразии путей развития, получившие обоснование в синергетике, оказываются значимыми для социально-гуманитарных наук. С этих позиций общество, как открытая, неравновесная система, под влиянием даже очень слабых воздействий может перестроить свою организацию таким образом, что его дальнейшее функционирование окажется непредсказуемым. Строя различные концепции развития общества, изучая человека, его сознание, уже нельзя абстрагироваться от этих методологических регулятивов, приобретающих общенаучный и философский характер. Глубокие изменения вносит синергетика и в теорию социально-политического управления: дезорганизации, кризисы и даже хаос, которые в рамках классической парадигмы признавались как абсолютные антиподы порядка, синергетика рассматривает как условие выхода систем на новый, более высокий уровень организации и развития.

Актуальность исследования глобализационных процессов с позиций синергетической парадигмы определяется современной методологической и теоретической ситуацией в социальных науках, которые все еще развиваются преимущественно в рамках линейной парадигмы, привычно репрезентирующей социальную эволюцию как одновариантное и безальтернативное развитие. Сегодня линейные представления о социаль-

ной динамике нерелевантны, неадекватны. Современный социум утрачивает привычные свойства стабильности, динамического равновесия, а темпы исторических перемен непрерывно возрастают, все более явно демонстрируя нелинейные тенденции и эффекты. Мы вступаем, судя по всему, в век роковой эскалации локальных рисков и, как следствие, глобальной бифуркации [1].

Точки бифуркации – точки ветвления возможных путей эволюции нелинейной системы в нелинейной среде. Это среда, которая может эволюционировать различными путями, она таит в себе многообразные бифуркации. Состояние бифуркации, хотя и неустойчиво, но имеет перспективу в плане обновления системы, это точка «выбора» дальнейшей пути развития. И. Пригожин и И. Стенгерс так описывают изменение системы при прохождении через точку бифуркации: «Когда система, эволюционируя, достигает точки бифуркации, детерминистическое описание становится непригодным. Флуктуация вынуждает систему выбрать ту ветвь, по которой будет происходить дальнейшая эволюция системы. Переход через бифуркацию – такой же случайный процесс, как бросание монеты. Существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуации, которая сначала была локализована в малой части системы, а затем распространилась и привела к новому макроскопическому состоянию» [2]. Этот метод позволяет достаточно точно определять роль флуктуационного фактора в многовариантности выбора возможных сценариев изменения и развития в активных нелинейных средах применительно к обществу.

Синергетическая модель позволяет видеть глобализирующийся мир самоорганизующимся, открытым в процессе непрерывного становления, эволюционирующим по нелинейным законам, с неожиданными сценариями развития, как совокупный результат взаимодействия в них противоположных тенденций: неустойчивости и стабильности; беспорядка (хаоса) и порядка; дезорганизации и организации; случайности и необходимости; иерархизации и деиерархизации.

Современная глобализация – это еще далеко не единый мир. Это лишь путь к единому миру как мегатенденция современной социодинамики и дальняя перспектива на нынешнее столетие. Синергетика очерчивает возможности человечества по познанию нелинейных процессов глобализации и выработке в этой связи новой стратегии поведения, адекватной реалиям XXI в.

Список литературы

1. Ласло, Э. Век бифуркации: постижение изменяющегося мира / Э. Ласло // Путь. – 1995. – № 1. – С. 3–129.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – С. 246.

Ч. С. Кирвель

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, gfilosof@mail.ru)*

«ЭКСПОРТ НЕСТАБИЛЬНОСТИ» – ЗЛОВЕЩАЯ ПРИМЕТА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Сегодня много пишут, говорят и спорят о перспективе формирования глобальной власти, о возможности становления управляемого мира. Причем мысль об управляемости миром получает выражение в самых разнообразных понятиях, словосочетаниях, смысловых оттенках и оценочных суждениях как позитивного, так и негативного характера. Современные публикации на эту тему пестрят такими понятиями, как «Сверхобщество», «Мировое правительство», «Глобальная империя», «Глобальная держава», «Глобальное управление», «Глобоамерика», «Современная глобократия», «Глобофашизм». «Сообщество тени», «новая Антицивилизация», «Мировая глобократия». «всемирный еврейский заговор», «заговор мирового масонства», «мир контролируемого и управляемого хаоса», «неформальные центры влияния чрезвычайно высокой компетенции» и т. п.

Действительно, мы являемся свидетелями интенсивного процесса изменения структур управления и генезиса новых оргструктур. США, например, совершенно сознательно и целенаправленно стремятся создать новую мировую структуру управления, которая могла бы обеспечить перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень. Управление миром понимается ими как свобода перманентного и произвольного регулирования наиболее значимых планетарных процессов и событий. В этом направлении действует целый ряд влиятельных организаций, для которых характерна анонимность и принципиальная непубличность большей части принимаемых решений.

Мы уже не можем не замечать, что сегодня в той или иной степени утверждается «плановая» история, «управляемое», «конструируемое» общество, имеют место непрекращающиеся попытки определенными силами, в частности олигархическим интернационалом, взять под свой контроль ее движение. Распространенное ныне выражение «глобализация», «западнизация», «американизация» и т. п. фиксируют различные аспекты данного процесса и данных устремлений. Причем этот процесс еще только начался. Им, похоже, будет заполнена вся история в XXI веке. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества.

С началом всеобщего распространения новейших информационных технологий (формированием «информационного общества»), давших старт глобализации, в этом процессе обнаружилось принципиально но-

вые измерения. Возникшие глобальные информационные поля оказались способными действовать на сознание людей поверх государственных границ, создавать возможность манипуляции сознанием в планетарном масштабе. И что здесь удивительно: первыми жертвами этих открывшихся новых информационных возможностей явились элиты народов, отставших в своем развитии от стран-гегемонов – лидеров глобализации. Современным глобалистским структурам нет нужды воздействовать на сознание всего населения той или иной страны с целью формирования у него нужных для этих структур установок и ориентиров. Достаточным оказывается значительно более простой и менее затратный вариант: добиться желаемого поведения общества воздействием не на все его слои, но лишь на сознание элиты. Так, транснациональные структуры и институты, концентрирующие в своих руках колоссальные финансовые ресурсы, и, что очень важно, коммуникативные сети, получили возможность с очевидной растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые в силу этого перестают быть, по сути дела, национальными, что хорошо сегодня видно на примере некоторых государств Латинской Америки и стран СНГ. Подвергшись форсированной обработке сознания (формы здесь могут быть самые разные), элита начинает иначе, чем возглавляемое ею общество, мыслить, исповедовать другие мировоззренческие ценности, по-другому воспринимать окружающий мир и реагировать на него. Оторвавшаяся от общества элита утрачивает не только свою социальную эффективность, но и свою общественно полезную функцию. Соответственно, народ до очередного социального катаклизма перестает влиять на выбор направлений развития и принятие решений. Если же на мировой арене появляются лидеры, проводящие независимую национальную политику, то на них сразу же открывается «охота», начинается оказываться беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы, вплоть до физического устранения.

«Дезертирство элит» (выражение А. С. Панарина) в нашу эпоху – явление сложное, многоаспектное. Но в любом случае оно не только «естественноисторическое», спонтанное. Наряду со всем прочим следует особо подчеркнуть, что это **явление вполне сознательно инспирируется и проводится в жизнь**. Здесь достаточно сказать, что в современных западных странах, прежде всего США, действует немало «аналитических институтов», «мозговых трестов» и т. д., направленных на *идеологическое программирование* сознания элит стран мировой периферии с целью установления «нового мирового порядка». Задача всех этих центров – научить местные элиты смотреть на национальную политику через призму «глобального подхода», то есть, по сути дела, сориентировать их исключительно на обслуживание интересов наиболее экономически развитых стран. Будучи мощными генераторами идеологии, эти и подобные им аналитические институты «создают тонким и опосредованным образом

мировоззренческие аксиомы для посвященных и стереотипы для профанов» [1, с. 185].

Результат деятельности «мозговых трестов» – создание во многих государствах «пятых колонн», действующих внутри своих стран и против своих стран. Именно такого рода «пятая колонна» в значительной степени поспособствовала успешному развалу Советского Союза. Иначе говоря, было создано мощное организационное оружие, которое обеспечивало победу без прямого применения военной силы. Это оружие получило название консциентального информационно-смыслового сверхоружия, т. е. оружие, воздействующее на сознание людей. Ныне в США сформирована мощная киберармия, включающая в себя, по некоторым данным, 15 тысяч высококлассных специалистов. Без этой армии не обходится ни одна «цветная» революция, ни один государственный переворот.

В этом контексте можно вести речь еще об одном изуверски коварном изобретении нашего времени, позволяющем нередко вполне успешно или, по крайней мере, среднеразвитые страны, загонять в каменный век, ввергать их в ситуацию хаоса, деградации и, тем самым, способствовать сокращению их населения: это, так называемый «экспорт демократии» или, точнее сказать, «гуманитарная интервенция». Смысл последней состоит в преднамеренном провоцировании в той или иной стране гуманитарной катастрофы с последующим военным вторжением в эту страну с целью «наведения порядка» и «оказания гуманитарной помощи». На практике это означает, что в наше сложное переходное время в мире сформировались силы, которые под видом утверждения общечеловеческих ценностей и реализации идеи «Нового мирового порядка» стремятся осуществить свой корпоративный, эгоистический интерес, пытаются навязать тем или иным странам и народам ложные перспективы и тупиковые пути исторического движения, направить их в русло «уготованного будущего». Именно с этой целью на нашей планете без конца развязываются различного рода локальные войны.

В этом отношении весьма показательны процессы, протекающие ныне на Большом Ближнем Востоке, получившие в социально-политическом дискурсе название «Арабская весна». «Арабская весна» представляет собой пролог битвы за Евразию и отработку форм и методов использования оргоружия в манипулятивных целях. Современные атлантические элиты пытаются посредством ускоренной перекодировки колоссальной энергии ислама, заточенной на создание «Всемирного халифата», овладеть геополитической сердцевиной мира – Центральной Азией и тем самым продолжить путь к подбрюшью России, в тыл Китая, к Северно-Восточному Ирану и Северной Индии, т. е. развернуть дугу нестабильности от Нигерии до Киргизии и Кашмира. Используя пассионарный потенциал исламского фактора они стремятся добраться до богатейших ресурсов Северной Евразии, в том числе Западной и Восточной Сибири – этой богатейшей кладовой мира.

Что касается России, то она, несмотря на нарастающие противоречия между евроатлантической и китайской цивилизациями, по-прежнему выступает как единственный системный, цивилизационный и геополитический конкурент англосаксов и их союзников – «Россия и русские: мы были и остаемся экзистенциальным противником Запада. Как заметил замечательный советский организатор разведки Л. В. Шебаршин, «Западу от России нужно одно, чтобы ее не было»» [2, с. 250]. В данном случае, в отношении России задача усматривается в том, что бы посредством исламского фактора создать на ее территории «управляемый хаос» и тем самым развалить ее изнутри посредством мягкой силы, как уже это было сделано с Советским Союзом. Это проясняет факт скрытой и даже явной поддержки США исламских фундаменталистов, радикальных религиозных течений и даже террористических организаций, с которыми они на словах якобы ведут бескомпромиссную борьбу. Во истину, целеполагание значительной части западной правящей элиты мало чем отличается от нацистского. Здесь западная элита не оригинальна – она повторяет Гитлера.

Данное обстоятельство необходимо постоянно держать в поле зрения и политическому руководству нашей страны, поскольку Республика Беларусь, как следует из заявления Леона Панетты, бывшего главы Министерства обороны США, наряду с Россией, Ираном, Китаем, Индией, Бразилией и др. находится в списке «Target-nations», то есть «государств-мишеней».

Сегодня не без помощи концентрированного информационно-смыслового сверхоружия США как бастион западного мира готовят мировое общественное мнение к ликвидации международного права и к захвату ресурсов ослабленных и отставших в своем развитии государств «мировым сообществом» (т. е., по сути дела, странами Большой Семерки). Этими целями объясняется и широко развернутая ныне практика «экспорта нестабильности» в незападные общества и непрекращающиеся попытки создать в современном мире такую ситуацию, которая позволяла бы контролировать ресурсы планеты малыми силами.

В целом опыт современной истории свидетельствует, что с помощью новейших форм оргоружия легко можно парализовать даже крупные государства, разложить, отнюдь не слабые по традиционным меркам армии, идеологически запрограммировать поведение элит, посеять смуту и неразбериху в системе государственного управления. Центральный момент в этом процессе – организация небольших групп «мирного населения» для «ненасильственных действий» против легитимной власти авторитарного лидера, «диктатора-президента» и т. п. Причем в данном процессе используются все механизмы политического и экономического давления, включая прямой подкуп, деятельность МВФ, Всемирного банка, ВТО и целого ряда теневых структур, которых открыто не декларируют.

Цель всех этих «ненасильственных действий» – дестабилизация той или иной страны, ставшей объектом интереса олигархического интернационала. При этом, система СМИ, диктуемая и управляемая современной глобратией, практически исключая из эфира всякие альтернативные источники информации, способна любую взбунтовавшуюся протестную общность, пусть она даже состоит из националистов профашистского толка, террористов, маргиналов и авантюристов разного рода, несоциализированных или плохосоциализированных групп молодежи, политизированных футбольных фанатов и просто бандитов, представить мировому общественному мнению как «народ», назвать «народом» (например, «народом» Сирии или «народом» Украины). Попытки же законных властей навести порядок в стране традиционными средствами (полиция, армия) квалифицируются как террор и неадекватное насилие, применяемое в отношении «мирного населения». В результате государство лишается права на использование легитимного насилия против данной общности, какие бы они не совершили незаконные действия, любые провокации вплоть до вооруженных. Если оно все же применяет насильственные действия с целью наведения порядка в стране его сразу же ставят в «мировом мнении» вне закона, называют преступным за «репрессии против мирного населения» и страна подвергается «гуманитарной интервенции», «... национальное государство моментально лишается суверенитета, его можно подвергать массированным бомбардировкам, можно засылать в столицу спецназ для уничтожения правителей и их близких, устрашения населения, разрушения инфраструктуры и пр. Возмущенный насилием «народ» вооружается, снабжается инструкторами и превращается в «повстанцев». Перед телекамерами они ездят на автомобилях, стреляют в воздух и показывают «козу». Этого прикрытия достаточно для интервенции...» [3, с. 11].

Такая технология, используемая в качестве оружия для дезорганизации и развала человеческих сообществ, эффективнее ядерного заряда.

Следует подчеркнуть, что практически все постсоветские общества и государства не готовы к противодействию новейшему концентрированному информационно-смысловому сверхоружию – не хватает соответствующих обществоведческих разработок. Вся проблема в том, что, проникнутое эконоцентризмом, современное обществоведение, господствующее ныне в постсоветских странах неспособно дать ответ на эти вызовы времени. Гуманитарным технологиям, с помощью которых дестабилизируются и разрушаются многие современные общества, могут противостоять только гуманитарные технологии, но более высокого уровня. Народам мира, если они хотят сохранить себя в истории, необходимо формировать новое знание, способное конкурировать с западными гуманитарными технологиями, по-новому переосмыслить роль духовной сферы в жизни общества, проникнуть в сложную мозаику общественного

сознания, духовных устремлений современного человека. Поэтому модернизация социогуманитарного цикла наук – императив для всех постсоветских государств, прежде всего восточнославянских стран, поскольку их дестабилизация – главная задача современного глобального управляющего класса.

Поставим вопрос: удастся ли творцам «нового мирового хаосопорядка» (выражение А. И. Фурсова) перекроить всю геополитическую карту нашей планеты в свою пользу и тем самым реализовать свою стратегию господства над миром?

Вряд ли. Мир наш не так прост, податлив и пластичен. Мир социума никогда ранее не был столь одномерным и однозначным и тем более не будет впредь таким, чтобы его движения можно было бы планомерно, по чьему-либо умыслу, развернуть в какую-либо сторону. Споры нет, что сегодня имеют место непрекращающиеся попытки определенных сил, в частности олигархического интернационала, утвердить «плановую» историю, «управляемое», «конструируемое» общество. Однако, в реальности почему-то получается так, что деятельность людей (социальных групп, классов, наций, государств и т. п.), как правило, приводит не к тому, к чему они стремились, а к чему-то иному, нередко даже противоположному изначальной цели, к появлению на исторической арене чего-то такого, чего никто в отдельности и все вместе ни знать, ни хотеть не могли. Хотя люди и способны осознанно ставить и преследовать свои цели и не редко в конкретном временном масштабе времени достигать ожидаемых результатов, в целом же, в долгосрочной перспективе, всегда обнаруживает себя неустранимый элемент стихийности и непредсказуемости, нечто такое, что не осознавалось людьми и не входило в их намерения. За мозаикой осознанных человеческих действий скрывается как бы второй подспудный, более глубокий пласт истории. В этом как раз и проявляется то, что Гегель называл «хитростью разума истории» или «коварством истории». В действительности, для управления такой громадной и сложной системой, какой является жизнь мирового сообщества, отсутствует комплекс необходимых условий, в том числе и возможность становления такого уровня интегрального знания и теории управления, которые смогли бы просчитать последствия и результаты столкновения переплетений всех сил, воли и действий, имеющих место в историческом процессе. Во истину «крот истории» роет свою дорогу в потемках, а люди зачастую не ведают, что творят.

Совершенно не исключено, что выпущенный на волю демон хаоса может взорвать изнутри конструируемую «хозяевами мировой игры» «новый прекрасный мир» как раз в тот момент, когда будет казаться, что он уже достигнут. Верно сказано, что зло терпит свое поражение на вершине своего могущества. Современная верхушка класса капиталистов, ставя различные социальные и другие эксперименты на живом теле народов

мира, не только не избавляется от стихийности истории, но и умножает ее, добавляя к стихийности естественной и неизбежной ту стихийность, которая возникает в результате ответной реакции мира социума на человеческий эгоизм, алчность и злобу. У нас нет сомнения, что на шкале «большой истории», в конечном счете те, кто раскручивает мировой хаос, кто в своих интересах стремится переломать естественный ход событий, будит такое зло, такие силы, такие социальные вихри, которые не в последнюю очередь сметут и поглотят их самих.

Список литературы

1. Нарочницкая, Н. «Аналитические институты» – глаза, уши и мозг Америки / Н. Нарочницкая // Наш современник. – 2004. – № 3.
2. Фурсов, А. И. Ситуация в Евразии сквозь призму истории / А. И. Фурсов // Наш современник. – 2013. – № 9.
3. Кара-Мурза, С. Г. Кризисное обществоведение / С. Г. Кара-Мурза. – М., 2012. – Ч. 2.

О. В. Кирницкий

(Донецкий национальный университет, г. Донецк, Украина,
oleg-kirnizkiy@mail.ru)

ФИЛОСОФО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ТУПИК ОСМЫСЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

Выделение философских аспектов особенностей интеграционных процессов сегодня для территории Украины важно прежде всего для прогнозирования будущей геополитической и экономико-политической стабильности в регионе бывшего СНГ в целом. Процесс распада СССР 1991 года, благо, не вызвал в достаточной мере политический, этнический и экономический кризис, который бы привёл к событиям, подобным событиям в Армении и Азербайджане 90-х годов, но замедлил и заморозил конфликт. Эффект глобализации и интеграции в XXI веке существенно потряс Украину в 2014 году. Многократно умноженный геополитическим положением страны на границах двух мощных геополитических (и культурных) блоков: Европейского и Евразийского, февральский кризис в Украине в корне ломает геополитическую, военно-политическую, культурно-психологическую традицию, сложившуюся в Восточной Европе в последние два десятилетия. Возможная дестабилизация ситуации в Украине, доведение её вплоть до военной, при возможном прогнозе представляет собой конфликт, который может повторить ситуацию бывшей Югославии.

Фактически сегодня стоит проблема пересмотра вопроса вопроса ядра социального бытия будущей Украины: какова его суть, наполнение?

Именно ответ на этот вопрос покажет всему современному цивилизованному миру, за каким именно наибольшим сегодня интеграционным объединением: европейским или евразийским, будет будущее. В действительности ответ на данный вопрос даст понимание того, каким будет социальное бытие и, вообще, качество политического и социального существования в принципе. Ведь говорить о резком отрыве Украины от евразийского экономического пространства, пусть слабого и «депрессивного» по сравнению со странами запада как утверждают многие западные аналитики [1], по сути своей, будет являть собой процесс, осложнения взаимоотношений сильнейших интеграционных блоков. А в таком случае будет активизирован процесс схожий по своим внутренним характеристикам с холодной войной, которую вроде бы благополучно пережили [2]. Утверждать о возвращении «холодной войны» можно исходя из тех фактов, что фактически сегодня раскол проходит по линии «страны Запада – страны Азии», что не секрет даже для начинающего политического исследователя, но методы, которые стали использовать – те же, что и во времена противостояния двух мегадержав – использование национального, этнического, культурного признаков для разжигания противостояния и ослабления противника. Научные разработки данной стратегии, начатые ещё в 50-е года XX века, основоположником которых является З. Бжезинский, были значительно усилены и доработаны для практического применения на старанах СНГ: Грузия, Украина, Киргизия и т. д. Однако можно считать, что фактически применение стратегий «цветных» революций было свёрнуто при Украинских кровавых событиях 2014 года. Страны Запада снова вернулись к «классической» для холодной войны стратегии поддержки радикальных националистических группировок на территории, которая составляет национальный интерес отдельных стран Запада. Однако результаты проведения подобных «акций» на бывшей территории СССР (в частности Украины) уже сразу после их фактического появления можно назвать «шоковыми» и не в том позитивно-функциональном смысле, который был в Польше периода Валенсы. Можно скорее говорить о прерывании экономической стратегии страны с ориентацией её на более-менее чёткие экономические, логистические, региональные потребности в сырье и товарах бывших стран СССР, что было заложено хоть и не эффективной, но чёткой плановой стратегией. Однако отступление от опоры на данную экономическую стратегию, пусть и неразвитую со времён распада Союза, на «рельсы» новой в корне неразработанной Евроинтеграционной стратегии будет иметь последствия для социально-политического бытия украинского населения куда более грозные, чем даже распад единого экономического пространства в 91-м году. Кроме того, применение указанной выше «националистической» стратегии холодной войны де-факто создаёт ситуацию возможности возникновения буквально в любой момент времени крайней нестабильности в ре-

гионе в целом. Сегодня понимание данной ситуации находится в тупиковом положении именно из-за непонимания проблем расстановки сил в мировой игре геополитики. Страны Запада после кризиса 2008 года не представляют ту политическую и экономическую силу которая способна на опрометчивые и жёсткие решения похожие на войну в Персидском заливе 1991 года – когда уже не нужно было опасаться реакции СССР, как мощного актора политики [3]. В то же время Россия, Китай, отдельные страны Ближнего Востока начинают предствалять всё большую значимость в силу если не хитрых политических решений, то своего ресурсного потенциала. В данной ситуации понять значимость выбора интеграционной модели Украины – значит осознать, кто будет задавать тон международной политике на ближайшие десятилетия. Фактически выбор модели интеграции будет зависеть от состояния социально-политического сознания населения, которое после февральских событий 2014 года уже явно проходит по конфронтационной линии восток-запад страны. При этом формирование единого, хоть сколько неконфликтного, но единого восприятия политического между двумя частями страны, является ключевым вопросом украинской современности.

Потрясения, подобные прошедшему евромайдану, можно было предполагать уже на основе поглощения Евросоюзом стран Прибалтики. Дальнейшее движение «поглощения» ЕС на восток просто вынуждено менять характер своего хода. Если Польша, вступив в ЕС, получила титанические экономические вливания для её существования в составе ЕС, то в ситуации с Украиной, даже если бы такие вливания были возможны, это бы не изменило ситуации – восточное ядро страны не может просто выйти из своего состояния социального бытия, приближённого к российской, а не европейской культурной основе. Но это не значит, что она является хуже. Это лишь показывает, что при глупом и упёртом использовании только традиционных для «холодной войны» националистических и культурных факторов социально политическое бытие населения всей страны может погрузиться в эпоху мрачнее Югославии или Карабаха 90-х. Что естественно породит огромное количество проблем, как европейскому, так и евразийскому гегемонам, на стыке которых расположилась страна.

Однако Латвия, Литва, Эстония имели гораздо менее конфликтный характер при своём вхождении в европейские и евроатлантические структуры, чем возможное вхождение Украины, что в будущем и может повлечь за собой самые невероятные «сбои» в расстановке сил и поставит крест на перезагрузке отношений мощнейших мировых игроков. Как существуют сегодня ключевые страны в Азии (Афганистан), на Ближнем Востоке (Сирия) так в Европе сегодня подобная ситуация сложилась вокруг Украины. Однако эта ситуация и зашла в тупик: крайне трудно изменить состояние сознания и бытия населения, понимающего безисходность ситуации нахождения между двумя игроками-гегемонами

в реально сложившихся экономико-политическими и стратегическими факторами. И разработать сегодня методику, которая позволит сгладить и решить данную проблему нахождения страны на подобном «разломе», который начинает непосредственно сказываться на непосредственном населении страны, является ключевым для политологии и социальной философии.

Список литературы

1. Польшов, М. Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР / М. Ф. Польшов // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). – 2008. – № 3. – С. 36–55.
2. Дашичев, В. И. Евразийская шахматная доска. Новая «Холодная война» против России / В. И. Дашичев // Пространство и время. – 2013. – № 3 (13). – С. 231–232.
3. Родригес, А. М. Кувейт, Ирак и мировое сообщество в конце XX в.: ретроспектива и последствия «кризиса в Заливе» 1990–1991 гг. / А. М. Родригес. – М., 2005.

Е. В. Клинова

(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, klinova.katerina@gmail.com)

ХОРОШЕЕ МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Концепция «*good governance*», изначальной аналитической мишенью которой были развивающиеся страны, все серьезнее укореняется в качестве тенденции-императива политико-административных реформ в странах развитой части мира. В русскоязычной литературе данное понятие чаще всего фигурирует как «хорошее управление», реже – «взаимное управление» либо вообще без перевода.

Столкнувшись с серьезными проблемами, западное государство всеобщего благосостояния стимулировало существенные изменения в области государственного управления. Последнее стало более бережливым, результативным, децентрализованным, инновационным, клиентоориентированным, менее неповоротливым, скоординированным, перераспределительным и ориентированным на отдельные группы. Этот, пришедший на смену социальному государству, подход получил название «новый государственный менеджмент». Благодаря рыночным механизмам ему удалось скорректировать многие недостатки социального курса предыдущего периода, при этом нерешенным остался ряд вопросов, с которыми рынок не в состоянии справиться самостоятельно без соответствующей политической воли. Оптимальное соотношение координации и самостоятельности, подотчетности, справедливости и общественного уча-

стия, профессионализма и ответственности, доверия и предсказуемости – это те вызовы, которые лежат в основе нового витка реформ административно-государственной сферы в западных странах по направлению к «хорошему управлению». Замысел, лежащий в основе «хорошего управления», «читается» через ряд принципов построения системы публичной власти любого уровня, которые сформулированы в документах «Программы развития» ООН, Всемирного банка, Европейского Союза и др. Эти принципы охватывают деятельность основных участников выработки целенаправленного политического курса: органы государственной власти, частный бизнес, институты гражданского общества, всех заинтересованных граждан, средства массовой информации. Среди принципов «хорошего управления» указывают следующие:

- 1) *равноправное участие* граждан в выработке политических решений прямо или через посредство легитимных институтов на основе свободы слова и ассоциаций;
- 2) *верховенство закона*;
- 3) *прозрачность* институтов власти за счет доступной и полной информации об их работе;
- 4) *респонсивность* институтов как их способность реагировать на потребности заинтересованных сторон;
- 5) *ориентация на широкий консенсус* через посредничество между разнородными группами интересов с целью определения оптимального решения;
- 6) *справедливое* принятие решений, инклюзивное по отношению ко всем позициям и дающее всем гражданам одинаковые возможности улучшить свое положение;
- 7) *результативность и эффективность* управления, экономно расходующего ресурсы и способного добиваться удовлетворения нужд граждан;
- 8) *подотчетность* правительства, частного бизнеса и структур гражданского общества общественности и друг другу;
- 9) *стратегическое видение* при выработке управленческих решений, когда лидеры и общественность учитывают долговременные перспективы управления и человеческого развития, а также необходимые для их достижения шаги [1].

Не случайно в современном мире, где публичная власть распространилась за пределы государственных границ, самым подходящим уровнем управления, на котором названные принципы могут быть апробированы и наиболее полноценно реализованы, является местный. Неотъемлемым элементом своевременного и творческого реагирования на вызовы окружающей среды является механизм формулирования местной повестки дня, охватывающей как всю совокупность осознаваемых обществом проблем, так и ту их часть, которая может быть принята во внимание и урегулирована органами власти. Вовлеченность в формирование

повестки дня местного сообщества и отдельных входящих в него групп имеет исключительное значение для всего процесса выработки политических решений. На данной стадии процесса не только публично обсуждаются общественные интересы, вырисовываются варианты выхода из ситуации и возможные последствия, но также и зарождается основа для последующего доверия местным властям, которое начинается со стремления общества быть услышанным.

Местные органы власти на постсоветском пространстве, и особенно в Республике Беларусь, испытывают существенный недостаток доверия со стороны местных сообществ. Исследования показывают, что общество не склонно проявлять самостоятельную инициативу в вопросах местного самоуправления и в то же время более негативно оценивает деятельность органов самоуправления, если испытывает недостаток информации о нем. По сведениям Центральной избирательной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов в ходе избирательных кампаний в местные Советы депутатов республики 25-го, 26-го и 27-го созывов на один депутатский мандат в среднем претендовало не более 1, 2 кандидатов. Это говорит о том, что, не считая выборов в столичный и областные Советы, выборы в остальные Советы уже давно являются по большей части безальтернативными, а депутатские полномочия не привлекают граждан. При этом, роль избирателя – это единственная широко распространенная форма вовлеченности местного сообщества в решение совместных дел. Кроме того, среди всех государственных органов в Беларуси местные власти, и в первую очередь Советы депутатов, пользуются наименьшим авторитетом у населения, что ежегодно фиксируется различными исследовательскими центрами. Названные факторы указывают на необходимость исправления ситуации в первую очередь за счет расширения арсенала форм публичных консультаций и систематического их проведения. Совершенно нелишним в данном случае может оказаться опыт зарубежных муниципалитетов, которым также ежедневной работой приходится на вверенной территории зарабатывать и поддерживать доверие граждан.

Примером развитого местного самоуправления и источником положительного опыта в налаживании коммуникации между органами власти и местным населением может служить Великобритания. В стране действует множество механизмов публичных консультаций, которые вовлекают граждан в выработку политических решений на местном уровне власти. Например, местные социологические опросы (количественное исследование), фокус-группы и интервью (качественное исследование), «таинственный потребитель» (метод контроля качества оказываемых населению услуг посредством специально разработанных критериев), «жюри» граждан (взаимодействие небольшого числа граждан со специалистами из государственных органов, которое позволяет первым полу-

чить разностороннюю информацию о проблеме и делает их более компетентными, а вторым получить информацию о том, какое решение предпочел бы компетентный гражданин) и др. [2, с. 93–95].

Инициатива для проведения публичных консультаций может исходить из трех источников: от местного сообщества, местных властей либо вменяться им в обязанность нормами общегосударственного законодательства. Немаловажным фактором, который влияет на вероятность получения конструктивного результата, является, во-первых, финансовый. В Беларуси на первичном уровне местные бюджеты являются дотационными в среднем примерно на 60 %, что почти исключает системное проведение публичных консультаций и отсылает к другим особенностям действующей в стране системы местной власти. Вторым фактором является компетентность граждан в предлагаемых к обсуждению вопросах, которая склонна уменьшаться по мере усложнения предмета дискуссии и увеличения размера подведомственной территории. Этот фактор указывает на преимущества таких форм коммуникации на местном уровне, которые позволяют не только выявить мнение одной из сторон, но и скорректировать его с учетом более полной информации о ситуации и позициях всех заинтересованных лиц.

Таким образом, можно сделать вывод, что в сформулированных на международном уровне принципах *«good governance»* по сути дела описывается развитое, демократичное, сбалансированное местное самоуправление, которое следует стремиться построить на практике.

Список литературы

1. Governance for sustainable human development // United Nations Development Programme [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://mirror.undp.org/magnet/policy/chapter1.htm>. – Date of access: 25.02.2014.
2. Бейко, А. В. Участие граждан в процессе принятия решений органами власти на местном уровне / А. В. Бейко // Проблемы управления. – 2007. – № 2. – С. 91–95.

Ю. И. Кнатько

(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, kafkult@buk.by)

СОВРЕМЕННЫЙ ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРЫ

Современная культура – сложный и многомерный интеграционный процесс. Являясь динамичным организмом, она постоянно преобразовывается и меняет свою конфигурацию. Среди преобразовательных процес-

сов, значительным образом влияющих на изменения в культуре, важную роль играет трансформация. Трансформация культуры – форма культурного изменения, целостный, поступательно-преобразовательный процесс, который направлен на реконструкцию культуры за счет внедрения в нее внутренних и внешних элементов, нарушающих ее привычный ритм и задающий новый вектор культурного развития. Будучи многоаспектным явлением, культурная трансформация обусловлена рядом факторов, которые раскрывают ее содержательно-сторону и определяют интенции будущих преобразований.

Факторы культурной трансформации во многом схожи с факторами таких процессов как культурная эволюция, культурная динамика, культурная модернизация и т. д. Синтез классификаций факторов вышеуказанных процессов позволяет говорить о наличии универсальной классификации факторов, присущей всем преобразовательным процессам. Согласно ей все факторы можно разделить на основные и второстепенные, внутренние и внешние, объективные и субъективные, общие и специфические, постоянные и переменные, экстенсивные и интенсивные.

Однако следует отметить, что трансформация культуры – это часть микродинамики культуры и все изменения в культуре происходят в конкретный отрезок времени. Поэтому детерминантами культурной трансформации выступают качественные явления или процессы, которые проникают во все структурообразующие элементы культуры и инверсируют их. Трансформация культуры апеллирует, прежде всего, неquantифицируемым факторами, т. е. качественными характеристиками преобразований.

Квантификация – (от лат. *quantum*) – количественное выражение качественных признаков явления или объекта. Это своеобразный подсчет качественных характеристик процесса и отражения их в количественных значениях (шкалах, баллах, процентах). Неквантифицируемые факторы – качественные характеристики явления, которые отражают содержательную сторону процесса, в данном случае – культурную трансформацию.

Одним из первых исследователей, кто обратил внимание на неquantифицируемый характер факторов культурных преобразований, был Г. Гегель. В своей теории перехода количественных изменений в качественные, он показал закономерный и стремительный переход культуры из одного состояния в другое. По его мнению, переход, т. е. трансформация происходит через качественные изменения («ломку») системы. Трансформация культуры представляет собой синтез двух стадий – непрерывности и скачка. Непрерывность – стадия медленных качественных накоплений, которая выступает в качестве процесса наращивания или уменьшения количества изменений в существующем. Скачок – стадия коренных изменений явления или объекта, преобразование старого качества в новое. Преобразование культуры происходит достаточно быстро, т. к. ей способствуют факторы «расшатывающие» всю ее систему [2, с.146].

В научной теории П. Сорокина таким «расшатывающим» фактором трансформации выступает антропогенный фактор, т. е. субъект культуры. Ученый подчеркивал важное значение потребностей субъекта, которые определяют содержание культурной реальности: духовные, материальные, ценностные установки людей, живущих в определенный отрезок времени [5, с. 328]. К примеру, в истории культуры потребность человека в самовыражении, творчестве, гармонии привела к формированию особого типа мировоззрения – гуманизма, в то же время, установки на потребительство и обладание, способствовали такому типу мышления как консюмеризм, присущему современной культуре. Идею о доминантной роли субъекта в преобразовании культуры также разделяет П. Штомпка [7, с. 117]. Он считает, что социокультурная трансформация, опирающаяся на интересы, идеи, действия и правила субъекта, является самым глубоким типом культурных преобразований, т. к. она затрагивает все сферы деятельности человека. В исследованиях А. Ахизера говорится о «массовом консерватизме» который мешает переходу к полистилистическому типу культуры. Автор имеет в виду неподготовленность и неосознание членами определенной культуры необходимости в культурной трансформации. Для того, чтобы наступила культурная дисфункция, ведущая к качественным переменам, необходимо, по мнению автора, чтобы все члены культуры ощутили потребность в трансформации.

С точки зрения футуролога Э. Тоффлера важнейшей детерминантой трансформации культуры является техника. А источником и движущей силой преобразований – техническая революция. В зависимости от характера революции определяется содержание культуры нового типа. Трансформации, происходящие в культуре, не хаотичны, не случайны, не зависят исключительно от количественных изменений, а имеют четко выраженную структуру, протекают через определенные интервалы, дискретны и коммулятивны по своему характеру [6, с. 512]. Развитие техники обусловило появления таких типов культур, как аграрная, индустриальная и постиндустриальная. Научная позиция Э. Тоффлера получила широкий резонанс во второй половине XX века и нашла свое отражение в работах ученых, исследующих процесс информатизации и становления культуры информационного типа. Среди исследователей, поддерживающих точку зрения, что важнейшим некантифицируемым фактором культурной трансформации является информатизация, видное место занимают М. Кастеллс, М. Маклюэн, Д. Белл, А. Этциони, Т. Стоунер, Д. Ленски, И. Негодаев и др.

Результатом активных информационных процессов в культуре стало появление нового явления в развитии человечества – глобализации. Тотальная унификация и интеграция вносят значительные коррективы в конфигурацию и содержание культуры. Исследователи единого культурного пространства П. Бергер, Дж. Стиглиц, Ю. Сухарев, В. Миронов го-

ворят о глобализации, как о ведущем факторе преобразований в современной культуре. В основании культурной трансформации сегодня, по мнению авторов, находится дихотомия «глобализм – локализм». Из-за доминирования более «сильных» культур происходит вытеснение ценностей, традиций, культурных образцов «слабых» культур [4, с. 31]. Национальные культуры находятся в жестких условиях глобального пространства. Глобализация, с одной стороны, стирает границы и ставит под угрозу автономию и уникальность культуры, с другой – синтезирует лучшие достижения национальных культур и подчеркивает необходимость внедрения инноваций в культуру, что способствует ее выходу на новый уровень.

Залогом гармоничной интеграции в рамках глобального культурного пространства служит межкультурная коммуникация, которая также является важным фактором культурной трансформации. Роль коммуникативного процесса в преобразовании культуры подчеркнута в исследованиях Ю. Лотмана, М. Миронова, Л. Никифорова и др. В фундаментальных трудах Ю. Лотмана большое внимание уделяется символическому характеру коммуникации. Автор считает, что культурная коммуникация является связующим звеном между прошлыми и настоящими символами [3, с. 45]. Культурная коммуникация позволяет сохранять культурную память и формировать новый тип мышления. Коммуникация – живой процесс, связанный с постоянным взаимодействием людей. В процессе коммуникации человек переосмысливает ценности и формирует новые, отвечающие характеру и ритму культурной эпохи. Поэтому, все изменения, происходящие в процессе культурной коммуникации, так или иначе, проецируются на культуру в целом. Очевидно, что на современном этапе развития культуры межкультурная коммуникация играет чрезвычайно важную роль. Она является движущим фактором для обновления культур и их системной интеграции.

Таким образом, можно сделать вывод, что для культурной трансформации присущ ряд факторов, которые обуславливают ее процессуальное функционирование. Будучи определенным во времени микродинамическим процессом, трансформация культуры обусловлена некватифицируемыми детерминантами, что характеризует ее как качественный процесс многоаспектного преобразования культуры.

Список литературы

1. Бергер, П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / П. Бергер, С. Хантингтон. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 379 с.
2. Культурология. XX век: антология. Философия и социология культуры. – М.: Наука, 1994. – 252 с.
3. Лотман, Ю. М. О двух моделях коммуникации в системе культуры / Ю. М. Лотман. – М.: Наука, 1992. – 88 с.
4. Миронов, В. В. Глобальное коммуникативное пространство и кризис культуры / В. В. Миронов // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 27–43.

5. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М.: Астрель, 2006. – 1054 с.
6. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М.: АСТ, 2010. – 784 с.
7. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.

И. А. Козиков

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, kozikov_i@mail.ru)

РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ О ЕДИНСТВЕ СЛАВЯН

Кризис, охвативший современную цивилизацию, пожалуй, глубже и опаснее проявляется в славянских народах. Их всячески дискредитируют, унижают, пытаются лишить исторической памяти, противопоставить друг против друга, поссорить и как можно ослабить, подчинить чужому влиянию, уничтожить, применяют в отношении них двойные стандарты. Важнейшей проблемой для славян сегодня, является проблема выживания, сохранения их цивилизации, их идентичности, культуры, государственной целостности, единства, сохранения перспектив своего бытия. Западные глобализаторы пытаются превращать народы славянских государств в заложники своих геополитических стратегий. Судьбы своих государств глубоко волнуют славянских народов. Они глубоко волновали и великих ученых России: М. В. Ломоносова, Д. И. Менделеева, В. И. Вернадского, К. А. Тимирязева. Эти ученые на рубеже XIX–XX столетия и первой половины XX столетия поднимали ряд проблем, поставили перед славянами ряд вопросов, которые весьма актуальны для них и сегодня. Особое внимание они уделяли проблеме *единства славян*. Эту проблему они рассматривали с различных сторон.

Во-первых. Эти великие ученые показали, что история славян свидетельствует о том, что благодаря единству и взаимопомощи славяне выстояли в суровой борьбе, не растворились среди других народов, сохранили свою самостоятельность, образовали свои государства. Так М. В. Ломоносов, написавший историю славянских народов до Рюриков, затем историю русских князей, а вернее российского государства до Петра I, показал, что славяне имеют древнюю историю, «были древние обитатели в России», что «величество славянских народов вообще считая, стоит близ тысячи лет почти на одной мере. Но то же усматривать и много далее в древности» [1, т. 6, с. 176, 293]. Он отмечал, что это стало возможным благодаря их единству. «Благополучны многочисленные народы, – писал он, – которым державно в свое время управляемым и защищаемым быть щедрая судьба определила» [1, т. 7, с. 92]. А «Величество славянского народа явствует из множества владений: Россия, Польша, Богемия, Болгария, Сербия, Хорва-

тия, Македония, Долмация, Иммерик, Венеды и другие славянский язык употребляющие области показывают ясно» [1, т. 6, с. 292]. Как известно российская ветвь славян образовалась из трех частей славян – русских, белорусов и малороссов-украинцев.

Во-вторых. Ученые рассматривали проблему единства славян и с точки зрения геополитической. Они проявляли большую заботу о сохранении целостности славянских государств, считали славянские народы естественными союзниками России, которая, по их мнению, должна осуществить этот союз. «Говоря о союзах, – писал Д. И. Менделеев, – нельзя не упомянуть о том, что принципиальными нашими союзниками были и останутся южные и западные славяне...» [2, с. 376]. Естественную основу этого союза составляет историческая общность и родство славянских народов. «Сходство людей по языку, без всякого сомнения, – писал Д. И. Менделеев, – отвечает одинаковости происхождения и близости во многих других отношениях, а поэтому во всех славянах мы должны, во всяком случае, т. е. вовсе не придерживаясь славянофильства, видеть наших ближайших братьев, и если француз, немец, англичанин, индус или китаец, наши близкие, то ближе всего славяне» [3, с. 42].

В-третьих. Ученые считали необходимым оказание Россией помощи другим славянским народам, всячески приветствовали эту помощь. «Россия, – писал Д. И. Менделеев, – составляет единственную сильную опору славянства, взятого в целом и содержащего примерно 130 миллионов т. е. составляющего более трети всех жителей Европы» [3, с. 42]. Поэтому Россия должна проводить свою политику единения славян и оказывать им всякую поддержку. Он всячески приветствовал оказанную Россией помощь Болгарии в XIX веке в освобождении от османского владычества. Анализируя характер ведущих Россией войн Д. И. Менделеев отмечал, что «часть русских войн велась для освобождения славянских наших братьев» [2, с. 202]. Такие славянские страны как Болгария и Сербия «малонаселены и своею независимостью не мало обязаны усилиям России». Славяне, отмечал В. И. Вернадский, видели в России роль «колосса», представляли «могущественным фениксом», помощь которого должна являться спасительной» [4, с. 106, 407].

С большим восторгом воспринимал К. А. Тимирязев помощь, оказанную Россией Болгарии в освобождении от турецкого ига в 1877–1878 годах. В связи с этим он приводит слова Ч. Дарвина, сказанные при посещении его Тимирязевым. «В эту минуту, – говорил Ч. Дарвин, – вы встретите в этой стране много глупых людей, которые только и думают о том, чтобы вовлечь Англию в войну с Россией, но будьте уверены, что в этом доме симпатии на вашей стороне и мы каждое утро берем в руки газеты, с желанием прочитать известия о ваших новых победах» [4, с. 360–361]. В то же время К. А. Тимирязев гневно осуждал империалистическую политику, направленную на разъединение славянских народов. Он с гневом

отмечал, что развязав балканскую войну, международный капитал превратил ее в мировую войну, умышленно втянув в эту войну славянские народы, превратив их в пушечное мясо, приносящее огромные прибыли, «синдикату капиталистов». Он писал: «Я могу только изумляться с каким совершенством работает этот капиталистически-государственный международный организм» [4, с. 360–361]. «Русскому народу пришлось испытать этот свой долг перед историей при таких ужасных условиях, каких не знал ни один народ в мире» [4, с. 428].

В. И. Вернадский проблему единства славянских народов и их отношения с другими народами рассматривал также всесторонне и с более широких – ноосферных позиций, когда, как он отмечал, «жизнь человечества, при всей ее разнородности, стала неделимой, единой» [5, с. 23]. Он так же считал, что Россия должна играть важную роль в поддержке славянских народов. Большой интерес он проявлял к Югославии, Польше, Чехословакии и другим славянским народам, радовался всяким дружественным их контактам. Особое внимание он обращал на отношение народов этих государств к России, отмечал их тяготение к России. Он писал, что «Интересы славянского народа тождественны интересам новой России...» [4, с. 106].

В. И. Вернадского особенно волновала проблема единства России с её важной частью – Украиной. Так, во времена Первой мировой войны и гражданской войны, когда реально были угрозы отделения Украины от России, находясь на Украине он активно вступал против такого отделения, выступал за культурно-национальную автономию Украины. Он писал: ««Широкая культурная национальная работа, культура украинская, или как она называется в официальных приказах культура малорусская вполне и целиком соединена с идеей единой и неделимой России и может найти в её великих рамках полную возможность своего самого широкого проявления... Будущее не в русско-украинской распре, а в русско-украинском единстве» [4, с. 257–258]. Как далеко смотрел этот русско-украинский представитель славян. В это время, занимаясь организацией Украинской Академии наук, он писал: «Я считаю, что надо занять это место и не дать его занять и повести тем лицам, которые будут стремиться повернуть все дело или к Германии или, во всяком случае, к врагам русской культуры» [6, с. 90].

В. И. Вернадский с особой настойчивостью проявлял заботу о развитии науки у славянских народов, тревожился об их будущей судьбе, мечтал «о будущей роли в умственной жизни человечества – России и славянства, к которому, казалось, шел ход истории» [7, с. 129]. Ученые гордились достижениями славян.

В-четвертых. История показала, что заботы великих российских ученых о единстве славян были обусловлены тем, что это единство неоднократно подвергалось суровым испытаниям в борьбе против захватчи-

ков и агрессоров. Там, где славяне объединялись, они добивались победы. Благодаря единству и решительности, они, например, отстояли свое существование в борьбе против татаро-монгольского ига, фашистских агрессоров в годы Второй мировой. После Второй мировой войны славяне вместе восстанавливали разрушенную во время войны промышленность, сельское хозяйство, свою культуру, укрепили свой суверенитет и государственность, добились выдающихся успехов в решении социальных проблем, создали мировое социалистическое содружество, которое выступало важнейшим фактором в мировых отношениях. Ныне в силу определенных исторических условий как никогда ослаблено единство славянских народов. В начале XXI века на карте мира появилось практически слабо связанных между собой 12 славянских государств. Развал СССР, Чехословакии и Югославии, создал новые исторические условия существования славян. Вектор их объединения изменился на 180 градусов, что еще больше способствует их разъединению, против чего выступали наши великие ученые. Это разъединение чревато для их бытия. Внемли их заветам ты «гордый внук славян» (А. С. Пушкин). Не искушай судьбу разладом.

Список литературы

1. Ломоносов, М. В. Полн. собр. соч.: в 11 т. / М. В. Ломоносов. – М. – Л., 1952–1958. – Т. 6. – С. 176, 292, 293; Т. 7. – С. 92.
2. Менделеев, Д. И. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – М., 1995. – С. 202, 376.
3. Менделеев, Д. И. К познанию России / Д. И. Менделеев. – СПб., 1907. – С. 42.
4. Вернадский, В. И. Публицистические статьи / В. И. Вернадский. – М., 1995. – С. 106, 257–258, 360–361, 407, 428.
5. Вернадский, В. И. Размышления натуралиста / В. И. Вернадский. – М., 1977. – Кн. 2. – С. 23.
6. Вернадский, В. И. Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 – январь 1920 / В. И. Вернадский. – Киев: Наукова Думка, 1994. – С. 90.
7. Вернадский, В. И. Открытия и судьбы / В. И. Вернадский. – М., 1993. – С. 129.

М. В. Козлов

*(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, rk-189@mail.ru)*

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

В своей статье «Существует ли сегодня политическая теория?» И. Берлин рассматривает одно из самых главных проблемных полей политической дисциплины – её теорию. Он полагает, что основные понятия

этой науки «дискредитированы и отброшены». Но при этом он не отрицает, что существует стержневое направление в этой отрасли, которое, так или иначе, связано с философией и где на первое место, по всей видимости, помещены вопросы ценностей [1].

В свою очередь следует признать, что центральной в этом ракурсе выступает позиция исследователя, где он включён в изучаемый им объект (то есть политику) и неразрывно с ним связан. Его идеологические, нормативные установки влияют на построение теоретического и методологического инструментария познания политики [2]. Один из ключевых вопросов в рамках понимания политического связан с выбором направления, которое исследователь принимает в качестве приоритетного [5]. Основным фактором здесь выступает сама политика, которая через свой дискурс проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности, формирует и развивает её.

Современная постнеклассическая наука, которая играет роль синтезирующего структурного направления и в которой ведутся попытки достижения компромисса о сущности гуманитарного (в том числе и политического знания), не выдерживает проверку опытом. Применение универсальных методологических правил не всегда соответствуют действительности. Более того, сама действительность, являющаяся началом исследования, искажает возможные результаты или попытки её понять. Это, в свою очередь, отражается на самом исследователе, который на протяжении какого-то временного отрезка пытается выявить внутренние механизмы, структуры и их функционирование в политической реальности.

Проблемы, суть которых политика, являют собой «дискурсивные формации», распространяющиеся через «коммуникативные сети» на весь социум [7]. В этих условиях у исследователя есть, по крайней мере, три возможных направления своей деятельности в рамках политического, которыми являются: *власть господство, трансляция знания и создание конструктов.*

Непосредственно работая в одном из этих направлений, исследователь выходит за пределы изучаемой им темы. Так или иначе, ему приходится «вторгаться» и в другие смежные области знания, заимствовать методологический аппарат и теоретическую базу иной дисциплины для познания политических феноменов. С этим связана острая полемика о статусе политической науки и её разграничение с другими дисциплинами [3]. Также критика направлена на статус знания о политике, основным пунктом которой является критерий владения им.

Исходя из вышесказанного, можно выделить несколько основных позиций. Во-первых, это сам исследователь и его *ценностная установка.* Во-вторых, это *теоретический и методологический арсенал,* используемый для познания политики. В-третьих, специфическая *функция знаний,* получаемых при исследовании политики и их роль в социуме.

Поэтому нужно обратиться к фундаментальным основам политической науки – её классическим трудам [9]. Однако на этапе отбора источников у исследователя возникает дилемма между выбором самих этих источников. Принимая это положение, следует выйти за рамки узкопрофильного изучения этой области и понять этот феномен через иные взгляды. Существуют различные точки зрения на первоисточники этой дисциплины. Например, полагают, что к ним можно отнести некоторые древние религиозные писания и философские трактаты. Правда, сегодня эти работы являют собой лишь исторические источники, содержащие различного рода «мифы». Современная научная мысль скептически относится к различным видам мифологического и религиозного знания, полагая, что это не более как прошедшая стадия человеческого развития, хотя с политической стороны эти тексты до сих пор определяют облик человеческой цивилизации. Изучение и понимание этих древних текстов является фундаментальным, в них лежит основа познания о человеческом обществе и человеке в целом. Признавая влияние этих трудов на последующие поколения, исследователь, который желает понять политику, должен в рамках собственной культуры познакомиться с накопленным опытом предыдущих поколений. На этом этапе он может задать себе следующие вопросы: Изменился ли политический человек за все это время? Трансформировалась ли власть? Какие понятия используются для познания политики? Но главное – существует ли сегодня «раггkĩa»? [8]. Понимание и, что очень важно, решение этих вопросов может быть найдено именно в древних текстах. И как бы ни старался исследователь понять политические феномены, без обращения к древним сегодняшние человеческие механизмы раскрыть невозможно. Если работа касается политического то, по меньшей мере, потребуются произвести *историческую реконструкцию*, которая направлена на сравнение политического ландшафта и его основных элементов – власти, институтов и их функций. Для этого можно обратиться, например, к своду законов Хаммурапи, законам Ману, Лунь Юй, Талмуду и Библии. И все же, необходимо придерживаться общепринятой точки зрения на первоисточники политической науки. Их можно условно разделить на четыре-пять периодов, в зависимости от господствующей эпистемы. Эти периоды, в принципе, отвечают разработанной классификации современной научной мысли. К первому относится становление основных понятий (античность). Ко второму – появление эксперимента и разработка механизмов влияния на объект (средневековье – новое время). К третьему относится перенос механистической картины мира на социум (новое и новейшее время). К четвертому – трансформация субъекта и объекта при участии естественных наук (новейшее время). И к последнему периоду – индивидуальные разработки авторов и построение их собственной картины мира. Например, «закон трёх стадий» или «исторический закон Маркса». На основании этих примеров можно определить соб-

ственную точку зрения на научную и политическую мысль. В итоге, исследователь выстраивает методологический инструментарий, проводит проверку своих наработок, получает некий результат и полагает, что, наконец-то, часть политического понята. Но затем наступает разочарование, если это не подтверждается через определённый отрезок времени. В этом случае, исследователь начинает осмысливать проблемы, которые возникли у него и он приходит, вероятно, к выводу, что нельзя полагаться на единичные факты без общей картины в целом. Исследователь, возможно, склоняется к мысли, что не учёл силу «индивида», которая стоит над любой формулой или законом. Подчас иррационализм, который игнорируется, приводит к ужасающим последствиям, которые мир пережил в XX веке. Можно возразить, что человеческая природа заключается в постоянных конфликтах и войнах. Но именно в XX веке, знание об обществе было поставлено на службу политике [6]. В этом русле на политолога или любого исследователя, занимающегося проблемами общества, лежит моральная ответственность.

Все эти размышления приводят к проблеме знаний и, главное, к истине. Возможна ли истинность в самой политике? Нет. Тогда, в этом случае, возможна ли истина в политической науке? Ответ на этот вопрос может дать только сам конкретный исследователь. Его взгляды, нормы, выбор зависят от его личности. В вопросе истинности он может выбрать несколько направлений. Все зависит от конкретной установки в рамках «вердикции». В этих условиях он будет разрабатывать свою схему определения истинности или ложности политического знания, с учетом социальной структуры [4].

Список литературы

1. Берлин, И. Подлинная цель познания. Избранные эссе / И. Берлин. – М.: Канон+, 2002. – 800 с.
2. Гудин, Р. Политическая наука: новые направления / Р. Гудин, Х.-Д. Клингеманн. – М.: Вече, 1999. – 814 с.
3. Ларсен, С. У. Теория и методы в современной политической науке / С. У. Ларсен. – М.: РОССПЭН, 2009. – 750 с.
4. Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура / Р. К. Мертон. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
5. Политическая теория в XX веке: сб. ст. – М.: Территория будущего, 2008. – 416 с.
6. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд. – М.: АСТ, 2009. – 378 с.
7. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: А-сэд, 1994. – 406 с.
8. Фуко, М. Управление собой и другими / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2011. – 431 с.
9. Штраус, Л. Введение в политическую философию / Л. Штраус. – М.: Практик; Логос, 2000. – 363 с.

М. М. Козлова

*(Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
Беларусь, masha.kmm@gmail.com)*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ В БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ

Одним из декларируемых преимуществ Таможенного союза и ЕЭП является отсутствие таможенных барьеров и пограничного контроля на внутренних границах стран-участниц. Особенностью белорусско-российского участка внутренней границы ТС/ЕЭП является то, что границы между Беларусью и Россией так и не получили государственного оформления, поскольку инициативы по делимитации и демаркации государственных границ России с бывшими постсоветскими республиками в 1990-е гг. по времени совпали с инициативами по созданию Союзного государства [1]. Последнее является одновременно и плюсом и минусом для населения приграничья. Плюсом является отсутствие режимной пограничной зоны, что обеспечивает свободу социальных контактов населения; а минусом – отсутствие, во-первых, точек роста в приграничье (пограничные переходы являются рабочими местами для жителей приграничья), а во-вторых, четких «правил игры» в территориальных отношениях приграничья.

Единое экономическое пространство в рамках Таможенного союза это попытка «стереть» барьеры, сдерживающие развитие трансграничных взаимодействий (под трансграничными взаимодействиями здесь понимается широкий спектр горизонтальных/сетевых неполитических и часто не подконтрольных государству), однако достижение этой цели не гарантирует создание интегрированного сообщества, в котором процесс «стирания» границ приводит к «срастанию» приграничных регионов.

Динамика миграционных потоков в приграничье является выразительным показателем эффективности интеграционной политики, позволяет увидеть, как население реагирует на интеграцию. Причиной активизации миграционных движений множество, но применительно к данному региону следует отметить, такие как: разница в стоимости потребительских товаров, разница в уровне оплаты труда, пенсионного обеспечения и условий ведения бизнеса. И если цены на потребительские товары выравниваются довольно быстро, то устранение различий в уровне оплаты труда, пенсионного обеспечения и условий ведения бизнеса – процесс более сложный, требующий качественной оценки ситуации не только в региональном, но и национальном масштабе, последовательного государственного регулирования. Исследование белорусско-российского приграничья, проведенное белорусскими географами-экономистами показывает, что фактор приграничности здесь вполне мог бы способствовать росту экономики региона, усилению социальных связей двух приграничий,

однако здесь преобладает и усиливается фактор периферийности, экономической отсталости и депрессивности, прежде всего, из-за оттока населения [2].

Роль приграничной миграции Беларуси очень высока, во-первых, по причине особенностей географического положения нашей страны и большой площади приграничных территорий, во-вторых, по причине ее невысокого демографического потенциала, в-третьих, по причине более низкого уровня жизни населения на периферии, которая одновременно является приграничьем. Развитое транспортное сообщение с крупными городами соседних государств, а также исторические и культурные связи, а на сегодняшний день еще и доступность информации являются, источником миграционных возможностей. Единственным действенным противовесом такой возможности является отсутствие мотива для миграции. Таким образом, регулирование миграционных процессов в приграничье должно быть ориентированно, прежде всего, на работу с мотивацией населения. Занятость и достойный уровень оплаты труда, обеспеченность жильем, развития культура и социальная инфраструктура, а также наличие и осознание возможностей для развития и улучшения качества жизни населения – и есть те направления, которые позволяют оказывать прямое воздействие на динамику миграционных процессов. Интеграционные проекты, таким образом, должны способствовать решению этих задач совместными усилиями сближающихся сторон, обеспечивая, таким образом, рост населения приграничья, препятствуя его убыли, «срастания» пограничья в единый жизнеспособный регион.

На сегодняшний день процессы, протекающие в белорусско-российском пограничье, стремятся к достижению эффекта противоположного «срастанию», а именно, к достижению эффекта «разрыва», а значит усилению свойств периферийности и депрессивности. Несмотря на отсутствие границ, между приграничными регионами существует множество невидимых барьеров местного административного характера, ухудшается транспортное сообщение внутри региона, что ведет к ослаблению социальных связей [3, с. 154; 4]. О слабости межрегиональных связей в белорусско-российском пограничье также свидетельствует то, что до сих пор еще на стадии обсуждения находится проблема выбора направлений трансграничного сотрудничества [5], а большинство решений, затрагивающих интересы населения приграничья по обе стороны границы, принимаются в одностороннем порядке. При этом согласно данным Российского ежегодника Смоленск наряду с Санкт-Петербургом является важнейшим центром притяжения миграционных потоков из Беларуси. Так в 2013 году в Россию из Беларуси прибыло 16 564 чел., из них 12 381 чел. являются гражданами Беларуси, а миграционный прирост белорусов в России составил в итоге 8 564 чел. При этом основная значительная часть мигрантов зарегистрировалась в Смоленской области (4 465 чел.) и

Санкт-Петербурге (3 495 чел.) и Северо-Западном округе в целом (5 950 чел.), в то время как в Москве всего 686 чел. Привлекает внимание тот факт, что в 2013 году в Смоленске возобновили либо открыли регистрацию по месту пребывания на год 4 264 белоруса [6]. То есть въехавшие на территорию Смоленска – это в основном белорусы, которым необходима российская регистрация. Следовательно, Смоленск в системе миграционных отношений между Беларусью и Россией выполняет специфическую функцию легализации белорусских мигрантов. Учет этого факта способствует качественной оценке развития как экономической интеграции в формате ТС/ЕЭП так и социальной и политической в формате Союзного государства. Так же понимание подлинной роли приграничных регионов в интеграционных процессах является условием нормализации демографических процессов не за счет жесткого административного (запретительного и ограничительного) регулирования миграционных процессов, которые естественным образом сопутствуют интеграции, а за счет их понимания.

Развитие белорусско-российского пограничья является важным направлением белорусско-российских отношений, маркером интеграционной динамики, как в формате Союзного государства, так и в формате Таможенного союза и Единого экономического пространства. Будущее региона напрямую зависит от того, какой сценарий интеграции возобладает в двусторонних отношениях Беларуси и России: 1) ориентированный на формирование отношений экономической зависимости по модели «центр – периферия», в которых все отношения жестко подчинены экономическим, 2) ориентированный на создание интегрированного (на принципах устойчивого развития) локального сообщества. При последовательной реализации первого сценария приграничные районы Беларуси и России не проявляют взаимной заинтересованности и из-за схожести структуры экономики скорее являются конкурентами, чем потенциальными партнерами; находятся в зависимости от внешних рынков, ресурсных баз и промышленных центров. Второй сценарий более сложен для реализации, поскольку предполагает направленную созидательную деятельность и сотрудничество, ориентированное не столько на получение прибыли, сколько на сохранение и развитие социальных связей, демографического капитала. Реализация второго сценария предполагает, во-первых, институционализацию межрегионального трансграничного и приграничного сотрудничества, во-вторых, развитие и уплотнение инфраструктуры связи (транспорт и коммуникации) внутри региона, в-третьих, изучение и адекватное регулирование миграционных процессов. Плотные сети коммуникаций как социальных, так и технических, позволяют удержать населения от промывной и маятниковой миграции, которая проявляется в условиях кризиса и усиления факторов периферийности и депрессивности в приграничных районах и различие уровней жизни, оплаты труда и стоимости товаров и услуг, условий ведения бизнеса.

Список литературы

1. Баринов, С. Л. Особенности российско-белорусского пограничья и их влияние на перспективы реализации совместных проектов межрегионального сотрудничества / С. Л. Баринов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://2012.forumstrategov.ru/rus/docs6.htm> – Дата доступа: 23.10.2012.
2. НИР БРФФИ «Приграничность и периферийность как факторы социально-экономического развития районов России и Беларуси» (Белорусский государственный университет, рук. Е. А. Антипова, 2010–2012 гг., № ГР 20101789).
3. Артоболевский, С. С. Российско-белорусское приграничное сотрудничество (результаты экспедиционных исследований в Смоленской и Могилевской областях) / С. С. Артоболевский [и др.] // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 152–163.
4. С 26 мая поезда «Смоленск – Витебск» будут отменены [Электронный ресурс] / Смоленская газета. – Режим доступа: <http://www.smolgazeta.ru/useful/12538-s-26-maya-poezda-smolensk-vitebsk-budut-otmeneny.html>. <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx> – Дата доступа: 26.05.2013.
5. Смоленск и Беларусь намерены развивать приграничное сотрудничество / Информационное агентство Regnum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/1533896.html>. <http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx>. – Дата доступа: 22.05.2012.
6. Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-28.htm. – Дата доступа: 02.02.2014.

М. Г. Коктыш

*(Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь,
m.g.koktysh@gmail.com)*

Г. И. Коктыш

(Барановичский государственный университет, г. Барановичи, Беларусь)

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Глобализация – это феномен начала XXI века процесс возрастающего воздействия различных факторов международного значения: политических, экономических, социальных, культурных, информационных на современные международные отношения и социально-культурную ситуацию в современном мире.

Теоретико-методологической базой являются подходы к исследованию феномена глобализации, представленные в работах: Ю. В. Яковца, В. Л. Иноземцева, П. Ганчева, Я. С. Яскевич, Э. Гидденса, Р. Робертсона, Ф. Фукуямы, И. Валлерстайна, С. Хантингтона, М. Делягина.

Глобализация вовлекает страны и народы во всемирный водоворот информации, товаров, технологий и идей, ресурсов. Глобализация выводит процесс обмена знаниями и идеями на беспрецедентный уровень. Это в свою очередь подстёгивает научно-технический прогресс. Она резко усиливает конкуренцию, являясь мощным двигателям мирового экономического процесса. Глобализация представляет новые товары и услуги сотням миллионов новых потребителей, повышает качество жизни человека.

Вместе с тем она несёт в себе ряд скрытых угроз, часть из которых мы даже не осознаём. Глобализация стандартизирует не только производство и технологии. Она очевидным образом размывает прежние духовные ценности, на которых основалась человеческая цивилизация, уничтожает самобытность отдельных народов и стран. В условиях глобализации мы должны понять: независимость – это в том числе право отстаивать собственные политические, экономические, нравственные ценности, право жить по совести в соответствии с естественными законами природы и человеческой морали [1, с. 2].

Глобализация – объективный процесс формирования, организации, функционирования и развития принципиально новой всемирной глобальной системы на основе углубляющейся взаимосвязи и взаимозависимости во всех сферах международного сообщества.

В современной научной литературе отмечается наличие следующих подходов:

- 1) культурологический, который рассматривает глобализацию в широком цивилизационном аспекте;
- 2) экономический, который трактует глобализацию в контексте развития мировых рынков товаров, услуг, капитала и труда;
- 3) экологический, который связывает глобализацию с ухудшением экологической ситуации на планете;
- 4) комплексный, который рассматривает глобализацию в политическом, информационном, а также в контексте борьбы с международной преступностью и мировой бедностью [2, с. 78].

Американский исследователь Ф. Фукуяма провозгласил начало нового существования человечества – планетарного, где будут существовать рынок и демократия. Они интегрируют мир в гармоническую единую машину. Все части света, т. е. все регионы земного шара, начнут переструктурироваться, как электроны в атоме, станут менять свои орбиты, ориентируясь на самые мощные (экономически) ядра-центры. Ф. Фукуяма также ведет речь о триумфе западных ценностей, всеобщем распространении плюралистической демократии, идеалов индивидуализма и рыночной экономики [3].

И. Валлерстайн разрабатывает глобалистскую социологическую концепцию «мир-системы». Суть этой концепции состоит в том, что основополагающей единицей анализа социальной реальности становится категория «историческая система».

Существующая ныне «мир-система», считает он, охватывает весь мир и представляет из себя в своей сущности капиталистическую мировую экономику. Согласно концепции «мир-системы», мировая капиталистическая экономика включает в себя группу стран ядра, куда входят США, Западная Европа, страны полупериферии и периферии. К полупериферии относятся страны, расположенные на юге Европы, такие, как Испания или Португалия, так же сюда он включает и постсоветскую Россию. Периферию мировой системы составляют развивающиеся страны Азии. Восхваляя всячески триумф «ядра мир-системы», который состоит из США, Японии и объединенной Европы, И. Валлерстайн не в восторге от неизменной прочности этого «культурного империализма» [4].

Исследователь Н. Луман утверждает, что никто не в состоянии сегодня «оспаривать факт наличия глобальной социальной системы» [5, с. 128].

С. Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» пишет о том, что в современном мире происходит становление «универсальной цивилизации», под которой он подразумевает культурное объединение человечества и все возрастающее принятие людьми всего мира общих ценностей, верований, порядков, традиций и институтов [6].

Национальные интересы Республики Беларусь охватывают все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, тесно взаимосвязаны и являются концептуальными ориентирами для ее долгосрочного развития.

Стратегическими национальными интересами являются: обеспечение независимости, территориальной целостности, суверенитета, неизбытности конституционного строя; устойчивое экономическое развитие и высокая конкурентоспособность белорусской экономики; достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

Основными национальными интересами в политической сфере являются: соблюдение конституционных прав и свобод человека; устойчивое развитие демократического, правового, социально ответственного государства; обеспечение эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества; достижение сбалансированности политических интересов граждан, общественных объединений и государства, общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь; развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей; эффективное противодействие коррупции; формирование многополярного мира и системы международных отношений, основанной на верховенстве норм международного права и многостороннем сотрудничестве [7, с. 8].

В экономической сфере основными национальными интересами являются: экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений, снижения себестоимости, импортности и материалоемкости производимой продукции; сохранение устойчивости национальной финансовой и денежно-кредитной систем [7, с. 9].

В военной сфере основными национальными интересами являются: укрепление в обществе чувства патриотизма, готовности к защите национальных интересов Республики Беларусь; эффективное стратегическое сдерживание, обеспечивающее поддержание мира, региональной безопасности и предотвращение угрозы применения военной силы против Республики Беларусь; обеспечение защиты независимости, территориальной целостности, суверенитета республики в случае применения против нее военной силы или угрозы силой; укрепление военного и военно-технического сотрудничества с Российской Федерацией [7, с. 11].

Таким образом, Концепция национальной безопасности обеспечивает государственную независимость, суверенитет, территориальную целостность, устойчивое экономическое развитие, баланс интересов личности, общества, государства и защиту от внутренних и внешних угроз в условиях глобализации современного мира [8, с. 3].

Список литературы

1. Лукашенко, А. Г. Независимость – это звучит гордо / А. Г. Лукашенко // Беларусь сегодня. Советская Белоруссия. – 2013. – 2 июля. – С. 2.
2. Денчев, К. Феномен антиглобализма: учеб. пособие / К. Денчев. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 218 с.
3. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ; Ермак, 2005. – 588 с.
4. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб.: Университетская книга, 2001. – С. 127.
5. Луман, Н. Глобализация мирового сообщества: как следует понимать современное общество / Н. Луман // Социология на пороге XXI века. – М., 1999. – 416 с.
6. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь № 575 от 9 ноября 2010 г. – Минск: Белорусский Дом печати, 2011. – 46 с.
8. Мальцев, Л. С. Концепция национальной безопасности – стратегия мира, согласия и созидания / Л. С. Мальцев // Белорусская думка. – 2011. – № 3. – С. 3–10.

Е. С. Коломийцев

*(Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия,
rabota.dep.128@yandex.ru)*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Актуальность темы состоит в том, что многие государства в условиях глобализации ослабевают и сталкиваются с проблемой сохранения свое-

го суверенитета и территориальной целостности. Однако преобладают международные исследования интеграции. В данном контексте цель тезисов – выявить методологии анализа политической внутригосударственной интеграции, осмыслить основные научные категории исследования интеграционных процессов.

Методологию анализа даёт центр-периферийная концепция американского социолога Э. Шилза. Он определял центр как тот сектор общества, где обладающие особой значимостью виды деятельности и функции имеют повышенную концентрацию или более интенсивно реализуются; они в наибольшей мере выступают «фокусом подчинения» [1, р. 250–251]. Э. Шилз подчеркивал, что «центр состоит из тех институтов (и ролей), которые осуществляют власть, будь то власть экономическая, правительственная, политическая, военная или культурная...» [2, с. 348], а также центр включает в себя «центральную ценностную систему» (базовые, онтологические смыслы жизни, цивилизационное ядро общества). Два измерения центра должны быть согласованы между собой в повседневном функционировании, иначе институты власти обесмысливаются. По мнению Э. Шилза, центры обществ существуют вследствие неравномерности распределения власти, могущества, богатства и т. д. [1, р. 251, 260]. Они обеспечивают политический порядок в общественной системе, легитимируют его. Шилз настаивал, что один центр неспособен господствовать над всем обществом и контролировать его. Имеется в виду совокупность центров власти, взаимосвязанных, поддерживающих отношения поддержки либо взаимной оппозиции [1, р. 253, 257].

Территориальный аспект определения центра лаконично, но ёмко представлен С. Рокканом. Центр – это место, где принимаются властные решения, действуют институты власти и правящие элиты [3, р. 95–122]. Обычно он локализуется в столице государства и ряде территорий «ядра» страны. В территориальном аспекте задачи центра – осуществлять экономические и политические принципы своей стратегии на периферии (в субъектах федерации); обеспечивать эффективное политико-территориальное устройство государства; перераспределять ресурсы власти между субнациональными сообществами; обеспечивать национальный суверенитет и территориальную целостность государства, его интегрированность. Территориально-политическая система характеризуется иерархической структурой политического контроля над периферией со стороны центра, распределения политических компетенций, степенью интегрированности политического пространства.

Центр, по Э. Шилзу, существует постольку, поскольку в определенной степени достигает господства над перифериями, постоянно его доказывает в конкуренции с перифериями. Э. Шилз указывал ограничения

политики центра в отношении периферий: традиции общества, недостаток ресурсов власти, сопротивление периферий [1, р. 253–254].

Периферия, напротив, представляет собой подчиненные, пассивные компоненты политической системы в соотношении с центром. Тип отношений центра с периферией описывается парными категориями: доминирование – зависимость, господство – подчинение, инновация – её внедрение, интеграция – дезинтеграция.

Периферия тоже неоднородна, состоит из многих сегментов. Одни из сегментов (слоев) периферий ближе по политическим ресурсам и ролям к центру власти, другие – дальше. Речь идёт не о «физическом» расстоянии, а о политических дистанциях в символическом смысле. Такие дистанции определяются объемом властных компетенций, инновационным потенциалом, ресурсной базой территориального сообщества, степенью укорененности и силы политического самосознания. Складываются «центры второго порядка» – крупные города и узловые субъекты федерации, которые адаптируют политические инновации, исходящие из государственного центра, и ретранслируют их на более консервативные периферии.

Периферия оказывает обратное интенсивное влияние на центр. Периферии проявляют различные политические курсы в отношении центра: «они колеблются от выраженной или пассивной покорности и самосохранения через изоляцию до попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром. Периферии могут пытаться стать автономными центрами или заместить собой действующие центры», – отмечал Э. Шилз [1, р. 253–254]. Кроме этого, периферии ведут «торг» и переговоры с центром о распределении ресурсов и компетенций власти, более или менее успешно влияют на принятие общегосударственных властных решений. Методами влияния выступают альтернативные демократические выборы, законные мирные формы прямого действия, формирование общественного мнения, представительство субнациональных элит в центральных органах власти и др. Неконвенциональные методы взаимодействия периферий с центром (коррупция, лоббизм, проявления насилия) применяются даже в консолидированных демократиях; их можно ограничить, но вряд ли можно устранить полностью.

Важно учитывать, что в политическом процессе проявляются не только вертикальные центр – периферийные, но и горизонтальные межсубъектные взаимодействия внутри государства, и трансграничные отношения. При демократии самоорганизация территориальных сообществ и их автономное развитие не противостоят интеграции государства, а подпитывают её.

Центр и периферия – это парные категории. Они противопоставлены по ресурсам и функциям, но взаимодействуют и влияют друг на друга. Система центр-периферийных отношений обеспечивает стабильность и воспроизводство территориально-политической системы, её обновление.

Политико-территориальный процесс в государстве представляет собой проявление конкуренции, постоянную динамику балансов распределения власти между центром и периферией в «интервале» между интеграцией и сепаратизмом. Развитие государства, по мнению Д. В. Доленко, являет собой в территориальном аспекте институционализацию отношений «центр – периферия» [4, с. 31].

Территориальное распределение власти в центр-периферийных отношениях может быть осмыслено с применением концепции социальных размежеваний С. Роккана и С. М. Липсета [5, с. 204–234]. Социокультурное размежевание (cleavage) – это устойчивая ось фрагментации общества по долгосрочным основаниям, порождающая различия политических ориентаций и установок населения. На материалах Европы С. Роккан и С. М. Липсет выделили размежевания между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, налогоплательщиками и получателями дотаций. В каждом обществе набор базовых размежеваний, их удельный вес и конфигурация неповторимы. Хотя создатели концепции разрабатывали её на материалах социальных групп и партийных систем, концепция применима к долгосрочным основаниям территориальной фрагментации государств.

Таким образом, центр-периферийная концепция Э. Шилза и концепция социокультурных размежеваний С. М. Липсета – С. Роккана могут эффективно применяться при анализе внутригосударственной политической интеграции. Они дают методологическую основу выяснения балансов распределения власти между центром и регионами. Данные теории придают новый смысл термину «территориальная политика» – системной стратегии политики государства в отношении субъектов федерации.

Список литературы

1. Shils, E. Center and Periphery: An Idea and its Career, 1935–1987 / E. Shils // Center: Ideas and Institutions / ed. by L. Greenfeld, M. Martin. – Chicago; London, 1988. – P. 250–282.
2. Шилз, Э. Общество и общества: макросоциологический подход / Э. Шилз // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М., 1972. – С. 341–359.
3. Rokkan, S. State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe / S. Rokkan // The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works: Oxford; N.Y., 1999. – P. 95–122.
4. Доленко, Д. В. Политика и территория. Основы политического регионоведения / Д. В. Доленко. – Саранск, 2000.
5. Липсет, С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания / С. Липсет, С. Роккан // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 204–234.

А. А. Комлік-Ямаціна

*(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Мінск,
Беларусь, yaa-88@mail.ru)*

СІМВОЛІКА ГРАШОВЫХ ЗНАКАЎ БЕЛАРУСІ

З даўніх часоў людзі для фіксавання і перадачы сваіх думак, сакральных, тэарэтычных і практычных ведаў і проста патрэбнай інфармацыі выкарыстоўваюць разнастайныя сімвалы. Сімвалы – адзін з самых старажытных і загадкавых феноменаў культуры. Шматфункцыянальнасць сімвалаў уражвае – гэта і абавязковы элемент рытуалаў, і механізм захавання і перадачы інфармацыі, і ідэнтыфікацыйны маркер, і механізм уздзеяння на падсвядомае, і ўпрыгожванне.

У сацыяльна-палітычнай сферы сімволіка адыгрывае немалаважную ролю. Дзяржаўны герб і сцяг, нацыянальны касцюм, сувенірная прадукцыя і нават некаторыя элементы рэкламы, абапіраючыся на традыцыйную сімволіку, на падсвядомым узроўні кансалідуюць грамадства. Адным з самых важных элементаў дзяржаўнасці з часоў узнікнення першых княстваў і па сённяшні дзень з'яўляюцца грашовыя знакі. Менавіта грошы найбольш распаўсюджаны і прысутнічаюць не толькі ў афіцыйных установах, але і ў прыватных дамах, іх чалавек штодзень трымае ў руках. І, хаця ў XXI ст. усё большую папулярнасць набываюць крэдытныя карткі і безнаўнёныя разлікі, папяровыя грошы і асабліва манеты з'яўляюцца паказальнікам статуснасці дзяржавы і займаюць не апошнія месца ў грамадска-палітычных зносінах.

Дадзены артыкул прысвечаны даследаванню сімвалаў на дзяржаўных грашовых адзінках, якія мелі хаджэнне на тэрыторыі Беларусі ад Полацкага княства да сучасных дзён. Адлюстраваны змены грашовых сімвалаў у культуралагічным аспекце, можна прасачыць асноўныя падзеі, ідэі, тэндэнцыі, надзеі беларускага народа.

Першае дзяржаўнае ўтварэнне на тэрыторыі сучаснай Беларусі – Полацкае княства – узгадваецца ў летапісах у 862 г. [5, с. 130–146]. Згодна археалагічных дадзеных на Полацкай зямлі не існавала свайго манетнага двара, на тэрыторыі княства мелі хаджэне рымскія манеты (драхмы, нуміі і інш.) [6, с. 82–88]. З X ст. распаўсюджваюцца дынарыі еўрапейскіх краін (Германія, Чэхія, Англія, Францыя) [7]. Выявы на манетах таго часу былі адпаведныя: крыжы, зоркі, S-падобныя знакі, гербы кіруючых дынастый.

Пры ўтварэнні Вялікага княства Літоўскага (XII ст.) на тэрыторыі Беларусі з'яўляюцца першыя манетныя двары (Бярэсце, Вільня). У перыяд з XII ст. па 1544 г. (прыход да ўлады Жыгімонта Аўгуста) на манетах рознай вартасці (дынарыі, грош, паўгрош) былі распаўсюджаны выявы герба «Пагоня» і польскага «арла» як сімвал магутнасці і самастойнасці дзяржавы. На манетах Жыгімонта Аўгуста (абол, двудэнарыі) з'яўляюцца

ца манаграма рода князя і герб «Калюмны», а ў 1545–1546 гг. з’яўляецца і партрэт самага Жыгімонта [3, с. 46–52].

Традыцыя чаканіць на манетах свой партрэт і герб роду захавалася і ў Рэчы Паспалітай: шэлягі, саліды, трайныя грошы, дукаты з аднаго боку былі аздоблены гербам кіруючага роду, на іх другім баку змяшчалася выява вялікага князя літоўскага і караля Польскага (Стэфан Баторый, Жыгімонт Ваза, Ян Казімір Ваза і інш.) [3, с. 60–68]. На некаторых манетах зноў з’яўляецца агульны герб Вялікага княства Літоўскага – «Пагоня».

Пасля трэцяга падзелу Рэчы Паспалітай (1795 г.) тэрыторыя сучаснай Беларусі адыходзіць да Расійскай Імперыі. Адпаведна і літоўскія грошы замяняюцца імперскімі алтынамі, пятакімі, чырвонцамі. Асноўнымі выявамі імперскіх грошаў былі хрысціянскія матывы (самым распаўсюджаным быў св. Георгій), двухгаловы арол і партрэты каранаваных асоб (Пётр I, Кацярына II і інш.) [1 с. 56–78].

Такім чынам, выявы на грашовых знаках ад Сярэднявечча да эпохі Новага часу ў асноўным паказвалі і прапагандавалі пануючую форму ўлады – манархію. Выявы родавых гербаў, партрэты манархаў падкрэслівалі важнасць кіруючай асобы.

Напачатку XX ст. з утварэннем Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік мяняецца і сістэма грашовых знакаў. Алтыны і чырвонцы з партрэтамі расійскіх імператараў паступова замяняюцца рублямі і капейкамі з выявамі новага герба маладой дзяржавы – сярпа і молата, партрэтам кіраўніка Камуністычнай партыі У. І. Леніна, сімвалы новага парадку – рэвалюцыянеры. З прычыны адмоўнага стаўлення новага кіраўніцтва да рэлігіі хрысціянскія матывы на грашовых купюрах замяняліся больш старажытнай сімволікай – у прыватнасці, правабаковай свастыкай. Гэта сведчыць пра тое, што кіраўніцтва СССР таксама займалася даследаваннем старажытнай сімволікі і ставілася да сакральных ведаў з павагай.

Грошы гэтага перыяда сімвалізуюць зараджэнне новай дзяржавы, зноў жа прапаганда асобы – сімвала эпохі рэвалюцый.

Калі распаўся Савецкі Саюз, кожная рэспубліка пачынае рухацца ў бок поўнай самастойнасці. Маладая суверэнная Рэспубліка Беларусь ставіць пытанне пра ўласныя грошы. Напачатку ўжываліся «карткі спажываўца», але ўжо ў 1992 годзе пабачылі свет беларускія грошы. Серыя грашовых знакаў з выявамі беларускіх жывёл: вавёркі, зайца, баброў, ваўкоў, рысі, мядзведзя і зубра дала назву беларускай валюце – «зайчыкі» [2, с. 8–26].

Гэта серыі адлюстроўвала нацыянальнае багацце краіны – бязмежныя лясы, чыстыя вадаёмы. Таксама прасочваецца сувязь з міфалагічнай спадчынай славянскіх народаў – з даўніх часоў жывёлы шанаваліся: мядзведзь з павагай называўся лясным бацькам / дзедам, воўк – браткам. Побач з жывёламі размяшчаўся старажытнаязычніцкі сімвал – васьміканцовая зорка, якая абазначае чалавека, асобу. На адваротным баку новых купюр

змяшчаўся герб «Пагоня», як сімвал самастойнасці, незалежнасці, зварота да свайго слаўнага мінулага.

У 1995 годзе ў сувязі са зменай дзяржаўнай сімволікі «Пагоня» знікае з грашовых знакаў, жывёлы замяняюцца выявамі знакамітых будынкаў і памятных месцаў – помнік Перамогі ў г. Мінску, цэнтральны ўваход у Акадэмію навук Беларусі, Брэсцкая крэпасць, дзяржаўны акадэмічны тэатр оперы і балета і інш. Язычніцкая васьміканцовая зорка замяняецца старажытнымі сімваламі ўраджаю, засеянага поля.

Замена грашовай сімволікі сведчыць пра смену прыярытэтных накірункаў развіцця Рэспублікі Беларусь. Суверэннітэт дзяржавы прызнаны, галоўным стае сацыяльнае развіццё; міфалагічнае светаўспрыманне замяняецца навуковай карцінай свету; узрастае роля прафесійнага мастацтва і г. д.

З 2000 года раней адзіны для ўсіх купюр язычніцкі сімвал асобы мяняецца большай разнастайнасцю – на розных купюрах з’яўляюцца сімвалы яднання сонца і зямлі (купюра вартасцю 10 рублёў), засеянага поля (100 руб.), продкаў (500 руб.), дрэва жыцця (1000 руб.), Пяруна (10 000 руб.) і інш. Пачынаючы з купюр вартасцю ў 20 000 бел. руб., язычніцкая сімволіка знікае.

Такім чынам, прасачыўшы змены сімвалаў на грашовых знаках ад старажытных часоў да сучаснасці, мы можам адзначыць асноўныя гістарычныя падзеі, прыярытэтных накірункі развіцця дзяржаўных утварэнняў, асаблівасці светаўспрымання, надзеі і актуальныя праблемы дзяржавы. Гэта характэрна не толькі для беларускага народа – напрыклад, на адваротным баку сучасных грошаў Азербайджана размешчана выява з межамі краіны, асаблівы акцэнт зроблены на тое, што Нагорны Карабах належыць Азербайджану – адлюстраванне азербайджана-армянскага канфлікта. А на нацыянальнай валюце Егіпта асноўнымі матывамі з’яўляюцца турыстычныя аб’екты: піраміды, сфінкс, храмы ў Карнаке і Луксоры.

Падсумоўваючы вынікі, можна адзначыць, што даследаванне сімвалаў на грашовых знаках у культуралагічным аспекце дазваляе рэканструяваць нацыянальную ідэю і вылучыць асаблівасці нацыянальнай карціны свету таго ці іншага народу.

Спіс літаратуры

1. Аксёнова, С. В. Монеты и банкноты России и СССР. Полная энциклопедия монет и банкнот России / С. В. Аксёнова, А. В. Жилкин. – Ростов н/Д: Владис; М.: Рипол классик, 2008. – 416 с.
2. Банкноты Республики Беларусь. – Лида: Самиздат, 2003. – 45 с.
3. Какареко, В. И. Монеты Великого княжества Литовского. 1492–1707 / В. И. Какареко, И. Н. Шталенков. – Минск: Эксперспектива, 2005. – 79 с.
4. Кучеренко, Э. И. Нумизматика в школе / Э. И. Кучеренко, Д. И. Мошнягин. – М.: Просвещение, 1968. – 347 с.
5. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. / Г. В. Штыхов. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.

6. John Melville Jones. A Dictionary of Ancient Roman / John Melville Jones. – Coins Spink & Son Ltd., London, 1990 Hardcover with dust jacket, 2004 reprint. – 329 p.

7. Монеты раннего средневековья. Европа / Официальный сайт Паритетбанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.paritetbank.by/moneyhistory/2/4/>. – Дата доступа: 20.02.2014.

А. Н. Королевич

(Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, г. Минск, Беларусь, akorolevich@belisa.org.by)

Н. А. Никоненко

(Белорусский государственный медицинский университет, г. Минск, Беларусь, na_nikonenko@yahoo.ca)

М. И. Артюхин

(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь, art47@mail.ru)

**СОСТОЯНИЕ ЭКСПОРТА УСЛУГ
В СФЕРЕ ПОСЛЕВУЗОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

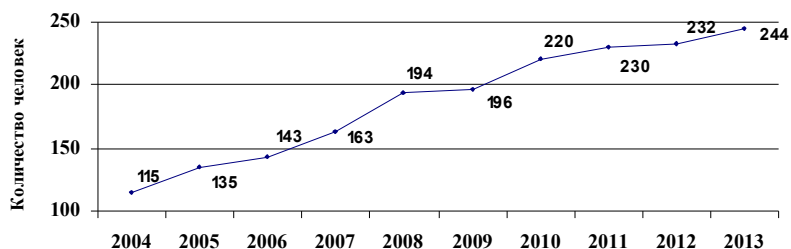
Экспорт образовательных услуг – один из наиболее динамично развивающихся рынков в современном мире [1–3]. По оценкам Всемирной торговой организации, объем мирового рынка образовательных услуг оценивается в настоящее время примерно в 100 млрд долл. США [2]. Устойчивый лидер мирового рынка образования – США, они контролируют почти треть мирового финансового образовательного оборота. В США обучается 580 тыс. иностранных граждан, на втором месте находится Великобритания, которая за последнее десятилетие утроила численность приема иностранных студентов (233 тыс. чел.). Далее следуют Германия (200 тыс. чел.), Франция (160 тыс. чел.), Австралия (157 тыс. чел.), Китай (141 тыс. чел.) и Испания (124 тыс. чел.).

Образовательные услуги для иностранцев предлагают сегодня тысячи высших учебных заведений из почти 140 государств. При этом основная конкуренция на международном рынке образовательных услуг происходит, как правило, между странами Западной Европы, Северной Америки, Австралией и Японией. На эти страны, где обучается свыше 4/5 всех иностранных студентов, приходится примерно 4/5 общемировых государственных расходов на образование [2].

Беларусь обладает реальным потенциалом, позволяющим ей занимать достойное место в мировом образовательном сообществе. Подготовка национальных кадров высшей научной квалификации для зарубеж-

ных стран в белорусских образовательных и научных учреждениях, ведущих подготовку аспирантов и докторантов, постепенно становится составной частью внешнеэкономической деятельности Беларуси. В 2011–2015 годах прогнозируется увеличение экспорта образовательных услуг, объемы которого согласно Национальной программы развития экспорта Республики Беларусь должны возрасти к 2015 году в 3 раза. Кроме того, планируется перераспределение доли экспорта услуг в пользу послевузовского образования. Решение этой задачи требует проведения анализа состояния подготовки иностранных граждан в учреждениях и организациях, обеспечивающих получение послевузовского образования.

Данные статистики послевузовского образования свидетельствуют, что за 2004–2013 гг. наблюдалась положительная динамика роста численности иностранных аспирантов, обучавшихся в вузах и научных организациях республики (рис. 1).

Рисунок 1 – Динамика численности иностранных граждан (кроме граждан СНГ), проходивших аспирантскую подготовку в Республике Беларусь в 2004–2013 гг.

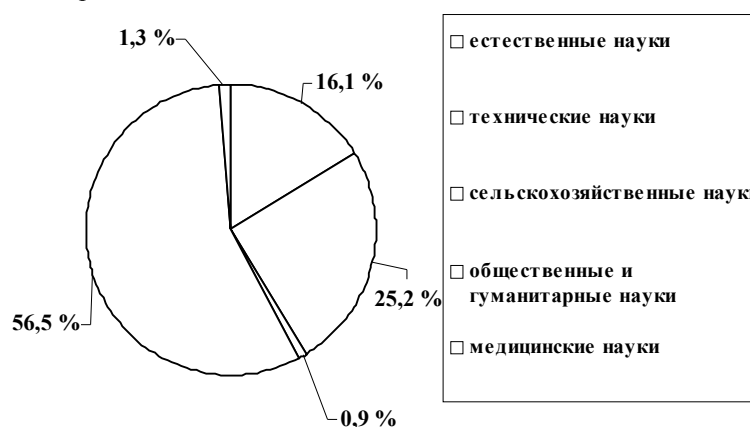
Важным показателем уровня развития экспорта образовательных услуг в сфере послевузовского образования является удельный вес иностранных граждан в общей численности аспирантов в стране. В Республике Беларусь за последние пять лет этот показатель увеличился с 2,7 до 4,8 %. Следует отметить, что в странах, занимающих лидирующие позиции в сфере экспорта образовательных услуг, значение этого показателя составляет более 10 %, а в Швейцарии – более 40 %, в Великобритании, США и Канаде – около 20,0 % [5].

Согласно данным государственной статистики подготовка научных кадров высшей квалификации для иностранных государств осуществляется преимущественно в высших учебных заведениях республики около 90 % от общей численности аспирантов-иностранцев.

Подготовка аспирантов – иностранных граждан в регионах Беларуси. Картина регионального распределения подготовки аспирантов – иностранных граждан следующая: основная их доля (~ 93%) обучалась в

аспирантурах ведущих университетов и научных организаций г. Минска и около 6 % от их общей численности – в региональных аспирантурах. Причем, наибольшее число аспирантов – иностранных граждан проходит подготовку в учреждениях послевузовского образования Витебской области.

Отраслевая структура подготовки аспирантов – иностранных граждан. Анализ отраслевой структуры подготовки в белорусских учреждениях послевузовского образования аспирантов – иностранных граждан показывает (рис. 2), что иностранные граждане больше всего заинтересованы в получении послевузовского образования по специальности гуманитарного профиля. Их доля в общей численности аспирантов – иностранных граждан составляет 56,5 %. На втором месте находятся технические науки – 25,2 %, далее следуют специальности естественнонаучного профиля – 16,1 %. Все другие отрасли науки востребованы аспирантами-иностранцами довольно слабо.

Рисунок 2 – Отраслевая структура подготовки аспирантов – иностранных граждан в Республике Беларусь (без учета стран СНГ)

Распределение аспирантов-иностранцев по странам происхождения. Основными потребителями услуг в сфере послевузовского образования в Республике Беларусь являются страны Азии и Ближнего Востока. Наибольший удельный вес составляют граждане из Китая (29 % от всех обучающихся иностранных аспирантов), Ирана – 24 %, Ирака – 13,5 % и Ливии – 8,2 % (табл. 1).

Отметим, что численность аспирантов из стран СНГ невелика и составляет около 11 % от общего числа иностранных граждан, получающих послевузовское образование в Республике Беларусь.

Проведенный анализ состояния подготовки иностранных граждан в учреждениях и организациях, обеспечивающих получение послевузовского образования, свидетельствует о недостаточном уровне развития экспорта образовательных услуг в Республике Беларусь.

Таблица 1 – Численность аспирантов – иностранных граждан по странам происхождения

Страна происхождения	Количество аспирантов	%
Китай	71	29,6
Иран	58	24,2
Ирак	33	13,8
Ливия	20	8,3
Нигерия	17	2,9
Ливан	8	3,3
Вьетнам	11	4,58
Судан	1	0,4
Сирия	6	2,5
Турция	4	1,7
Венесуэла	3	1,2
Йемен	7	2,9
Другие	11	4,6

Для наращивания экспорта услуг в сфере послевузовского образования необходимо принятие, с учетом имеющегося зарубежного опыта, ряда мер, направленных на оптимальное использование имеющихся организационных, экономических, дипломатических и профессиональных кадровых возможностей Республики Беларусь. К числу основных мер можно отнести следующие:

- обеспечение взаимного признания и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях между Республикой Беларусь и государствами-участниками СНГ и ЕС;
- активизация деятельности вузов и научных организаций по развитию экспорта образовательных услуг;
- повышение качества образовательных услуг в соответствии с требованиями международных стандартов;
- подготовка научных кадров высшей квалификации для иностранных государств на иностранных языках;

- разработка единой ценовой политики для учреждений послевузовского образования и введение системы государственного контроля за стоимостью обучения иностранных граждан, предотвращающую возможность предложения завышенных или демпинговых цен и низкое качество предоставляемых образовательных услуг.

Только реализация всего комплекса вышеизложенных мер позволит надеяться на то, что в ближайшей перспективе подготовка национальных кадров высшей научной квалификации для зарубежных стран станет важной составной частью внешнеэкономической деятельности Беларуси.

Список литературы

1. Беляков, С. А. Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений / С. А. Беляков [и др.]. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 124 с.
2. Ничков, В. В. Прочные позиции на международном рынке образовательных услуг – реальность и перспектива российского образования / В. В. Ничков // Образование в России: Федеральный справочник. – Т. 5. – С. 485–490 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/FSO/soderganie/X/Nichkov.pdf>.
3. Папкова, Т. Экспорт образовательных услуг как реализация государственных интересов / Т. Папкова // Дружба. – 2008. – № 6. – 18 фев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forteacher07.ru/content/view/184/57>.
4. Доля образовательных услуг Российской Федерации на мировом рынке снизилась (13.11.2008) // Федеральный портал «Российское образование» / URL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=5&sid=6921.
5. Человеческие ресурсы в научно-технической сфере (по итогам деятельности рабочей группы ОЭСР по управлению и финансированию научных институтов в 2004–2006 гг.) // Вестник международных организаций. – 2007. – № 4. – С. 85–90.
6. О работе аспирантуры и докторантуры Республики Беларусь в 2009 году: стат. сб. – Минск: Национальный статистический комитет, 2010. – 82 с.
7. О работе аспирантуры и докторантуры Республики Беларусь в 2011 году: стат. сб. – Минск: Национальный статистический комитет, 2012. – 45 с.

Ж. А. Короткевич, Т. В. Пузевич

*(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь, jane_korotkevich@mail.ru)*

КАЧЕСТВО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Отличительной особенностью современного мира является его целостность и единство во многообразии, взаимосвязанности и взаимообусловленности различных культур, возрождающихся и упрочивающихся в

условиях происходящих процессов глобализации. В связи с этим одна из важнейших задач, стоящих перед человечеством сегодня, заключается в обеспечении гармоничного, конструктивного, плодотворного межкультурного, международного и межличностного сотрудничества в различных областях жизнедеятельности.

Успешность межкультурного диалога во многом предопределяется качеством образования. В целом сама постановка проблемы качества образования и основные этапы ее разработки хронологически совпадают с основными этапами интеграции западноевропейских стран, и ключевые программные документы содержат положения, касающиеся вопросов определения самого понятия «качество» в сфере высшего образования, оценки качества на основе сопоставимых критериев и методологий [1, с. 8–9].

Однако, несмотря на многочисленные попытки дать определение понятию «качество образования», общепринятого определения выработано не было в силу сложности и релятивности самого понятия «качество», которое предполагает сопоставление объектов или явлений. Сложность определения понятия «качество» в сфере образования также обусловлена важностью социоэкономической роли, которую играет образование в развитии общества. Большинство определений содержат не признаки самого понятия, которое с трудом поддается формализации, а перечень объектов, функций, аспектов, направлений деятельности в области высшего образования. Контент-анализ понятия «качество образования» позволяет выявить три основных аспекта: качество содержания образования, качество его результатов и качество используемых образовательных технологий [2]. Качество содержания образования, например, определяется характером образовательных программ и педагогической деятельности по их реализации, организации преподавания и управления учебным процессом. Качество результатов образования, в свою очередь, связано с адекватностью профессиональной компетентности выпускников социальным требованиям и, как результат, их востребованностью. Качество используемых образовательных технологий зависит от состояния материально-технической базы и ее возможностей в создании информационно-образовательной среды.

Зачастую качество образования определяется как основной принцип, лежащий в основе деятельности учреждения образования. В свою очередь, критерием качества выступает соответствие цели (*fitness for purpose*), что обуславливает необходимость четкого определения целей образования, но, в конечном итоге, не ведет к решению проблемы, поскольку качество и цель образования становятся взаимно определяемыми понятиями [3, с. 10].

Качество образования – категория градуальная и динамическая, данные признаки предполагают оценку качества (внутреннюю и внешнюю) на основе определенных критериев. В условиях интеграции и создания

общевропейского и глобального образовательного пространства выработка сопоставимых критериев, с учетом особенностей развития национальных систем образования и сохранения культурного и языкового разнообразия, приобретает особую актуальность. При этом качество не должно являться категорией, навязываемой извне, или условием вхождения в общее образовательное пространство. Такой подход формирует негативную оценку и сопротивление введению систем менеджмента качества, особенно со стороны вузов, которые не имеют достаточно развитой инфраструктуры, испытывают недостаток в высококвалифицированных специалистах и, соответственно, являются менее конкурентоспособными на рынке образовательных услуг. Одним из способов решения данной проблемы выступает формирование культуры качества как части корпоративной культуры учреждения образования, в которой качество входит в структуру мотивов субъектов образовательного процесса.

Одним из стратегических направлений политики качества в образовательной сфере является качество языкового образования, поскольку в новых условиях необходимо формирование поликультурной личности, свободной от традиционного одноязычного, эгоцентричного менталитета, открытой к общению в условиях информационного общества и способной к постоянному самосовершенствованию, личностному развитию на протяжении всей жизни. Очевидно, что овладение одним или даже несколькими иностранными языками в практическом плане не исчерпывает сегодня потребностей индивида в реализации полноценной иноязычной коммуникации. Стратегической целью современного иноязычного образования является обеспечение готовности человека к включению в межкультурный диалог в контексте аутентичной иноязычной среды, что предполагает нечто большее, чем просто усвоение им языковых норм и умение восприятия и порождения связанных высказываний на том или ином иностранном языке. Необходим новый подход к пониманию иностранного языка как предметной области и его роли в современном обществе, что в свою очередь обуславливает необходимость разработки основ языковой образовательной политики, направленной на обеспечение качества иноязычного образования.

Наиболее системно основы межгосударственной языковой образовательной политики, направленной на развитие многоязычия и поликультурности в европейских странах, уже на протяжении ряда лет разрабатываются такой авторитетной международной организацией, как Совет Европы, деятельность которой в области образования получила поддержку в результате подписания Маастрихтского договора в 1992 году [4]. Создан Европейский центр современных языков (ЕСМЛ), инициирован целый ряд проектов, организуются конференции, проводятся акции в области иноязычного образования. В число наиболее успешных проектов входят: «Изучение языков гражданами Европы», «Общоевропейский стандарт для пользователей», «Европейский языковой портфолио», «Описание начальных уров-

ней», межправительственная конференция в Страсбурге «Преподавание языков в обновленной Европе», акция «Европейский год языков» и др.

Обеспечение качества языкового образования требует слаженных, скоординированных действий со стороны национальных образовательных систем по разработке единой методологической платформы, с позиций которой будет осуществляться дальнейшее развитие иноязычного образования в общеевропейском пространстве.

Список литературы

1. Сенашенко, В. Болонский процесс и качество образования / В. Сенашенко, Г. Ткач // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. – 2003. – № 8. – С. 8–14.
2. Глоссарий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.kspu.ru/file.php/1/hrestomatia/glossary.htm>. – Дата доступа: 22.02.2014.
3. *European Student Handbook on Quality Assurance in Higher Education*. – ESIB. – 80 p.
4. Смокотин, В. М. Основные инструменты политики многоязычия и поликультурности в Европе: общие европейские языковые компетенции и языковой портфель / В. М. Смокотин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-instrumenty-politiki-mnogoyazychiya-i-polikulturnosti-v-evrope-obschie-evropeyskie-yazykovye-kompetentsii-i-yazykovoy-portfel>. – Дата доступа: 22.02.2014.

Ю. А. Косик

*(Белорусский государственный университет культуры и искусств,
г. Минск, Беларусь, yulia19_90@mail.ru)*

ИНТЕГРАЦИЯ СУБЪЕКТА КУЛЬТУРЫ В ПРОСТРАНСТВО ИНТЕРНЕТ

Актуальность исследования проблемы интеграции субъекта культуры в пространство Интернет определяется тем, что ежедневно количество пользователей сети Интернет по всему миру постоянно увеличивается. Сегодня число пользователей Интернета достигло 2,5 млрд человек, что позволяет говорить о пространстве Интернет не только как о глобальном явлении культуры, но и как об определенной искусственной среде (виртуальной реальности), наличие и функционирование которой характеризует современное общество.

Наряду с гипертекстовой увеличивается роль аудио- и видеoinформации, повышается доступность и открытость информационной среды, с каждым годом появляется все больше новых инструментов коммуникации в Интернете. Информация и коммуникация, функционирующая в такой среде, обладает большим потенциалом для формирования субъекта культуры, его ценностных установок и убеждений и т. п.

Виртуальность становится характеристикой современного субъекта культуры, который стремится к широкому доступу к информационно-коммуникативным средам, у которого происходят принципиальные, глубинные изменения в градации информации, пространство начинает восприниматься им как виртуальная среда, насыщенная большим объемом различной информации.

Глобальное информационное пространство Интернет имеет ряд характеристик, среди которых выделяются такие, как: управляемость и доступность в режиме реального времени, низкая ресурсоемкость, инициатива пользователей, сравнительно невысокая стоимость коммуникации, интерактивность, оперативность, высокая степень доверия, возможность попробовать другие социальные роли и т. д.

Одной из причин активной интеграции субъектов культуры в пространство Интернет является разносторонность общения в глобальной среде, которая характеризуется разнообразием каналов коммуникации, среди которых выделяются, такие как социальные сети, блоги, флоги, сайты, электронная почта и многие другие.

«Социальная сеть – это веб-сайты или иные инструменты Интернета, предоставляющие пользователям возможность взаимодействовать друг с другом, обмениваться различными способами информации. Построение социальных сетей включает в себя организацию Интернет-сообществ, способствующих участию общественности и привлечению дополнительных пользователей» [5, с. 43].

Данные средства коммуникации обеспечивают эффективное общение между индивидами и группами как одного региона, так и представителей различных культур. Создание таких социальных сетей, как Facebook, Twitter, Вконтакте, Одноклассник и др. изначально предусматривало выполнение коммуникативных и интегративных функций.

Социальные сети реализуют множество потребностей личности, среди которых:

- потребность общаться сразу с несколькими людьми одновременно;
- потребность всегда быть на связи;
- поддержание сильных связей – постоянное присутствие в жизни близких по духу людей — комментариями, лайками, постами;
- внесение в жизнь новой информации от знакомых или лидеров мнений;
- участие в общественной жизни;
- потребность в личном пространстве (у человека появляется потребность иметь в виртуальном мире хранилище тех вещей, которые ему приятны или важны для него: музыка, муд-борды, цитаты, контакты людей и т. д.) [2].

Большинство потребностей, связанных с коммуникацией, идентификацией и самореализацией, удовлетворяются за счет функционирования виртуальных сообществ.

Развитие новых информационно-коммуникативных сред – квазисоциумов, способствует формированию виртуальных сообществ и посредством уникальных технологий, основанных на интерактивности, мультимедийности, глобальности, анонимности, асинхронности, низких предельных издержках, обеспечивает активную коммуникацию субъектов культуры. Такие виртуальные объединения формируются по мере того, как возникают точки пересечения пользователей, имеющих общие интересы (дискуссии, конференции и пр.) или проявляющих интерес к определенной теме и т. д. [3].

В Интернет-среде создается уникальная ситуация, формирующая определенные субкультуры, в которых утрачивают свое значение социальные стереотипы, предрассудки и статусно-ролевые условности, играющие роль коммуникативных преград в реальной жизни, поскольку пользователь Интернета не может видеть собеседника в киберпространстве – знать его пол, возраст, национальное и расовое происхождение, его профессию, внешность, уровень дохода. Член виртуального сообщества может придать этим характеристикам публичный характер, если только сам того пожелает [4].

При этом Интернет-среда, как пространство сетевой культуры, где реализуют себя виртуальные сообщества, не может рассматриваться как территория «всеобщего равенства» и безграничных возможностей. Порождение необычных эффектов, таких как изменение ценностно-смысловых оснований и ментально-поведенческих моделей у отдельных индивидов и групп, образующих субкультуры, связано с попытками перенесения в сеть закономерностей реального мира, что влечет за собой формирование «сетевой идентичности» [1].

Из этих виртуальных пространств человек черпает разнообразные информационные ресурсы – огромный массив социально значимых знаний, узнает себя и окружающих его людей, постигает социокультурный опыт (отдавая приоритет не институтам системы образования и просвещения, а СМИ и информационно-коммуникативным сетям) за счет инструментов онлайн коммуникации.

Влияние сети Интернет на развитие личности как субъекта культуры нельзя однозначно квалифицировать как положительное или отрицательное; оно опосредуется разнообразием источников информации и деперсонализацией межличностного общения.

Положительное влияние Интернета на субъекта культуры реализуется в следующем:

- появляется возможность открытой многосторонней межличностной и межгрупповой коммуникации;
- происходит развитие познавательной активности субъекта культуры благодаря широкому информационному наполнению Интернет-среды;
- доступность информации в любое время, в любом месте за счет активного распространения мобильных устройств;

- наличие множества центров аккумуляции массовой информации;
- технологии Интернета позволяют вывести процесс образования на новый уровень с помощью дистанционного обучения и т. д. [1].

Анонимный характер общения в интернете побуждает субъекта культуры к экспериментированию с самопрезентацией. Огромную опасность представляет манипулирование субъектом культуры посредством Интернета. Обилие информации, отражающей ту или иную точку зрения, создает у индивида обманчивое ощущение объективности информационной среды, что способствует отключению механизмов критического восприятия информации.

Появляются распространенные деструктивные явления, обусловленные влиянием компьютеризации и виртуализации социокультурной среды на молодых пользователей «Internet Addiction Disorder» (Интернет-аддикция, Интернет-зависимость) [3].

Интеграцию представителей современной культуры в пространство Интернет можно разделить на пассивную и активную. Пассивное действие представляет собой наблюдение (пользователь читает ленту новостей, страницы друзей в социальных сетях). Активное действие представляет собой вовлечение пользователя в коммуникацию: пишутся посты, ставятся лайки, размещаются фото-, аудио- и видеoinформация.

Список литературы

1. Брекенридж, Д. PR 2.0: новые медиа, новые аудитории, новые инструменты / Д. Брекенридж. – М.: Эксмо, 2009. – 280 с.
2. Василик, М. А. Основы теории коммуникации: учебник / М. А. Василик. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
3. Попов, А. Блоги: Новая сфера влияния / А. Попов. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 336 с.
4. Туронок, С. Г. Субкультура Интернет-сообществ / С. Г. Туронок // Культура России как ее стратегический ресурс. Тетради Международного университета (в Москве): сб. науч. тр. – Вып. 2. – М., 2004. – С. 211.
5. Чумиков, А. PR в Интернете: Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 / А. Чумиков, М. Бочаров, М. Тишкова. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – 134 с.

И. И. Котляр

(Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь, kotlyar@brsu.brest.by)

ОТ ОДНОГО МИРА К МНОГОПОЛЯРНОМУ

Идея однополярного мира

Данная идея появилась в начале 90-х годов XX в. В вышедшей в этот период книге «*Великая шахматная доска. Господство Америки и*

его геостратегические императивы» Збигнев Бжезинский записал: «в результате краха соперника США оказались в уникальном положении: они стали первой и единственной мировой державой... даже когда превосходство Америки начнет уменьшаться, маловероятно, что какое-либо государство сможет добиться того мирового превосходства, которое в настоящее время имеют США» [1]. Другие исследователи, среди них С. Хантингтон, подчеркивали, что лидерство Америки имеет объективные основания, поскольку эта страна демонстрирует миру ценности свободы и демократии. Важнейшие из них – распад социалистической системы и исчезновение с политической картины мира СССР. Мир в конце XX века стал однополярным. Но в последние 10 лет возникла тенденция на превращение его в многополярный.

Некоторые качественные характеристики различных систем мироустройства:

Однополярная система

- строится на гегемонии одного государства;
- гегемония такого государства обусловлена общепризнанным экономическим, военным и политическим превосходством на конкретном этапе исторического развития;
- центральная власть в лице такой державы устанавливает «правила игры» в мире и претендует на роль «мирового судьи»;

Биполярная система

- противостояние между двумя полюсами в экономической и политической сферах;
- наращивание гонки вооружений;
- мощная идеологическая война с целью усиления позиции системы (полюса, блока) и постоянное расширение зоны своего влияния за счет новых государств и регионов.

Многополюсная – многополярная система

- наличие большого количества вариантов сдерживания и противовесов, особенно в военно-политической сфере;
- противоречивый характер соперничества сверхдержав;
- постоянное стремление к усилению роли и влиянию государств в мире, главным образом за счет экономики, политики и дипломатии, не исключая силовые методы.

Значимость многополярной системы по-разному оценивается. Достаточно много её сторонников среди политологов и государственных деятелей. В то же время немало и критиков. В качестве примера приведу оценку данной многополярности К. Райс, помощника президента США по национальной безопасности 2000–2004 гг.

Многополярность как теория соперничества

«Реальность же состоит в том, что многополярность никогда не была объединяющей идеей. Она представляла собой необходимое зло и поддерживала состояние без войны, но никогда не способствовало победе

мира. Многополярность – это теория соперничества, теория конкурирующих интересов и – хуже того – конкурирующих ценностей.

Мы испытали в прошлом. И именно это привело нас в Первой мировой войне, которая вылилась во Вторую мировую, чтобы затем уступить место "холодной войне". Сегодня же эта теория соперничества угрожает далеко увести нас от великих и сложных задач, стоящих перед нами.

Почему те, кто разделяет ценности свободы, стремится создать им противовес? Демократические институты сами по себе суть противовес на пути злоупотреблениям властью. Зачем, защищая добро, мы стремимся раздробить наши силы, если их можно так эффективно объединить? Такую тактику могли бы одобрить только враги свободы.

Если сила служит делу свободы, то это необходимо приветствовать, державы, преданные делу свободы, могут – и должны – создать единый фронт против врагов свободы. Это отнюдь не картина однополярного мира. Как гласит Стратегия национальной безопасности США, "без долговременного сотрудничества с союзниками и друзьями Соединенные Штаты способны достичь в мире лишь незначительного продолжительного результата".

Сегодня объединенная мощь Европы, Соединенных Штатов и других свободлюбивых демократий противостоит тиранам и озлобленному меньшинству, стремящимся навязать свою волю большинству. Давайте в таком случае оставим поиск новых "полюсов" и направим нашу энергию на: защиту свободы от ее врагов и поддержку на всей планете тех, кто стремится сделать свои собственные общества свободными» [2].

При всей эмоциональной привлекательности идеи создания многополярного мира необходимо учитывать, что многополюсное балансирование приводит и к мировым войнам (Первая и Вторая мировые войны XX века).

Для создания и функционирования мира, контролируемого из одного центра, необходимо, как минимум, три предпосылки. Прежде всего – могущество страны, что налицо в США. А также – языковое сближение и религиозная совместимость. Гегемония или просто главенство США требует утверждения всемирной роли английского языка. Реальностью, однако, является уменьшение в XIX–XX веках говорящих по-английски. Может ли быть управляем мир страной, чей язык непонятен более 90 процентам мирового населения? Что касается религиозной совместимости, то в XX веке христианство и ислам – не добились решающего перевеса. Численность западных христиан постоянно уменьшается. В то же время численность мусульман увеличивается. Это означает – у ряда суверенных стран есть радикальный шанс вырваться из орбиты единственной сверхдержавы, что превращает однополюсную систему в биполярный мир [3].

Американской гегемонии препятствуют следующие обстоятельства: усиливающийся отказ американского народа платить высокую цену за имперское всеислие; отсутствие гарантированной солидарности союзников (Франция, Германия, Италия), что показали события 2003 года, когда

Франция и Германия отказались участвовать в войне США и Великобритании против Ирака. Серьёзный удар по претензиям на гегемонию в мире нанесли последние события из США и, прежде всего, кризис банковской системы 2008 г. и в последующие годы. Он обнажил многие слабости самой Америки. Тем более, что выход из него оказался весьма болезненным. Налицо возрастание роли в современном мире Китая, а так же таких стран как Индия, Бразилия. Всё больший вес приобретает исламский мир. Одним из центров мировой политики становится Россия, что подтверждают события вокруг Сирии 2013 года, когда благодаря усилиям России удалось предотвратить вооружённую интервенцию США, Франции, Турции в эту страну. Реализация концепции многополярного мира так же во многом будет зависеть от результативности реформ в России, Украине, Беларуси и др. странах СНГ, их интеграции в лоно общечеловеческой цивилизации.

И всё же США ещё сохраняют себя, как ведущая страна мира, а формирующиеся центры мировой политики обладают недостаточной мощностью. К тому же Западная Европа в основном сохраняет те связи с США, которые сформировались после Второй мировой войны. Всё это позволяет сделать вывод, что переход от однополярного мира к многополярному нужно рассматривать как тенденцию. Нужно время, чтобы это стало реальностью XXI века. Согласно прогнозу в 2050 г. самые крупные экономики мира: 1. КНР. 2. США. 3. Индия. 4. Бразилия. 5. Мексика. 6. Россия. 7. Индонезия. 8. Япония. 9. Великобритания. 10. Германия. Эти страны и могут быть важнейшими центрами многополярного мира [4].

Список литературы

1. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геополитические императивы / З. Бжезинский. – М., 1998.
2. Райс, К. Многополярность как теория соперничества / К. Райс // Народная воля. – 2003. – 29 авг.
3. Пирожник, И. И. Геополитика в современном мире: учебник для вузов / И. И. Пирожник. – Минск, 2008.
4. Самые крупные экономики мира // СБ-Беларусь сегодня. – 2012. – 29 нояб.

И. В. Котляров

*(Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь,
kotlarov@socio.bas-net.by)*

ЛИДЕРСТВО: ПОНЯТИЕ, ПАРАДИГМА, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Проблема лидерства и основных аспектов самой дефиниции в настоящее время является одной из наиболее дискуссионных. Несмотря на

то, что попытки содержательного определения феномена лидерства предпринимались на протяжении всей истории социальной мысли, данный вопрос не только не становится менее спорным, но, напротив, обретает все новые и новые аспекты.

Лидерство являлось предметом многочисленных споров, научных дискуссий на протяжении многих тысячелетий, начиная с Античных времен. Пять тысяч лет назад египетскими иероглифами были начертаны слова «лидерство, лидер, последователь». Греческие мыслители Платон и Аристотель обосновали необходимость формирования идеальных лидеров в идеальных государствах. В Ветхом и Новом Заветах, у греческих и латинских классиков лидерами считались пророки, священники, цари, вожди, герои.

Лидерство остается объектом столь же пристального научного внимания в начале XXI столетия. Постоянно выходят многочисленные монографии, проводятся различные исследования, однако ответа на такой кажется простой вопрос, что такое лидерство, кто такой лидер, до сих пор не найдено.

Научный анализ основных теорий лидерства показывает многоаспектность данных социальных феноменов, наличие различных подходов к пониманию их сущности и роли. По некоторым определениям, лидерство – это способ влияния и управления. Для многих лидер – это предводитель, вперед смотрящий, руководящий людьми и направляющий их к поставленной цели. Существует устойчивое мнение – лидерство появляется везде, где возникают те или иные группы людей. Многими известными учеными, независимо друг от друга, было доказано, что любая группа индивидуумов, не зависимо от их экономических, политических, интеллектуальных, культурных и прочих особенностей, оказавшись в экстремальной ситуации (на необитаемом острове или горной реке, во время важного спортивного состязания или при наличии угрозы для жизни,) совершенно самостоятельно избирает лидера, воля которого в буквальном смысле становятся «законом» для всех членов коллектива.

В то же время имеются серьезные люди, которые в серьезных публикациях в серьезных изданиях совершенно серьезно утверждают, что прекрасно можно обойтись без грамотных, активных, инициативных людей, пользующихся полным доверием трудовых коллективов, политических партий и спортивных команд, настоящих профессионалов в своем деле, с чем трудно согласиться.

Социологические исследования показывают, что в настоящее время производство и наука, политика и спорт особо нуждаются в резком притоке свежих, смелых, амбициозных идей и людей, не боящихся взять на себя ответственность, способных заглянуть за горизонт, увидеть то, что не видят другие, талантливых и творческих личностей, нестандартно мыслящих, обладающих сильной волей и высокой работоспособностью.

Важность и необходимость лидерства как общественного феномена подтверждают социологические исследования, проведенные учеными Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Люди знают и понимают, что эффективный лидер способен организовать, мотивировать, мобилизовать людей на решение стоящих перед ними задач. На вопрос «Как Вы считаете, может ли лидер повлиять на успех какого-либо дела, мероприятия?» респонденты ответили следующим образом:

Да	42,4 %
Скорее да, чем нет	30,3 %
Скорее нет, чем да	4,3 %
Нет	3,7 %

Таким образом, три четверти населения страны верят в возможность лидеров. Этот тезис подтверждают ответы и на второй вопрос: «На Ваш взгляд, необходим ли лидер в стабильных ситуациях, не требующих поиска новых сложных решений?»

Да	28,0 %
Скорее да, чем нет	28,6 %
Скорее нет, чем да	11,2 %
Нет	6,5 %

Ответы на третий вопрос дают огромную информацию для размышления. Респонденты отметили, что потребность в лидерах составляет

В бизнесе	38,3 %
В военной сфере	23,2 %
В государственном аппарате (в органах исполнительной власти)	33,2 %
В гражданских инициативах	10,5 %
В международной политике	19,3 %
В науке	10,4 %
В общественных организациях	16,0 %
В парламенте (в органах законодательной власти)	11,0 %
В политических партиях	14,3 %
В профсоюзах	9,8 %
В религиозных организациях	4,3 %
В семейной жизни	15,6 %
В спорте	16,2 %
В судебных, надзорных, контрольных органах власти	5,6 %
В фермерских хозяйствах	4,3 %
На предприятиях	22,3 % [2].

В современной научной литературе существует достаточно большое количество подходов к пониманию сущности лидерства, огромное множество его определений. «Лидерство – наиболее изученный и наименее понятный конструкт» [3, с. 90], – утверждал известный исследователь Рик Гриффин. Несмотря на популярность данной дефиниции, до сих пор нет

единства в ее понимании. Авторы широко известного на Западе труда «Интегративное определение лидерства» Брюс Уинстон и Кэтлин Паттерсон отметили наличие более 26 тысяч статей, касающихся проблем лидерства, из которых они в своей работе использовали сто шестьдесят. Ученым удалось подразделить все проанализированные определения лидерства по различным основаниям и создать 91 кластер, отличающихся по различным переменным определений [4]. Автор данного исследования проанализировал более тысячи монографий и научных статей по данной проблеме лидерства, выделил систематизирующие факторы, построил соответствующие кластеры, модели и матрицы и предложил собственные определения.

По нашему мнению, лидерство – это социальные отношения между субъектами, целенаправленная деятельность по обеспечению главенствующего положения индивида в социуме, осуществляемая благодаря профессионализму и авторитету, признанию и доверию, наличию определенных ценностей и ценностных ориентаций, сильному мотивационному механизму, постоянному воздействию на членов группы, ответственности перед ними и стремлению к поставленной цели.

Лидер – это социальный субъект, который благодаря своим ярко выраженным личностным качествами и волевым компонентам, профессионализму и моральному авторитету, чувствительностью к ситуации и гибкостью в поведении, ценностным ориентациям и стремлению быть полезным с точки зрения группового интереса, оказывает постоянное и эффективное влияние на деятельность группы, пользуется активной поддержкой ее членов, признается ими в качестве ведущего, ответственен перед ними и при помощи различных мотивационных факторов способен повести за собой в наиболее сложных ситуациях.

В последние годы история бросила человечеству нечеловеческий вызов. Современный мир с его рынком и демократией, прогрессом и приоритетами материальных ценностей над духовными еще вчера казался непоколебимым, сегодня оказался в глубочайшем кризисе. В настоящее время вся система лидерства находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризиса, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Она переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис идеологической идентичности и, что очень печально – кризис профессионализма. Российский писатель и аналитик Виктор Казинцев в книге «Возвращение масс» делает страшный и крайне неприятный вывод: «нынешнее поколение лидеров недееспособно» [1, с. 73].

В этой связи возникает вопрос о необходимости формирования нового типа лидерства, его новой парадигмы, детерминированных изменениями лидерского ролевого поведения, необходимостью повышения значимости его личностных факторов. Управлять инновациями может только

ко тот, кто сам способен меняться в лучшую сторону с учетом условий, реалий и амбиций. Мировой кризис отчетливо и убедительно показал, что лидерство – это не только рост и риск, но знания и высокий профессионализм, доверие и признание, ответственность и порядочность. Это те качества, дефицит которых сегодня достаточно остро ощущается в политике и бизнесе, спорте и образовании и которые постоянно ассоциируются с принципиально новыми подходами к лидерству и лидерам.

Список литературы

1. Казинцев, А. Возвращение масс. Дневник современника / А. Казинцев. – М.: Наш современник, 2010. – 688 с.
2. Котляров, И. В. Социология лидерства: теоретические, методологические и аксиологические аспекты / И. В. Котляров. – Минск: Беларуская думка, 2013. – 481 с.
3. Griffin, R. Symbolic and international perspectives on leadership: An integrative framework / R. Griffin, K. Skivington, G. Moorhead // Hum. Relat. – 1987. – 40 p.
4. Winston, B. An Integrative Definition of Leadership / B. Winston, K. Patterson // International Journal of Leadership Studies. – 2006. – Volume 1, Issue 2. – P. 6–66.

У. Ф. Красюк

(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў, г. Минск, Беларусь, kaffilos@buk.by)

ФЕНОМЕН ТРАНСМАДЭРНІЗМУ І АКЦЫЯЛАГІЧНЫ СТАТУС НАЦЫЯНАЛЬНАЙ КУЛЬТУРЫ

Сучасны этап філасофска-культуралагічнага асэнсавання духоўнага жыцця называюць пост-постмадэрнізмам. Яго накірунак – вяртанне да «быцця» – іншабыцця што замяняе «быццё» папярэдняе. Французскія філосафы А. Бадзью і Ж.-Л. Нансі лічаць, што «быццё іншага» – гэта быццё як узаемадзеянне канцэптаў і сінгулярнасцей. Інфармацыі, камунікацыі, лічбовай, віртуальнай рэальнасці надаецца статус канстантнай і універсальнай. Заснавальнік пост-постмадэрнізму Ж. Дэрыда у сваёй знакамітай кнізе «*Feu la cendre*» (рускі пераклад «Золы угасшы і прах») вясчае, што «быццё» пераходзіць у «нішто», а «нішто» – у іншабыццё, як дрэва знікае ў працэсе згарання і пераўтвараецца ў попел.

Апошнім часам з'явіліся публікацыі, ў якіх пост-постмадэрнізм называецца «трансмадэрнізмам» [1, с. 180]. Крытычна асэнсоўваецца яго сутнасць. Трансмадэрнізм прапаведуе лічбовае мысленне; матрыца, праграма ёсць сапраўднае быццё. Прырода, жыццё, чалавек, грамадства, культура, сама свядомасць – гэта феномены. Ніякай анталогіі, свет ёсць інфармацыя. Трансуніверсум – гэта чалавек пераходзіць «праз сябе» у іншабыццё – на экранях, у «сетцы» і г. д. Дэканструкцыя быцця у постмадэрнізме вядзе да

«нішто», а трансмадэрнізм накіроўвае у іншабыццё. Трансмадэрнізм – гэта не толькі адмаўленне ад прызнання чалавека вышэйшай каштоўнасцю. «Ён мае на ўвазе яго замену іншай формай розуму, «пераадоленне» чалавека як Genus Homo, каторае всё агрэсіўней прапагандуецца ідэолагамі і практыкамі (!) трансгуманізму. Трансгуманізм – следства, феномен трансмадэрнізму. Дакладней, гэта трансгаманізм, бо пераступае не праз гуманізм як светапогляд і каштоўнасць а праз чалавека як існае. Праз (яго) Быццё» [1, с. 183]. Небяспечнасць у тым, што культурныя каштоўнасці выдаюцца за непатрэбныя, у лепшым выпадку становяцца другаслымі. Засноўваецца «анталогія» небыцця, адмаўляецца наша рэалізацыя быцця, сусвет як калыска чалавечага існавання. Бесперапыннае паглыбленне ў віртуальную рэальнасць, стварэнне штучнага свету азначае, што свет людзей выходзіць на этап самазняцця, і ў перспектыве – самаадмаўлення.

Што можа супрацьстаяць такому «канцу гісторыі», захаваць свет, адэкватны чалавечай сутнасці? Безумоўна, папулярная крытыка тэхнагеннай цывілізацыі, смакаванне яе крызісу не прадугледжваюць прыпынення далейшага развіцця новых тэхналогій. Прамыслова-фінансавая алігархія, палітычныя эліты, навукова-тэхнічная сфера, грамадства ў сваёй сукупнасці зацікаўлены ў падрымцы шматлікіх інавацый, што прызначаны для дабрабыту. Сфера палітыкі акумуляіруе так ці інакш праекцыі ўсіх іншых напрамкаў жыцця соцыума. Тым не менш, вызавы часу, «хітрыкі» гісторыі першымі прымаюць н сябе навука, культура, філасофія. Напрыклад, новая з’ява нашых дзён – паяўленне канвергентных БНІК (біялагічных, нана-інфармацыйных, кагнітыўных) тэхналогій. Традыцыйная культура з такой навацыяй не знаёма. Гэта трэба асэнсавать, для чаго патрэбна стварэнне адпаведнай парадэгмы. І трансмадэрнізм у гэтым не дапаможа, як не дапаможа ў вырашэнні глабальных праблем сучаснасці. Накірунак на іншабыццё не заменіць імкнення чалавецтва існаваць рэальна, бо ў яго ёсць, гаворачы словамі Ніцшэ, воля да жыцця.

У інтэлектуальным асяроддзі вызраваюць ідэі пераадолення постмадэрнісцкіх (з усімі прыстаўкамі) тэндэнцый. Як гэта не дзіка, сам Дэрыда надаў філасофіі абавязак не адрывацца ад магчымасцей быць дакладнай у сваім раскрыцці: «... Філасофія выгаварваецца і пішацца на натуральнай мове, а не на мове абсалютна фармуліруемай і універсальнай» [2, с. 96]. Генерацыя новай светапогляднай парадэгмы пачынаецца з крытычнага пераасэнсавання постмадэрнісцкага дыскурсу. Выступаючы перад універсітэцкай грамадскасцю Ю. Хабермас заявіў, што час постмадэрнісцкага рэлятывізму прайшоў [4, с. 159]. З гэтага вынікае, што павінны быць нейкія пазітыўныя светапоглядныя пазіцыі, якія абапіраюцца на ўстойлівыя духоўныя асновы. Безумоўна, у якасці такіх выступаюць каштоўнасці, што назапашаны культурай. Не адрываюцца ад традыцыі, а апора на яе – такі лейтматыў новага пошуку. На першы план выходзіць праблема каштоўнасцей як выпрацаванага чалавецтвам матэрыяльнага і духоў-

нага багацца. Адмаўленне ад іх азначае адмаўленне ад мэтазгоднасці рэальнага Быцця, усёй гісторыі роду чалавечага. А каштоўнасці – гэта перш за ўсё жыццёватрчасць культуры, выпрацаваная народамі; сукупнасць нацыянальных культур стварае багатую палітру магчымасцей, прызначаных задаволіць патрэбнасці людзей.

Аднак у сучасным свеце, што глабалізуецца, ёсць небяспека размывання аксіялагічнага патэнцыялу культуры этнасу. Таму на першы план выходзіць праблема захавання яе ідэнтычнасці. Ідэнтычнасць характарызуецца зададзенымі і незмяняемымі ўласцівасцямі этнічнай супольнасці, якія забяспечваюць яе цэласнасць. Паколькі віраване жыцця аказвае ўздзеянне, то ідэнтычнасць набывае трансфармацыйныя характарыстыкі. Набываюцца новыя якасці ўнутранага і знешняга паходжання. Гісторыя сведчыць нават пра магчымасць канструявання ідэнтычнасці. Ва ўмовах магутнага націску глабалізацыі складаюцца розныя падыходы да палітычных і культуралагічных практык адносна пытання культурна-этнічнай ідэнтычнасці. Сярод іх выдзяляецца алармісцкі (для беларусаў маючы асаблівую актуальнасць) – гэта канстатацыя пагрозы зберагання культурнага адрознення народаў і выпрацоўка комплексу мер, прызначаных забяспечыць захаванне іх культурных асаблівасцей. Пагрозу страты культурнай самабытнасці этнасаў можна разглядаць як гуманітарную катастрофу. Размова не ідзе пра нацыяналізм, а пра тое, што адмоўным бокам глабалізацыі выступае разбурэнне і утылізацыя каштоўнасцей патэнцыялаў культур народаў, якія мацуюцца менавіта сваёй ідэнтычнасцю. Лічбовая ментальнасць не заменіць паліфоніі культур, з якой складаецца багатая палітра агульначалавечых каштоўнасцей, а віртуалізаваная свядомасць не ўмацуе грамадзянскую адказнасць. Пры гэтым прымітыўнаму нацыяналізму супрацьстаіць ідэя узаемадзеяння культур, бо, як гаварыў М. Бахцін, культура заўсёды ляжыць на мяжы. «У цэлым тэндэнцыі сучаснай ідэнтычнасці новыя, неадназначныя і дзвюхсэнсавыя, дастаткова мала даследаваны ў сучаснай сацыяльнай навуцы, каб аб іх можна было скласці адназначнае і надзейнае выніковае сужэнне» [4, с. 251].

Такім чынам, нацыянальная культура, якая зберагае сваю ідэнтычнасць на ніве традыцый, багатых гістарычных напрацовак мае той аксіялагічны статус, які з'явіўся вынікам рэальнай жыццядзейнасці народа, які сваім талентам стварыў цэласную сукупнасць матэрыяльных і духоўных каштоўнасцей. Гэтая сукупнасць мае анталагічную значнасць, якая праходзіць праз усе напластаванні сучаснасці, уключаючы штучную гібрыднасць заідэалізаваных «пражэктаў», масавую культуру, рознага пашыбу субкультуры, віртуалізаваныя канструкты і іх варыянты самаабману.

Постмадэрнісцкае канструяванне ідэнтычнасці аперыруе паняццямі «разлічэнне» і «другое». Постмадэрнізм распачаў дэканструкцыю-дэмантаж матэрыяльнай і духоўнай спадчыны, што азначала Вялікае Адмаўленне. Адмаўлялася Быццё, якое не проста разбілася, становілася дысперсным, а

наогул нішчылася. «канец гісторыі», «захад Еўропы» мелі лагічны (на аснове адмаўлення ўсякай лагічнасці) вынік – Небыццё. Такая філасофія – філасофія Нішто. Культура згінула. Трансмадэрнізм сваёй ідэяй іншабыцця працягвае адмаўляць жыццёвы свет, культуру, яе традыцыі, гуманізм. Яны замяняюцца анталогізацыяй небыцця, існаваннем Іншага – лічбовага, віртуальнага. Культура замяняецца дыгiтальна-віртуальнай сімуляцыяй. У традыцыйнай культуры быў пазыў да ўяўлення іншабыцця – міф, аднак гэтак іншабыццё было працягам быцця, а не адмаўленнем яго. Калі постмадэрнізм – гэта Нішто, адмаўленне Быцця, то трансмадэрнізм ёсць адмаўленне адмаўлення, пераход да іншабыцця. Іншабыццё – гэта «попел» Быцця, што застаецца пасля яго згарання. Іншабыццё неакрэсленае. Сёння яго можа ўяўляць і як віртуалізацыю існавання асобы, і як наркатызаваную у розных варыянтах – псіхатропны калапс, і як праекты пераноса чалавечай свядомасці на чыпы, электронныя носьбіты, і як фігурацыя ў якасці кібарга і іншае.

Аднак пераход да іншабыцця супярэчыць чалавечай сутнасці, яго трыадзінасці – існаванню ў прыроднай, сацыяльнай і духоўнай прасторы, механізмам рэалізацыі якога з’яўляецца культура. Іншабыццё не магістральны шлях развіцця чалавецтва. Тады як культура – гэта не ўцёкі ад сваёй тоеснасці, а развіццё згодна свайму прызначэнню, трывалай асновай чаго з’яўляецца гістарычная спадчына, бо адмаўлення яе – гэта адмаўленне Быцця. Таму актуальным з’яўляецца няспынны зварот да каштоўнасцей нацыянальнай культуры, збераганне яе ідэнтычнасці як рэфэрэнта ўстойлівых адносінаў да свету. Нацыянальнае Адраджэнне, росквіт рознай мовы, захаванне культурных традыцый ствараюць надзейны падмурак ўстойлівага ўваходжання ў бурлівы струмень няўстойлівай сучаснасці.

Культура, уключаючы традыцыйную, у сучасным глабалізуючым свеце, пад наступам бяздумнага інавацыянізму набывае асаблівы аксіялагічны статус – яна ёсць рэальны сродак выжывання. Нацыянальная культура – набытак чалавецтва, праз разнастайнасць форм яно шукае вырашэнне праблем будучыні. Душа культуры – філасофія шукае сэнсы існавання, і гэтыя сэнсы не ў самаадмаўленні, а ў самазацвярджэнні. «Абы добра наўчыўшыся жылі мудрасці на свеце», – гаварыў вялікі Скарына.

Спіс літаратуры

1. Кутырев, В. А. Читать Деррида... Забыть Дерриду! / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 2013. – № 9. – С. 175–184.
2. Деррида, Ж. Золы угасший прах / Ж. Деррида. – СПб.: Академический проект, 2002. – 121 с.
3. Жижек, Славой. Добро пожаловать в пустыню реального / Жижек Славой. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 159 с.
4. Беспмятных, Н. Н. Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспмятных; науч. ред. проф. М. А. Можейко. – Минск: РИВШ, 2007. – 404 с.

Е. Э. Кривоносова

(Витебский государственный университет имени П. М. Машерова,
г. Витебск, Беларусь, cielena@yandex.ru)

НАЦИОНАЛИЗМ: ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ВЛИЯНИЯ

Национализм определяют как явление идеологическое, политическое и социально-психологическое, поскольку он проявляется в определенных мировоззренческих установках и принципах; методах достижения политической власти, привилегий посредством формирования политических партий националистической ориентации; стереотипах, которыми руководствуются отдельные индивиды в межнациональных отношениях.

В национализме, как справедливо указывал В. Соловьев, «народность из здоровой, положительной силы превращается в болезненное, отрицательное усилие, опасное для высших человеческих интересов и ведущее самый народ к упадку и гибели» [1].

Поскольку национализм имеет ярко выраженный негативный оттенок, практический интерес представляет выявление факторов, благоприятных предпосылок, способствующих зарождению и росту националистических настроений и течений.

Замечено, что национализм при стабильном развитии общества существует в неявной форме и переходит в активную фазу, *когда нарушена устойчивость функционирования социальной системы*, – тогда нация становится последним прибежищем, островком чего-то незыблемого. Волна мирового финансово-экономического кризиса сильнее ударила по государствам со слабой экономикой и небольшим городам. Именно на местном уровне праворадикальные националисты сумели быстро добиться представительства в органах самоуправления, а затем и в национальных парламентах. Своим успехом праворадикалы обязаны эксплуатации негативных настроений в обществе и лозунгам защиты рядового гражданина от кризисных явлений в постиндустриальном обществе, благодаря чему они обрели свой постоянный протестный электорат.

Не последнюю роль здесь играет и *фактор иммиграции*, когда Европа приобрела образ Земли Обетованной, где можно обрести материальные и социальные гарантии. В этой ситуации праворадикальные националисты, используя манипуляцию массовым сознанием, объявляют иммигрантов виновниками обострения проблем с безработицей и преступностью; направляют энергию общественного недовольства бюрократизацией государственного аппарата, его неспособностью эффективно разрешать назревшие противоречия в русле этнической неприязни. По мнению праворадикалов, достичь благоденствия можно лишь в однородном обществе, поэтому они настаивают на форсированной ассимиляции или депортации иммигрантов.

Националистическая идеология создает себе политический капитал за счет популистских, понятных обывателям *лозунгов, которые формулируются предельно просто, коротко, емко*, представляя ситуацию не объективно, но остро и максимально доступно. Всё это – при отсутствии четко сформулированной программы конкретных мер и реформ по ключевым направлениям. Националисты привлекают дополнительный электорат за счет постоянного дискредитирования оппонентов, оперирования предрассудками на уровне обыденного сознания, *апелляции к маргинальным слоям, молодежи*. Это так называемый «бунт простоты» против сложности и противоречивости социальной жизни. Националистическая риторика уводит общественное сознание от объективных причин реальных проблем. Порой во главе многих праворадикальных партий оказываются яркие политические лидеры с выдающимися актерскими и ораторскими качествами. Такая популистская тактика оказывается весьма действенной и приносит этим движениям ощутимые политические дивиденды. Мы становимся свидетелями роста популярности радикальных партий в европейских государствах: Всеукраинского объединения «Свобода», Датской народной партии, голландского Списка Пима Фортайна, греческой расистской партии «Золотая заря», британской Партии независимости Соединенного Королевства, французского Национального фронта, партии «Истинные финны», партии «Альтернатива для Германии», австрийской Партии свободы и т. п.

Рост влияния в обществе националистов неотделим от *процессов глобализации, наднациональной интеграции*, когда ставится под вопрос национальная идентичность. Стандартизация, псевдокультура, неоригинальность не создают того поля притяжения, которым обладает национальная идентичность. Другое дело, что, прикрываясь справедливыми требованиями возрождения, сохранения национальной самобытности народа, националистические движения стремятся размыть границу между патриотизмом и национализмом, национальным и националистическим, стараются обратить себе на пользу рост национального самосознания, спекулируя на национальном чувстве и способствуя объединению против «иных» по национально-культурному признаку. Они позиционируют себя как охранительную силу, локализирующую суверенитет в пределах государства и препятствующую форсированной глобализации, которая в своих негативных проявлениях неокOLONиализма и унификации несет угрозу национальной идентичности, языку, культуре, традиционным способам социальной организации.

Националистические течения заявили о себе как о значимом политическом акторе также вследствие массовой потери ориентиров, которая происходит в условиях изменения социально-политической системы, сопровождаемого, как правило, процессами *деидеологизации / либерализации*. Деидеологизация отнимает защитные иллюзии, надежду, картину мира, благодаря которым человек ощущает себя причастным к чему-то

значимому, долговечному, определяющему смысл, содержание и фундамент жизнедеятельности. Либерализм, как известно, не держится за прошлое, признает реальностью лишь индивидуалистическое начало, эгоизм интересов, скептически относясь к любой системе коллективных идеалов. Но человек боится «потеряться» в жизни, он отчаянно ищет идиллический образ будущего, который будет вселять уверенность и придавать значение жизни. Националистическая идеология – ответ на такую естественную и понятную потребность людей. Заполняя собой вакуум в идейной сфере, он предлагает искать опору в «корнях», национальной идентичности и солидарности, очаровывает «сказкой рода».

Итак, национализм можно преподнести как способ самозащиты от кризисов, усиления миграционных процессов, глобализации, деидеологизации, либерализации. Можем ли мы найти названные предпосылки в Беларуси? Моноэтничность белорусского этноса (97 % жителей – славяне) не способствует созданию соответствующей повестки дня. Миграционный прирост за 2013 год, по данным Белстата, составил 19 435 человек, что, естественно, не может рассматриваться как угрожающая цифра. Благодаря продуманной социально-экономической политике государства последствия кризиса не так остро отражаются на уровне жизни населения. Не наблюдается перспектив развития агрессивного национализма в обществе, где граждане, обладая природной спокойной рассудительностью, терпимо относятся к людям иной национальности и иного вероисповедания. Национальная политика как целенаправленная деятельность государственных структур по регулированию взаимоотношений между нациями и народностями предполагает обеспечение равенства прав и свобод граждан вне зависимости от национальной принадлежности; создание условий для свободного развития национальных культур, языков, традиций; воспитание уважения к другим народам и культурам; инициирование цивилизованных форм межнационального общения; запрещение деятельности, направленной на разжигание национальной розни, недопущение политизации этнических процессов. Беларусь вступает в противостояние с транскультурной идентичностью не обезоруженной: государство активно поддерживает проведение культурно-просветительных мероприятий и деятельность учреждений культуры. Выстраивание же идеологического фундамента общества происходит, по признанию президента, на сочетании положений социалистической, консервативной и либеральной идеологий. Таким образом, руководство страны понимает, что единственным средством поддержания целостности, единства в обществе остается создание политических, идеологических, правовых, экономических и социально-культурных гарантий на уровне государства. Именно поэтому на текущий момент в Беларуси национализму нечем «питаться», не существует ни одной достаточно весомой политической силы, группировки с националистической ориентацией.

Список литературы

1. Адзиев, Х. Г. Преодоление национализма – условие формирования гражданского общества / Х. Г. Адзиев, Н. Н. Гасанов // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 6. – С. 139–150.

Е. А. Криштапович

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, pоe_1776@mail.ru)

**ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Информационно-аналитическая работа как сложный механизм, обеспечивающий политико-управленческий процесс, остаётся феноменом современной эпохи. Сегодня качественная аналитика – это не гадание, не использование интуиции и даже не простое применение объективных знаний, а своего рода многоплановый процесс, строящийся на правилах и закономерностях, которые выявлены в современных социально-гуманитарных и экономических научных дисциплинах. Информация всех видов имеет самостоятельную ценность, служит в качестве основы для нормативных документов. Она имеет свои специфические закономерности функционирования и развития, способна к опережающему воздействию на государственную политику, выступает непосредственной причиной, определяющей выбор того или иного варианта политического развития, поведения различных социальных групп и отдельных граждан, перевода государственной системы в новое состояние [1, с. 21].

Практика показывает, что для принятия верного управленческого решения необходимо учитывать всё больше и больше факторов, использовать всё больший объём информации. Зачастую лицо принимающее решение не обладает достаточным временем для анализа, что приводит к необходимости выделять деятельность по информационному обеспечению управления в отдельное, самостоятельное направление.

Динамичное развитие информационной сферы общества приводит к необходимости постоянно совершенствовать свои знания, приводить их в соответствие с меняющейся информационной средой. В ходе проведения оптимизации государственного управления и провозглашением цели по построению информационного общества, к управленцам самого разного уровня предъявляются всё новые и новые требования. В частности, декларируется необходимость внедрения в практику управления концепции «электронного правительства». В ряде источников говорится о необходимости, не только обеспечить гражданам доступ к государственным и

местным информационным ресурсам, но и о современных технологиях, как средстве для перехода системы управления на качественно новый уровень, повышения её эффективности и транспарентности. В последнем видится не столько экономический, сколько политический подтекст, т. к. всё больше «электронное правительство» рассматривается в контексте борьбы с коррупцией [2, с. 43].

Задачи информационно-аналитической деятельности на современном этапе развития общества.

1. Изучить теоретические аспекты информационного обеспечения управления в современных условиях. Главное не владение информацией, а наличие и совершенствование навыков её использования, правильное понимание круга задач и, соответственно, выбор инструмента анализа. Гигантские объемы данных, накопленные различными информационно-аналитическими системами, только усугубляют основное противоречие последнего десятилетия в этой области: актуальным является оперативность и полнота не столько информационного поиска, сколько процесса контекстного анализа имеющейся информации с целью принятия решения.

2. Провести анализ современных тенденций в направлении формирования информационного общества и создания единого информационного пространства. Важно понимание того, на каких теоретических положениях, на каком зарубежном опыте основываются разработчики современного информационного законодательства, что является прообразом той модели информационного общества, которое формируется в Республике Беларусь. Это позволит определить на какой стадии развития мы находимся и спрогнозировать ситуацию на будущее.

3. Проанализировать основные этапы формирования в Республике Беларусь концепции «электронного правительства». Информационное общество предполагает трансформацию всех общественных институтов, в том числе и властных. Поэтапное внедрение в практику управления отдельных элементов электронного правительства, формирование «электронной демократии» с неизбежностью приводит к изменению приемов и методов информационно-аналитической деятельности, форсирует внедрение современных технологий. Происходит трансформация «функций власти» в «услуги населению».

4. Изучить теоретические подходы, методы и приёмы информационно-аналитической работы в органах власти. Этот процесс и составляет основу информационно-аналитической деятельности. В связи с этим необходимо иметь представление об её основах, методах аналитического исследования, научить планировать исследовательский процесс и использовать оптимальные методы в процессе анализа.

5. Рассмотреть процесс документирования результатов информационной деятельности, методы аналитико-синтетической переработ-

ки информации. В любой деятельности важен не столько процесс сколько результат. Результатом информационно-аналитической деятельности являются информационные продукты либо информационные услуги, которые должны в полном объеме удовлетворять информационные запросы потребителей информации. Информационные продукты являются основой для формирования баз данных, собственных, внутренних информационных ресурсов организации. От уровня документационного и информационного обеспечения управления в самой организации зависит качество исходящих документов, отчетных форм, тех информационных ресурсов, которые предназначены для внешних пользователей.

6. Изучить основные направления работы пресс-службы органа власти. Одним из традиционных, но не утративших своей актуальности, каналов распространения информации являются СМИ. Наряду с печатными СМИ всё большую популярность приобретают электронные. Создание эффективной взаимосвязи с местными масс-медиа – является одной из задач информационных служб местных органов власти. Достоверность, оперативность, доходчивость и актуальность предоставляемых во внешнюю среду материалов, свидетельствует о транспарентности и эффективности информационной политики органа власти.

7. Проанализировать основные принципы качественной оценки информационных ресурсов удалённого доступа. Изучить основные организационные и технологические аспекты создания интернет-представительства органа власти. Создание сайта должно базироваться на налаженной и эффективной системе документационного и информационного обеспечения управления, в противном случае на сайте информация будет отражаться бессистемно, не облегчит, а усложнит работу органа власти. Сайт можно сравнить с верхушкой айсберга, которая видна любому пользователю. При создании сайта необходимо помимо технических, решить ряд организационных вопросов, связанных с его сопровождением. В связи с перспективами создания электронного правительства и переходом на электронный документооборот сайт со временем может превратиться в весьма эффективный инструмент управления.

Список литературы

1. Пугачев, В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе / В. П. Пугачев // Вест. Моск. ун-та. Сер.12, Политические науки. – 1999. – № 5.
2. Гуторов, В. А. Свобода информации в современной России – миф или реальность? / В. А. Гуторов, Л. В. Давыдов // «Европейская конвенция о правах человека»: теоретические проблемы и практика реализации в современной России. – М., 2002.

Л. Е. Криштапович

*(Информационно-аналитический центр при Администрации Президента
Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, levkrishtapovich@gmail.com)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА

Удивляет беспардонное отношение западных политиков к странам СНГ. В один голос они требуют от них определиться со своим выбором, притом сделать это выбор только в сторону Европейского союза. Всякие аргументы и варианты, которые не согласуются с представлениями еврокомиссаров, даже не подлежат обсуждению и отбрасываются с порогу.

Такое беспардонное отношение высвечивает истинную природу так называемой евроинтеграции. Ее сущность состоит в увековечивании дезинтеграции постсоветского (евразийского) пространства. Надо понять, что вся эта возня вокруг европейской интеграции преследует лишь одну цель: закрепить на вечные времена дезинтеграцию постсоветского пространства. В этом и заключается экономическая и политическая несостоятельность подобной евроинтеграции, поскольку такая евроинтеграция исходит не из интересов стран СНГ, а из узкомеркантильных целей западных производственных и финансовых корпораций.

Чтобы закамуфлировать эту истинную сущность своей евроинтеграции западные политики говорят о приобщении наших народов к европейским ценностям и демократии, что, дескать, позволит всем нам жить, как в Европе. Но это сугубая политическая риторика, которая не имеет никакого отношения к реальной политической практике так называемых евроинтеграторов. Посмотрите: какие политические партии и каких политиков поддерживают США и Европейский союз в странах СНГ? Такие политические партии и таких политиков, которые ничего общего не имеют с гуманистическими, демократическими ценностями. Возьмем, к примеру, украинскую партию «Свобода». Ведь очевидно, что это партия оголтелой русофобии в самых отвратительных формах. Ведь эта партия, пропагандирующая и практикующая самую злобную ненависть к другим народам. Дайте ей только волю и эта партия установит такие ценности, которые ничем не будут отличаться от фашизма. И вот эту русофобскую, антидемократическую партию западные бюрократы зачисляют в разряд евроинтеграционной партии, которая якобы стремится к европейским ценностям. Разве это не фарисейство со стороны США и Европейского союза? Объективно руководители США и Европейского союза поддерживают лишь только антироссийские и антидемократические политические силы в странах СНГ.

Таким образом, евроинтеграция в ее нынешней ипостаси направлена на установление ксенофобских и конфронтационных режимов в странах СНГ. Приватизация народного достояния, формирование новой элиты как

некоего креативного сословия, которое якобы по своим не только умственным, но и физиологическим параметрам превосходит обыкновенных людей, восхваление конкуренции не только в экономике, но и в человеческих отношениях, апология неправомерно приобретенного богатства – все это призвано доказать правомерность политического господства избранного агрессивного меньшинства. Фактически это отрицание демократии, хотя такое отрицание соответствует принципам западной демократии.

Общеизвестно, что в конституционном праве США под демократией понимается «охрана прав меньшинства». В западных политических трактовках прямо утверждается, что «если большинство будет объединено общим интересом, права меньшинства окажутся под угрозой». Очевидно, что такое понимание демократии трудно назвать демократическим, поскольку большинство граждан должно руководствоваться не своим общим интересом, а частным интересом, интересом меньшинства. А как тогда быть с охраной прав большинства? По западной трактовке демократии выходит, что большинство не нуждается в защите своих прав? Выходит, что роль государства в таком обществе – это охранять права меньшинства, а не большинства? Но ведь такое государство будет уже являться государством меньшинства, а не большинства, т. е. государством не демократическим, а олигархическим.

Если нарисовать собирательный образ западной бюрократии и олигархии, то он будет очень похож на персонаж античной мифологии – Прокруста и его ложе. Прокруст любезно предлагал уставшим путникам отдохнуть на его ложе, но подобный отдых заканчивался трагически для тех, кто пользовался услугами этого античного «благодетеля». Именно такую же прокрустовскую политику и демократию стремятся реализовать США и Европейский союз на постсоветском пространстве. Что, кстати, прекрасно понимают все дезинтеграторы в постсоветских республиках, под какими бы названиями они не прятались, будь-то так называемая оппозиция в Беларуси, якобы правозащитники в России и всевозможные неправительственные организации на постсоветском пространстве.

Их цель, несмотря на маскировку западной политики риторикой на тему прав человека и демократии, сохранение постсоветского пространства в дезинтеграционном состоянии. Причем к самим правам человека и демократии западные бюрократы подходили сугубо избирательно. Те руководители, политические группы в постсоветских республиках, которые выступали за интеграцию постсоветского пространства, зачислялись в разряд диктаторов и нарушителей прав человека и демократии, а те режимы, которые кричали о так называемой имперской угрозе России, о своем европейском выборе, квалифицировались в качестве демократических и правовых. Поскольку Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко был последовательным сторонником интеграции постсоветского пространства и строительства Союзного государства, то, разумеется, согласно дезинтеграционной логике руковод-

ства США и ЕС, белорусский лидер был облыжно обвинен в несоблюдении прав человека и демократии в нашей республике.

При этом важно понять, что, пытаясь продвигать «демократию» на Восток, руководство Европейского союза и США четко расписали роли между старыми и новыми членами Европейского союза и НАТО. Старым членам, то есть западноевропейским странам, отведена роль учителей на тему демократии и прав человека, гуманной европейской системы ценностей, а на новых членов, то есть восточноевропейские страны (Польша, Чехия, Румыния, Прибалтийские республики), возложена грязная работа по продвижению дезинтеграционной политики Европейского союза и НАТО на Восток. Политические режимы в этих новых членах Европейского союза и НАТО выполняют сугубо дезинтеграционную функцию, играя роль провокаторов по нагнетанию напряженности и конфронтации по всему периметру восточнославянской цивилизации. Стоит только отделить политическую демагогию от политической практики и сразу станет очевидно, что никакого отношения реальная политика США и Евросоюза к демократии и правам человека не имеет.

Стоит отметить и то обстоятельство, что и в самом ЕС никто в демократию не верит. Взять, к примеру, вопрос с принятием Конституции ЕС. Как только стало ясно, что на референдумах Конституция не пройдет, то быстро свернули данную демократическую процедуру и решили ограничиться лишь парламентами. Когда греки решили вынести вопрос о решении своего суверенного долга на референдум, то в Брюсселе прикрикнули и пришлось отказаться от демократии. В США и Евросоюзе господствует не демократия, а политическое фарисейство, то есть лицемерная демократия, которая должна создать видимость демократичности политической системы западных стран. Поэтому никакого европейского гуманизма западные лидеры не признают. Они ограничиваются лишь европейским лицемерием как той формой, которую использует западная бюрократия и олигархия в разговоре со своими гражданами, чтобы закамуфлировать свою антидемократическую сущность в целях сохранения власти в своих руках.

Вот почему никакого ценностного конфликта между Востоком и Западом, а следовательно, между евразийской и европейской интеграцией не существует. Есть только конфликт между национальными интересами Беларуси и России и дезинтеграционной политикой США и Евросоюза по отношению к интеграционным проектам на постсоветском пространстве. Поэтому нет никакой необходимости в признании мифических европейских ценностей и европейского выбора для постсоветских республик. Идти по такому пути – значит идти по пути фарисейства и дезинтеграции.

Важно обратить внимание еще на один момент. Дезинтеграция постсоветского (евразийского) пространства – это не только дезинтеграция территории и экономики, но это в то же время и дезинтеграция государ-

ственности постсоветских стран. И так называемая евроинтеграция объективно будет закреплять разрушение не только экономики, но и государственности стран СНГ. Вот и выходит, что «евроинтеграторы» в постсоветских республиках, сами того не понимая, такой своей политикой разрушают свое национальное государство.

Поскольку никакой действительной евроинтеграции не существует, то, разумеется, смешно это противопоставление Востока и Запада, России и Европейского союза. Так как в реальности происходит лишь интеграция постсоветского (евразийского) пространства, то не надо уподобляться персонажам библейской истории и искать некую обетованную землю за пределами своей территории, своей цивилизации. Надо исходить не из ложных геополитических ориентаций и фальшивых идеологических концепций, а из своих национальных интересов и уметь продвигать эти интересы на международной арене. Тогда сами собой отпадут детские причитания и политические верещания о том, что «Беларусь и Украина – это Европа», что «наш путь в Европу».

Смысл евразийской интеграции в том и состоит, что она основывается на национальных интересах стран СНГ, на национальной идентичности наших народов. Интеграция евразийского пространства потому и необходима, что она является неперенным условием восстановления самой государственности стран СНГ. Вот почему Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко на саммите СНГ в Минске 25 октября 2013 г. подчеркнул, что «Беларусь не мыслит своего суверенитета и независимости без тесного сотрудничества в рамках Содружества Независимых Государств. Более того, мы не видим себя успешным государством без сотрудничества с народами, с которыми мы жили последний век как единая семья». Это же относится не только к Беларуси, но и ко всем другим странам СНГ.

Как ни покажется это парадоксальным, но евразийская интеграция отвечает и интересам Европейского союза, поскольку устраняет дезинтеграцию постсоветского пространства, что является основной причиной сегодняшней неустроенности наших народов. Дело в том, что общее европейское пространство, как евросоюзное, так и постсоветское, можно уподобить сообщающимся сосудам и дестабилизация в одной части этого пространства согласно закону о сообщающихся сосудах неизбежно перебрасывается на другую часть общеевропейского пространства. Наивно думать, что можно укрепить безопасность и благополучие в Европейском союзе, не укрепляя безопасность и благополучие в странах СНГ.

Вот почему выработка сознания общей ответственности за стабильность и безопасность нашего Европейского континента закладывает фундамент для общеевропейской интеграции, для формирования новой системы международных отношений на основе баланса национальных, региональных и мировых интересов в современном многополярном мире. В этом и заключается историческая миссия создаваемого Евразийского союза.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеева Е. В. Геостратегическая адаптация США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	3
Артюхин М. И., Малинин Г. Р. Внешняя миграция населения как фактор национальной безопасности Республики Беларусь.....	5
Астаповский В. Е. Государственное строительство в Республике Беларусь в условиях интеграционных процессов.....	8
Бабко А. І. Глобалізацыя і нацыянальна-культурная ідэнтычнасць: спроба тэарэтычнага аналізу праблемы.....	11
Байчоров А. М. Евразийская и европейская интеграция.....	14
Баранов А. В. Эволюция теорий европейской интеграции: политический аспект.....	18
Беринчик Л. В. Интеграционное пространство восточнославянского мира.....	21
Билецкая Т. В. Оценка современных конфликтов в концепциях нового миропорядка.....	24
Бобровник Л. И., Корлюкова И. А., Шнипко А. А., Кранцевич Н. М. Научно-методические основы дистанционного обучения и их роль в предоставлении возможностей равного доступа к ресурсам образования.....	27
Бобровник Л. И., Мысливец Н. Л., Корлюкова И. А., Шнипко А. А. Особенность содержания информационно-коммуникативных ресурсов в системе довузовской подготовки.....	31
Бобровник Л. И., Шнипко А. А., Кранцевич Н. М. Роль структуры и содержания информационно-коммуникационной среды в управлении качеством довузовского образования.....	35
Бобровник Л. И., Шнипко А. А., Кранцевич Н. М., Корлюкова И. А. Довузовская подготовка как фундаментальная основа перспективного развития высшего образования.....	40
Бойко С. И. Неокорпоративизм как фактор интеграционных процессов в Союзном государстве Беларуси и России.....	48
Большедворова Л. С. Интеграционные процессы в рамках Европейского союза и Беларуси.....	51
Бондарь Ю. П. Политическая наука в постсоветском обществе: опыт методологической рефлексии.....	54
Бондарь Ю. П. Эволюция политологии как учебной дисциплины: опыт и проблемы высшей школы.....	57
Борковская И. Л. Деятельность СНГ на международной арене по проблеме нераспространения ядерного оружия.....	60
Буева А. О. Пути постсоветской этнополитической трансформации: Беларусь и Украина.....	63
Буховец О. Г. О положительных последствиях кризиса Европейского союза для евразийской интеграции.....	66
Васілючак М. В. Грамадска-палітычнае жыццё на Зэльвеншчыне ў перадваенны перыяд (верасень 1939 – чэрвень 1941 гг.).....	70
Ватгьль В. И. Город Гродно в евразийском интеграционном процессе.....	74

Ватыль В. Н. Идеино-символическое пространство политики: смысловая конструкция концепта	77
Ватыль В. Н. Мультикультурализм как идейно-символический дискурс европейской интеграционной политики	82
Ватыль Н. В. Основные теоретико-методологические подходы к определению термина «интеграция» в политологии.....	86
Ватыль Н. В. Эффективность как определяющая характеристика государственного идеала И. А. Ильина.....	89
Венидиктов С. В. Три «Евразии» современных интеграционных проектов.....	91
Веремеев Н. Ю. Современный федерализм и проблема сепаратизма в Европейском союзе.....	95
Веруш А. И. Антинаркотическая политика Республики Беларусь в контексте интеграционных процессов.....	98
Вечер Л. С., Соловей Т. Г. Резерв руководящих кадров как основа кадровой безопасности Республики Беларусь.....	100
Возьмитель А. А., Яковлева М. Н. Современные интеграционные процессы в России и Беларуси: проблемы и перспективы.....	104
Воронович И. Н. Европейская культурная интеграция: проблемы и перспективы.....	107
Габрусевич А. С. Философия и религия как духовно-ценностные формы утверждения устойчивости и ценности социума (на примере анализа работ Б. Н. Чичерина).....	111
Гиль К. В. Молодежное волонтерское движение: особенности студенческого модуса (сравнительный анализ).....	114
Гончаров Н. Н. Геополитическая роль и значение приграничного региона.....	117
Городецкий А. А. Символическая власть в информационном обществе.....	121
Городниченко А. Н. Стратегия безопасности Республики Беларусь в военной сфере.....	125
Горохов А. А. Евразийские интеграционные сценарии в XXI веке.....	128
Грибов Г. М., Плева А., Ракицкая В. Г. Социальная справедливость глазами студентов: компаративный анализ.....	133
Гринберг Р. С. Глобальные интеграционные императивы и шансы Евразийского союза.....	136
Громько А. А. О насущном.....	140
Гуринович С. В. Архитектурная среда в культуре глобального мира: синергетический подход.....	143
Давкшис М. М. Деривационные процессы в лексике современного английского языка и их влияние на языковую картину мира.....	146
Дашкевич В. О. Национально-государственные интересы в структуре белорусской модели развития	150
Дедюлина М. А. Проблема этнической идентичности в социуме.....	153
Довыденко Л. В. Культурная интеграция: проблемы сознания и мировоззрения.....	156
Давыденко-Кучинская С. С., Лапицкая Н. П. Государственная экологическая политика Республики Беларусь в области вторичных сырьевых ресурсов.....	159

Дарашэвіч Э. К. Фальклор у тэзаўрусе культуры.....	165
Достанко Е. А. Участие Беларуси в евразийских интеграционных процессах.....	167
Дудкин Т. А. Мятежевойна в контексте теории управляемого хаоса и управление конфликтами низкой интенсивности.....	170
Евменов Л. Ф. Геостратегические вызовы и угрозы глобализирующегося мира: методологические ориентиры становления новой политико-правовой концепции Организации Объединенных Наций «Ответственность за защиту».....	174
Елфимов В. А. Задачи информационно-идеологической работы в условиях прагматизма.....	182
Жук Г. В. Энергетическая безопасность Республики Беларусь в контексте современных глобальных угроз.....	185
Жукова С. П. Принцип ответственности как аксиологически-методологический ориентир современных социально-гуманитарных исследований.....	188
Зайцев Д. В. Геополитическое положение стран «народной демократии» Центральной и Юго-Восточной Европы.....	191
Захаров А. М., Кравченко А. М. Африканский вектор во внешней политике Республики Беларусь в контексте современных интеграционных процессов: потенциал развития.....	195
Зверева А. И. Терминологические фразеологизмы как показатель национально-культурной идентичности англоязычного мира.....	198
Зеленько Г. И. Политический курс в Украине: предпосылки и содержание.....	201
Зенченко В. А., Симановский С. И. Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве.....	203
Иванов А. А. Гражданская нация – белорусский проект национального строительства.....	206
Игнатювич П. Г. Актуализация проблемы идентичности в условиях глобализации.....	209
Ильин М. В., Ильина Е. М. Геополитические и идеологические аспекты реализации евразийского интеграционного проекта.....	212
Интымакова Л. Г., Дудникова Е. Е. Проблема понимания как индивидуально субъективизированного феномена.....	216
Исаев Б. А. Развитие и распространение демократии как глобальная тенденция современного мира.....	219
Кавецкий С. Т. Некоторые особенности аномии в социально-политических процессах.....	222
Калацэй В. В. Дзейнасць па ахове традыцыйнай культуры ў вышэйшай школе Беларусі як гарантыя сучасных інтэграцыйных працэсаў у краіне пры захаванні нацыянальна-культурнай ідэнтычнасці.....	226
Калита В. Н. Украина: выбор «вектора интеграции» и роль внешних акторов.....	230
Калюта В. В. Некаторыя асаблівасці нацыянальна-палітычнага руху на тэрыторыі Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст.	233

Капкович О. Ю. Основы формирования политического Интернета в Беларуси	236
Карабицкий Д. В. Анализ концепции «Столкновение цивилизаций» на рубеже тысячелетий.....	239
Каражанова Ж. К. Казахстан – Беларусь: от двухсторонних отношений к евразийскому партнерству.....	242
Карипов Б. Н. Сфера идеологического дискурсивного процесса: политические изменения.....	245
Карпинский В. В., Комарова Т. К. Деструктивность техногенной цивилизации: антропологическое измерение.....	249
Касперович Г. И. Глобализация как синергетический мегатренд современности.....	253
Кирвель Ч. С. «Экспорт нестабильности» – зловещая примета нашего времени.....	257
Кирицкий О. В. Философо-методический тупик осмысления политической интеграции Украины	263
Клинова Е. В. Хорошее местное управление.....	266
Княтько Ю. И. Современный интеграционный процесс: факторы трансформации культуры.....	269
Козиков И. А. Российские ученые о единстве славян.....	273
Козлов М. В. Ценностные основы методологии современной политической науки.....	276
Козлова М. М. Региональные особенности интеграции в белорусско-российском пограничье	280
Коктыш М. Г., Коктыш Г. И. Глобализация современного мира и национальные интересы Республики Беларусь.....	283
Коломыйцев Е. С. Методологические аспекты анализа политической внутригосударственной интеграции.....	286
Комлік-Ямаціна А. А. Сімволіка грашовых знакаў Беларусі.....	290
Королевич А. Н., Никоненко Н. А., Артюхин М. И. Состояние экспорта услуг в сфере послевузовского образования в Республике Беларусь.....	293
Короткевич Ж. А., Пузевич Т. В. Качество языкового образования в контексте культуры глобального мира.....	297
Косик Ю. А. Интеграция субъекта культуры в пространство Интернет.....	300
Котляр И. И. От одного мира к многополярному.....	303
Котляров И. В. Лидерство: понятие, парадигма, социологические тренды.....	306
Красюк У. Ф. Феномен трансмадэрнізму і аксіялагічны статус нацыянальнай культуры.....	310
Кривоносова Е. Э. Национализм: факторы возникновения и влияния.....	314
Криштапович Е. А. Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления.....	317
Криштапович Л. Е. Историческая миссия Евразийского союза.....	320

Научное издание

СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
И РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ КОНТЕКСТ.
БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

Материалы VI международной научно-практической конференции

(Гродно, 15 – 16 мая 2014 г.)

В 2 частях

Часть 1

Издается в авторской редакции

Ответственные за выпуск: *М. И. Гецевич, И. В. Сивакова*

Компьютерная вёрстка: *М. И. Верстак*

Дизайн обложки: *О. В. Канчуга*

Подписано в печать 21.04.2014. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 19,07. Уч.-изд. л. 22,6. Тираж 120 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».

ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.

ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.

Переулок Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-749-7

